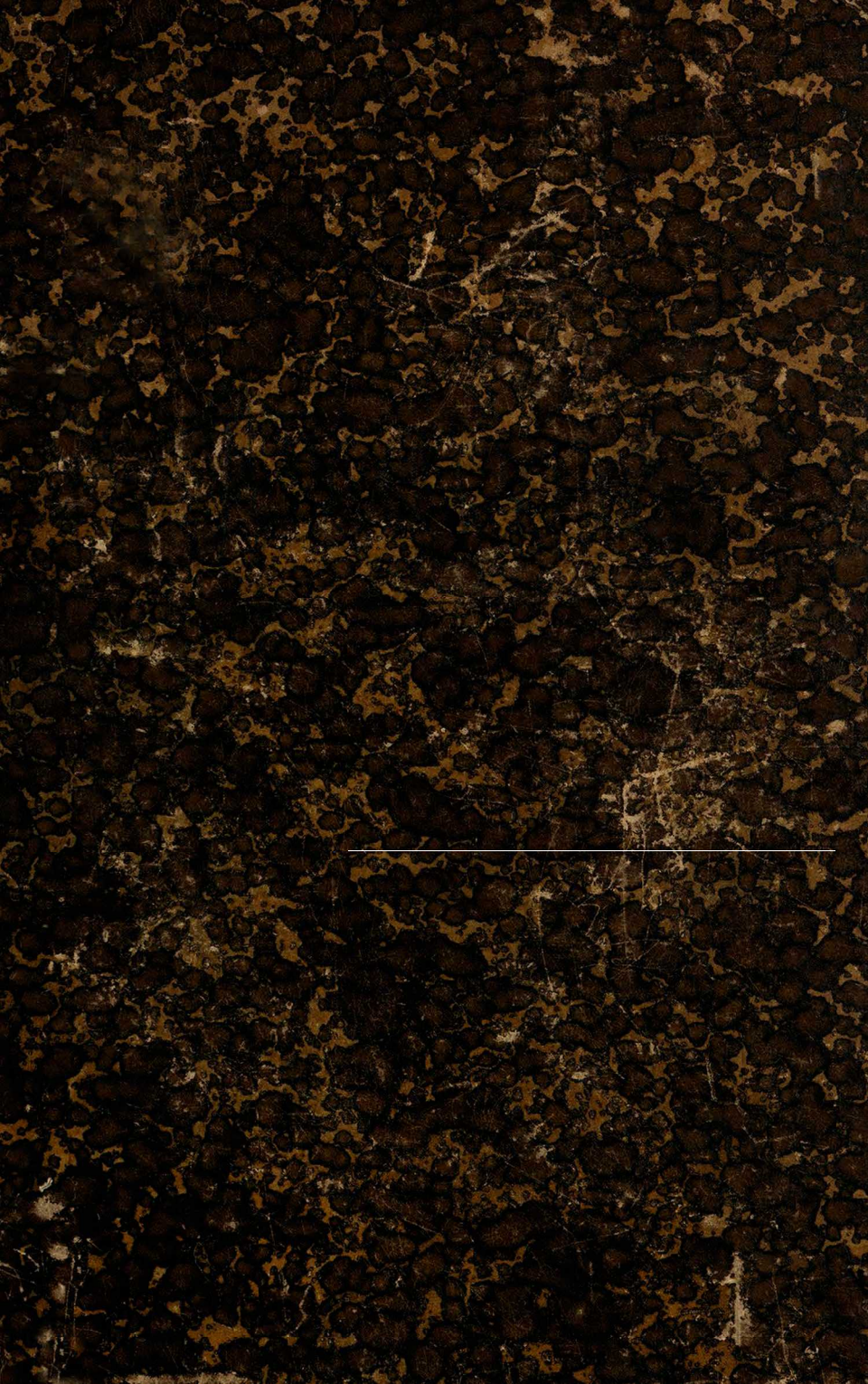

Р 104/113
П. 1373
Ф6

Н. ТРОЦКІЙ.

НАША РЕВОЛЮЦІЯ.

Библиотека

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Н. ГЛАГОЛЕВА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., 92.

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
8874-89

Тип. «Сѣверъ», С.-Пб., Садовая, 60.

2015188312

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . V.
«Весна» 1
До 9-го января 17
I. Война и либеральная оппозиція 17
II. Чего требуютъ земцы? 24
1. Избирательное право 24
2. Въ чьихъ рукахъ верховная власть? 27
3. За кѣмъ учредительная власть? 29
III. Демократія 33
1. Что дѣлала интеллигенція? 33
2. Демократія и революція 38
3. Демократія, земцы, народъ 42
4. Буржуазная интеллигенція и соціалистическій пролетаріатъ 47
IV. Пролетаріатъ и революція 54
Послѣ Петербургскихъ событій 63
Капиталъ въ оппозиціи 74
1. Капиталъ и либеральная программа 74
2. «Внутренній рынокъ» требуетъ парламентаризма 76
3. Рабочіе толкаютъ капиталистовъ на путь оппозиціи . . 81
4. Либерализмъ и свобода капиталистической эксплуатаціи. 88
5. Демократическая интеллигенція и капиталистическій либерализмъ 90
6. Нѣкоторые выводы 92
Конституція «освобожденцевъ» 75
1. Абсолютизмъ сохраняется, какъ принципъ 97
2. Организація представительства 98
3. Основныя права гражданъ 101
4. Гарантіи конституціи и народныхъ правъ 104
5. Организованный государственный переворотъ 107
Какъ дѣлали Государственную Думу? 110
1. Почему ее дѣлали? 110
2. Историческая философія дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ 112
3. Славянофильство Тюрго 116
4. Основы представительства.—Сословность 118
5. Основы представительства.—Имущественный цензъ . . . 121
6. Представительство крестьянъ 123
7. Представительство построено на ощупь 125
8. Совѣтъ Министровъ натыкается на пролетаріатъ . . . 126
9. Вопросъ объ евреяхъ 129
10. «Общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ» . . . 130
11. Слишкомъ поздно! 133

Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову . . . 136
Post-scriptum 144
Стачка въ октябрѣ 149
Статьи изъ газеты «Начало» 165
I. Или-или 165
II. Соціалдемократія и революція 168
III. Нужно строить партію 173
Господинъ Петръ Струве въ политикѣ 171
Вступленіе 177
I. На разъ избранномъ пути 179
II. Революція предъ судомъ «Полярной Звѣзды» 188
1. «Бунты» или революція? 188
2. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ 194
3. Возстаніе въ Москвѣ 200
III. «Полярная Звѣзда» предъ судомъ революціи 206
IV. Интеллигенція и революція 216
Итоги и перспективы 224
1. Особенности историческаго развитія 224
2. Городъ и капиталъ 231
3. 1789—1848—1905. 239
4. Революція и пролетаріатъ 244
5. Пролетаріатъ у власти и крестьянство 249
6. Пролетарскій режимъ 254
7. Предпосылки соціализма 259
8. Рабочее правительство въ Россіи и соціализмъ 273
9. Европа и революція 279

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьи этой книги писались въ разные моменты двухъ послѣднихъ лѣтъ и по разнымъ поводамъ. Что ихъ объединяетъ, такъ это единство революціонной эпохи и политической точки зрѣнія. Именно это даетъ имъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторое право появиться въ видѣ книги.

„Весна", первая статья сборника, пытается возстановить основные моменты эпохи Святополка - Мирскаго, которую можно было бы назвать дѣтствомъ, еслибъ не слѣдовало назвать ребячествомъ русской оппозиціи. Сталъ ли либерализмъ съ того времени умнѣе? Мы затрудняемся отвѣтомъ; во всякомъ случаѣ, онъ сталъ старше.

„До 9-го января" представляетъ собою перепечатку брошюры, изданной около 2 лѣтъ тому назадъ въ Женевѣ. Первая часть брошюры даетъ анализъ программы и тактики оппозиціонныхъ земцевъ и демократической интеллигенціи; многое изъ того, что здѣсь сказано, звучитъ теперь труизмомъ. Но по существу наша критика кадетской Думы покоится на тѣхъ же началахъ, что и критика перваго земскаго совѣщанія въ Москвѣ. Намъ приходится повторять свои обличенія съ тѣмъ же упорствомъ, съ какимъ либерализмъ повторяетъ свои ошибки. Если наша критика не убѣждаетъ и не исправляетъ либераловъ, то она научаетъ кого-то третьяго не вѣрить имъ.

„Обострившееся недовольство, не находящее выхода,— писали мы по поводу земскаго съѣзда и ноябрьскихъ банкетовъ 1904 г.,—обезкураженное неизбѣжнымъ неуспѣхомъ легальной земской кампаніи, опирающейся на безплотное „общественное мнѣніе", безъ традицій революціонной борьбы въ прошломъ, безъ ясныхъ перспективъ въ будущемъ,—это общественное недовольство можетъ вылиться въ отчаянный пароксизмъ террора, при полной сочувственнаго безсилія пассивности демократической интеллигенціи, при двусмысленной поддержкѣ задыхающихся отъ платоническаго энтузіазма либераловъ" (стр. 56). Выходъ изъ этого положенія, утверждали мы, можетъ создать только революціонный пролетаріатъ.

Mutatis mutandis этотъ анализъ и этотъ прогнозъ приходится повторить по отношенію къ настоящему моменту...

Заключительная часть названной брошюры останавливается на задачахъ, выдвинутыхъ январскими событіями въ Петербургѣ. Читатель самъ увидитъ, что изъ сказаннаго нами по этому поводу устарѣло. Мы же хотимъ здѣсь мимоходомъ сказать лишь нѣсколько словъ объ одной изъ самыхъ странныхъ историческихъ фигуръ, о Георгіи Гапонѣ, такъ неожиданно поднявшемся на гребнѣ январскихъ событій.

Либеральное общество долго вѣрило, что въ личности Гапона скрывалась вся тайна 9-го января. Его противопоставляли соціалдемократіи, какъ политическаго вождя, который знаетъ секретъ обладанія массой. Новое выступленіе пролетаріата связывали съ личностью Гапона. Мы не раздѣляли этихъ ожиданій. „Второму Гапону нѣтъ мѣста, писали мы, ибо то, что теперь нужно, это не иллюзіи, а ясное революціонное сознаніе, отчетливый планъ дѣйствій, гибкая революціонная организація". (Стр. 72). Такой организаціей явился впослѣдствіи Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Но если мы отводили политической роли Гапона совершенно подчиненное мѣсто, то мы, несомнѣнно, переоцѣнивали его личность. Въ ореолѣ пастырскаго гнѣва съ пасторскими проклятіями на устахъ онъ представлялся изъ-дали фигурой почти библейскаго стиля. Казалось, могучія революціонныя страсти проснулись въ груди молодого священника петербургской пересыльной тюрьмы. И что же? Когда догорѣли огни, Гапонъ предсталъ предъ всѣми полнымъ политическимъ и нравственнымъ ничтожествомъ.

Его позированье предъ соціалистической Европой, его безпощадно „революціонныя" писанія изъ-за границы, наивныя и грубыя, его пріѣздъ въ Россію, конспиративныя сношенія съ правительствомъ, сребренники гр. Витте, претенціозныя и нелѣпыя бесѣды съ сотрудниками консервативныхъ газетъ, шумливость и хвастливость—все это окончательно убило представленіе о Гапонѣ 9-го января. Намъ невольно вспоминаются проницательныя слова т. Виктора Адлера, вождя австрійской соціалдемократіи, который послѣ полученія первой телеграммы о прибытіи Гапона за-границу сказалъ: „Жаль... Для его исторической памяти было бы лучше, если-бы онъ такъ же таинственно исчезъ, какъ появился. Осталось бы красивое романтическое преданіе о священникѣ, который открылъ шлюзы русской революціи... Есть люди, прибавилъ онъ съ той тонкой ироніей, которая такъ характерна для этого замѣчательнаго человѣка, — есть люди, которыхъ лучше имѣть мученниками, чѣмъ товарищами по партіи..."

Статья „Капиталъ въ оппозиціи“ останавливается на либеральномъ перерожденіи торгово-промышленной буржуазіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ январскихъ стачекъ пролетаріата.

Оппозиціонный періодъ въ политической эволюціи крупной буржуазіи длился, однако, крайне недолго: въ сущности съ января по октябрь 1905 г. Октябрьская стачка стоитъ межъ двухъ эпохъ въ политическомъ самоопредѣленіи капитала.

Послѣ изданія „конституціоннаго“ манифеста совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, которую намъ часто приходилось цитировать въ названной статьѣ, обратилась къ графу Витте съ докладной запиской, представляющей собою своего рода лебединую пѣснь капиталистическаго либерализма.

„Обозрѣвая минувшій революціонный періодъ, говоритъ записка, совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ съ особеннымъ удовольствіемъ должна констатировать фактъ, что со стороны борцовъ за свободу и счастье русскаго народа проявленіе насилій было крайне ограничено, и что масса народа дѣйствовала съ соблюденіемъ неслыханной дисциплины... Совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ, читаемъ мы далѣе, далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права въ теоріи... Однако, рабочее движеніе показало совѣщательной конторѣ желѣзозаводчиковъ, что рабочій классъ, проявившій съ такой силой свое политическое сознаніе и свою партійную дисциплину, долженъ принять участіе въ народномъ самоуправленіи...“

Дисциплина рабочихъ массъ и ихъ энергія въ борьбѣ „за свободу и счастье русскаго народа“ чрезвычайно возросли въ теченіе октября и ноября; вмѣстѣ съ тѣмъ возросло давленіе пролетаріата на капиталъ. Созданіе рабочихъ Совѣтовъ, ихъ властное вмѣшательство въ столкновенія рабочихъ съ предпринимателями, ноябрьская стачка, борьба за восьмичасовой рабочій день—все это выбило у организованнаго капитала либеральную „дурь“ изъ головы и заставило его искать союза со старой властью во что бы то ни стало. Изъ оппозиціи капиталъ перешелъ въ контръ-революцію. Причины политическаго ничтожества русской торгово-промышленной буржуазіи разсмотрѣны въ заключительной статьѣ сборника „Итоги и перспективы“. Такъ какъ передъ читателемъ—не послѣдовательная исторія политическаго развитія за послѣдніе два года, но лишь сборникъ статей, вызванныхъ отдѣльными событіями и вопросами революціи, то въ книгѣ естественно встрѣчаются большіе пробѣлы и—что можетъ быть еще болѣе досадно—значительныя повторенія... Почти совершенно внѣ поля нашего

зрѣнія остались мобилизація контръ-революціи, крестьянство и аграрный вопросъ, политика правительства. Изъ области этой послѣдней сборникъ, не считая „Весны“, заключаетъ въ себѣ лишь одну статью, посвященную работамъ Совѣта министровъ по созданію „Положенія“ 6 августа („Какъ дѣлали Государственную Думу“).

Написанное въ августѣ прошлаго года „Письмо“ къ пр. Милюкову рѣшительно высказывается за бойкотъ булыгинской Думы. Правильно ли поставленъ вопросъ въ этомъ „Письмѣ“? Мы и сейчасъ думаемъ, что правильно. Но отвѣтъ, который мы давали, никоимъ образомъ не имѣлъ общаго характера — т.-е. не могъ быть непосредственно примѣненъ ко всякому представительному собранію, не полновластному или не основанному на всеобщемъ избирательномъ правѣ. Только безнадежный политическій формализмъ могъ бы подсказать такое рѣшеніе. Оставаясь на точкѣ зрѣнія „Письма“ къ г. Милюкову, мы полагаемъ, что революціонныя партіи не должны были бойкотировать выборы на началахъ системы 11 декабря. Что же отличаетъ въ нашихъ глазахъ Думу Витте отъ Думы Булыгина? Избирательное право, которое получилъ значительный слой пролетаріата. Передъ этимъ фактомъ отступаетъ на задній планъ вопросъ о размѣрѣ правъ или о степени безправія народнаго представительства.

Конечно, для народа вовсе не безразлично, насколько властенъ парламентъ, явившійся въ итогѣ революціоннаго соразмѣренія соціальныхъ силъ. Но когда революція идетъ еще въ гору, когда она еще не раскрыла всей своей энергіи, тогда народное представительство можетъ получить значеніе, совершенно независимое отъ предопредѣленныхъ ему правъ, смотря по тому, въ какіе классы оно вноситъ организацію и на какія силы можетъ опереться въ предстоящей борьбѣ со старой властью. Мы здѣсь снова и снова сталкиваемся съ вопросомъ силы и права, — и для того, чтобы не ссылаться на Лассаля, мы приведемъ любопытное свидѣтельство Радищева. „Можетъ ли существовать право, говоритъ онъ, размышляя надъ судьбой древняго Новгорода, когда, нѣтъ силы на приведеніе его въ дѣйствительность... Примѣры всѣхъ временъ свидѣтельствуютъ, что право безъ силы было всегда въ исполненіи почитаемо, пустымъ словомъ“. Но сила безъ права все же остается силой. Бойкотировать выборы въ національное собраніе только потому, что ему заранѣе отказано во власти, значило бы, подобно либерализму, ставить право выше силы. Учрежденіе можетъ быть архаическимъ, безправнымъ, какимъ угодно; но если его беретъ

въ руки революціонная сила, оно можетъ превратиться въ могучій рычагъ для завоеванія права.

Наша революція даетъ нѣсколько очень выразительныхъ примѣровъ того, насколько различны результаты примѣненія однихъ и тѣхъ же методовъ, смотря по тому, какая общественная группа пользуется ими. Рабочіе ходили къ Зимнему Дворцу (9 января), земцы—въ Петергофъ (6 іюня). Методъ одинъ и тотъ же, но какъ различенъ результатъ! Представители либеральной оппозиціи не разъ входили въ правительственныя комиссіи, напр., въ комиссію Кобеко; въ февралѣ прошлаго года рабочіе послали своихъ представителей въ комиссію Шидловскаго; учрежденія сходны, но какъ не сходны результаты! Тоже самое и съ Государственной Думой.

Булыгинская избирательная система совершенно исключала рабочихъ; лозунгъ бойкота для нихъ не имѣлъ практическаго значенія; это былъ просто крикъ протеста противъ системы, которая осмѣливалась игнорировать пролетаріатъ. Что касается крестьянства, то рабочіе такъ же мало могли въ то время удержать его отъ участія въ выборахъ, какъ и оказать на него вліяніе во время избирательной кампаніи. О землевладѣльцахъ и домовладѣльцахъ нечего и говорить. Остается небольшая группа болѣе обезпеченной демократической интеллигенціи, которая, въ качествѣ квартиронанимателей, пользовалась кое-какими избирательными правами. О самостоятельномъ представительствѣ она не могла и думать. Булыгинскій цензъ въ томъ историческомъ положеніи, въ какомъ онъ ее застигъ, ставилъ ее предъ диллемой: либо поддержать своими немногочисленными голосами земскую оппозицію, либо оставаться на улицѣ вмѣстѣ съ пролетаріатомъ. Въ „Союзѣ Союзовъ“, объединявшемъ эти элементы демократіи, происходила борьба между либеральными оппортунистами, вродѣ пр. Милюкова, которые стремились, какъ стремятся теперь, превратить демократическую интеллигенцію въ охвостье цензоваго либерализма, и между радикалами, которые настаивали — правда, довольно безпредметно — на революціонной тактикѣ. Своимъ лозунгомъ бойкота рабочіе поддерживали радикаловъ противъ либеральныхъ оппортунистовъ и, такимъ образомъ, толкали впередъ политическую дифференціацію. Такъ или иначе — тактика бойкота булыгинской Думы оказалась исторически оправданной.

Мы считаемъ далѣе, что даже и то ограниченное участіе, какое Партія приняла въ выборахъ и въ работѣ разогнанной Думы, имѣло несомнѣнное положительное значеніе. Еслибъ

правительство увидѣло себя вынужденнымъ назначить новые выборы по той же системѣ, соціалдемократія, несомнѣнно, должна была бы со всей энергіей принять въ нихъ участіе. Выборы создаютъ организацію массъ, а разъ созданная организація годна не только для выборовъ.

Но будутъ ли или не будутъ правительствомъ назначены новые выборы, и, если будутъ, то когда и на какихъ началахъ, объ этомъ пусть гадаетъ либерализмъ. Газеты конституціонно-демократической партіи настойчиво доказываютъ, что одна статья „основныхъ законовъ“ требуетъ назначенія новыхъ выборовъ, а другая — не позволяетъ правительству мѣнять избирательное право. Всѣ эти соображенія совершенно безукоризненны сами по себѣ и очень убѣдительны для кадетовъ, — но какое значеніе могутъ они имѣть предъ лицомъ сѣдлецкой конституціонности министерства висѣлицъ?

Если либеральная партія не хотѣла за конституціонными формами видѣть неизбѣжнаго конфликта силъ; если часть „крайнихъ“ недооцѣнила возможнаго революціоннаго значенія конституціонныхъ или лже-конституціонныхъ формъ, то 9-го іюля абсолютизмъ во всякомъ случаѣ сорвалъ съ революціи ея парламентарное облаченіе. Если будетъ созвана новая Государственная Дума, то не ради правомѣрной конституціонной преемственности, но лишь въ силу реальной комбинаціи, созданной давленіемъ фактовъ и отношеній. Если тѣмъ не менѣе, либерализмъ держится за основные законы 20 февраля, такъ это, прежде всего, потому, что онъ и теперь, какъ прежде, хочетъ скрыть отъ себя коренныя задачи борьбы. У соціалдемократіи нѣтъ никакихъ основаній потакать въ этомъ отношеніи либерализму. Его лозунгу Государственной Думы она должна противопоставить свой лозунгъ Учредительнаго Собранія. Въ распоряженіи соціалдемократіи нѣтъ никакихъ особыхъ экономныхъ методовъ или малокалиберныхъ средствъ борьбы, которыя могли бы дать Государственную Думу и оказались бы недостаточными для завоеванія Учредительнаго Собранія. Нашъ методъ одинъ: революціонная организація массъ. Если въ процессѣ борьбы абсолютизмъ окажется вынужденнымъ созвать Думу, мы вступимъ въ нее; если абсолютизмъ сумѣетъ не созывать Думы, то и революція сумѣетъ безъ нея обойтись. Мы себѣ не связываемъ рукъ... Какъ безнадежны, въ самомъ дѣлѣ, были бы шансы народа въ борьбѣ за свободу, еслибъ они зависѣли отъ доброй воли министерства висѣлицъ!

Статья о господинѣ Петрѣ Струве подвергаетъ разбору главнѣйшія возраженія и обвиненія, которыя дѣлались либе-

ральными политиками противъ революціонной тактики вообще и тактики соціалдемократіи въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ въ частности. Потому ли, что наши соображенія показались либеральнымъ публицистамъ наглядно несостоятельными или по инымъ причинамъ, но только брошюра оСтруве не встрѣтила, насколько намъ извѣстно, ни одного слова либеральной критики. Это могло бы насъ, разумѣется, совершенно обезкуражить, еслибъ наиболѣе объективная изъ всѣхъ критикъ, критика событій, не высказалась всецѣло за насъ.

Г. Петръ Струве именемъ своей партіи увѣрялъ насъ, что стоитъ только собраться Думѣ, — и она „сниметъ бюрократію съ легкостью, которая всѣхъ поразитъ".

Мы отвѣчали ему, что стоитъ возникнуть серьезному конфликту между правительствомъ и Думой,—и бюрократія сниметъ Думу съ легкостью, которая насъ совершенно не поразитъ.

Г. Струве вмѣстѣ со своей партіей училъ насъ, что отнынѣ задача сводится къ тому, чтобы локализировать революцію въ четырехъ стѣнахъ Думы.

Мы отвѣчали ему, что единственное спасеніе Думы въ томъ, чтобы революція разлилась по всему лицу страны.

Теперь, послѣ всего того, что произошло, неловко настаивать на политической близорукости либерализма. Вожди кадетской Партіи, подписавшіеся подъ выборгскимъ воззваніемъ, тѣмъ самымъ, казалось, признали всю иллюзорность методовъ мнимаго конституціонализма; обращаясь къ націи съ призывомъ, который, въ случаѣ успѣха, долженъ былъ вызвать всенародную революцію, они тѣмъ самымъ, казалось, отказывались отъ дѣтскихъ надеждъ превратить борьбу народа съ реакціей въ перепалку депутатовъ съ министрами. Но это только казалось. Лидеры кадетской партіи съ г. Милюковымъ во главѣ бьютъ теперь отбой. Они доказываютъ, что выборгскій актъ вовсе не былъ актомъ революціоннымъ; что онъ имѣлъ въ виду лишь пассивное сопротивленіе, мирное конституціонное упорство плательщиковъ налоговъ—по англійскому образцу; что недостатокъ выдержки и политической культуры въ населеніи не привелъ это конституціонное предпріятіе къ успѣху.

Трудно сказать, чего здѣсь больше: слѣпоты или лицемѣрія.

Пассивное сопротивленіе „по англійскому образцу" предполагаетъ, что въ странѣ уже существуетъ парламентарный режимъ; что суды независимы и стоятъ на стражѣ интересовъ народа; что заговоръ монархіи не можетъ опереться на достаточную силу штыковъ. Но въ странѣ, гдѣ, съ одной

стороны, стоитъ революціонная нація, съ другой—вооруженный деспотизмъ, массовый отказъ отъ уплаты налоговъ можетъ повести лишь къ рѣшительному столкновенію обѣихъ сторонъ.

Въ 1862 г. Лассаль съ замѣчательной ясностью доказывалъ это прусскимъ либераламъ въ своемъ рефератѣ „Was nun“? Это произведеніе вмѣстѣ съ другой замѣчательной работой Лассаля „О сущности конституціи“ имѣется въ нѣсколькихъ русскихъ изданіяхъ. Мы настоятельно рекомендуемъ эту брошюру всѣмъ членамъ Центральнаго Комитета партіи „народной свободы“, которымъ не удалось организовать законное сопротивленіе „по англійскому образцу“.

Здѣсь же мы позволимъ себѣ привести изъ другой, болѣе ранней рѣчи Лассаля политическую и психологическую характеристику тактики „пассивнаго сопротивленія“.

„Пассивное сопротивленіе, господа,—говорилъ Лассаль по поводу призыва разогнаннаго прусскаго національнаго собранія—въ этомъ мы должны согласиться съ нашими врагами, пассивное сопротивленіе было, во всякомъ случаѣ, преступленіемъ. Одно изъ двухъ! Либо корона, совершая свои дѣянія, была въ своемъ правѣ—и тогда національное собраніе, противоставшее законнымъ правамъ короны и бросившее въ страну сѣмя раздора, было, во всякомъ случаѣ, шайкой бунтовщиковъ и крамольниковъ; либо же дѣянія короны были беззаконнымъ насиліемъ — тогда народную свободу слѣдовало защищать активно, кровью и жизнью, тогда національное собраніе должно было громко призвать страну къ оружію! Тогда, значитъ, это удивительное изобрѣтеніе пассивнаго сопротивленія было со стороны собранія трусливой измѣной народу, измѣной долгу охранять народныя права.

„Если и я, на что сегодня неоднократно обращалось ваше вниманіе, во всѣхъ своихъ рѣчахъ призывалъ дожидаться призыва національнаго собранія и браться за оружіе только по этому призыву, то это происходило не изъ юридическаго соображенія, будто только изъ призыва національнаго собранія почерпнемъ мы надлежащее право. Право стояло на нашей сторонѣ — съ поддержкой и безъ поддержки національнаго собранія. Мной руководило тогда практическое соображеніе. Борьба могла имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы страна поднялась во всѣхъ пунктахъ; а такого единодушія, такой единовременности возстанія можно было ожидать лишь въ томъ случаѣ, если бы призывъ ко всей странѣ исходилъ отъ національнаго собранія.

„Пассивное сопротивленіе, національнаго собранія, я повторяю это, было предательствомъ, и въ то же время оно

было однимъ изъ самыхъ абсурдныхъ изобрѣтеній, которыя когда либо видѣлъ свѣтъ; оно обезпечиваетъ за своими изобрѣтателями на вѣчныя времена наслѣдіе неумолчнаго смѣха, который исторія свяжетъ съ ихъ именами.

„Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, презрительнымъ хохотомъ заклеймили бы великій народъ и вычеркнули бы его изъ списка народовъ, если бъ онъ, подвергшись нападенію чужеземнаго завоевателя, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать хотя бы только попытку защитить свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, нашелъ бы удовлетвореніе въ томъ, чтобы противопоставить завоевателю голую юридическую фразу, торжественный протестъ, пассивное сопротивленіе?

„Но трижды ненавистнѣе, чѣмъ внѣшній врагъ, врагъ внутренній, который топчетъ свободу страны, трижды большаго проклятія, чѣмъ чужеземный государь, заслуживаетъ собственный государь, который возстаетъ противъ законовъ собственной страны. И трижды сильнѣе для народа позоръ стать добычей одного человѣка, чѣмъ поддаться чужой великой націи!

„Отдѣльное лицо, господа, когда надъ нимъ производитъ насиліе государство, масса — я, напримѣръ, если бъ я былъ осужденъ вами—можетъ съ честью оказать пассивное сопротивленіе; я могу завернуться въ свое право и протестовать, такъ какъ у меня нѣтъ силы реализовать мое право. Но подобно тому, какъ понятіе бога не мыслится безъ опредѣленія всемогущества, такъ и въ понятіи великаго народа скрывается мысль, что его сила должна соотвѣтствовать его праву, что онъ долженъ обладать достаточнымъ могуществомъ для дѣйствительной защиты того, что онъ считаетъ своимъ правомъ.

„Отдѣльное лицо, выброшенное десяткомъ другихъ за дверь, можетъ протестовать и оправдываться своей слабостью, если оно не сопротивлялось. Но я васъ попрошу представить себѣ печальное зрѣлище великаго народа, который оправдываетъ своей слабостью то, что онъ не попытался защищать свое право!

„Народъ можетъ быть одоленъ силой, какъ Польша,— но Польша сдалась не раньше, чѣмъ поле битвы напиталось кровью ея благороднѣйшихъ сыновъ, не раньше, чѣмъ была истощена ея послѣдняя сила; она боролась до тѣхъ поръ, пока въ изнеможеніи не испустила послѣдняго вздоха; она не сдалась, она погибла! Лишь когда сломлена послѣдняя сила, лишь тогда можетъ такой народъ, народъ-трупъ, довольствоваться пассивнымъ сопротивленіемъ, т. е. протестомъ во имя права. Съ терпѣніемъ и выдержкой, съ желчью въ

груди, съ сосредоточенной молчаливой ненавистью, ждетъ онъ со скрещенными на груди руками, пока спасительный моментъ не принесетъ избавленія. Такое пассивное сопротивленіе—послѣ того, какъ сломлены всѣ средства активнаго сопротивленія—является высшей формой выжидательнаго героизма! Но пассивное сопротивленіе съ самаго начала, безъ попытки пустить въ дѣло мечъ, безъ обращенія, хотя бы на мигъ, къ живой силѣ, это—высшій позоръ, величайшія глупость и трусость, какія когда либо приписывались народу.

„Пассивное сопротивленіе, господа, это противорѣчіе въ самомъ себѣ, это — всетерпящее сопротивленіе, это — не сопротивляющееся сопротивленіе, это—сопротивленіе, которое не есть сопротивленіе.

„Пассивное сопротивленіе это — голая внутренняя злая воля безъ внѣшнихъ проявленій. Корона конфисковала народную свободу, а національное собраніе декретировало для защиты народа злую волю!

„Было бы непонятно, какъ это самая обыденная логика допустила, чтобъ законодательное собраніе запятнало себя такимъ несравненнымъ смѣхотворнымъ актомъ, вмѣсто того, чтобы лучше ужъ открыто подчиниться приказаніямъ короны,—было бы непонятно, если бъ это не было слишкомъ понятно!

„Пассивное сопротивленіе является продуктомъ слѣдующихъ факторовъ.

„Ясное сознаніе обязанности сопротивляться, какъ требуетъ долгъ, и личная трусость, не желающая сопротивляться съ опасностью для жизни, — эти двѣ силы въ отвратительномъ объятьи произвели въ ночь на 10 ноября чахоточное дитя, немощное творенье пассивнаго сопротивленія.

„Но именно это логическое противорѣчіе въ понятіи пассивнаго сопротивленія имѣло и не могло не имѣть своимъ слѣдствіемъ то, что національное собраніе вовсе не удержалось на линіи пассивнаго сопротивленія; наоборотъ, оно вполнѣ непосредственно провоцировало сопротивленіе активное.

„Ибо рѣшенія законодательнаго корпуса это—не то, что изреченія коллегіи философовъ или юристовъ, имѣющія лишь теоретическое значеніе, формулирующія лишь сужденія или устанавливающія философскія аксіомы. Нѣтъ, это—декреты, долженствующіе имѣть практическое значеніе, притязающіе не только на теоретическую правильность, но и на дѣйствительное выполненіе...

„Разъ національное собраніе постановляетъ: министерство

не имѣетъ права взимать налоги, — что это означаетъ, какъ не слѣдующее: вы не обязаны, вы не должны, вы не имѣете права платить налоги; плохой гражданинъ, измѣнникъ отечеству, сообщникъ министровъ — тотъ, кто платитъ налоги; и слѣдовательно: вы должны силой противодѣйствовать принудительному взиманію налоговъ.

„Au fond (въ основѣ) постановленіе объ отказѣ отъ уплаты налоговъ ничѣмъ не отличается отъ прямого призыва къ оружію. Считаете ли вы возможнымъ, что это могло ускользнуть отъ національнаго собранія? Національное собраніе знало очень хорошо, что уже изъ одной нужды въ деньгахъ, когда онѣ выйдутъ, начнутъ принудительно взимать налоги. Національное собраніе должно было, однако, въ то же время желать, чтобъ его рѣшеніе было выполнено, чтобъ оно осталось побѣдителемъ. Не для шутки же и не для того, чтобъ доставить прокурору случай для судебныхъ преслѣдованій противъ себя, постановило оно это рѣшеніе. Слѣдовательно, національное собраніе хотѣло, требовало и декретировало, въ случаѣ неминуемаго принудительнаго взиманія налоговъ, вооруженное сопротивленіе, революцію. Это, думается мнѣ, очень ясно.

„Слѣдовательно, постановленіе объ отказѣ отъ уплаты податей въ устахъ національнаго собранія совершенно равносильно прямому призыву къ оружію.

„Почему же, однако, національное собраніе не прибѣгло къ этому послѣднему быстрому средству, которое не дало бы воодушевленію улечься? Почему не декретировало оно открыто возстанія массы?

„Отвѣтъ скрывается въ предыдущемъ.

„Національное собраніе легализировало революцію и желало ея. Если бъ революція разразилась, національное собраніе приписало бы эту честь себѣ. Но легализируя и вызывая борьбу, оно хотѣло въ то же время создать себѣ прикрытіе, на случай возможной неудачи. Оно хотѣло занять такую позицію, чтобъ его нельзя было юридически обвинить въ соучастіи въ борьбѣ“. („Рѣчь предъ судомъ присяжныхъ“).

„Пассивное сопротивленіе“—по англійскому образцу!

Призвать весьегонскаго и балашовскаго мужика къ отказу отъ уплаты податей и поставкѣ рекрутъ, въ виду флигель-адъютантовъ, генералъ-губернаторовъ и карательныхъ экспедицій—и думать, что дѣло сведется къ конфликтамъ на почвѣ права; подписаться подъ выборгскимъ воззваніемъ авторитетнымъ именемъ народнаго представителя и, когда призывъ въ милліонахъ экземпляровъ распространится среди населенія, объявить англійскій экспериментъ неудачнымъ и отка-

заться отъ него; сказать мужику: ни одного солдата! и затѣмъ, въ качествѣ уѣзднаго предводителя дворянства, занять при наборѣ свой постъ предсѣдателя уѣзднаго по воинской повинности присутствія—вотъ политика и мораль либерализма!

Въ іюлѣ они „призвали"; въ октябрѣ могутъ начаться выборы,—и іюльскій призывъ камнемъ виситъ у нихъ на шеѣ. Они не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ него. И вотъ выступаетъ профессоръ Милюковъ. Онъ думаетъ, что стоитъ найти подходящую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ,—и выходъ изъ „выборгскихъ" затрудненій обезпеченъ. А если манифестъ заставитъ тверского мужика взять вилы и подведетъ его подъ усмирительный отрядъ? А если нижегородскіе крестьяне грудью станутъ за своихъ рекрутъ и не отдадутъ ихъ „присутствію" съ какимъ-нибудь кадетомъ во главѣ? Что тогда? А если нижегородское и тверское сопротивленіе разрастется въ пожаръ? Что тогда?

Да, что тогда, г. Милюковъ? Вы выйдете и скажете отъ имени вашей партіи, что произошло недоразумѣніе: тверской мужикъ нарушилъ прецедентъ и взялъ въ руки вилы, тогда какъ имѣлось собственно въ виду лойальнѣйшее сопротивленіе—„по англійскому образцу!"..

Статья „Соціалдемократія и революція", напечатанная первоначально въ „Началѣ", вызвала рядъ недоумѣній. Недоумѣнія „Нашей Жизни" можно было бы оставить въ сторонѣ, еслибъ т. Плехановъ не придалъ имъ значенія своей неожиданной поддержкой. Въ статьѣ „Итоги и перспективы" читатель найдетъ развитіе мыслей статьи „Соціалдемократія и революція". Здѣсь мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями.

Прежде всего по вопросу о непрерывной революціи.

„Г. Троцкій, пишетъ по этому поводу марксистъ „Нашей Жизни", повидимому, вовсе не считаетъ возможнымъ опредѣленно формулировать ближайшія задачи русской соціалдемократіи; онъ замѣчаетъ только: „Между минимальной и максимальной программой устанавливается революціонная непрерывность"... Нѣмцы называютъ это „uferlos" — безбрежно!" [1]).

Политическая тактика, построенная на отождествленіе минимальной и максимальной программъ и игнорирующая ближайшія революціонныя задачи, никуда не годится. Это не тактика, а публицистика мечтаній. Но вѣрно ли, будто мы не считаемъ возможнымъ формулировать ближайшія задачи?

[1]) „Наша Жизнь", 1905, № 346.

Нашъ критикъ выводитъ это изъ того, что мы не хотимъ ограничиваться ближайшими задачами. Мы дѣйствительно отказываемся формулировать предѣльную программу русской революціи, наша тактика упирается въ идею непрерывной революціи,—но этимъ мы лишь обязываемся непрестанно расширять и углублять очередныя ближайшія задачи революціи, или, лучше сказать, мы обязываемся формулировать непрерывно расширяющіяся и углубляющіяся задачи по мѣрѣ того, какъ революціонное развитіе ставитъ ихъ на очередь. Непрерывная революція это не идея, которую мы предпосылаемъ нашей тактикѣ, это выводъ, который мы дѣлаемъ изъ революціонныхъ отношеній. Мы были бы жалчайшими субъективистами, еслибъ задались цѣлью построить нашу тактику на отвлеченной идеѣ непрерывной революціи. Но наша революціонная программа цѣликомъ опирается на фактически развивающіяся классовыя отношенія; наша тактика не опирается на идею непрерывной революціи, она упирается въ нее. Какой вздоръ будто мы не рѣшаемся опредѣлить очередныя задачи борьбы! Программа ближайшихъ задачъ революціи формулирована въ минимальной программѣ нашей Партіи. Милиція, самодержавіе народа и восьмичасовой рабочій день, какъ гарантіи народнаго суверенитета и публичныхъ правъ—вотъ требованія, которыя „Начало“ и „Русская Газета“, наравнѣ со всей Партіей, несли въ рабочія массы. Вокругъ этихъ требованій Совѣты Рабочихъ Депутатовъ развили грандіозную агитацію.

Конечно, „марксистамъ“ изъ „Нашей Жизни“ и эта программа можетъ показаться безбрежной. Республику они замѣняютъ конституціонной монархіей, милицію—арміей, которая стоитъ „внѣ политики“, 8-часовой рабочій день—возможнымъ сокращеніемъ рабочаго времени.

Теоретическія основы этой программы таковы. Пролетаріатъ не можетъ самостоятельно разрѣшать задачи національной революціи. Изолировать его отъ буржуазной демократіи и либеральной буржуазіи значитъ обречь его на пораженіе. Ясно, что пролетаріатъ не можетъ ставить себѣ очередныхъ задачъ, которыя не входятъ въ программу буржуазнаго либерализма. Такимъ образомъ, для того, чтобы спасти пролетаріатъ отъ изолированности, нужно подчинить его буржуазіи.

Задача очень простая, несмотря на сложную аргументацію. Политическій смыслъ этой реалистической тактики сводится къ тому, чтобы превратить радикальную интеллигенцію въ политическаго комисіонера по классовымъ дѣламъ буржуазіи въ средѣ пролетаріата. Разрѣшеніе всѣхъ трудностей и противорѣчій революціи было бы такимъ путемъ

обезпечено, еслибы только не было... классовой борьбы—препятствіе, о которое разбивались многіе „реалистическіе“ планы.

По поводу той же статьи („Соціалдемократія и революція“) насъ обвиняли въ умыслѣ изолировать пролетаріатъ отъ демократіи. Отъ какой демократіи? спрашиваемъ мы въ сто первый разъ. Укажите намъ ее! Назовите намъ ее! Скажите намъ, что собственно нужно дѣлать, чтобы привлечь ее къ себѣ?..—Имѣется ли въ виду крестьянство? или оппозиціонные землевладѣльцы? городское мѣщанство? или либеральный капиталъ? Что именно изъ этого перечня? Или все это вмѣстѣ взятое? Или только группа безжизненныхъ доктринеровъ „Нашей Жизни“, изобрѣтающая политическій элексиръ, который долженъ оживить либерализмъ и парализовать классовую борьбу. Неужели весь шумъ изъ-за этихъ господъ?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они стали пятиться спиной изъ нашего боевого лагеря; они увѣряли насъ, что наши надежды на пролетаріатъ преувеличены; они обращали наше вниманіе на „общество“; наконецъ, они ушли отъ насъ, чтобъ опредѣлить свое перо и свой языкъ на службу земской оппозиціи. И что же? Когда настали рѣшительные дни, когда каждой партіи приходилось въ открытой борьбѣ развернуть накопленныя силы, эти реалисты, эти трезвенники, эти практическіе политики оказались безсильными и безпомощными, отрѣзанными и отъ пролетаріата и отъ буржуазіи. Безъ партіи, безъ программы, безъ тактики, безъ вліянія, безъ имени, „безъ заглавія“ они пріютились на литературномъ тычкѣ, на отлетѣ у кадетовъ, они питаются крохами съ кадетскаго стола, брюзжатъ противъ своихъ либеральныхъ милостивцевъ и въ то же время высокомѣрно критикуютъ соціалдемократію за ея революціонный утопизмъ. Имъ кажется, очевидно, что политическая импотенція есть свидѣтельство высшаго реализма. Они полагаютъ, очевидно, что въ ихъ безсиліи виновата, съ одной стороны, буржуазія, которая не хочетъ быть радикальнѣе, виноватъ, съ другой стороны, пролетаріатъ, который не хочетъ быть умѣреннѣе,—не виноваты только они сами, которымъ исторія отказала въ какомъ бы то ни было вліяніи. Они читаютъ намъ уроки тактики, которая, еслибъ мы ее только усвоили, позволила бы намъ концентрировать вокругъ себя всю демократію,—они, которые покинули ряды пролетаріата и не нашли себѣ мѣста въ рядахъ буржуазіи. Сколько нужно самодовольства, чтобы при такихъ условіяхъ свысока третировать соціалдемократію и заносить въ ея кондуитный списокъ ошибку за ошибкой

вмѣсто того, чтобы поставить предъ собой самимъ вопросъ: но если моя тактика такъ хороша, чѣмъ же объясняется мое несомнѣнное ничтожество?

Какой бы дурной осадокъ ни оставался подчасъ въ душѣ отъ партійныхъ ошибокъ, неудачъ и оплошностей, достаточно просмотрѣть листъ „Нашей Жизни“, чтобы испытать чувство политической гордости отъ сознанія, что ты былъ и остаешься соціалдемократомъ. Да, мы дѣлали промахи, ошибки и даже преступленія,—и все же мы совершили великое дѣло. По сравненію съ ними мы совершили чудеса. Мы были и остаемся барабанщиками и трубачами великаго класса, мы гордились его первыми шагами, мы никогда не сомнѣвались въ немъ, мы не покидали его въ минуты бѣдствія... И мы совершили чудеса. А эти перебѣжчики, эти приживалки буржуазной журналистики, эти практическіе мудрецы милостію какого-нибудь Ходскаго завтра же окажутся безъ пріюта и придутъ къ намъ, къ воротамъ нашего дома, и постучатся у порога и войдутъ къ намъ и принесутъ съ собой все ничтожество своего духа.

Да, не намъ учиться у нихъ. Весь авторитетъ Плеханова, солидаризировавшагося съ „Нашей Жизнью“, недостаточенъ для того, чтобы повернуть насъ въ науку къ гг. Прокоповичамъ, Кусковымъ и инымъ. Ибо мы ясно видимъ, что то, что т. Плехановъ за дальностью разстоянія принялъ за буржуазную демократію, желающую, чтобъ ее „концентрировали“, есть, на самомъ дѣлѣ, просто листъ газетной бумаги,—а изъ газетнаго листа можно сдѣлать разныя употребленія, но нельзя координировать съ нимъ политику рабочаго класса.

Въ тѣ моменты, когда основныя политическія задачи становятся ребромъ, эти мудрецы дѣлаютъ рѣшительную мину и пытаются терроризировать реакцію передовицами, въ которыхъ трусость изо всѣхъ силъ выдаетъ себя за угрозу. Что скрывается за ихъ угрозой, не знаетъ никто, и меньше другихъ—они сами. И они сами больше, чѣмъ кто бы то ни было, боятся, чтобъ эта туманная угроза не стала грозной дѣйствительностью. Что дѣлать, если реакція не созоветъ никакой Думы и вдобавокъ запечатаетъ типографскіе станки? Этотъ вопросъ виситъ надъ ними, но они сознательно не поднимаютъ на него глазъ, они не смѣютъ думать о немъ. Они знаютъ, что этотъ вопросъ будетъ рѣшаться не ими, а другими. Если тѣ побѣдятъ, тогда э т и будутъ спасены: ибо кто вспомнитъ о нихъ въ часы побѣды? Если тѣ еще разъ потерпятъ пораженіе, тогда э т и снова докажутъ заднимъ числомъ свою мудрость и вѣщую проницательность. Они снова будутъ покровительственно похлопывать революціонный

пролетаріатъ по плечу и снова покачаютъ своей старческой головой надъ иллюзіями и ошибками соціалдемократіи,—и они снова объяснятъ міру, что все несчастье произошло оттого, что мы, утописты, не умѣли „концентрировать“ вокругъ себя листъ ихней газетной бумаги. И они будутъ такъ довольны собой въ своемъ маленькомъ міркѣ, и никто изъ нихъ не спроситъ: но если мы такъ проницательны, такъ реалистичны, такъ умны, отчего же за нами нѣтъ никого, отчего же мы такъ одиноки, такъ немощны, такъ жалки, такъ безсильны?..

„Весна“.

I.

Покойный генералъ Драгомировъ писалъ въ частномъ письмѣ о Сипягинѣ: «какая у него внутренняя политика? Онъ просто егермейстеръ и дуракъ». Эта характеристика такъ вѣрна, что ей можно простить ея манерную солдатскую грубоватость. Послѣ Сипягина мы видѣли на томъ же мѣстѣ Плеве, потомъ князя Святополка-Мирскаго, потомъ Булыгина, потомъ Витте-Дурново... Одни изъ нихъ отличались отъ Сипягина только тѣмъ, что не были егермейстерами, другіе были на свой ладъ умными людьми. Но всѣ они, всѣ эти самодержавные министры, одинъ за другимъ сходили со сцены, оставляя послѣ себя тревожное недоумѣніе вверху, ненависть и презрѣнье внизу. Скорбный главою егермейстеръ или профессіональный сыщикъ, благожелательно-тупой баринъ или лишенный совѣсти и чести биржевой маклеръ, всѣ они поочередно появлялись для того, чтобы остановить смуту, возстановить утраченный престижъ власти, охранить основы,— и всѣ они, каждый по своему, открывали шлюзы революціи и сами сносились ея теченьемъ. Смута развивается съ могучей планомѣрностью, неизмѣнно расширяетъ свою территорію, укрѣпляетъ свои позиціи, срываетъ препятствіе за препятствіемъ,— а на фонѣ этой великой работы, съ ея внутреннимъ ритмомъ, съ ея безсознательной геніальностью, выступаютъ всевластные игрушечнаго дѣла людишки, говорятъ успокоительныя и угрожающія рѣчи, издаютъ законы, дѣлаютъ новые долги, стрѣляютъ въ рабочихъ, раззоряютъ крестьянъ,—и въ результатѣ только глубже погружаютъ охраняемую ими правительственную власть въ состояніе остервенѣлаго безсилія.

Непосредственная задача, которая поставлена исторіей передъ смутой—уничтожить старую машину власти. И смута работаетъ надъ этой задачей съ безпощадностью и неутомимостью стихіи. Въ процессѣ своего непрерывнаго революціоннаго творчества она изобрѣтаетъ все новые методы, принимаетъ все новые образы и заставляетъ служить своимъ цѣлямъ самодержавныхъ усмирителей.

Старый порядокъ высылаетъ ей навстрѣчу своихъ наиболѣе крупныхъ и смѣлыхъ людей. Воспитанные въ атмосферѣ канцелярскихъ заговоровъ и вѣдомственныхъ интригъ, гдѣ наглое невѣжество соперничаетъ съ безсовѣстнымъ коварствомъ, безъ малѣйшаго представленія о ходѣ и смыслѣ современной исторіи, о движеніи массъ, о законахъ революціи, вооруженные двумя-тремя жалкими програмными идейками для свѣдѣнія парижскихъ маклеровъ, эти люди—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—силятся соединить свои пріемы временщиковъ восемнадцатаго вѣка съ манерами «государственныхъ людей» парламентарной Европы. Съ униженнымъ заискиваніемъ неувѣренныхъ въ себѣ выскочекъ они бесѣдуютъ съ корреспондентами буржуазной Европы, излагаютъ предъ ними свои «планы», свои «предначертанія», свои «программы», и каждый изъ нихъ выражаетъ надежду, что ему, наконецъ, удастся разрѣшить задачу, о которую разбились усилія его предшественниковъ. Только бы прежде всего успокоить смуту! Они начинаютъ разно, но всѣ приходятъ къ тому, что приказываютъ стрѣлять ей въ грудь. Къ ихъ ужасу она безсмертна!.. А они кончаютъ постыднымъ крахомъ,—и если услужливый ударъ террориста не освобождаетъ ихъ отъ ихъ жалкаго существованія, они бываютъ осуждены пережить свое паденіе и видѣть, какъ смута въ своей стихійной геніальности воспользовалась ихъ планами и предначертаніями для своихъ побѣдъ.

Сипягинъ былъ убитъ револьверной пулей. Плеве былъ разорванъ бомбой. Святополкъ-Мирскій былъ превращенъ въ трупъ въ день 9-го января. Булыгина вышвырнула, какъ старую ветошь, октябрьская забастовка. Гр. Витте, совершенно изнуренный рабочими и военными возстаніями, безславно палъ, споткнувшись о порогъ имъ же созданной Государственной Думы. .

Въ извѣстныхъ кругахъ оппозиціи, преимущество въ средѣ либеральныхъ земцевъ и демократической интеллигенціи, со смѣной министерскихъ фигуръ искони неизбѣжно связывались неопредѣленныя надежды, ожиданія и планы. И, дѣйствительно, для агитаціи либеральныхъ газетъ, для политики конституціонныхъ помѣщиковъ совершенно не безразлично, стоитъ ли у власти старый полицейскій волкъ Плеве или министръ довѣрія Святополкъ-Мирскій. Конечно, Плеве былъ такъ же безсиленъ противъ народной смуты, какъ и его преемникъ; но зато онъ былъ грозенъ для царства либеральныхъ газетчиковъ и земскихъ конспираторовъ. Онъ ненавидѣлъ революцію бѣшеной ненавистью состарившагося сыщика, которому грозитъ бомба изъ-за каждаго угла, онъ преслѣдовалъ смуту съ налитыми кровью глазами, но она неизмѣнно выростала подъ его руками. И онъ переносилъ свою неудовлетворенную ненависть на профессоровъ, на земцевъ, на журналистовъ, въ которыхъ онъ хотѣлъ видѣть легальныхъ внушителей революціи. Онъ довелъ либеральную пе-

чать до крайней степени униженія. Онъ по-бенкендорфовски третировалъ журналистовъ: не только высылалъ и запиралъ ихъ, но и грозилъ имъ въ бесѣдѣ пальцемъ. Онъ вызывалъ къ себѣ покойнаго Михайловскаго для внушенія и на почтительный вопросъ знаменитаго писателя: не можетъ ли печать надѣяться на послабленія ко дню своего двухсотлѣтняго юбилея? отвѣтилъ: ни въ коемъ случаѣ! Онъ расправлялся съ умѣренными членами сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, организованныхъ по иниціативѣ Витте, какъ будто это были буйные студенты, а не «почтенные» земцы. Онъ разгонялъ съѣзды техниковъ, врачей и заглушалъ слова оппозиціонныхъ резолюцій трубными звуками солдатскаго оркестра. И онъ добился своего: либеральное общество трепетало передъ нимъ и ненавидѣло его клокочущей ненавистью безсилія. Многіе изъ тѣхъ либеральныхъ фарисеевъ, которые неустанно порицаютъ «насиліе слѣва», какъ и «насиліе справа», привѣтствовали бомбу 15-го іюля, какъ посланницу Мессіи. Болѣе того; многіе—иныхъ изъ нихъ г. Милюковъ, напр., знаетъ лучше, чѣмъ мы—рѣзко порицали соціалдемократію за ея принципіальную критику террора, какъ метода политической борьбы.

Плеве былъ страшенъ и ненавистенъ для либераловъ, но для смуты онъ былъ не хуже и не лучше, чѣмъ всякій другой. Плеве могъ разрѣшить или задушить либеральную газету; но онъ не могъ разрѣшить революціонной организаціи рабочихъ массъ и онъ не могъ задушить пролетаріатъ. Движеніе массъ по необходимости игнорировало рамки дозволеннаго и запрещеннаго,—не все ли равно, въ такомъ случаѣ, были ли эти рамки немного уже или шире?

Самъ Плеве не могъ не видѣть тщетности своихъ усилій въ борьбѣ со смутой, и его полицейскимъ мозгамъ мерещились какія-то болѣе радикальныя мѣры.

Еще въ 1881 г., въ разгарѣ борьбы съ «Народной Волей», Плеве писалъ: «Правительство не можетъ ограничиться полицейскими мѣрами... Устранить вліянія извѣстной журнальной клики и уничтожить подпольныя сообщества—значитъ разстроить только внѣшнюю форму. Необходимо перевоспитать нашу интеллигенцію годами долгихъ усилій, введеніемъ строгой общественной дисциплины во всѣхъ областяхъ народной жизни, которыя доступны контролю государства». Дальше этой идеи: полицію тѣла соединить съ полиціей духа онъ не шелъ. «Мѣнялись обстоятельства,—писалъ генералъ Богдановичъ о Плеве,—мѣнялись люди и политическія теченія въ Россіи, но основы того, что составляло политическую программу покойнаго В. К., оставалось неизмѣнно и твердо въ послѣдній день его государственной карьеры, какъ и въ первый» («Нов. Вр.», 26 іюля 1904 г.). Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что черезъ двадцать лѣтъ своей «государственной» дѣятельности Плеве остался тѣмъ же ограниченнымъ и злобнымъ сыщикомъ, какимъ вступилъ въ департаментъ полиціи.

Удалось ли ему что-нибудь изъ его программы дисциплинированья святого духа? Ничего! Онъ оставилъ еще болѣе запутанное наслѣдство, чѣмъ то, которое получилъ самъ. Выступая на смѣну Сипягину, котораго Драгомировъ такъ ярко охарактеризовалъ двумя словами, Плеве сказалъ: «Миръ праху человѣка, оставившаго намъ назидательный примѣръ цѣльнаго міросозерцанія и непоколебимой преданности дѣлу. Становясь на его мѣсто, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру». И онъ послѣдовалъ «этому примѣру»—дальше, чѣмъ хотѣлъ...

II.

Официальные реакціонные панегиристы пытались регенство Плеве изобразить временемъ если не всеобщаго счастья, то всеобщаго спокойствія. Но на самомъ дѣлѣ временщикъ былъ безсиленъ создать хотя бы полицейскую тишину.

Едва ставъ у власти и вознамѣрившись съ православной ревностью двойного перекрещенца посѣтить святыни Лавры, Плеве вынужденъ былъ мчаться на югъ, гдѣ вспыхнуло крупное аграрное движеніе въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ. Частичные крестьянскіе безпорядки затѣмъ не прекращались.

Знаменитая ростовская стачка въ ноябрѣ 1902 г. и іюльскіе дни 1903 г. на всемъ промышленномъ югѣ были предзнаменованіемъ всѣхъ позднѣйшихъ выступленій пролетаріата. Уличныя демонстраціи не прекращались. Пренія и постановленія комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства были прологомъ дальнѣйшей земской кампаніи. Университеты еще до Плеве стали очагами бурнаго политическаго кипѣнія,—эту свою роль они сохранили и при немъ. Два петербургскихъ съѣзда въ январѣ 1904 г.—техническій и пироговскій — сыграли роль аванпостной стычки для демократической интеллигенціи. Такимъ образомъ, прологъ общественной весны былъ сыгранъ еще при Плеве. Бѣшеныя репрессаліи,—заточенія, допросы, обыски и высылки—провоцировавшія терроръ, не могли, въ концѣ концовъ, совершенно парализовать даже и мобилизацію либеральнаго общества.

Еще осенью 1903 года, значитъ до начала войны, положеніе дѣлъ было таково, что г. Суворинъ нашелъ нужнымъ, по собственному выраженію, «проповѣдывать весну». Плеве сказалъ тогда старому газетчику: «Вы хотите весну. А я предпочелъ бы лѣто, когда все созрѣло и плоды готовы».—Но лѣто безъ весны не бываетъ, отвѣтилъ хозяинъ «Новаго Времени».

Этотъ діалогъ, повѣданный самимъ Суворинымъ, превосходенъ уже по лицамъ однихъ собесѣдниковъ. Съ одной стороны, трогательная дѣва русской журналистики, мечтающая о веснѣ, когда раскрываются почки и объятья, съ другой стороны, г. Плеве, втайнѣ жаждущій — вопреки своему очевидному пристрастію къ

странамъ холоднаго климата—жаркаго лѣта и зрѣлыхъ плодовъ...

Во всякомъ случаѣ разъ г. Суворинъ проповѣдывалъ весну, значитъ въ рядахъ высшей бюрократіи уже въ то время начала образовываться партія уступокъ и реформъ.

Послѣднее полугодіе властвованія Плеве совпало съ началомъ войны. Вопросъ о «веснѣ» былъ совершенно снятъ съ очереди. Смута затихла, вѣрнѣе сказать ушла въ себя. О настроеніи въ бюрократическихъ сферахъ и высшихъ кругахъ петербургскаго либеральнаго общества за первые мѣсяцы войны даетъ представленіе книга вѣнскаго журналиста Гуго Ганца «Vor der Katastrophe» («Передъ катастрофой»).

Господствующее настроеніе—растерянность, близкая къ отчаянію. «Дальше такъ продолжаться не можетъ!» Гдѣ же выходъ? Никто не знаетъ: ни отставные сановники, ни знаменитые либеральные адвокаты, ни знаменитые либеральные журналисты. «Общество» совершенно безсильно. О революціонномъ движеніи народа не приходится и думать; да еслибъ онъ и сдвинулся съ мѣста, то направился бы не противъ власти, а противъ господъ вообще. Гдѣ же надежда на спасеніе? Финансовое банкротство и военный разгромъ. Гуго Ганцъ, проведшій въ Петербургѣ три первыхъ мѣсяца войны, удостовѣряетъ, что общая молитва не только умѣренныхъ либераловъ, но и многихъ консерваторовъ такова: «Gott hielf uns damit wir geschlagen werden» («Боже, помоги намъ, дабы мы были разбиты»). Лишенная силы и иниціативы для самостоятельной борьбы со своимъ врагомъ, полицейскимъ абсолютизмомъ, русская буржуазія возлагала свои упованія на армію японской буржуазіи. Это, конечно, не мѣшало ей поддѣлываться подъ тонъ офиціальнаго «патріотизма».

О значеніи войны для революціи говорилось и писалось много. Буржуазное общественное мнѣніе Запада видитъ въ войнѣ даже главную причину русской революціи. Русская реакціонная пресса тоже полагаетъ или, по крайней мѣрѣ, говоритъ, что, еслибъ не было Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы, не было бы 9-го января, Потемкина-Таврическаго и стачки въ октябрѣ.

Война сыграла безспорно огромную роль въ развитіи нашей революціи. Война матеріально дезорганизовала абсолютизмъ, убила вѣру въ его несокрушимость, внесла разложеніе въ армію, привила дерзость массовому обывателю... Но, къ счастью для насъ, война не создала революціи. Къ счастью—потому что революція, созданная войною, есть безсильная революція. Она возникаетъ на почвѣ исключительныхъ условій, опирается на внѣшнюю силу,—и, въ концѣ концовъ, оказывается неспособной удержать захваченныя позиціи.

Наша революція уже до войны дана была во всѣхъ своихъ основныхъ частяхъ. Уже до войны она проявляла себя въ такихъ рѣшительныхъ формахъ, которыя исключали въ будущемъ воз-

можность долгаго «подготовительнаго» періода. Октябрьское стачечное возстаніе такъ же непосредственно вытекаетъ изъ 9-го января, какъ 9-е января — изъ южно-русской стачки 1903 года.

Война, задержавшая почти на годъ непосредственныя революціонныя выступленія, помогла революціи сосредоточиться. Война ускорила процессъ революціонной мобилизаціи отсталыхъ слоевъ. Но она вовсе не форсировала искусственнымъ давленіемъ активныхъ дѣйствій революціи. Наоборотъ, благодаря тому, что ко времени столкновенія съ Японіей революція уже сформировалась, уже начала развивать свое содержаніе, война только увеличила ея массовидность и ея планомѣрность. Послѣ 9-го января мы наблюдаемъ все ту же послѣдовательность наростающихъ выступленій, которая столь рѣшительно отличаетъ нашу революцію отъ революцій 48-го года.

III.

Плеве отказалъ Суворину въ веснѣ. Но весна становилась для самодержавной бюрократіи объективной потребностью. Это нужно подчеркнуть не для того, чтобы умалить 15-ое іюля [1]), но для того, чтобъ отстранить нелѣпыя возвеличенія 26-го августа [2]). Весну призванъ былъ дѣлать князь Святополкъ-Мирскій.

Съ чѣмъ же пришелъ бывшій виленскій генералъ - губернаторъ, который такъ неожиданно оказался вершителемъ судебъ?

«Трудиться на благо населенія; справедливо, строго законно относиться ко всѣмъ проявленіямъ его жизни, внимательно и благожелательно прислушиваться къ истиннымъ потребностямъ, твердо направлять разумную власть». Такова была программа князя въ 1902 году. Твердо направляя разумную власть во ввѣренномъ ему краѣ, князь заявилъ польскимъ аристократамъ, что «ихъ уклоненіе отъ участія въ торжествахъ по поводу открытія памятника Екатеринѣ II имѣло бы неблагопріятныя послѣдствія». Предостереженіе либеральнаго князя возымѣло надлежащее дѣйствіе. Протекшіе послѣ того два года, полные большихъ событій и еще большихъ знаменій, ничему не научили князя,—и онъ усѣлся на министерское кресло съ ничего не выражающимъ словомъ «довѣріе» на устахъ.

Лучше всего политическій образъ князя вырисовывается изъ его первыхъ бесѣдъ съ иностранными и русскими корреспондентами. Вотъ образцы этихъ интервью. Къ князю является корреспондентъ «Echo de Paris».

Князь, разумѣется, былъ любезенъ и, разумѣется, располагалъ къ себѣ. Корреспондентъ вспоминаетъ о Плеве, который, «наоборотъ, былъ холоденъ и скорѣе сухъ въ обращеніи, хотя въ сущности былъ тоже любезенъ».

---

[1]) Убійство Плеве.

[2]) Назначеніе кн. Святополка-Мирскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Плеве былъ суше, Святополкъ—мягче, но въ сущности, какъ видимъ, оба были любезны.

Корреспондентъ говоритъ князю, что ему приходилось слышать, будто Россіи нужны отвѣтственные министры.

Князь улыбается и говоритъ: «Всякая отвѣтственность явилась бы искусственной и номинальной.

— Каковы ваши взгляды на вѣроисповѣдные вопросы?

— Я врагъ религіозныхъ преслѣдованій, но съ нѣкоторыми оговорками...

— Вѣрно ли что вы склонны (sic) предоставить больше свободы евреямъ?

— Добротой можно достигнуть счастливыхъ результатовъ.

— Въ общемъ, г. министръ, вы заявляете себя сторонникомъ прогресса?

— Мы не можемъ избѣжать прогресса».

Поэтому князь намѣренъ «согласовать свои дѣйствія съ духомъ истиннаго и широкаго прогресса, по крайней мѣрѣ, поскольку онъ не будетъ въ противорѣчіи съ существующимъ строемъ».

Князь объявлялъ себя, кажется, на прощаньѣ въ Вильнѣ, «другомъ провинціальной печати»—разумѣется, поскольку «она выражаетъ откровенно, искренно и благожелательно истинные потребности». Князь не пояснялъ, кто будетъ рѣшать, какія потребности истинны и какое выраженіе благожелательно.

Князь, впрочемъ, и самъ не бралъ въ серьезъ своей программы. Правда, онъ неоднократно повторялъ, что «ближайшею» (sic) задачею управленія, по его убѣжденію, является благо населенія, ввѣреннаго нашему попеченію»,—но онъ признался американскому корреспонденту Томсону, что въ сущности онъ еще не знаетъ, какое употребленіе сдѣлаетъ изъ своей власти. «Я былъ бы неправъ,—сказалъ министръ,—еслибы сказалъ, что у меня уже теперь (т.-е. когда князь уже сидѣлъ на министерскомъ креслѣ) есть опредѣленная программа». Конечно, твердо опредѣленные взгляды князя направлены ко благу народа.—Но... «мы должны запастись терпѣніемъ».

Армянскій вопросъ?—«Только придется немного обождать, говорилъ князь корреспонденту берлинскаго «Local-Anzeiger'а», и все выяснится, увѣряю васъ». Крестьянская реформа?—отвѣчалъ онъ сотруднику «Руси».—Вопросъ, по которому имѣется громадный матеріалъ. «Я его знаю большей частью лишь изъ газетъ». («Русь», 28 сент.). Эти удивительныя признанія, дѣлающія честь сердцу князя, но нѣсколько роняющія его государственный геній, министръ дополнялъ заявленіемъ, что иностранные корреспонденты, отчеты которыхъ, какъ мы видѣли состояли изъ однихъ лишь обиняковъ и оговорокъ, слишкомъ по-европейски поняли князя и потому изложили его реформаторскія намѣренія черезчуръ «категорично».

Въ основу своей дѣятельности князь во всякомъ случаѣ положитъ начала, провозглашенныя манифестомъ 26 февраля 1903 г.

И эта безпомощная фигура въ жандармскихъ аксельбантахъ была въ либеральномъ воображеніи призвана разрѣшить вѣковыя узы, врѣзавшіяся въ тѣло великой страны!

«Мы должны запастись терпѣніемъ»... Недаромъ французскій корреспондентъ оповѣщалъ Францію, что князь «похожъ на Куропаткина и такого же небольшого роста». Оба они были не по росту тѣмъ задачамъ, которыя на нихъ обрушились!.. Князь думалъ, что событія будутъ дожидаться, пока онъ на основаніи газетныхъ и иныхъ матеріаловъ составитъ себѣ программу,— и онъ рекомендовалъ терпѣніе. Злополучный Куропаткинъ внутренней политики былъ сметенъ вихремъ событій, такъ и не успѣвъ создать себѣ «опредѣленную программу».

IV.

Казалось, всѣ встрѣтили князя Святополка съ восторгомъ. Князь Мещерскій писалъ, что наступилъ праздникъ для «огромной семьи порядочныхъ людей въ Россіи», ибо на постъ министра назначенъ, наконецъ, «идеально порядочный человѣкъ». «Независимость—родня благородству,—писалъ старецъ Суворинъ,— а благородство намъ очень нужно». Князь Ухтомскій въ «Петербургскихъ Вѣд.» обращалъ вниманіе на то, что новый министръ «происходитъ изъ древняго княжескаго рода, восходящаго къ Рюрику черезъ Мономаха». «Новости» заявляли, что князь «превосходно знакомъ съ нуждами Россіи и отличается высокимъ чувствомъ справедливости и замѣчательной гуманностью» (№ 237).

Пензенскій корреспондентъ «Новаго Времени», вспоминая о незабвенномъ прошломъ, когда князь Святополкъ управлялъ Пензенской губерніей, восклицаетъ: «Такъ сплотить, такъ объединить людей въ одномъ чувствѣ властна только одна сила—сила дѣятельнаго добра». «Neue Freie Presse» съ удовлетвореніемъ отмѣчаетъ въ князѣ главныя качества: «гуманность, справедливость, объективность, сочувствіе просвѣщенію». «Биржевыя Вѣдомости» ссылаются на то, что князю всего только 47 лѣтъ, слѣдовательно онъ не успѣлъ еще пропитаться бюрократической рутиной. «Виленскій Вѣстникъ» говоритъ, что князь именно тотъ человѣкъ, который нуженъ: мягкой практикой князь примиритъ съ суровыми законами. «И это сейчасъ же чувствуется всѣми,— пишетъ провинціальная газета,—короче ежевая рукавица—и уже легче человѣку. Ужъ на что дорога наша жизнь, а все жъ почетнѣй быть разстрѣляннымъ, чѣмъ повѣшеннымъ. Такъ и во всемъ въ жизни». Когда читаешь теперь всѣ эти изліянія, кажется, будто дышишь глупостью въ двадцать атмосферъ.

Когда князь въ своей рѣчи къ чинамъ министерства внутрен-

нихъ дѣлъ (16 сентября) сказалъ о довѣріи къ населенію, чувства благодарности и благоговѣнія окончательно перелились черезъ край. «Впервые за всѣ сто лѣтъ бюрократическаго режима,— писалъ г. Глинка,—мы услышали вполнѣ искренній призывъ... Мы начинаемъ дышать полной грудью»... «Ядро популярности,— пишетъ «Новое Время»,—растетъ въ могучую лавину, и чувствуется, что вся Россія хочетъ высказаться, хочетъ поблагодарить на ласковомъ словѣ. Это доказываетъ, насколько всѣ нуждались въ этомъ ласковомъ словѣ, насколько его изжаждались».

Первою отозвалась Одесская дума «искреннѣйшими пожеланіями полнѣйшаго успѣха въ исполненіи благихъ намѣреній». Московская дума также послала новому министру привѣтъ. Министръ отвѣчалъ телеграммой на имя городского головы кн. Голицына: «Прошу ваше сіятельство передать мою душевную благодарность Московской городской думѣ за привѣтъ, который меня тронулъ до глубины души». За Московской думой потянулись другія думы, земства, уѣздныя и губернскія.

Петербургская дума молчала: для нея князь казался слишкомъ либеральнымъ.

21-го сентября, въ одинъ день съ Московской думой, Бѣлозерское земское собраніе выразило увѣренность, что программа благожелательности, объявленная княземъ, «гарантируетъ мирное движеніе Россіи по пути прогресса».

23 сентября Ростовская городская дума постановила выразить глубокую признательность за объявленное министромъ «довѣріе». Того же числа Тульская городская дума выразила благодарность новому министру за «ободряющее слово по адресу мѣстныхъ самоуправленій». Хвалынское земское собраніе постановило послать господину министру привѣтственную телеграмму. Московское уѣздное земство постановило «молить Всевышняго, да поможетъ онъ его сіятельству провести въ жизнь, съ верхняго края до нижняго, то довѣріе и благожеланіе, которыхъ такъ давно ожидаетъ вся земля русская». Петербургское уѣздное земство послало привѣтственную телеграмму. Общественный сборъ Новочеркасской области постановилъ выразить министру глубокое сочувствіе. Кіевская городская дума восторженно привѣтствуетъ его сіятельство. Телеграммы были посланы Харьковской думой, Елецкимъ земскимъ собраніемъ и пр. и пр. и пр.

Несмотря на то, что ликованія охватили въ сущности очень узкій кругъ имущей офиціально-организованной «оппозиціи», князь Святополкъ-Мирскій начиналъ казаться національнымъ героемъ, а его «довѣріе»—національнымъ лозунгомъ.

Рѣчи, въ которыхъ политическій смыслъ пробовалъ бороться съ чувствомъ восторга, были крайне рѣдки. Одну изъ такихъ немногихъ рѣчей произнесъ предсѣдатель Темниковскаго земскаго собранія Ю. А. Новосильцевъ. «Привѣтствуя такія слова,—сказалъ

онъ о рѣчи министра,—намъ нельзя, однако же, не вспомнить, что и раньше мы слышали слова довѣрія, обращенныя къ обществу. Но чѣмъ выразилось на дѣлѣ довѣріе? Печальная участь трудовъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ, еще болѣе печальная участь нѣкоторыхъ ихъ членовъ; частичное упраздненіе тверского земства, отказъ въ утвержденіи пяти предсѣдателей губернскихъ управъ, воспрещеніе общеземской организаціи въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ, систематическое неутвержденіе лицъ, служащихъ въ земствахъ,—вотъ примѣры того довѣрія, какимъ дарило насъ министерство внутреннихъ дѣлъ хотя бы въ минувшіе два года. Будемъ надѣяться, что все это отошло въ прошлое безповоротно; не сомнѣваясь въ искренности словъ кн. Святополкъ-Мирскаго, будемъ надѣяться, что за словами послѣдуетъ дѣло; будемъ надѣяться, однимъ словомъ, что довѣріе, о которомъ говоритъ министръ, выразится въ той единственной формѣ, въ которой оно можетъ имѣть значеніе въ Россіи: въ упраздненіи административнаго произвола и въ установленіи законнаго порядка при активномъ содѣйствіи общества и населенія». Но и это крайне осторожное требованіе дѣла не было подхвачено. Отовсюду лились рѣчи восторга.

Открылись повѣствованія въ стихахъ и въ прозѣ о томъ, какъ «мы спали» и какъ бывшій командиръ отдѣльнаго корпуса жандармовъ либеральнымъ жестомъ пробудилъ насъ отъ мертвенной нашей аппатіи и предуказалъ эпоху «сближенія власти съ народомъ». Благожелательность князя увлекла нѣкоторыхъ изъ его товарищей; такъ, генералъ Глазовъ благожелательно разъѣзжалъ по Россіи, ревизуя нужды русскаго просвѣщенія, и на всякія ходатайства отвѣчалъ: «Вотъ разобьемъ японцевъ, тогда все устроимъ»... Довѣріе къ населенію! «Эти слова не широковѣщательны...—и тѣмъ не менѣе ихъ было достаточно, чтобы вызвать въ обществѣ подъемъ духа». Общество услышало то, «чего давно и страстно оно ожидало — выраженія довѣрія къ нему»... («Рус. Вѣд.», 24 сент.).

«Рус. Вѣд.» съ выработанной многолѣтней практикой осторожностью приступили къ формулировкѣ благопожеланій: «желательно»,—писали онѣ,—чтобы «большая или меньшая свобода слова опредѣлялась общимъ и одинаковымъ закономѣрнымъ режимомъ»; «необходимо, чтобы земскія собранія не подвергались чрезмѣрнымъ ограниченіямъ въ выборѣ предметовъ и въ порядкѣ и способахъ обсужденія»...

На страхѣ либераловъ за послѣдствія неумѣренности искусно играла реакція. Имѣйте въ виду—писалъ «Гражданинъ»,—что если въ отвѣтъ на «его» честное довѣріе, вы отвѣтите «изверженіями вулкановъ вашего безпочвеннаго либерализма»,—что сдѣлаетъ князь? Онъ уйдетъ, плюнетъ и уйдетъ.—И бѣдные кроткіе «вулканы безпочвеннаго либерализма» крѣпко имѣли это въ виду.

Только «Моск. Вѣд.» не теряли головы среди этой «вакханаліи либеральныхъ восторговъ». Онѣ безпощадно напомнили князю, что вмѣстѣ съ портфелемъ Плеве онъ перенялъ и его задачи. «Если наши внутренніе враги въ подпольныхъ типографіяхъ, въ разныхъ общественныхъ организаціяхъ, въ школѣ, въ печати и на улицѣ, съ бомбами въ рукахъ, такъ высоко подняли голову, идя на приступъ нашего внутренняго Портъ-Артура, то это возможно лишь потому, что они сбиваютъ съ толку и общество и извѣстную часть правящихъ сферъ совершенно ложными теоріями о необходимости устранить самые надежные устои Русскаго Государства—Самодержавіе его Царей, Православіе его Церкви и національное самосознаніе его народа». (№ 237).

Своей программой кн. Святополкъ объявилъ написанный кн. Мещерскимъ манифестъ 26 февраля 1903 года. И «Моск. Вѣд.» весьма настойчиво рекомендовали либераламъ читать и перечитывать эту программу. «Тамъ они найдутъ,—писала газета,—весьма назидательныя для нихъ слова о смутѣ, «посѣянной замыслами, враждебными государственному порядку,» и «увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». Тогда они поймутъ всю неосновательность своихъ надеждъ, и для нихъ станетъ совершенно ясно, что они не могутъ требовать отъ министра того, чего онъ, какъ истинно-русскій человѣкъ и какъ беззавѣтно-вѣрный слуга своего Государя, имъ дать не можетъ». Такимъ образомъ князь Святополкъ оказывался лицомъ къ лицу предъ дилемой: неприкосновенность государственнаго порядка или либеральныя вожделѣнія? Но «Рус. Вѣд.» еще сдѣлали попытку спасти положеніе. «Развѣ въ манифестѣ 26 февраля,—спросила эта почтенная газета,—есть какія-либо указанія на то, чтобы система довѣрія къ обществу со всѣми ея естественными послѣдствіями признавалась противорѣчащей «вѣковымъ устоямъ державы Россійской» и потому недопустимой?» (№ отъ 26 сент.).

Позиція «Московскихъ Вѣдомостей» была однако, прочнѣе не только позиціи «Рус. Вѣд.», но и позиціи самого кн. Святополка. Конституція или самодержавіе? Если самодержавіе, тогда нужно дать отпоръ «либеральнымъ вожделѣніямъ». Если конституція, тогда незачѣмъ ссылаться на манифестъ 26 февраля.

Князь Святополкъ попытался взять среднюю линію: самодержавіе, но смягченное законностью; бюрократія, но опирающаяся на общественныя силы. «Новое Время», которое теперь поддерживало князя, потому что князь былъ у власти, официозно взяло на себя задачу политическаго сводничества. Къ этому представлялась, повидимому, благопріятная возможность.

Министръ, благожелательность котораго не находила, очевидно, надлежащаго отклика въ Царскомъ Селѣ, сдѣлалъ робкую попытку опереться на земцевъ: съ этой цѣлью имѣлось въ виду использовать предполагавшееся совѣщаніе представителей губернскихъ управъ.

Было бы крайне поверхностнымъ,—писало «Нов. Вр.» 17 октября,—смотрѣть на фактъ съѣзда, какъ на какой-нибудь видъ уступки—безъ болѣе глубокой цѣли или болѣе плодотворнаго замысла. Министерство провозгласило принципъ единенія съ земскими силами; но оно не могло да и не имѣло времени и возможности выработать самую программу политики единенія и довѣрія». «Программа, на которой должны сойтись органы правительства и добровольные труженники земли—должна быть выработана сообща... Можно предполагать,—писала далѣе газета,—что земскіе дѣятели... найдутъ способъ хотя бы въ общихъ чертахъ намѣтить тотъ путь, который бы навсегда обезпечилъ возможность правдиваго освѣщенія разнообразныхъ сторонъ нашей жизни... (№ 10284, курс. нашъ).

Такимъ образомъ, земцевъ приглашали произвести осторожное давленіе слѣва. Но у вдохновителей этого приглашенія немедленно должно было возникнуть сомнѣніе: проявятъ ли земцы надлежащій тактъ и не окажется ли давленіе чрезмѣрнымъ? «Новое Время» немедленно же дало этому безпокойству надлежащее выраженіе. Земская Россія,—писала газета 28 октября,—не совершитъ безтактности уже по одному тому, что внутренняя красота великаго дѣла укажетъ надлежащій тонъ. Въ это можно твердо вѣрить: мы не услышимъ ни лукавыхъ, ни праздныхъ рѣчей—передъ нами обнажится чистая совѣсть хорошихъ русскихъ людей, и больше намъ ничего не нужно (№ 10295). Но поднимавшееся въ обществѣ возбужденіе, требовательный тонъ прессы и недовольство крайней правой внушали все большія опасенія за исходъ земскаго совѣщанія. 30 октября «Новое Время» уже рѣшительно ударило отбой. «Какъ бы ни были интересны и поучительны рѣшенія, къ которымъ придутъ члены совѣщанія, не слѣдуетъ забывать, что вслѣдствіе его состава и способа приглашенія, оно совершенно правильно разсматривается официально, какъ частное, и рѣшенія его имѣютъ значеніе академическое и обязательность только нравственную» (№ 10297). Въ концѣ концовъ земское совѣщаніе, которое должно было создать для «прогрессивнаго» министра пунктъ опоры, было запрещено въ Петербургѣ и полулегально собралось въ Москвѣ. Газетамъ запрещено было печатать и обсуждать его резолюціи. Челобитная Черниговскаго земства была объявлена «дерзкой и безтактной». Въ противовѣсъ программѣ земскаго Совѣщанія «Новое Время» напечатало записку кн. А. Васильчикова о призывѣ земскихъ людей по разработкѣ нѣкоторыхъ законопроектовъ. Правительственная весна была на исходѣ.

V.

Въ то время, какъ правое крыло «общества», не двигаясь съ мѣста, занималось тѣмъ, что доказывало обиняками умѣренность

и лойальность резолюцій земскаго съѣзда, радикальная интеллигенція, преимущественно учащаяся молодежь, примкнула къ ноябрьской кампаніи съ цѣлью вывести ее изъ ея жалкаго русла, придать ей болѣе боевой характеръ, связать ее съ революціоннымъ движеніемъ городскихъ рабочихъ массъ. Такимъ образомъ, возникли двѣ демонстраціи: петербургская—28 ноября и московская—5 и 6 декабря. Эти демонстраціи для радикальныхъ «дѣтей» были прямымъ и неизбѣжнымъ выводомъ изъ лозунговъ, выдвинутыхъ либеральными «отцами»: разъ рѣшено требовать конституціоннаго строя, нужно приступить къ борьбѣ. Но отцы вовсе не обнаруживали склонности къ такой послѣдовательности политическаго мышленія. Наоборотъ, они первымъ долгомъ испугались, какъ бы излишняя торопливость и порывистость не повредила дѣлу соглашенія. «Отцы» не поддержали «дѣтей» и съ головой выдали ихъ казакамъ и коннымъ жандармамъ либеральнаго князя.

Студенчество не встрѣтило поддержки и со стороны рабочихъ. Здѣсь ясно обнаружилось, какой въ сущности ограниченный характеръ имѣла ноябрьская банкетная кампанія, не задѣвавшая широкихъ массъ. Такимъ образомъ, учащаяся молодежь не была поддержана ни справа, ни слѣва.

Тѣмъ не менѣе эти демонстраціи, послѣ долгаго затишья, при обостренности внутренняго положенія, создавшейся военными разгромами, демонстраціи политическія, въ столицахъ, отдавшіяся черезъ клавиши телеграфа во всемъ мірѣ, произвели, какъ симптомъ, гораздо большее впечатлѣніе на правительство, чѣмъ всѣ мудрыя увѣщанія либеральной прессы...

На конституціонную кампанію, начавшуюся собраніемъ нѣсколькихъ десятковъ земцевъ въ барской квартирѣ Корсакова и закончившуюся водвореніемъ нѣсколькихъ десятковъ студентовъ въ полицейскіе участки Петербурга и Москвы, правительство отвѣтило извѣстнымъ реформаторскимъ «указомъ» и не менѣе извѣстнымъ полицейскимъ «сообщеніемъ».

Именной указъ 12 декабря такъ и остался высшимъ проявленіемъ политики довѣрія. Указъ, обѣщающій цѣлый рядъ реформъ для того, чтобы отказать въ реформѣ, ставить непремѣннымъ условіемъ «сохраненіе незыблемости основныхъ законовъ имперіи» и обѣщаетъ различить все дѣйствительно соотвѣтствующее интересамъ русскаго народа отъ нерѣдко ошибочныхъ и обстоятельствами навѣянныхъ стремленій. Во главѣ заботъ ставится устройство быта многомилліоннаго крестьянскаго сословія. Засимъ указъ признаетъ неотложнымъ: принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона; расширить полномочія городскихъ и земскихъ учрежденій въ мѣстныхъ дѣлахъ; обезпечить судебнымъ установленіямъ необходимую самостоятельность; озаботиться введеніемъ государственнаго страхованія рабочихъ; ограничить примѣненіе исключительныхъ законовъ; обезпе-

чить терпимость въ дѣлахъ вѣры; ограничить... ограниченія инородцевъ; устранить излишнія стѣсненія печати, дабы она могла стать правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи. Выработка соотвѣтственныхъ законопроектовъ поручена кабинету министровъ.

Не трудно замѣтить, что указъ этотъ формулируетъ исполненныя благожелательности и недомолвокъ бесѣды князя Святополка съ иностранными корреспондентами. По существу указъ не гарантируетъ ничего, кромѣ созданія нѣсколькихъ чиновничьихъ комиссій. Несравненно большей политической опредѣленностью отличается вышедшее черезъ два дня послѣ указа (14 декабря) правительственное сообщеніе. Оно ставитъ въ главу угла ноябрьскій земскій съѣздъ, какъ первоисточникъ дальнѣйшаго движенія, чуждаго русскому народу, который вѣренъ исконнымъ основамъ существующаго государственнаго строя. Оно ставитъ далѣе на видъ думскимъ и земскимъ собраніямъ, что, обсуждая постановленія ноябрьскаго совѣщанія, они поступаютъ вопреки требованіямъ закона. Шумныя сборища (банкеты) и уличныя скопища (демонстраціи), оказывающія открытое сопротивленіе полиціи, собираются подъ вліяніемъ «лицъ, стремящихся внести въ общественную и государственную жизнь смуту»... Правительство напоминаетъ, что его законный долгъ—ограждать государственный порядокъ и общественное спокойствіе; поэтому всякое нарушеніе порядка и спокойствія и всякія сборища противоправительственнаго характера должны быть и будутъ прекращаемы всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей законными средствами.

Одновременное появленіе двухъ бумагъ: обѣщающей и угрожающей, становится съ этого времени обычной формой общенія власти съ народомъ. 18 февраля такимъ же порядкомъ появляется манифестъ, призывающій къ искорененію крамолы, и рескриптъ, повелѣвающій выработать законопроектъ о народномъ представительствѣ. Въ этихъ двухъ бумагахъ—двѣ взаимно-связанныя тенденціи стараго режима: голый инстинктъ самосохраненія, заставляющій защищаться «всѣми имѣющимися въ распоряженіи средствами»; и стремленіе найти политическую опору въ наиболѣе устойчивыхъ и мирныхъ слояхъ осѣдлаго и имущаго населенія. Эти двѣ тенденціи *логически* не исключаютъ одна другой. Но *фактически* онѣ, при обостряющемся ходѣ революціоннаго развитія, вступаютъ между собой въ противорѣчіе и, вмѣсто того, чтобы объединить бюрократію съ представителями владѣльческихъ классовъ, раскалываютъ самую бюрократію на двѣ враждебныя партіи. Старыя дѣленія въ чиновныхъ сферахъ, опредѣлявшіяся интересами вѣдомствъ, конкуренціей министерствъ и борьбой за оклады если не изсчезаютъ, то входятъ въ болѣе широкое и принципіальное дѣленіе бюрократіи на партію репрессій, которая вѣритъ только въ техническія при-

способленія для массовыхъ убійствъ, и партію реформъ, которая надѣется на союзъ съ «благоразумнымъ большинствомъ населенія». Однако, и партія реформъ не отрицаетъ репрессій; она только хочетъ подчинить ихъ интересамъ законности и порядка, а не самодовлѣющимъ интересамъ касты. Но логика репрессій имѣетъ свой собственный путь развитія. Обостряющаяся революціонная борьба требуетъ прогрессивнаго обостренія практики репрессій, а это, въ свою очередь, исключаетъ возможность коалиціи съ такъ называемымъ благоразумнымъ большинствомъ. Сперва реформы выдвигаются, какъ средство умиротворенія, въ противовѣсъ самодовлѣющимъ репрессіямъ; затѣмъ репрессіи примѣняются, какъ средство расчистить почву для реформъ. Но такъ какъ репрессія только подбрасываетъ дровъ въ костеръ революціи, то реформа уходитъ все больше въ область отдаленнаго будущаго, и кровавая расчистка почвы получаетъ характеръ самодовлѣющій. Вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократическая партія реформъ терпитъ неизбѣжный крахъ и уступаетъ свое мѣсто своимъ противникамъ, вся программа которыхъ исчерпывается словами: не жалѣть патроновъ. Въ этихъ личныхъ чередованіяхъ сказывается закономѣрность поступательнаго развитія революціи.

Князь Святополкъ нашелъ достаточное число людей, которые закрывали собранія, распускали общества и душили прессу. Но требовать отъ нихъ, чтобъ они тѣми же руками споспѣшествовали прогрессу было бы несправедливо. «Новое Время», сохранявшее вѣрность князю Святополку до дня его отставки, жаловалось на то, что люди, играющіе роль въ проведеніи намѣченныхъ реформъ, не только отрицаютъ категорическій характеръ указаній 12 декабря, но и допускаютъ надежду на возможность «разыграть» эти указанія въ томъ или иномъ направленіи. Что они въ своихъ надеждахъ не ошиблись, это мы знаемъ хорошо.

Если кн. Святополкъ мало успѣвалъ въ дѣлѣ мирнаго обновленія, если созданнымъ на основѣ декабрьскаго указа комиссіямъ никто не придавалъ серьезнаго значенія, кромѣ развѣ гг. Стасюлевича и Арсеньева, вступившихъ при общихъ протестахъ въ комиссію Кобеко о печати, то зато князь съ огромнымъ успѣхомъ выполнялъ болѣе общую задачу, ради которой исторія и поставила его на время во главѣ правительства: задачу разрушенія политическихъ иллюзій и предразсудковъ средняго обывательскаго слоя. Острое недовольство правительствомъ существовало въ обывательской средѣ и до назначенія Святополка-Мирскаго: недаромъ же Плеве жаловался въ одномъ письмѣ на «главный недугъ современной общественной жизни—конституціонную смуту». Но это была именно с м у т а, по мѣткому замѣчанію «Права»: неопредѣленное, хотя и острое недовольство существующимъ. При князѣ Святополкѣ конституціонная смута спѣшно смѣнялась конституціоннымъ сознаніемъ. Изъ всѣхъ

своихъ обѣщаній правительство рѣшительно и послѣдовательно выполняло только одно: искорененіе всѣми имѣющимися въ распоряженіи властей средствами противоправительственнаго движенія. Правда, министерство князя Святополка оказало значительныя послабленія прессѣ; но объемъ ея интересовъ выросъ гораздо больше, чѣмъ снисходительность Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Эта полусвобода изъ милости раздражала не меньше, чѣмъ полное рабство. Хотя ежовая рукавица и стала короче, но, вопреки надеждамъ «Виленскаго Вѣстника», жить отъ этого не стало легче. Такова общая судьба реформъ-уступокъ въ революціонную эпоху: онѣ не удовлетворяютъ, но лишь возбуждаютъ требовательность. Эта повышенная требовательность сказывалась въ печати, въ собраніяхъ, на съѣздахъ, — и въ свою очередь раздражала власть, которая быстро теряла свое «довѣріе» и искала помощи въ репрессіяхъ. Демонстраціи разгонялись съ безпощадностью, собранія и съѣзды распускались, на печать сыпался градъ ударовъ; гомельскій процессъ далъ образчикъ «независимости суда» и «охраненія полной силы законовъ». Наконецъ, какъ бы для того, чтобы помочь обывателю окончательно опредѣлить удѣльный вѣсъ указа 12-го декабря, князь Святополкъ издалъ 31 декабря циркуляръ, въ которомъ выяснялъ, что возвѣщенный либеральнымъ указомъ пересмотръ положенія о крестьянахъ долженъ производиться на основѣ проекта Плеве, выработаннаго его ближайшими сотрудниками, Гурко и Стишинскимъ. Это былъ послѣдній правительственный актъ 1904 года. 1905 годъ открылся событіями, которыя положили роковую грань между прошлымъ и будущимъ. Они подвели кровавую черту подъ эпохой весны, періодомъ дѣтства политическаго сознанія. Князь Святополкъ, его доброта, его планы, его довѣріе, его циркуляры, все было отброшено и забыто.

Либеральное общество проводило князя Святополка съ чувствомъ меланхолической благодарности. Правда, князь никого не успокоилъ и ничего не обновилъ. Но онъ далъ либеральному обществу возможность высказаться и связаться. «Указанная заслуга кн. Святополка-Мирскаго,—писали «Рус. Вѣд.»,—заслоняетъ собою тѣ частности его управленія, которыя въ послѣднее время могли ослабить сочувствіе къ нему».

Къ этимъ «частностямъ» управленія кн. Святополка нужно отнести колоссальную январскую провокацію, въ которой чины министерства внутреннихъ дѣлъ принимали такое дѣятельное участіе и которая закончилась величайшимъ злодѣяніемъ 9-го января. Либерализмъ можетъ съ благодарностью вспоминать министра весны, разрѣшившаго оппозиціонныя узы образованнаго общества. Для пролетаріата имя либеральнаго князя навсегда связано съ массовыми разстрѣлами безоружныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

До 9-го января [1]).

I. Война и либеральная оппозиція.

Оглянемся на послѣдній трехмѣсячный періодъ.

Именитые земцы съѣзжаются въ Петербургъ, устраиваютъ не то тайное, не то явное совѣщаніе и вырабатываютъ конституціонныя требованія. Интеллигенція устраиваетъ рядъ политическихъ банкетовъ. Члены окружныхъ судовъ сидятъ въ перемежку съ возвращенными ссыльными, интеллигенты съ красными гвоздиками въ петлицѣ чередуются съ дѣйствительными статскими совѣтниками, профессора государственнаго права возсѣдаютъ бокъ-о-бокъ съ поднадзорными рабочими.

Купцы московской думы выражаютъ свою солидарность съ конституціонной программой земскаго съѣзда, московскіе биржевики — съ думскими купцами.

Присяжные повѣренные устраиваютъ уличную демонстрацію, политическіе ссыльные ведутъ въ газетахъ агитацію противъ ссылки, поднадзорные — противъ шпіоновъ, морской офицеръ открываетъ публицистическій походъ противъ всего морского вѣдомства, и, когда его сажаютъ въ тюрьму, легальное общество собираетъ ему на кортикъ.

Невѣроятное становится дѣйствительнымъ, невозможное — вѣроятнымъ.

Легальная пресса даетъ отчеты о банкетахъ, печатаетъ резолюціи, сообщаетъ о демонстраціяхъ, упоминаетъ мимоходомъ даже про «извѣстную русскую поговорку», бранитъ генераловъ и министровъ, — преимущественно, впрочемъ, покойныхъ или отставныхъ.

Журналисты мечутся, вспоминаютъ прошлое, вздыхаютъ, надѣются, предостерегаютъ другъ друга отъ лишнихъ надеждъ, не знаютъ, какъ быть, пытаются отдѣлаться отъ рабьяго языка, не находятъ словъ, натыкаются на предостереженія, искренно стремятся быть радикальными, хотятъ къ чему то призвать,

[1]) Этотъ очеркъ первоначально былъ изданъ въ Женевѣ. Первая часть его написана въ декабрѣ 1904 г.

но не знаютъ — къ чему, говорятъ много ѣдкихъ словъ, но на скоро, ибо неувѣрены въ завтрашнемъ днѣ, скрываютъ за острыми фразами чувство неувѣренности, всѣ растеряны, и каждый хочетъ заставить остальныхъ думать, что растеряны всѣ, кромѣ него одного...

Теперь эта волна идетъ на убыль... — разумѣется для того только, чтобы сейчасъ же дать мѣсто другой, болѣе высокой волнѣ.

Воспользуемся этимъ моментомъ, чтобъ учесть сдѣланное и сказанное за послѣдній періодъ, — и сдѣлать выводъ: что же дальше?

Теперешнее положеніе въ ближайшемъ счетѣ создано войной. Она страшно форсируетъ естественный процессъ разрушенія самодержавія, клещами вытаскиваетъ на площадь политической жизни лѣнивыя общественныя группы и, что есть мочи, гонитъ впередъ формированіе политическихъ партій...

Чтобы не утратить всѣхъ перспективъ, намъ нужно отойти нѣсколько отъ періода «весенней» смуты — назадъ, къ началу войны, и хоть бѣгло обозрѣть политику разныхъ партій за это вдвойнѣ военное время.

Война дана была обществу, какъ фактъ, — оставалось его принять и использовать.

Партія придворной реакціи дѣлала въ этомъ направленіи все, что могла. Пользуясь тѣмъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, что абсолютизмъ, въ конецъ скомпрометированный, какъ представитель интересовъ культурнаго развитія націи, нашелъ въ войнѣ возможность проявить себя съ той стороны, съ какой онъ казался наиболѣе сильнымъ и себѣ и другимъ, реакціонная печать взяла наступательный тонъ и поставила на очередь дня лозунги, въ которыхъ самодержавіе, нація, армія, Россія, — все объединялось общимъ интересомъ немедленной побѣды.

«Ни въ чемъ — повторяло и повторяетъ «Новое Время», — такъ не сознаетъ своего единства нація, какъ въ своей арміи. Армія въ своихъ рукахъ держитъ международную честь націи. Пораженіе арміи есть пораженіе націи».

Задача реакціи была, такимъ образомъ, ясна: превратить войну въ національное предпріятіе, объединить «общество» и «народъ» вокругъ самодержавія, какъ охранителя могущества и чести Россіи, создать вокругъ него атмосферу преданности и патріотическаго энтузіазма. И реакція, какъ могла и какъ умѣла, преслѣдовала эту цѣль. Она стремилась возжечь чувства патріотическаго негодованія и нравственнаго возмущенія, нещадно эксплуатируя, такъ называемое, коварное нападеніе японцевъ на нашъ флотъ. Она изображала врага коварнымъ, трусливымъ, жаднымъ, ничтожнымъ, безчеловѣчнымъ. Она играла на томъ,

что врагъ — желтолицый, что онъ — язычникъ. Она стремилась, такимъ образомъ, вызвать приливъ патріотической гордости и брезгливой ненависти къ врагу.

Событія не оправдывали ея предсказаній. Злосчастный тихоокеанскій флотъ терпѣлъ уронъ за урономъ. Реакціонная печать оправдывала неудачи, объясняя ихъ случайными причинами, и обѣщала реваншъ на сушѣ. Начался рядъ сухопутныхъ сраженій рядъ чудовищныхъ потерь, рядъ отступленій непобѣдимаго Куропаткина, героя столькихъ каррикатуръ европейской печати. Реакціонная печать дѣлала попытки самими фактами пораженій ущемить народную гордость и пробудить жажду кроваваго отмщенія.

Въ первый періодъ войны реакція организовывала патріотическія манифестаціи изъ отбросовъ студенчества и городскихъ подонковъ и покрывала всю страну лубочными картинами, на которыхъ преимущества русской арміи надъ японской изображались самыми яркими красками, какія только имѣлись въ распоряженіи патріотическихъ живописцевъ.

Именемъ патріотизма и человѣколюбія реакція призывала къ поддержкѣ правительственнаго Краснаго Креста, когда число раненныхъ стало возрастать; именемъ патріотизма и государственныхъ интересовъ она привлекала общество къ пожертвованіямъ на флотъ, когда перевѣсъ японскаго флота надъ нашим сталъ очевидностью.

Словомъ, реакція дѣлала все, что могла и умѣла, чтобъ использовать войну въ интересахъ самодержавія, т. е. въ своихъ собственныхъ.

Какъ же въ это критическое время дѣйствовала офиціальная оппозиція, та, въ рукахъ которой органы самоуправленія — земства и думы — и либеральная печать?

Скажемъ сразу: позорно.

Земства не только покорно несли тѣ связанные съ войной заботы и расходы, которые возложены на нихъ закономъ, нѣтъ, они еще сверхъ того добровольно пришли на помощь самодержавію деньгами и трудомъ

«Если патріотическое чувство призываетъ васъ принять дѣятельное участіе въ бѣдствіяхъ войны, идите кормить и грѣть зябнущихъ, лѣчить больныхъ и раненыхъ»...—училъ г. Струве, принося въ жертву не «патріотическому чувству», а патріотическому лицемѣрію послѣдніе остатки оппозиціоннаго смысла и политическаго достоинства. Развѣ не ясно, что въ тотъ моментъ, когда реакція создавала кровавый миражъ общенароднаго дѣла, всякая честная оппозиціонная партія должна была отшатнуться отъ этого позорнаго дѣла, какъ отъ чумной заразы!

Въ тотъ моментъ, когда правительственный Красный Крестъ, пріютившій въ своихъ рядахъ всѣхъ гдѣ-либо проворовавшихся чиновниковъ, чахнетъ отъ недостатка средствъ, когда правительство мечется въ тискахъ финансовой нужды, является земство, и пользуясь своимъ оппозиціоннымъ авторитетомъ и народными деньгами, беретъ на себя добрую долю издержекъ по военной авантюрѣ. Оно помогаетъ раненымъ? — да, помогаетъ раненымъ, но оно снимаетъ, такимъ образомъ, часть финансоваго бремени съ правительства и облегчаетъ ему дальнѣйшее веденіе войны и, значитъ, дальнѣйшую фабрикацію раненыхъ.

Но этимъ соображеніемъ еще не охваченъ вопросъ.

Вѣдь задача состоитъ въ томъ, чтобъ разъ на всегда опрокинуть тотъ порядокъ, при которомъ безсмысленная рѣзня и калѣченіе десятковъ тысячъ людей зависитъ отъ политическаго азарта чиновной банды. Война обострила эту задачу, противопоставивъ народу самодержавіе во всемъ безобразіи его внутренней и внѣшней политики — безсмысленной, хищной, расточительной и кровавой.

Реакція стремилась — и съ, точки зрѣнія ея интересовъ, вполнѣ цѣлесообразно — втянуть и матеріально и морально весь народъ въ водоворотъ военной авантюры. Тамъ, гдѣ вчера еще были борющіеся группы и классы, реакція и либерализмъ, власть и народъ, правительство и оппозиція, стачки и репрессіи, тамъ должно было, по замыслу реакціи, сразу установиться царство національно-патріотическаго единенія.

Тѣмъ рѣзче и энергичнѣе, тѣмъ смѣлѣе и безпощаднѣе должна была оппозиція вскрыть пропасть между самодержавіемъ и націей, тѣмъ рѣшительнѣе она должна была попытаться столкнуть въ эту пропасть истиннаго національнаго врага, абсолютизмъ. Вмѣсто того либеральныя земства съ затаенной «оппозиціонной» мыслью (захватить въ свои руки часть военнаго хозяйства и поставить правительство въ зависимость отъ себя!) впрягаютъ себя въ военную колесницу, подбираютъ трупы, затираютъ кровавые слѣды.

Пожертвованіями на санитарную организацію дѣло, однако, не ограничивается. Сейчасъ же по объявленіи войны земства и думы, вѣчно жалующіяся на недостатокъ средствъ, вдругъ съ какимъ-то нелѣпымъ размахомъ жертвуютъ деньги на нужды войны, на усиленіе флота, а харьковское земство вырываетъ изъ своего бюджета цѣлый милліонъ и отдаетъ его въ непосредственное распоряженіе двора.

Но и это еще не все! Земцы и думцы не ограничились только тѣмъ, что пріобщились къ черной работѣ въ позорной бойнѣ, взявъ на себя, т. е. отъ своего имени взваливъ на народъ, часть ея расходовъ. Они не удовольствовались молча-

ливымъ политическимъ попустительствомъ и молчаливой порукой за самодержавіе, — нѣтъ, они во всеуслышаніе объявили свою моральную солидарность съ виновниками величайшаго изъ злодѣяній. Въ цѣломъ рядѣ адресовъ земства и думы другъ за другомъ, всѣ безъ изъятія, припадали къ стопамъ самодержавной власти, которая только что растоптала тверское земство и готовилась растоптать нѣсколько другихъ, выражали свое негодованіе коварному врагу, молитвенно клялись въ своей преданности и обязывались пожертвовать жизнью и имуществомъ,— о, они знали, что имъ не придется этого дѣлать! — за честь и могущество Царя и Россіи. За земствами и думами шли позорной вереницей профессорскія корпораціи. Одна за другой онѣ откликались на объявленіе войны адресами, въ которыхъ семинарская витіеватость формы гармонировала съ политическимъ идіотизмомъ содержанія. Рядъ этихъ холопскихъ произведеній увѣнчался патріотическимъ подлогомъ Совѣта Высшихъ женскихъ курсовъ, который расписался въ патріотизмѣ не только за себя, но и за неопрошенныхъ слушательницъ.

Чтобы покончить съ этой безобразной картиной трусости, холопства, лжи, мелкой дипломатіи и цинизма, достаточно будетъ, въ видѣ послѣдняго удара кисти, привести тотъ фактъ, что въ депутаціи, подносившей адресъ петербургскаго земства фигурировали нѣкоторымъ образомъ «свѣточи» либерализма — г.г. Стасюлевичъ и Арсеньевъ.

Останавливаться ли на всѣхъ этихъ фактахъ? Комментировать ли ихъ? Нѣтъ, такіе факты достаточно назвать и установить, чтобъ они ужъ горѣли краской пощечины на политической физіономіи либеральной оппозиціи.

А либеральная печать? Эта жалкая, шамкающая, пресмыкающаяся, лживая, извивающаяся, развращенная и развращающая либеральная печать!... Съ затаеннымъ рабьимъ желаніемъ разгрома самодержавія въ душѣ, съ лозунгами національной гордости на языкѣ, она бросилась — вся безъ изъятія — въ грязный потокъ шовинизма, стараясь не отставать отъ печати реакціонныхъ громилъ. «Русское Слово» и «Русскія Вѣдомости», «Одесскія Новости» и «Русское Богатство», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Курьеръ» (московскій), «Русь» и «Кіевскіе Отклики» — всѣ показали себя достойными другъ друга. Либеральная-лѣвая на перебой съ либеральной-правой говорила о вѣроломствѣ «нашего врага», о его безсиліи и нашей силѣ, о миролюбіи монарха, о неизбѣжности «нашей побѣды», о довершеніи «нашихъ задачъ» на Дальнемъ Востокѣ, — не вѣря собственнымъ словамъ, съ затаеннымъ рабьимъ желаніемъ правительственнаго разгрома въ душѣ.

Уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда тонъ прессы успѣлъ рѣзко

измѣниться, г. Ив. Петрункевичъ, краса и гордость земскаго либерализма, пугало реакціонной прессы, завѣрялъ читателей «Права», что «каково бы ни было мнѣніе о настоящей войнѣ, но каждый русскій знаетъ, что разъ она начата, она не можетъ быть закончена въ ущербъ государственнымъ и народнымъ интересамъ нашей страны... Мы не можемъ теперь предложить Японіи мира и вынуждены продолжать войну до тѣхъ поръ, пока Японія не согласится положить въ основу его условія, пріемлемыя нами и съ точки зрѣнія нашего національнаго достоинства, и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ Россіи» [1]).

«Лучшіе» и «достойнѣйшіе» — всѣ одинаково запятнали себя.

« ... Всколыхнувшаяся на первыхъ порахъ волна шовинизма, объясняютъ теперь этотъ фактъ «Наши Дни» — не только не встрѣтила на пути своемъ какихъ-либо препятствій, но увлекла даже многихъ передовыхъ дѣятелей, разсчитывавшихъ, повидимому, что теченіемъ своимъ волна эта приблизитъ ихъ къ желанному берегу».

Это не оплошность, не случайная ошибка, не недоразумѣніе. Тутъ тактика, тутъ планъ, тутъ вся душа нашей привилегированной оппозиціи. Компромиссъ вмѣсто борьбы. Сближеніе во что бы то ни стало. Отсюда — стремленіе облегчить абсолютизму душевную драму этого сближенія. Сорганизоваться не на дѣлѣ борьбы съ самодержавіемъ, а на дѣлѣ услуженія ему. Не побѣдить правительство, а завлечь его. Заслужить его признательность и довѣріе, стать для него необходимымъ, наконецъ, подкупить его на народныя деньги. Тактика, которой столько же лѣтъ, сколько русскому либерализму, и которая не сдѣлалась ни умнѣе, ни достойнѣе съ годами!

Русскій народъ не забудетъ, что въ трудную минуту либералы сдѣлали лишь одно: попытку купить для себя у народнаго врага довѣріе на народныя деньги.

Съ самаго начала войны либеральная оппозиція сдѣлала все, чтобъ погубить положеніе. Но революціонная логика событій не знала остановки. Портъ-Артурскій флотъ разбитъ, адмиралъ Макаровъ погибъ, война перебросилась на сушу, — Ялу, Кинъ-Чжоу, Дашичао, Вафангоу, Ляоянъ, Шахэ — все это разныя имена одного и того же самодержавнаго позора. Японская армія разбивала русскій абсолютизмъ не только на водахъ и поляхъ Восточной Азіи, но и на европейской биржѣ и на улицахъ Петербурга.

Положеніе правительства становилось труднымъ, какъ ни-

---

[1]) „Право“, 1904 г.. № 41, курсивъ нашъ.

когда. Деморализація въ правительственныхъ рядахъ дѣлала невозможной послѣдовательность и твердость во внутренней политикѣ. Колебанія, попытки соглашенія и умиротворенія становились неизбѣжны. Смерть Плеве создавала благопріятный поводъ для перемѣны курса.

Мѣсто Плеве занялъ князь Святополкъ-Мирскій. Онъ поставилъ своей задачей примиреніе съ либеральной оппозиціей и началъ умиротвореніе съ того, что выразилъ довѣріе населенію Россіи. Это было глупо и нагло. Развѣ дѣло въ томъ, чтобъ министръ довѣрялъ населенію? Не наоборотъ ли? Не министръ ли долженъ зависѣть отъ довѣрія населенія?

Оппозиція должна была заставить князя Святополка понять это простое обстоятельство. Вмѣсто этого она начала фабриковать адреса, телеграммы и статьи признательности и восторга. Отъ имени полутораста-милліоннаго населенія она благодарила самодержавіе, которое заявило, что оно «довѣряетъ» недовѣряющему ему народу.

По либеральной прессѣ пробѣгаетъ волна надежды, ожиданія и благодарности. «Русскія Вѣдомости» и «Русь» совмѣстными усиліями стремятся отбить князя у «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей«, уѣздныя земства благодарятъ и на дѣются, города надѣются и благодарятъ, а въ настоящее время, уже послѣ того, какъ политика довѣрія завершила весь кругъ своего развитія, губернскія земства одно за другимъ шлютъ министру запоздалыя голоса своего отвѣтнаго довѣрія... Такимъ путемъ оппозиція поддерживаетъ внутреннюю сумятицу и превращаетъ глупый бюрократическій анекдотъ въ длительное политическое состояніе мятущейся страны.

И еще разъ приходится сдѣлать выводъ. Оппозиція, которая не нашлась въ столь благопріятномъ положеніи, когда въ ней нуждались и предъ ней заискивали, оппозиція, которая на одинъ лишь звукъ правительственнаго довѣрія отвѣтила довѣріемъ съ своей стороны, эта оппозиція лишила себя самое права на какое бы то ни было довѣріе со стороны народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она лишила себя права на уваженіе со стороны врага. Правительство, въ лицѣ Святополка, обѣщало земцамъ дать возможность съѣхаться легально, — и не дало. Земцы не протестовали и съѣхались нелегально. Они приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать свой съѣздъ тайнымъ для народа. Другими словами, они сдѣлали все, чтобы лишить свой съѣздъ политическаго значенія.

На своемъ совѣщаніи 7 — 9 ноября 1904 года земцы — предсѣдатели губернскихъ управъ и вообще видные дѣятели самоуправленія — формулировали свои требованія. Земская оппозиція, въ лицѣ своихъ наиболѣе видныхъ, хотя формально и не

уполномоченныхъ представителей, впервые предъявила намъ свою программу.

У сознательныхъ элементовъ народа есть всѣ основанія отнестись къ этой программѣ съ полнымъ вниманіемъ. Чего требуютъ земцы? Чего — для себя? Чего — для народа?

II. Чего требуютъ земцы?

I. Избирательное право.

Земцы хотятъ конституціи. Они требуютъ, чтобы въ законодательствѣ участвовалъ народъ черезъ своихъ представителей. Хотятъ ли они демократической конституціи? Требуютъ ли они, чтобы весь народъ на равныхъ правахъ участвовалъ въ законодательствѣ? Другими словами: стоятъ ли земцы за всеобщее равное и прямое избирательное право съ тайной подачей голосовъ, обезпечивающей независимость голосованія?

Всеобщее избирательное право не исчерпываетъ демократической программы, и признаніе его еще не дѣлаетъ демократомъ— какъ потому, что, при извѣстныхъ условіяхъ, за это требованіе можетъ ухватиться и реакціонная демагогія, такъ и потому, что для революціонной демократіи всеобщее избирательное право является не однимъ изъ требованій, но составной частью цѣлостной программы. Зато обратное утвержденіе: безъ всеобщаго избирательнаго права нѣтъ демократіи — безусловно вѣрно.

Посмотримъ же, какъ земскій съѣздъ отнесся къ этому кардинальному демократическому требованію. Перечитываемъ пунктъ за пунктомъ всѣ резолюціи съѣзда — и нигдѣ не находимъ упоминанія о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Это рѣшаетъ для насъ вопросъ. Мы заключаемъ: программа земцевъ не говоритъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, значитъ земская оппозиція не хочетъ всеобщаго избирательнаго права.

Политическое недовѣріе есть наше право, а вся прошлая исторія либеральной оппозиціи превращаетъ это право въ нашу обязанность!

Земскіе либералы заинтересованы въ своемъ вліяніи, въ своей политической репутаціи. Они заинтересованы въ томъ, чтобы обезопасить себя отъ критики и разоблаченій соціалдемократіи. Они знаютъ, что соціалдемократія выдвинула требованіе всеобщаго избирательнаго права, и что она зорко и недовѣрчиво слѣдитъ за тѣмъ, какъ относятся къ этому требованію всѣ другія оппозиціонныя партіи.

Вотъ почему земскіе либералы, еслибъ они стояли за всеобщее избирательное право, должны были бы въ собственныхъ политическихъ интересахъ жирнымъ шрифтомъ напечатать его въ своей программѣ. Они этого не сдѣлали. Значитъ, они не хотятъ всеобщаго избирательнаго права.

Одинъ изъ участниковъ съѣзда, черниговскій «радикалъ» г. Хижняковъ, гласный черниговскаго земства, доказывалъ на собраніи кіевскаго литературно-артистическаго общества, что резолюціи земскаго съѣзда, не противорѣчатъ требованію всеобщаго избирательнаго права. Г. Хижняковъ разсуждалъ схоластически. Онъ забывалъ или не зналъ, что, кромѣ формальной логики, есть еще логика политическая, для которой умолчаніе иногда равносильно отрицанію. И это лучше всего подтвердилъ вскорѣ самъ г. Хижняковъ, когда подписалъ резолюцію черниговскаго земства, требующую созыва не представителей народа, а представителей земствъ и думъ. Дальше этого не шелъ въ своихъ стремленіяхъ и съѣздъ. Неопредѣленностью формулировки онъ лишь прикрывалъ умѣренность и узость своихъ требованій.

Впрочемъ, въ резолюціяхъ съѣзда есть пунктъ, который даетъ поводъ утверждать, что земцы не только не отвергли всеобщаго избирательнаго права, но и положительно высказались за него. 7 пунктъ говоритъ: «Личныя гражданскія и политическія права всѣхъ гражданъ Россіи должны быть равны».

Политическія права — вѣдь это права на участіе въ политической жизни страны, т. е. прежде всего избирательныя права. Земскій съѣздъ рѣшилъ, что эти права должны быть равны. Не правъ ли въ такомъ случаѣ другой «радикалъ», г. Водовозовъ, который на упомянутомъ уже собраніи литературно-артистическаго общества слѣдующимъ образомъ возразилъ соціалдемократу, обвинявшему земцевъ за ихъ умолчаніе о всеобщемъ голосованіи: «Я безусловно протестую противъ рѣчи недовольнаго оратора. Пунктъ седьмой говоритъ о равенствѣ личныхъ общественныхъ и политическихъ правъ. Если бы вы были болѣе знакомы съ государственной наукой,—говорилъ г. Водовозовъ,—вы увидѣли бы, — что формула эта разумѣетъ всеобщее равное прямое и тайное избирательное право!»

Г. Водовозовъ, безспорно, очень близко знакомъ съ государственной наукой. Но онъ дѣлаетъ изъ своихъ знаній крайне дурное употребленіе: онъ вводитъ своихъ слушателей въ обманъ.

Безспорно, равенство политическихъ правъ, если брать его въ серьезъ, означаетъ что избирательныя права гражданъ должны быть равны. Но столь же безспорно, что пунктъ 7 ограничиваетъ это равенство только гражданами, не распространяя его на гражданокъ. Или же г. Водовозовъ скажетъ, что земцы имѣютъ въ виду и женщинъ? Нѣтъ, онъ этого не скажетъ. Такимъ

образомъ, пунктъ 7 не означаетъ всеобщаго избирательнаго права.

Но онъ не означаетъ также прямого избирательнаго права. Избирательныя права гражданъ могутъ быть равны, но конституція можетъ предоставить имъ выбирать выборщиковъ второй степени, съ тѣмъ, чтобы тѣ выбирали, въ свою очередь, выборщиковъ третьей степени, а ужъ эти послѣдніе — «народныхъ представителей». Эта система убійственна для народа, потому что господствующимъ классамъ легче повліять на небольшой кругъ процѣженныхъ выборщиковъ, чѣмъ на народныя массы [1])

Далѣе, равенство избирательныхъ правъ само по себѣ ровно ничего не говоритъ о тайномъ голосованіи. А между тѣмъ эта техническая сторона дѣла имѣетъ громадное значеніе для всѣхъ зависимыхъ, подначальныхъ, экономически-угнетенныхъ слоевъ народа. И особенно въ Россіи—съ ея вѣковыми навыками произвола и рабства. При нашихъ варварскихъ традиціяхъ система открытаго голосованія можетъ на долго свести къ нулю значеніе всеобщаго избирательнаго права!

Мы сказали, что изъ пункта 7-го логически вытекаетъ лишь равное избирательное право для мужчинъ. Но земцы поторопились показать, что, наперекоръ указаніямъ государственной науки г. Водовозова, они не связываютъ себя даже и этимъ обязательствомъ. Равенство политическихъ правъ относится, конечно, не только къ будущему парламенту, но и къ земствамъ и думамъ. А между тѣмъ п. 9 требуетъ лишь, «чтобы земское представительство было организовано не на сословныхъ началахъ и чтобы къ участію въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи были привлечены по возможности (!) всѣ наличныя силы мѣстнаго населенія». Такимъ образомъ, равенство политическихъ правъ будетъ примѣняться только «по возможности». Опредѣленно земцы высказываются лишь противъ сословнаго ценза, но они допускаютъ полную «возможность» ценза имущественнаго. И ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что за чертой политическаго равноправія окажутся всѣ, кто не отвѣчаетъ тому или иному цензу осѣдлости, а этотъ цензъ по всему характеру своему направленъ противъ пролетаріата.

Итакъ, вопреки завѣреніямъ «демократовъ» изъ оппортунизма и «демократовъ» изъ политическаго лицемѣрія, п. 7 не означаетъ на дѣлѣ ни всеобщаго, ни прямого, ни равнаго, ни тайнаго права голоса. Другими словами, онъ ничего не означаетъ. Это политическій фальшфейеръ, который долженъ обмануть простяковъ и

---

[1]) Недаромъ говорятъ что г. Витте, ожидающій своей „очереди“, подготовляетъ проектъ конституціи съ двухстепенными выборами.

послужить орудіемъ обмана въ рукахъ оппортунистическихъ развратителей политическаго сознанія.

Но если бы даже равенство политическихъ правъ было такъ богато значеніемъ, какъ хочетъ думать государственная наука г. Водовозова, оставалось бы еще спросить: вкладывали ли сами земцы въ эти слова то содержаніе, которое вкладываетъ въ нихъ «наука»? Конечно, нѣтъ. Если бы у нихъ дѣйствительно была демократическая мысль, они бы сумѣли ее выразить въ ясной политической формѣ. Недаромъ же, надѣется, одинъ изъ секретарей земскаго съѣзда, тамбовскій радикалъ Брюхатовъ, комментируетъ въ демократической «Нашей Жизни» п. 7 въ томъ смыслѣ, что «народъ получитъ всю полноту правъ гражданскихъ и необходимыхъ (!) политическихъ» [1]). Кто компетентенъ дѣлить политическія права на необходимыя и не-необходимыя, объ этомъ радикальный земецъ и демократическая газета хранятъ сосредоточенное молчаніе...

Тотъ, кто дѣйствительно выдвигаетъ демократическія требованія, всегда разсчитываетъ на массу и къ ней апелируетъ.

А масса не знаетъ дедукцій и софизмовъ государственнаго права. Она требуетъ, чтобы съ ней говорили ясно, чтобы вещи называли своими именами, чтобы ея интересы ограждались точно формулированными гарантіями, а не оставлялись на усмотрѣніе услужливыхъ истолкователей.

И мы считаемъ своей политической обязанностью развивать въ массѣ недовѣріе къ тому ставшему второй природой нашего либерализма эзоповскому языку, за которымъ укрывается не только политическая «неблагонадежность», но и политическая недобросовѣстность!

2. Въ чьихъ рукахъ верховная власть.

Каковъ же будетъ этотъ государственный строй, какъ же будетъ организована власть, участіе въ которой народа либеральная оппозиція считаетъ нужнымъ лишь «по возможности»? Будетъ ли это «демократическая» монархія? Или, можетъ быть, республика? Земскія резолюціи не только не говорятъ о республикѣ — одно лишь сопоставленіе земской оппозиціи съ требованіемъ республики дико звучитъ для уха — они не только, не говорятъ объ уничтоженіи или только ограниченіи самодержавія, они не произносятъ въ своемъ манифестѣ даже слова к о н с т и т у ц і я!

Правда, они говорятъ о «правильномъ участіи народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и

[1]) „Наша Жизнь“, 1905 г., № 2.

въ контролѣ за законностью дѣйствій администраціи», — слѣдовательно, они имѣютъ въ виду конституцію. Они только избѣгаютъ ея имени. Стоитъ ли въ такомъ случаѣ надъ этимъ останавливаться?

Мы думаемъ, что стоитъ. Европейская либеральная пресса, которая одинаково ненавидитъ русскую революцію и симпатизируетъ русскому земскому либерализму, съ восторгомъ останавливается предъ этимъ полнымъ такта умолчаніемъ земской декларацiи: либералы сумѣли выразить, чего они хотятъ, избѣгнувъ въ то же время словъ, которыя могли бы создать для князя Святополка невозможность принятія земскихъ рѣшеній.

Въ этомъ — совершенно вѣрное объясненіе, почему земская программа молчитъ не только о республикѣ, которой земцы не хотятъ, но и о «конституціи», которой они хотятъ. Формулируя свои требованія, земцы имѣли въ виду исключительно правительство, съ которымъ они должны вступить въ соглашеніе, а не народную массу, къ которой они могли бы апелировать.

Они вырабатывали пункты торгово-политическаго компромисса, а не директивы политической агитаціи. Они ни на минуту не сходили со своей анти-революціонной позиціи, — и это ясно выступаетъ не только изъ того, что они говорятъ, но и изъ того, о чемъ они умалчиваютъ.

Въ то время какъ реакціонная печать твердитъ изо дня въ день о преданности народа самодержавію и—въ лицѣ «Московскихъ Вѣдомостей»—неустанно повторяетъ, что «истинный» русскій народъ не только не требуетъ конституціи, но даже и не знаетъ этого заморскаго слова, земскіе либералы не осмѣливаются произнести это слово, чтобы довести его до свѣдѣнія народа. За этимъ страхомъ передъ словомъ скрывается страхъ предъ дѣломъ: борьбой, массой, революціей.

Повторяемъ. Кто хочетъ, чтобы его поняла масса, чтобы она была съ нимъ, тотъ долженъ прежде всего свои требованія выражать ясно и точно, всему давать надлежащее имя, конституцію называть конституціей, республику — республикой, всеобщее избирательное право — всеобщимъ избирательнымъ правомъ.

Русскій либерализмъ вообще и земскій въ частности никогда не порывалъ и теперь не порываетъ съ монархіей.

Наоборотъ, онъ стремится доказать, что, именно, въ немъ, либерализмѣ, единственное спасеніе монархіи.

«Жизненные интересы Престола и народа,—пишетъ въ «Правѣ» кн. С. Трубецкой,—требуютъ, чтобы бюрократическая организація не узурпировала полновластія, чтобы она перестала быть фактически безконтрольной и безотвѣтственной... А это, въ свою очередь, возможно лишь при помощи организаціи, стоящей внѣ

бюрократіи, при помощи дѣйствительнаго приближенія народа къ Престолу—живому средоточію власти» [1]).

Земскій съѣздъ не отрекся отъ монархическаго принципа, а положилъ въ основу всѣхъ своихъ резолюцій формулированную кн. Трубецкимъ «идею» престола, какъ «живого средоточія власти».

Народное представительство выдвигается съѣздомъ не какъ единственное средство взять народу свои дѣла въ свои собственныя руки, но какъ средство объединить Верховную Власть и населеніе, въ настоящее время разобщенныя другъ отъ друга бюрократическимъ строемъ (пп. 3, 4 и 10). Не самодержавіе народа противопоставляется самодержавію правительства, а народное представительство — самодержавной бюрократіи.

3. За кѣмъ учредительная власть?

Эта жалкая точка зрѣнія, стремящаяся примирить самодержавіе съ народнымъ верховенствомъ, выразилась въ совершенно предательскомъ отвѣтѣ на вопросъ: какъ и кто осуществитъ то государственное преобразованіе, которое съ такой зловѣщей для народа неопредѣленностью охарактеризовано въ резолюціяхъ земскаго съѣзда?

Въ послѣднемъ 11-мъ пунктѣ своихъ рѣшеній Совѣщаніе (такъ называетъ себя земскій съѣздъ) выражаетъ «надежду, что Верховная Власть *призоветъ* свободно избранныхъ представителей народа, дабы *присодѣйствіи ихъ* вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ *права и взаимодѣйствія государственной власти и народа*». На такой путь оппозиція хочетъ поставить дѣло государственнаго обновленія Россіи. Верховная власть должна призвать себѣ въ помощь представителей народа. Резолюція и здѣсь, въ этомъ рѣшающемъ пунктѣ, не говоритъ, *какого* народа. А между тѣмъ мы еще не забыли, что въ «Программѣ русскихъ конституціоналистовъ», которую «Освобожденіе» объявило своей программой [2]), въ роли такихъ представителей народа фигурируютъ депутаты отъ земствъ и думъ, «по существу своему представляющихъ нижній этажъ будущаго конституціоннаго зданія...» «По необходимости,—говоритъ «Программа»,—приходится слѣдовать историческимъ прецедентамъ и отдать эту подготовительную работу въ руки представителей существующихъ учрежденій общественнаго самоуправленія... Такой путь вѣрнѣе и лучше, чѣмъ тотъ «скачекъ въ неизвѣстное», который представляла бы

---

[1]) „Право“, 1904 г., № 44.
[2]) „Освобожденіе“, № 1.

всякая попытка выборовъ ad hoc. для даннаго случая, подъ неизбѣжнымъ въ такихъ случаяхъ правительственнымъ давленіемъ и при трудно-опредѣлимомъ настроеніи непривычныхъ къ политической жизни общественныхъ слоевъ» [1]).

Но допустимъ далѣе, что представители этого квалифицированнаго «народа» собрались,—и начинается конституціонное учредительство. Кому принадлежитъ послѣднее слово въ этой работѣ: престолу или народнымъ представителямъ? Этотъ вопросъ рѣшаетъ все.

Резолюція Совѣщанія говоритъ, что выводить наше отечество на новый путь будетъ Верховная Власть при содѣйствіи призванныхъ ею представителей народа. Такимъ образомъ, учредительную власть земское совѣщаніе вручаетъ не кому иному, какъ коронѣ. Самая идея Всенароднаго Учредительнаго Собранія какъ верховной инстанціи, здѣсь совершенно устранена. Въ установленіи «началъ права» корона пользуется «содѣйствіемъ» народныхъ представителей,—если же она вступаетъ съ ними въ конфликтъ, она, очевидно, обходится безъ ихъ содѣйствія, она ихъ отсылаетъ черезъ тѣ же ворота, черезъ которыя она ихъ призвала.

Именно такую, а не иную организацію учредительной власти, именно этотъ, а не какой-либо другой путь учредительныхъ работъ указываетъ резолюція земскаго Совѣщанія. На этотъ счетъ не нужно себѣ создавать какія бы то ни было иллюзіи. А вѣдь такое рѣшеніе вопроса заранѣе ставитъ всю судьбу русской конституціи въ зависимость отъ усмотрѣнія короны!

Въ періодъ учредительныхъ работъ, какъ и во всякій другой періодъ, можетъ быть только одна «Верховная Власть»,— она можетъ принадлежать либо коронѣ, либо собранію. Либо корона, работающая при содѣйствіи собранія, либо собраніе работающее при противодѣйствіи короны. Либо суверенитетъ народа, либо суверенитетъ монарха.

Можно, разумѣется, попытаться истолковать одиннадцатый пунктъ резолюціи земскаго совѣщанія въ томъ смыслѣ, что корона и собраніе представителей, какъ двѣ независимыя другъ отъ друга и потому равноправныя силы, вступаютъ въ конституціонное соглашеніе. Это будетъ наиболѣе благопріятное для земскихъ резолюцій допущеніе. Но что тогда окажется? Корона и собраніе независимы другъ отъ друга. Каждая изъ сторонъ вправѣ отвѣтить «да» и «нѣтъ» на предложенія другой стороны. Но вѣдь это значитъ, что двѣ вступающія въ переговоры стороны могутъ не притти ни къ какому соглашенію.

Кому же будетъ принадлежать въ такомъ случаѣ рѣшающій

---

[1]) „Освобожденіе“ № 1.

голосъ? Гдѣ взять третейскаго судью? А рѣшающій голосъ необходимъ, ибо законодательная жизнь страны не можетъ разъ на всегда остановиться. Предположеніе двухъ равноправныхъ сторонъ привело насъ къ абсурду: намъ понадобился на случай конфликта между короной и народомъ,—а такой конфликтъ неизбѣженъ — третейскій судья. Но жизнь никогда не останавливается въ затрудненіи предъ юридическимъ тупикомъ. Она всегда находитъ выходъ.

Такимъ выходомъ и явится въ концѣ концовъ революціонное провозглашеніе народнаго верховенства. Только народъ можетъ явится третейскимъ судьей въ своей собственной тяжбѣ съ короной. Только Всенародное Учредительное Собраніе, не только независимое отъ короны, но и обладающее всей полнотой власти, держащее въ своихъ рукахъ ключи и отмычки всѣхъ правъ и привиллегій, имѣющее право безапеляціоннаго рѣшенія по всѣмъ вопросамъ, не исключая изъ ихъ круга и судебъ русской монархіи, только такое суверенное Учредительное Собраніе сможетъ безпрепятственно творить новое демократическое право.

Вотъ почему честная и послѣдовательная демократія должна неустанно и непримиримо апелировать — не только черезъ преступную голову самодержавія, но и черезъ ограниченныя головы призванныхъ ею «для содѣйствія» представителей квалифицированнаго народа — должна неустанно и непримиримо апелировать къ самодержавной волѣ народа, выраженной въ Учредительномъ Собраніи путемъ всенароднаго равнаго, для всѣхъ, прямого и тайнаго голосованія.

Нужно ли напоминать, что земская программа ни единымъ словомъ не касается аграрнаго и рабочаго вопроса? Она это дѣлаетъ такъ просто, какъ будто въ Россіи этихъ вопросовъ совершенно не существуетъ!

Резолюціи земскаго Совѣщанія 7, 8 и 9 ноября — высшее, что далъ до сихъ поръ земскій либерализмъ. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ отъ ноябрскихъ рѣшеній.

Только Вятское губернское земство подписываетъ программу земскаго Совѣщанія цѣликомъ.

Ярославское губернское земство «твердо вѣритъ», что государю «угодно будетъ призвать выборныхъ представителей къ общей работѣ» — въ цѣляхъ «сближенія Царя съ его народомъ»— на началахъ «большей (!) равноправности и личной неприкосновенности». «Большая» (чѣмъ нынѣ) равноправность народа вовсе не исключаетъ, разумѣется, ни политическаго, ни даже гражданскаго неравноправія.

Полтавское земство повторяетъ въ своемъ адресѣ десятый

пунктъ резолюціи, трактующій о «правильномъ участіи народныхъ представителей въ осуществленіи законодательной власти», но ни словомъ не упоминаетъ о «политическомъ равноправіи» и вообще ничего не говоритъ о формахъ «народнаго представительства».

Черниговское земство «всеподданнѣйше проситъ Его Величество услышать искреннее и правдивое слово русской земли, для чего призвать свободно избранныхъ представителей земства и повелѣть имъ (!) независимо и самостоятельно начертать проектъ реформъ... и проектъ этотъ дозволить непосредственно представить Его Величеству». Здѣсь «представители земства» ясно и открыто названы, какъ представители «русской земли». Черниговское земство проситъ о томъ, чтобъ этимъ представителямъ былъ данъ только совѣщательный голосъ—только право начертать и представить проектъ реформъ. И еще черниговское земство «всеподданнѣйше проситъ», чтобъ представителямъ русской земли повѣлено было быть независимыми и самостоятельными!

Бессарабское земство проситъ министра внутреннихъ дѣлъ о созывѣ «представителей губернскихъ земствъ и важнѣйшихъ городовъ имперіи для совмѣстнаго обсужденія» предполагаемыхъ реформъ.

Казанское губернское земство «глубоко вѣруетъ, что при изысканіи способовъ проведенія въ жизнь Самодержавной Воли не будутъ лишены голоса свободно выбранные для той цѣли представители земства».

Пензенское земство повергаетъ «вѣрноподданническую безпредѣльную благодарность» за реформы, предначертанныя въ царскомъ указѣ и, съ своей стороны, обѣщаетъ «ревностное служеніе... въ обширной сферѣ мѣстнаго благоустройства».

Петербургское земство, по иниціативѣ г. Арсеньева, подписавшаго, въ числѣ прочихъ, резолюціи земскаго совѣщанія, предполагаетъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы «представители земскихъ и городскихъ учрежденій были допущены къ участію въ обсужденіи правительственныхъ мѣропріятій и законопроектовъ».

Костромское земство хадатайствуетъ о томъ, чтобъ проекты, касающіеся земской жизни, подвергались предварительно обсужденію земцевъ.

Другія земства ограничились вѣрноподданническимъ благодарственнымъ восторгомъ по поводу царскаго указа или просьбой по адресу князя Святополка—«сохранить въ душѣ драгоцѣнный обѣтъ довѣрія».

На этомъ пока закончилась оппозиціонная земская кампанія.

III. Демократія.

1. Что дѣлала интеллигенція?

Мы коснулись поведенія реакціи и остановились внимательнѣе на поведеніи буржуазно-дворянской оппозиціи. Теперь нужно спросить: гдѣ была демократія?

Мы имѣемъ въ виду не народныя массы, не крестьянство и мѣщанство, которыя — особенно первое — представляютъ громадный резервуаръ потенціальной революціонной энергіи, но пока еще слишкомъ мало принимаютъ сознательное участіе въ политической жизни страны, — мы говоримъ о широкихъ кругахъ той интеллигенціи, которая видитъ свое призваніе въ формулированіи и представительствѣ политическихъ запросовъ страны. Мы имѣемъ въ виду представителей либеральныхъ профессій, врачей, адвокатовъ, профессоровъ, журналистовъ, третій элементъ земствъ и думъ, статистиковъ, врачей, агрономовъ, учителей и пр. и пр.

Что дѣлала интеллигентная демократія?

Если оставить въ сторонѣ революціонное студенчество, которое честно протестовало противъ войны и, вопреки постыдному совѣту г. Струве, кричало не «да здравствуетъ армія!», а «да здравствуетъ революція!», остальная демократія изнывала отъ сознанія собственнаго безсилія.

Она видѣла предъ собой альтернативу: либо сближеніе съ земцами, въ политическую силу которыхъ она вѣритъ, цѣною полнаго отказа отъ демократическихъ требованій, — либо приближеніе къ демократической программѣ цѣною разрыва съ наиболѣе вліятельной земской оппозиціей. Либо демократизмъ безъ вліянія, либо вліяніе безъ демократизма. Въ своей политической ограниченности она не видѣла третьяго пути: соединенія съ революціонной массой. Этотъ путь даетъ силу и въ то же время не только позволяетъ, но обязываетъ развить демократическую программу.

Война застала демократію въ состояніи полнаго безсилія. Она не осмѣлилась выступить противъ «патріотической» вакханаліи. Устами г. Струве она кричала: «Да здравствуетъ армія!» и выражала убѣжденіе, что «армія исполнитъ свой долгъ». Она благословляла земцевъ на поддержку самодержавной авантюры. Она свела свою оппозицію къ возгласу: «Долой фонъ-Плеве!». Она затаила про себя свой демократизмъ, свое политическое

достоинство, свою честь и свою совѣсть. Она шла въ хвостѣ либераловъ, которые плелись за реакціей.

Война продолжалась. Самодержавіе терпѣло ударъ за ударомъ. Надъ страной черной тучей висѣлъ ужасъ. Въ низахъ накоплялись элементы стихійнаго взрыва. Земства не дѣлали ни шагу впередъ. И демократія какъ бы начала приходить къ самосознанію. Въ «Освобожденіи» раздаются настойчивые голоса о необходимости самостоятельной организаціи на почвѣ «демократической платформы». Раздаются отдѣльные голоса противъ войны. Этотъ естественный процессъ былъ прерванъ убійствомъ Плеве, и связанной съ этимъ убійствомъ перемѣной правительственнаго курса, вызвавшей необычайно быстрое, лихорадочно-биржевое повышеніе политическихъ акцій земской оппозиціи. Счастье стало казаться такъ возможно, такъ близко...

Земцы выдвинули разсмотрѣнную выше программу, — и демократія съ единодушіемъ и восторгомъ подняла ихъ на щитъ.

Она нашла въ ихъ резолюціяхъ выраженіе своихъ демократическихъ требованій и объявила ихъ рѣшенія своими рѣшеніями.

«Освобожденіе» заявляетъ, что «хотя земскій съѣздъ состоялъ исключительно изъ землевладѣльцевъ, притомъ, главнымъ образомъ, привилегированнаго дворянскаго сословія, однако же постановленія его не только не носятъ какого-либо классоваго или сословнаго отпечатка [1]), но, наоборотъ, проникнуты чисто демократическимъ духомъ» [2]).

Столь же торжественно возвѣстило о демократическомъ духѣ земствъ лѣвое крыло всей нашей либеральной печати.

«Наша Жизнь»,на основаніи ноябрьскихъ резолюцій, провозглашаетъ полное сліяніе земско-либеральнаго и демократическаго теченій.

«... Давняя и ужасная язва русской жизни,—говоритъ эта газета,—духовное и культурное разъединеніе народа и интеллигенціи... можетъ быть выжжена только героическимъ средствомъ демократическаго государственнаго строительства»... Земцы поняли это и рѣшительно стали «на общую платформу съ демократической интеллигенціей.—Это историческое событіе. Имъ положено начало общественно-политическому сотрудничеству, могущему имѣть огромное значеніе въ судьбахъ нашей страны».

Возникшій при министрѣ довѣрія и имъ же зарѣзанный «Сынъ Отечества», который началъ свою недолгую жизнь съ заявленія, что «знаменательной особенностью переживаемаго

---

[1]) Очевидно, для того, чтобы особенно ясно показзать отсутствіе „классоваго или сословнаго отпечатка“, земцы, какъ мы отмѣтили выше, ни единымъ словомъ не упоминаютъ объ аграрномъ и рабочемъ вопросѣ. — Какая „простота“ со стороны земцевъ и какой... цинизмъ со стороны „Освобожденія“!

[2]) „Освобожденіе“, № 61, стр. 187.

нами историческаго момента является радикализмъ существующихъ въ странѣ политическихъ направленій» [1]), цѣликомъ принимаетъ программу земскаго съѣзда. Газета рекомендуетъ представителямъ городовъ «выступить на тотъ же славный и вѣрный путь, на который съ такимъ успѣхомъ раньше ихъ выступили уже земскіе люди, и слово въ слово, пунктъ за пунктомъ повторить все то, что такъ ясно, внятно и вразумительно, что съ такимъ достоинствомъ и силой уже сказано и говорится представителями земской Россіи» [2]).

Словомъ, демократія зоветъ всѣхъ и вся сомкнуться вокругъ земскаго знамени. Она не видитъ на этомъ знамени ни одного пятна и ни одной прорѣхи. И мы спрашиваемъ: можетъ ли народъ довѣрять такой демократіи?

На томъ только основаніи, что въ минуту подъема, когда снизу давили, а сверху слегка «позволили», земцы неотчетливо написали на листѣ бумаги свою неотчетливую конституціонную программу, на этомъ только одномъ основаніи мы должны вотировать имъ довѣріе, смотрѣть на ихъ недомолвки, какъ на случайности, истолковывать ихъ обиняки въ демократическомъ духѣ, кричать, что «сегодня ужъ нѣтъ споровъ и разномыслій, которые были еще вчера»? [3]) Неужели же это тактика демократіи?

Милостивые государи! Это тактика предателей дѣла демократіи.

Послѣ 7-го ноября 1904 года много еще будетъ впереди рѣшающихъ моментовъ въ освободительной борьбѣ, — и не всегда задача земской оппозиціи будетъ состоять въ одномъ лишь начертаніи конституціонныхъ резолюцій подъ неофиціальной охраной Святополка-Мирскаго.

Можемъ ли мы питать какую-либо увѣренность, что земства окажутся въ такія минуты на высотѣ? Если наша исторія чему-либо учитъ насъ, если мы не вѣримъ въ чудесныя превращенія, мы отвѣтимъ: воистину нѣтъ! Политика довѣрія къ демократизму и оппозиціонной твердости земствъ не наша политика. Намъ нужно теперь же, немедленно, собирать силы, которыя мы могли бы вывести на поле дѣйствій и противопоставить всероссійскому земству въ тотъ рѣшительный моментъ, когда оно начнетъ вымѣнивать свою легковѣсную оппозиціонность на тяжеловѣсное золото политическихъ привилегій.

А мы, вмѣсто того, чтобы собирать силы вокругъ непримиримыхъ лозунговъ демократіи, станемъ сѣять довѣріе къ демократизму либеральныхъ верховъ, станемъ направо и налѣво

[1]) „Сынъ Отечества“, 1905 г. № 1, курсивъ газеты.
[2]) Ibid., курсивъ нашъ.
[3]) Ibid., ст. Н. Карышева.

клясться, будто земцы обязались бороться за всеобщее избирательное право, станемъ внушать мысль, будто «вчера еще были разногласія, а сегодня ихъ нѣтъ».

Какъ — нѣтъ?

Значитъ земцы, руководимые г. Шиповымъ, или земцы, руководимые г. Ив. Петрункевичемъ, признали, что радикально ликвидировать самодержавное хозяйство и вбить въ русскую землю сваи демократическаго строя можетъ лишь народъ? Значитъ земцы отказались отъ надежды на примирительные шаги монархіи? Значитъ земцы прекратили свое позорное сотрудничество съ абсолютизмомъ на поприщѣ военной авантюры? Значитъ земцы признали, что единственный путь свободы есть путь революціи?

Сознательные элементы народа не только не могутъ питать политическое довѣріе къ антиреволюціонной цензовой оппозиціи, но они ни на минуту не поддадутся иллюзіямъ насчетъ «демократизма» той растерянной и неустойчивой демократіи, которая знаетъ одинъ лозунгъ, — лозунгъ сліянія съ антиреволюціонной и антидемократической земской оппозиціей.

Классическимъ образчикомъ демократической растерянности, неустойчивости и неувѣренности является резолюція, выработанная собраніемъ кіевской интеллигенціи для свѣдѣнія земскаго съѣзда.

«... Собраніе остановилось на вопросѣ: что долженъ высказать съѣздъ представителей земскихъ управъ относительно необходимыхъ реформъ? Собраніе нашло, что съѣздъ этотъ, представляя собой лицъ, собравшихся по собственной иниціативѣ, не имѣетъ права смотрѣть на себя, какъ на выразителя народныхъ желаній. Поэтому съѣздъ прежде всего обязанъ заявить правительству, что онъ считаетъ себя некомпетентнымъ представить готовый проектъ реформъ, а рекомендуетъ созвать собраніе народныхъ представителей, избранныхъ при помощи всеобщаго (равнаго?) прямого, тайнаго голосованія. Такого рода учредительное собраніе и должно будетъ, обсудивъ современное положеніе, предложить свой проектъ реформъ».

Энергично, рѣшительно, ясно, — не правда ли? Но послѣдуемъ далѣе.

«Если правительство отъ созыва подобнаго собранія откажется, то съѣздъ долженъ предъявить извѣстный минимумъ всѣми признанныхъ политическихъ требованій... Одни полагали, что минимумъ долженъ состоять въ требованіи: свободы личности, совѣсти, печати и слова, свободы собраній и общественныхъ союзовъ и созыва законодательнаго собранія, состоящаго изъ выборныхъ представителей земствъ и городовъ... Другая часть собранія находила та-

кого рода законодательное собраніе не отвѣчающимъ принципу всеобщаго избирательнаго права и высказала опасенія, что конституція, построенная на такихъ началахъ, надолго отсрочитъ возможность введенія всеобщаго избирательнаго права. Эта часть собранія находила болѣе цѣлесообразнымъ для съѣзда предсѣдателей ограничиться требованіемъ свободы личности, совѣсти, печати и слова, свободы собраній и общественныхъ союзовъ... Затѣмъ все собраніе признало необходимымъ возстановленіе Земскаго положенія 1864 г.»... [1])

Таковъ голосъ демократіи.

Нужно требовать всенароднаго учредительнаго собранія. Если же правительство не согласится, то можно ограничиться дворянско-купеческимъ соборомъ.

Запросить всеобщее избирательное право, а сойтись на высокомъ сословно-имущественномъ цензѣ. Резолюція кіевской интеллигенціи говоритъ въ сущности слѣдующее: если самодержавіе хочетъ избавиться отъ требованія всенароднаго учредительнаго собранія, то ему слѣдуетъ только заявить намъ въ отвѣтъ: на это требованіе я не соглашаюсь, — и мы, съ своей стороны, примиримся (о, разумѣется временно!) на представительствѣ земствъ и думъ!

Кіевское собраніе свою резолюцію напечатало. Оно не дѣлало значитъ изъ нея тайны для кн. Святополка-Мирскаго. Не думаетъ ли въ такомъ случаѣ кіевская интеллигенція, что она даетъ правительству очень авторитетное указаніе, какъ безъ лишнихъ хлопотъ и осложненій сдать въ архивъ требованія демократіи: нужно только отказаться отъ ихъ принятія. Можно ли хоть на минуту сомнѣваться, что правительство приметъ это указаніе къ немедленному руководству? Для того, чтобъ не вступить на рекомендуемый ему легкій путь, самодержавіе должно было бы само цѣнить всеобщее избирательное право. Другими словами: оно должно было бы быть демократичнѣе авторовъ резолюціи. Конечно, это невѣроятно.

Что же представляетъ собою въ такомъ случаѣ вся первая часть заявленія, такъ категорически и ясно отказывающая земцамъ въ правѣ говорить отъ имени народа, такъ рѣшительно выдвигающая требованіе всеобщаго избирательнаго права? Ничто иное, какъ пустую демократическую фразеологію, помощью которой кіевская интеллигенція примирялась со своимъ фактическимъ отказомъ отъ демократическихъ требованій. Но предавъ у самаго порога политическія права народныхъ массъ, кіевская «демократія» рѣшительно ничего цѣной этого предательства не

---

[1]) Напомнимъ, что это положеніе лишаетъ избирательныхъ правъ всѣхъ тѣхъ, у кого меньше 150 десятинъ земли или 1.500 рублей валоваго дохода!

пріобрѣтаетъ: у нея по прежнему нѣтъ отвѣта на вопросъ, — какъ быть, если самодержавіе, соблазнившись легкой побѣдой надъ демократическими требованіями, откажется далѣе отъ принятія минимальныхъ конституціонныхъ требованій, ниже которыхъ авторы резолюціи не хотятъ спускаться?

Эта резолюція, вынесенная въ Кіевѣ, въ центрѣ лѣвыхъ «освобожденцевъ», не исключеніе. Другія резолюціи, вынесенныя демократическими банкетами, отличаются отъ кіевской только тѣмъ, что не задаются вопросомъ: что дѣлать, если самодержавіе не одобритъ демократической программы? — Такъ же точно, какъ земскіе либералы нигдѣ до сихъ поръ не отвѣчали на вопросъ: что дѣлать, если самодержавіе не приметъ ихъ цензовой программы?

2. Демократія и революція.

Дѣйствительная демократія въ обстановкѣ абсолютизма можетъ быть только революціонной демократіей. Партія, которая принципіально стоитъ за мирныя средства, дѣятельность которой разсчитана на соглашеніе, а не на революцію, при политическихъ условіяхъ Россіи не можетъ быть демократической партіей. Это непререкаемо ясно. Абсолютизмъ можетъ пойти на соглашеніе, можетъ сдѣлать тѣ или иныя уступки, но цѣлью этихъ уступокъ всегда будетъ не самоупраздненіе, а самосохраненіе. Этимъ предрѣшается политическій объемъ уступокъ и демократическая цѣнность реформъ.

Правительство можетъ призвать представителей народа или его болѣе сговорчивой части съ тѣмъ разсчетомъ, чтобъ превратить ихъ въ новую опору самодержавія. Демократія, если она только не лжетъ своимъ именемъ, требуетъ неограниченнаго народоправства. Она противопоставляетъ суверенную волю народа суверенной волѣ монарха. Она противопоставляетъ коллективное я народа, индивидуальному я божьей милостью.

Но противопоставляя волю народа волѣ монарха, демократія, если она вѣритъ въ свою программу, должна понять, что ея задача — противопоставить силу народа силѣ монарха. А такое противопоставленіе и есть революція. Имѣя предъ собою борющійся за свое существованіе абсолютизмъ, демократія, если она вѣритъ въ свою программу, можетъ быть только революціонной демократіей. Кто ясно понимаетъ эту простую и непререкаемую мысль, тотъ безъ труда сорветъ съ кого слѣдуетъ, фальшивые эполеты демократизма, которыми — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — украшаютъ себя многіе развращенные до мозга костей либеральные оппортунисты.

Всякая сдѣлка между абсолютизмомъ и оппозиціей можетъ совершиться только за счетъ демократіи. Иначе сдѣлка не будетъ имѣть смысла для абсолютизма. Съ рѣшительной, вѣрной себѣ демократіей ему остается только бороться до конца. Но если такъ, то и демократіи не остается ничего иного.

Это значитъ, что демократія, поворачивающаяся къ революціи спиной, или поддерживающая иллюзіи мирнаго обновленія Россіи, ослабляетъ свои собственныя силы, подкапывается подъ свое собственное будущее. Такая демократія есть внутреннее противорѣчіе. Антиреволюціонная демократія не есть демократія.

«Освобожденіе», которое стояло въ эти дни подъ знакомъ демократизма, увѣряетъ, что «благодаря рѣшительности и мужеству земцевъ, путь мирнаго конституціоннаго преобразованія еще не закрытъ для правительства. Стать твердо и рѣшительно на этотъ путь будетъ актомъ элементарной государственной мудрости» [1].

Редакторъ-издатель газеты «Сынъ Отечества» патетически восклицаетъ: «Какъ сынъ своего вѣка, я не раздѣляю суевѣрій прежнихъ вѣковъ и глубоко вѣрю въ то, что новый храмъ богу свободы, истины и права будетъ заложенъ у насъ безъ искупительныхъ жертвъ...

«Я глубоко вѣрю, что... не сегодня — завтра мы услышимъ мирный ударъ молота по первому камню, и сотни трудолюбивыхъ каменьщиковъ, созванныхъ въ Петроградъ, соберутся сюда для постройки новыхъ храминъ». Такъ мыслятъ многіе наивные «сыны отечества», искренно мнящіе себя демократами. Революція для нихъ — «суевѣріе прежнихъ вѣковъ». Въ бѣлыхъ фартукахъ и въ благочестивомъ настроеніи приступаютъ они къ созиданію храма, такъ называемому, богу свободы, истины и права. Они «вѣрятъ». Они вѣрятъ въ возможность обойтись безъ искупительныхъ жертвъ и сохранить незапятнанными свои бѣлые фартуки. Они вѣрятъ «въ возможность мирнаго перехода къ плодотворной работѣ потому, что и въ высшія сферы должно, наконецъ, проникнуть сознаніе неизбѣжности коренныхъ перемѣнъ» [2]. Они «вѣрятъ», эти мягкотѣлые «демократы» Петрограда, и они патетически излагаютъ свою вѣру, доколѣ просвѣтленный ихъ пропагандой представитель «высшихъ сферъ» не прекратитъ ихъ идеалистическаго жужжанія. Но и послѣ того они свято хранятъ свое единственное политическое достояніе — вѣру въ просвѣтлѣніе начальства... «Путь мирнаго конституціоннаго преобразованія,— увѣряетъ «Освобожденіе»,—еще не закрытъ для правительства.

---

[1]) „Освобожденіе“, № 60, стр. 183.
[2]) „Сынъ Отечества“, 1905 г., № 9, ст. С. Юрицына.

Стать твердо и рѣшительно на этотъ путь будетъ актомъ элементарной государственной мудрости».

Г. Струве доказываетъ абсолютизму, что для него, для абсолютизма, конституціонная реформа является дѣломъ политической выгоды. Какое заключеніе слѣдуетъ сдѣлать изъ этихъ словъ? Одно изъ двухъ.

«Мирное конституціонное преобразованіе», о которомъ говоритъ г. Струве, заставитъ абсолютизмъ поступиться лишь ч а с т ь ю своихъ прерогативъ и позволитъ ему у п р о ч и т ь свои позиціи, превративъ либеральные верхи въ опору полуконституціоннаго трона. Политически выгоднымъ для правительства было бы лишь такое мирное преобразованіе, которое прикрыло бы обнаженный абсолютизмъ, страдающій отъ собственной обнаженности, декораціями «правового порядка», превратило бы его въ Scheinkonstitutionalismus, въ призрачный конституціонализмъ, болѣе опасный для демократическаго развитія, чѣмъ самъ абсолютизмъ. Такая сдѣлка — почву для которой создаетъ безхарактерное поведеніе земствъ — была бы дѣйствительно въ интересахъ абсолютизма. Но такого рода «мирное преобразованіе» совершилось бы исключительно путемъ предательства политическихъ интересовъ народа и, значитъ, дѣла демократіи. Этого ли исхода ищетъ «демократъ» Струве? Не этого?

Но въ такомъ случаѣ, говоря объ «актѣ элементарной государственной мудрости» г. Струве просто на просто надѣется вовлечь абсолютизмъ въ невыгодную сдѣлку. Онъ пытается «заговорить» врага. Убѣдить самодержавіе, что его ждетъ обновленіе и возрожденіе послѣ демократической купели. Увѣритъ правительство, что нѣтъ ничего выгоднѣе, какъ покончить съ собой во славу демократіи. Убѣдить волка, что съ его стороны актомъ элементарной зоологической мудрости будетъ дарованіе habeas corpus act'a жалобно мычащимъ демократическимъ телятамъ. Какая глубокая политика! Какой геніальный стратегическій планъ!

Либо предать дѣло демократіи ради мнимо-конституціонной сдѣлки, либо обманными рѣчами завлечь абсолютизмъ на путь демократіи.

Тщетные, жалкіе, смѣшные, ничтожные планы! Рабья политика!

Но ничего болѣе достойнаго наша quasi-демократія несможетъ предложить, доколѣ она будетъ цѣпляться за призракъ мирнаго конституціоннаго преобразованія, доколѣ къ революціи она будетъ относиться, какъ къ суевѣрію прежнихъ вѣковъ...

Если она не пойдетъ впередъ, дальнѣйшее революціонное развитіе отброситъ ее назадъ: оно заставитъ ее отказаться отъ демократическихъ суевѣрій и, въ хвостѣ земскихъ либераловъ, вступить на путь мирнаго конституціоннаго предательства элементарнѣйшихъ народныхъ интересовъ.

«Московскія Вѣдомости» рѣзко и отчетливо ставятъ вопросъ, когда пишутъ, что «въ составѣ населенія Россіи нѣтъ политической партіи, достаточно сильной, чтобы принудить правительство къ опаснымъ для ея (читай: его) цѣлости и могущества политическимъ реформамъ». Реакціонная газета беретъ вопросъ, какъ онъ есть, т. е. какъ вопросъ силы. Точно также должна взять этотъ вопросъ и печать демократическая. Пора перестать видѣть въ абсолютизмѣ политическаго собесѣдника, котораго можно просвѣтить, убѣдить, или, на худой конецъ, заговорить, umlügen, залгать. Абсолютизмъ нельзя убѣдить, его можно побѣдить. Но для этого нужна не сила логики, а логика силы. Демократія должна накоплять силу, т. е. мобилизовать революціонные ряды. А эту работу можно выполнять, лишь разрушая либеральныя суевѣрія на счетъ мирныхъ путей конституціоннаго развитія и отрадныхъ перспективъ правительственнаго просвѣтленія.

«Актомъ элементарной государственной мудрости» для каждаго демократа должно явиться признаніе, что выражать надежду на демократическую иниціативу со стороны абсолютизма, знающаго только одинъ интересъ: самосохраненіе — значитъ поддерживать вѣру въ будущее абсолютизма, значитъ создавать вокругъ него атмосферу нерѣшительнаго выжиданія, значитъ упрочать его позиціи, значитъ предавать дѣло свободы.

Ясно сказать это, значитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказать и другое: не соглашеніе, не сдѣлка, а торжественное провозглашеніе народной воли, т. е. революція.

Россійская демократія можетъ быть только революціонной, иначе она не будетъ демократіей.

Она можетъ быть только революціонной, такъ какъ въ нашемъ обществѣ и государствѣ нѣтъ такихъ оффиціальныхъ организацій, отъ которыхъ будущая демократическая Россія могла бы повести свою родословную. У насъ, съ одной стороны, имѣется монархія, опирающаяся на колоссальный, развѣтвленный бюрократическій аппаратъ, съ другой стороны, такъ называемые, органы общественнаго самоуправленія: земства и думы. Либералы и строятъ будущую Россію, исходя изъ этихъ двухъ историческихъ учрежденій. Конституціонная Россія должна, на ихъ взглядъ, возникнуть, какъ легальный продуктъ легальнаго соглашенія легальныхъ контрагентовъ: абсолютизма и думско-земскаго представительства. Ихъ тактика есть тактика компромисса. Они хотятъ перенести въ новую или, вѣрнѣе, обновленную Россію двѣ легальныя традиціи русской исторіи: монархію и земство.

Демократія лишена возможности опираться на національныя традиціи. Демократическая Россія не можетъ быть простымъ дѣтищемъ правительственнаго соизволенія. Но она не можетъ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА СССР

опереться и на земства, такъ какъ земства построены не на демократическомъ принципѣ, а на началѣ сословнаго и имущественнаго ценза. Демократія, если она не лжетъ своимъ именемъ, если она дѣйствительно является партіей народнаго верховенства, не можетъ ни на минуту признать за земствомъ права говорить именемъ Россіи. Всякую попытку со стороны земствъ и думъ вступить съ абсолютизмомъ въ соглашеніе отъ имени народа, демократія должна клеймить, какъ узурпацію народнаго суверенитета, какъ политическое самозванство.

Но если не абсолютизмъ и не дворянское земство, то кто же? Народъ! Но народъ не имѣетъ никакихъ легальныхъ формъ для выраженія своей суверенной воли. Создать ихъ онъ можетъ только революціоннымъ путемъ. Аппеляція къ Всенародному Учредительному Собранію есть разрывъ со всей официальной традиціей русской исторіи. Вызывая на историческую сцену суверенный народъ, демократія врѣзывается въ легальную русскую исторію клиномъ революціи.

У насъ нѣтъ демократическихъ традицій, ихъ нужно создать. Сдѣлать это способна только революція. Партія демократіи не можетъ не быть партіей революціи. Эта идея должна проникнуть во всеобщее сознаніе, она должна наполнять нашу политическую атмосферу, самое слово демократія должно быть пропитано содержаніемъ революціи, такъ чтобъ при одномъ прикосновеніи оно жестоко обжигало пальцы либеральныхъ оппортунистовъ, которые стараются увѣрить своихъ друзей и враговъ, что они стали демократами съ тѣхъ поръ, какъ назвались этимъ именемъ.

3. Демократія, земцы, народъ.

«Мирное» сотрудничество съ земствомъ или революціонное сотрудничество съ массой? Этотъ вопросъ демократія должна рѣшить для себя,—мы ее заставимъ рѣшить этотъ вопросъ, такъ какъ будемъ его ставить предъ нею не только въ общей формѣ, не только въ литературѣ, но самымъ конкретнымъ образомъ, въ каждомъ живомъ политическомъ дѣйствіи.

Конечно, демократія хочетъ союза съ массой и тянется къ ней. Но она боится порвать со своими вліятельными союзниками справа и мечтаетъ о томъ, не сможетъ ли она сдѣлаться связующимъ звеномъ между земствомъ и массой.

Въ замѣчательно поучительной статьѣ «Нашей Жизни» выдвигается та мысль, что для «безболѣзненнаго» осуществленія демократической реформы «необходимо интеллигенціи сейчасъ же, не теряя дорогого времени, прійтти въ тѣсное соприкосновеніе съ широкими народными массами, войти съ ними въ непрерывное общеніе». Статья не отрицаетъ, что часть интелли-

генціи и раньше стремилась къ этому,—но она дѣлала это, «исключительно напирая на классовыя противорѣчія, существующія между народными массами и тѣми слоями общества, изъ которыхъ до сихъ поръ выходитъ и долго еще будетъ выходить большая часть русской интеллигенціи»... [1]) Теперь нужна другая работа. Нужно въ человѣкѣ изъ «народа», прежде всего въ крестьянинѣ, пробудить «свободнаго гражданина, сознающаго свои права и безстрашно ихъ отстаивающаго». Для этой работы «нужно сотрудничество демократической интеллигенціи съ выборными представителями земства». Другими словами: такъ называемая, демократическая интеллигенція должна пробуждать свободныхъ гражданъ не только безъ «исключительнаго напиранія» на классовыя противорѣчія внутри оппозиціи, но и въ «дружномъ сотрудничествѣ» съ земской оппозиціей. Это значитъ, что интеллигенція не только лишаетъ себя возможности смѣло и рѣшительно ставить вопросы аграрной реформы,—но и отказываетъ себѣ въ правѣ революціонно и демократически ставить конституціонную проблему. Эта внутренне-противорѣчивая задача: пробуждать массы, тащась въ хвостѣ у земцевъ, — не можетъ создать для демократа достойной политической роли. Въ своей агитаціи демократія будетъ неизбѣжно лгать—не той смѣлой, на половину безсознательной ложью якобинской демагогіи, которая въ своемъ революціонномъ самозабвеніи находитъ долю своего прощенія,—а той скаредной либеральной ложью, которая опасливо озирается раскосыми глазами, обходитъ острые вопросы, какъ будто боится наступить на гвозди, говоритъ шепелявой скользящей рѣчью, потому что всякое «да» и всякое «нѣтъ», какъ огнемъ обжигаетъ ея уклончивый языкъ. Образцомъ этой безсильной лжи можетъ служить освобожденская прокламація о войнѣ и конституціи, которую мы въ свое время разбирали въ «Искрѣ». Прокламація эта написана для массы, старается говорить языкомъ, понятнымъ массѣ, и взываетъ къ интересамъ массы.

И что же говорятъ въ ней освобожденцы народу? Они говорятъ ему, что война никому не нужна, что верховная власть не хотѣла ея, что верховная власть миролюбива. Они это доподлинно знаютъ. Они говорятъ далѣе, что царя соблазнили дурные совѣтники, не освѣдомляющіе своего государя объ истинныхъ нуждахъ народа, ибо «иные изъ вельможъ ведутъ государственныя дѣла не по совѣсти, а по корысти, для своего кармана и для почестей, а иные изъ вельможъ— глупы». Чтобы помочь дѣлу нужно созвать народныхъ представителей. Царь отъ нихъ будетъ узнавать правду, «какъ это было изрѣдка въ старину, когда русскіе цари жили въ Москвѣ». Управ-

[1]) „Наша Жизнь“, 1904 г., № 28.

лять дѣлами будутъ всѣ сообща—государь, министры и собраніе народныхъ представителей.

Такъ строютъ свободную Россію демократы-«освобожденцы». Они берутъ подъ свою защиту монархію. Въ своей конституціи они отводятъ ей красный уголъ. Они созываютъ собраніе народныхъ представителей не для выраженія суверенной воли народа, а въ помощь монарху. Партія «Освобожденія», еще не побѣжденная въ борьбѣ съ самодержавіемъ еще не приступившая къ этой борьбѣ, на глазахъ всего русскаго народа становится на колѣни предъ самодержавіемъ.

Таковъ ея либерализмъ.

Вокругъ трона, за которымъ признается неприкосновенное право исторической традиціи, должны расположиться народные представители. Но какой народъ они будутъ представлять? Народъ земствъ и думъ?—За которыми вѣдь тоже неприкосновенное право исторической традиціи... Будетъ ли представленъ народъ «безъ традицій», народъ безъ сословныхъ, имущественныхъ и образовательныхъ привиллегій? Прокламація не даетъ на этотъ вопросъ отвѣта. Она помнитъ, что задача «освобожденцевъ» не только пробуждать гражданина въ человѣкѣ изъ народа, но и оставаться въ добромъ согласіи съ привиллегированными гражданами изъ земства. Обращаясь къ народу съ пропагандой конституціи, «освобожденцы» ни словомъ не упоминаютъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Таковъ ихъ демократизмъ.

Они не смѣютъ противопоставить принципъ принципу, народовластіе — монархіи. Еще до борьбы за новую Россію, они протягиваютъ руку для соглашенія съ представителемъ старой Россіи. Они опираются на примѣръ сословно-совѣщательныхъ Земскихъ Соборовъ въ прошломъ, вмѣсто того, чтобы взывать къ торжественному провозглашенію народной воли въ будущемъ. Словомъ: они аппелируютъ къ антиреволюціонной традиціи русской исторіи, вмѣсто того, чтобы создать историческую традицію русской революціи.

Такова ихъ политическая отвага.

Итакъ, русское конституціонное правительство составятъ: государь, министры (неизвѣстно, предъ кѣмъ отвѣтственные) и собраніе народныхъ представителей (неизвѣстно, какой «народъ» представляющихъ).

Стоитъ организовать на этихъ началахъ государственную власть, и тогда—здѣсь начинается центральное мѣсто «освобожденскаго» vademecum'а — и тогда всѣ вопросы разрѣшатся сами собою, всѣ невзгоды и бѣды русскаго народа сниметъ, какъ рукой. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народу удавалось добиться конституціи, онъ, по словамъ прокламаціи, «вездѣ устраивалъ себѣ правые

суды, уравнивалъ подати и облегчалъ налоги, уничтожалъ взяточничество, открывалъ для дѣтей своихъ училища, и быстро богатѣлъ... И, еслибъ и русскій народъ—такъ пишутъ «освобожденцы», — потребовалъ себѣ (какъ?) и добился (какъ?) конституціи (какой?), то и онъ избавился бы отъ оскудѣнія, раззоренія и всякихъ притѣсненій точно также, какъ избавились отъ него и другіе народы... Когда будетъ въ Россіи конституція, то народъ, черезъ своихъ представителей, навѣрное, отмѣнитъ паспорты, заведетъ хорошіе суды и управленіе, упразднитъ самовластныхъ чиновниковъ, въ родѣ земскихъ начальниковъ, и въ мѣстныхъ дѣлахъ будетъ управляться своими свободно выбранными людьми, заведетъ множество школъ, такъ что всякій сможетъ получить высшее образованіе, освободится отъ всякой тѣсноты, наказаній розгами (послѣ полученія «высшаго образованія»?) и заживетъ въ довольствѣ. Словомъ при конституціи, народъ будетъ свободенъ и добьется настоящей хорошей жизни».

Такъ пишутъ «демократы», осуждающіе «исключительное напираніе на классовыя противорѣчія!»

Конституціонное ограниченіе верховной власти не только спасетъ отъ розги и нагайки, но и обезпечитъ отъ бѣдности, лишеній, экономическаго гнета и дастъ возможность «быстро богатѣть», — вотъ мысль, которую они хотятъ внушить народу. Присоединить къ существующему строю Земскій Соборъ, — и нѣтъ вопросовъ нищеты, гнета, безработицы, проституціи и невѣжества. Такъ говорятъ «освобожденцы». Но говорить такъ — значитъ явно и беззастѣнчиво издѣваться надъ всей соціальной дѣйствительностью, называть черное бѣлымъ, горькое—сладкимъ, значитъ закрывать глаза—себѣ и другимъ—на опытъ всей той исторіи, которую буржуазная Европа продѣлала въ теченіе послѣдняго столѣтія, значитъ попирать кричащіе факты, игнорировать все, что образованный человѣкъ можетъ узнать изъ любой европейской газеты, —значитъ спекулировать единственно на невѣжество русской народной массы, на египетскую тьму полицейскаго государства, наконецъ на низкій уровень политической морали въ рядахъ собственной партіи. Это значитъ замѣнять обращеніе — извращеніемъ, агитацію — ложью, политическую конкуренцію — недобросовѣстной спекуляціей. Это значитъ увѣренно итти къ превращенію собственной партіи, которая идеологически является представительницей «народа», въ простую клику, сознательно эксплуатирующую темноту народа. Мы говоримъ это со всей энергіей, и наши слова долженъ услышать не только каждый революціонный пролетарій, но и каждый русскій демократъ.

Прокламацію писали образованные люди. Они знаютъ, что ничего изъ того, о чемъ они говорятъ народу, на самомъ дѣлѣ

нѣтъ. Они знаютъ что и послѣ того, какъ власть рѣшится опереться на Земскій Соборъ, порядокъ на Руси останется буржуазный. Они знаютъ, отлично знаютъ, что конституція не спасаетъ маленькаго собственника отъ пролетаризаціи, не даетъ безработному работы, не охраняетъ рабочаго ни отъ нищеты, ни отъ развращенія. Они знаютъ, что высшее образованіе доступно не всѣмъ, что оно есть монополія имущихъ. Они все это знаютъ, — читали, видѣли, сами говорили и писали, — знаютъ, не могутъ не знать. — Вы, напримѣръ, г. Струве, вы, который одобряете «этотъ простой по формѣ и вразумительный по содержанію призывъ», отвѣтьте прямо знаете вы все это или нѣтъ? [1]) — Да, они знаютъ это. Но, сверхъ того, они знаютъ, что народъ, къ которому они обращаются, этого еще не знаетъ. И они говорятъ народу то, чего нѣтъ, то, во что они сами не вѣрятъ. Они лгутъ народу. Они обманываютъ народъ.

Неужели они не подумали, что у самаго порога ихъ встрѣтитъ соціалдемократія? Что она позаботится о томъ, чтобы свести ихъ на очную ставку съ исторической истиной? Неужели они не способны понять, что это ея право, ея обязанность? И они могли думать, что соціалдемократія вступитъ съ ними въ соглашеніе, чтобы вмѣстѣ съ ними, на товарищескихъ началахъ, обманывать народъ?!

Еслибъ соціалдемократія была только партіей честнаго, рѣшительнаго, послѣдовательнаго, непримиримаго демократизма, она и тогда не могла бы не выступить въ полной обособленности и самостоятельности. Она и тогда не могла бы поставить свои дѣйствія въ какую бы то ни было зависимость отъ дѣйствій или, вѣрнѣе, бездѣйствія той либеральной оппозиціи, которая не смѣетъ назвать то, къ чему она стремится, и не знаетъ, какими средствами добиться того, что назвать она боится. Она и тогда не могла бы оказать никакого политическаго кредита той «демократіи», которая боролась за демократическія требованія только въ своихъ сновидѣніяхъ, на дѣлѣ же играла и играетъ роль адвоката, секретаря и разсыльнаго при цензовомъ либерализмѣ.

Въ то время, какъ ищущая во что бы то ни стало компромисса оппозиція, т. е. анти-оппозиціонная оппозиція, встрѣчаетъ безкорыстнаго слугу въ лицѣ анти-революціонной, а значитъ анти-демократической демократіи, въ то время какъ съ этой послѣдней объединяются непролетарскіе и антипролетарскіе соціалисты и, этимъ актомъ объединенія съ антидемократической демократіей, обнаруживаютъ истинную цѣнность не только своего

---

[1]) Отвѣтить прямо на этотъ вопросъ мы приглашали г-на Струве еще въ октябрѣ 1904 года („Искра“, № 76). Пропитанный нравственнымъ идеализмомъ редакторъ „Освобожденія“ не отвѣтилъ намъ ни прямо, ни косвенно.

соціализма, но и своего демократизма, — да — въ это время единственной партіей, честнаго, рѣшительнаго, послѣдовательнаго, непримиримаго демократизма является соціалдемократія. И именно поэтому она вызываетъ къ себѣ прикрытую ханжествомъ ненависть всѣхъ тѣхъ «демократовъ», которымъ она самымъ фактомъ своего существованія затрудняетъ ликвидацію послѣднихъ остатковъ идеи «долга предъ народомъ» ...

4. Буржуазная интеллигенція и соціалистическій пролетаріатъ.

Ненависть, прикрытая ханжествомъ, — таково отношеніе объединенной якобы-демократіи къ вашей партіи, сознательные россійскіе пролетаріи! Вы должны себѣ отдать въ этомъ ясный отчетъ.

И «Освобожденіе» и «Революціонная Россія» выступаютъ противъ нашей непримиримости, противъ нашей «борьбы на два фронта». Все чаще и чаще посылаетъ намъ такіе упреки легальная пресса. Демократія хочетъ, чтобы мы укротились и примирились. Она же въ свою очередь великодушно готова примириться съ нами, если только мы, покинувъ строптивость, начнемъ пѣть ей въ унисонъ, въ то время, какъ сама она поетъ въ унисонъ цензовой оппозиціи.

«Освобожденіе» и «Революціонная Россія», умудренныя нѣкоторымъ опытомъ, стараются придать этому требованію стыдливую форму. Но легальная печать «демократическаго» блока, пользуясь тѣмъ, что ей не грозитъ немедленный отпоръ, съ откровеннымъ цинизмомъ предъявляетъ соціалдемократіи свое требованіе: устранись!

«...Кромѣ охранителей — жалуется «Наша Жизнь», — существуютъ, къ сожалѣнію и другія, при томъ прогрессивныя, направленія, которыя все еще (!) говорятъ о всякаго рода противорѣчіяхъ и все еще выдвигаютъ на первый планъ именно эти противорѣчія, а не то «общее», что можетъ объединять въ извѣстныя времена всѣ классы, всѣ сословія. Въ общемъ,—однако, утѣшается «демократическая» газета,—сословно-классовыя различія сейчасъ потонули въ томъ живомъ и могучемъ потокѣ, который стремительно несется по русской землѣ и захватываетъ въ свое русло московскаго купца, и тамбовскаго и саратовскаго и другихъ земцовъ, и петербургскаго чиновника и всегдашняго либерала-интеллигента» [1]).

Ваша партія, сознательные пролетаріи, виновна въ томъ, что выдвигаетъ такія требованія, которыя отличаются отъ требованій московскаго купца, тамбовскаго дворянина и петербург-

---

[1]) „Наша Жизнь“, 1904 г., № 37, курс. нашъ.

скаго чиновника! «Демократическая» интеллигенція предъявляетъ къ вамъ требованіе: примиритесь на томъ «общемъ», что можетъ объединять всѣ классы и всѣ сословія. Такимъ объединительнымъ «общимъ» можетъ быть лишь программа самой отсталой части либеральной оппозиціи. Какъ только вы захотите подняться выше ея политическаго уровня, окажется что вы, подобно реакціонерамъ-охранителямъ, выдвигаете то, что раздѣляетъ, а не то, что объединяетъ. Сознательные пролетаріи! «Демократія» требуетъ отъ васъ, чтобъ вы во имя единенія, отказались отъ вашего революціоннаго демократизма. «Демократія» требуетъ отъ васъ, чтобы вы, во имя солидарности съ либеральной оппозиціей, предали дѣло демократическаго переворота. Потому что, если что отличаетъ васъ сейчасъ съ такой рѣзкостью отъ всѣхъ другихъ «классовъ и сословій», такъ это именно ваша несокрушимая преданность дѣлу демократической революціи.

Словами безпощаднаго негодованія вы отвѣтите, товарищи, этимъ непримиримымъ сторонникамъ оппортунистическаго примирительства, этимъ «демократическимъ» прихвостнямъ либеральныхъ и полу-либеральныхъ купцовъ, дворянъ, и чиновниковъ.

Вы скажете имъ: мы, пролетаріи, не требуемъ отъ либераловъ, чтобъ они отказались отъ своихъ классовыхъ интересовъ, стали на нашу точку зрѣнія и боролись за нашу соціалистическую программу, — хотя мы и готовы поручиться, что, какъ только они это сдѣлаютъ, они разъ на всегда вырвутъ почву изъ подъ нашей политики выдвиганія противорѣчій.

Мы не обвиняемъ также и, такъ называемую, демократію въ томъ, что она не становится въ ряды партіи революціоннаго соціализма, — но чего мы отъ нея требуемъ, такъ это вѣрности ея собственной программѣ. И этого нашего требованія она не можетъ снести и бросаетъ намъ въ отвѣтъ обвиненіе въ томъ, что мы не способны молчаливо смотрѣть, какъ она изъ-за спины земской оппозиціи замахивается на нашу партію, единственную представительницу честнаго, рѣшительнаго, непримиримаго демократизма!

Мы вносимъ то, что раздѣляетъ, а не то, что объединяетъ? Не наоборотъ-ли, не вы ли повинны въ этомъ?

Мы, соціалдемократы, выступили на поле революціонной борьбы въ эпоху полнаго политическаго затишья. Мы съ самаго начала формулировали нашу революціонную демократическую программу. Мы пробуждали массу. Мы собирали силы. Мы выступили на улицы. Мы наполнили города шумомъ нашей борьбы. Мы пробудили студенчество, демократію, либераловъ... И когда эти пробужденныя нами группы стали вырабатывать свои собственные лозунги и свою тактику, онѣ обратились къ намъ съ требованіемъ, которое въ чистомъ, незамаскированномъ видѣ зву-

читъ такъ: «Устранитесь, — выбросьте изъ вашей революціонной программы и революціонной тактики то, что отличаетъ васъ отъ насъ, — откажитесь отъ тѣхъ требованій, которыхъ не можетъ принять московскій купецъ и тамбовскій дворянинъ, — словомъ, измѣните тѣмъ лозунгамъ, которые вы выдвинули въ то время, какъ мы еще мирно почивали въ болотѣ политическаго индифферентизма, отъ той тактики, которая составила вашу силу, и которая позволила вамъ совершить чудо: пробудить насъ отъ нашего позорнаго политическаго сна!»

Земство не могло притти въ движеніе, не приведя, въ свою очередь, въ движеніе всю ту интеллигенцію, которая наполняетъ всѣ его поры, которая широкимъ кольцомъ окружаетъ его по периферіи, которая, наконецъ, связана съ нимъ узами крови и узами политическихъ интересовъ. Земскій съѣздъ 6—8 ноября вызвалъ цѣлый рядъ политическихъ банкетовъ демократической интеллигенціи. Были болѣе, были менѣе радикальные банкеты, были болѣе, были менѣе смѣлыя рѣчи; въ одномъ случаѣ говорили объ активномъ участіи народа въ законодательствѣ, въ другомъ— требовали ограниченія самодержавія и даже доходили до требованія всенароднаго учредительнаго собранія. Но не было ни одного банкета, на которомъ всталъ бы либеральный земецъ или «освобожденецъ» и сказалъ бы: Господа! На дняхъ соберутся (или собрались) земцы. Они потребуютъ конституціи. Затѣмъ земцы и думцы потребуютъ — если потребуютъ — конституціи въ земствахъ и думахъ. Потомъ на банкетахъ земцы и думцы соберутся вмѣстѣ съ интеллигенціей — вотъ какъ собрались сегодня мы — и опять постановятъ резолюцію о необходимости конституціи. Правительство отвѣтитъ на это болѣе или менѣе торжественнымъ манифестомъ, въ которомъ (оратору совсѣмъ не нужно было быть пророкомъ, чтобы предвидѣть это) будетъ провозглашена незыблемость самодержавія, земствамъ будетъ предложено вернуться къ обычнымъ занятіямъ, а политическіе банкеты будутъ упомянуты лишь въ связи съ соотвѣтственными уголовными статьями. Что тогда? Какъ отвѣтимъ мы на такое заявленіе правительства? Другими словами: какова наша дальнѣйшая тактика, милостивые государи?»

Послѣ этихъ простыхъ словъ въ собраніи воцарилась бы неловкость, демократическія дѣти неувѣренно взглянули бы на земскихъ отцовъ, земскіе отцы недовольно нахмурили бы брови, — и всѣ немедленно почувствовали бы, что ораторъ сдѣлалъ большую безтактность.

Его безтактность состояла бы въ томъ, что онъ на либеральномъ банкетѣ высказалъ бы то, что есть. Но такой безтактности нашъ ораторъ не совершилъ, ибо его не было. Никто изъ земцевъ и изъ услужающихъ имъ «освобожден-

скихъ» демократовъ не поставилъ вслухъ вопроса: что же дальше?

Такую безтактность рѣшились сдѣлать только соціалисты-пролетаріи.

Они явились въ Харьковѣ на засѣданіе Юридическаго Общества, предсѣдатель котораго предлагалъ отправить министру весеннихъ дѣлъ привѣтственную и благодарственную телеграмму, и одинъ изъ нихъ сказалъ собравшимся, что единственная весна, которой вѣритъ пролетаріатъ и которой только и можетъ вѣрить демократія, будетъ принесена революціей. Они явились на засѣданіе Екатеринодарской думы, гдѣ ораторъ рабочій сказалъ: «Погибающее самодержавіе думаетъ бросить вамъ приманку,... оно надѣется обмануть васъ и теперь точно такъ же, какъ не разъ обмановало! — Но... оно почувствуетъ, что народилась въ Россіи новая сила, съ самаго начала своего существованія, явившаяся непримиримымъ, смертельнымъ врагомъ самодержавнаго деспотизма. Эта сила — организованный пролетаріатъ... И мы — горсть борцовъ великой арміи труда — зовемъ васъ съ собой. Мы съ вами — представители противоположныхъ общественныхъ классовъ, но и насъ можетъ объединить ненависть къ одному и тому же врагу — самодержавному строю. Мы можемъ быть союзниками въ нашей политической борьбѣ. Но для этого вы должны оставить прежній путь смиренія, вы должны смѣло, открыто присоединиться къ нашему требованію: Долой самодержавіе! Да здравствуетъ учредительное собраніе, избранное всѣмъ народомъ! Да здравствуетъ всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право!

Пролетаріи явились на банкетъ одесской интеллигенціи, и тамъ ихъ ораторъ сказалъ: «Если вы, граждане, найдете въ себѣ достаточно мужества, чтобы открыто и безъ колебаній поддержать наши демократическія требованія, мы, пролетаріи-соціалдемократы, приглашаемъ васъ итти рядомъ съ нами въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Въ этой жестокой борьбѣ мы, соціалдемократы, будемъ до послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства».

Ораторы-пролетаріи не боялись поставить открыто вопросъ: что дѣлать? ибо на этотъ простой вопросъ у нихъ есть простой отвѣтъ: нужно бороться, нужно «до послѣдней капли крови отстаивать великіе принципы свободы, равенства и братства!»

И какъ бы для того, чтобы показать, что это не фраза въ устахъ пролетаріата, бакинскіе стачечники, эти буревѣстники надвигающейся всенародной грозы, оставили на землѣ десятки убитыхъ и раненыхъ, пролившихъ свою кровь за великіе принципы свободы, равенства и братства!..

И вотъ, отъ этого класса, который научаетъ своихъ дѣтей

такъ бороться и такъ умирать, явились представители на либеральные банкеты, гдѣ такъ хорошо говорятъ о героической борьбѣ и героической смерти.

Имѣли они право на вниманіе?

Либеральная печать много говорила о пропасти между интеллигенціей и народомъ. Либеральные ораторы не знаютъ другой клятвы, кромѣ клятвы именемъ народа.

И вотъ нынѣ передъ ними въ лицѣ пролетаріата выступаетъ на сцену самъ народъ. Не въ качествѣ объекта просвѣтительныхъ начинаній, а въ качествѣ самостоятельной, за себя отвѣтственной и требовательной политической фигуры.

И что же?

— «Долой отсюда!» кричатъ либералы, надѣявшіеся, что высокій имущественный цензъ (цѣна либеральнаго обѣда отъ двухъ до четырехъ рублей) не позволитъ пролетаріямъ перешагнуть пропасть, отдѣляющую «интеллигенцію» отъ «народа».

Профессоръ Гредескулъ не находилъ «словъ для достаточнаго выраженія своего негодованія», когда рабочіе разбросали прокламаціи на засѣданіи харьковскаго юридическаго общества, и кричалъ на всю залу: «если тѣ, которые это сдѣлали, честные и порядочные люди, пусть они добровольно удалятся». Онъ сомнѣвался въ томъ, честные ли, порядочные ли они люди!..

«Это нарушеніе правилъ гостепріимства!» кричалъ предсѣдатель ростовскаго либеральнаго банкета, не позволяя прочитать резолюцію рабочихъ, ждавшихъ рѣшенія ея судьбы на холодѣ. «Вѣдь они же на улицѣ, волновался г. либералъ, пусть собираются гдѣ хотятъ!» Онъ зналъ, что ростовскіе рабочіе умѣютъ собираться, что за мѣсто для своихъ собраній они платятъ не рублями, а кровью, только кровью...

«Долой отсюда! вонъ, вонъ, вонъ!» — встрѣтили одесскіе либералы рѣчь одесскаго пролетарія. «Довольно! Довольно!» прерывали они его на каждомъ шагу.

При такихъ торжественныхъ условіяхъ происходило сближеніе интеллигенціи съ народомъ.

Какимъ гнѣвомъ должно было наполниться сердце революціонера-рабочаго, какой горячей волной должна была прилить кровь къ его головѣ, какъ судорожно должны были сжаться его кулаки, когда онъ предсталъ, какъ вѣстникъ революціи, предъ этимъ образованнымъ и отъ самовлюбленности пьянымъ обществомъ, чтобы напомнить либераламъ объ ихъ либеральныхъ обязанностяхъ,чтобы поставить демократовъ предъ лицомъ ихъ демократической совѣсти, и когда въ отвѣтъ на первые еще робкіе звуки его голоса — онъ не привыкъ, господа, къ обстановкѣ парадныхъ обѣдовъ! — раздалось изъ глубины либеральныхъ потроховъ: «Долой его! Молчать! Ату его»! «Граждане! именемъ пролета-

ріата, собравшагося у стѣнъ этого зданія...» — Вонъ, вонъ, вонъ! Замолчать! Ату его!..

«Освобожденіе» предвидитъ появленіе рабочихъ на земскихъ собраніяхъ и, порицая рабочихъ за ихъ поведеніе въ Харьковѣ и Екатеринодарѣ, требуя отъ нихъ соблюденія порядка собранія и правъ предсѣдателя, «демократическій» органъ съ своей стороны обѣщаетъ: «Позволительно думать, что земскіе люди не отнесутся ни враждебно, ни даже невнимательно ко всѣмъ заявленіямъ, которыя будутъ предъявлены къ земскимъ собраніямъ, безъ нарушенія правъ и порядка послѣднихъ» [1]).

Слышите, пролетаріи: ни враждебно, ни даже невнимательно! Вамъ «позволительно думать», что если вы будете вести себя чинно, господа земскіе дворяне не отнесутся къ вашимъ заявленіямъ ни враждебно, ни даже — слышите: даже — невнимательно!

Я боюсь, товарищи, что вы отвѣтите господамъ ходатаямъ за васъ предъ земскими дворянами, что вы не нуждаетесь въ милостынѣ либеральнаго вниманія, что вы являетесь не съ тѣмъ, чтобы просить, а съ тѣмъ, чтобы требовать и призывать къ отвѣту, — и когда къ предъявленнымъ вами народнымъ требованіямъ относятся враждебно или невнимательно, у васъ остается еще обязанность: обличить предъ народомъ. И эту обязанность вы выполните черезъ голову предсѣдателя и всего собранія, со всѣми его правами!

Когда нѣмецкіе рабочіе, еще не имѣвшіе своей самостоятельной партіи и поддерживавшіе либеральную буржуазію, обратились въ 1862 году къ либеральнымъ вождямъ съ требованіями: во-первыхъ, ввести въ программу всеобщее избирательное право и, во-вторыхъ, измѣнить порядокъ уплаты членскихъ взносовъ такъ, чтобы облегчить рабочимъ доступъ въ партійную организацію либераловъ (Nationalverein), послѣдніе отнеслись къ ихъ требованіямъ довольно «внимательно», но крайне враждебно: въ первомъ требованіи отказали наголо, а въ отвѣтъ на второе разъяснили, что «рабочіе могутъ считать себя прирожденными членами либеральной партіи» — и слѣдовательно? и слѣдовательно... могутъ оставаться за порогомъ ея организаціи.

Либералы считаютъ, что прирожденное право рабочихъ — драться на баррикадахъ, отдавать свою жизнь за дѣло свободы, но только не нарушать своимъ появленіемъ спокойствія либеральныхъ организацій, собраній и банкетовъ!..

Нашъ пролетаріатъ, къ счастью для себя и для дѣла свободы, не долженъ, въ качествѣ просителя, стучаться подъ окнами либеральной партіи. У него есть своя партія. Судьба его

---

[1]) „Освобожденіе“, № 61.

требованій не зависитъ отъ того, найдутъ ли они мѣсто въ программѣ буржуазной оппозиціи.

Но это не значитъ, что русскому пролетаріату нѣтъ дѣла до того, что говорятъ либералы въ земствахъ и думахъ, огражденныхъ отъ массы сословно-имущественнымъ цензомъ, и на либеральныхъ банкетахъ, огражденныхъ отъ массы четырехрублевыми обѣдами.

Не ходатайствовать предъ либералами, не просить заступничества приходятъ и будутъ приходить пролетаріи на либеральныя собранія, но съ цѣлью противопоставить свою революціонную программу дѣйствій либеральной безхарактерности, прикрытой многословіемъ, съ цѣлью призвать къ революціи тѣ кадры демократіи, которые пока еще находятся подъ либеральнымъ обаяніемъ... И не просителей встрѣчаютъ г. г. либералы криками «долой!», не отъ нищенствующихъ ограждаютъ они себя входными билетами, — нѣтъ! несостоятельные должники дѣла свободы и демократіи, они малодушно уклоняются отъ строгаго взысканія, они боятся обличеній того самаго народа, который они такъ любятъ ... на большомъ разстояніи, которому они такъ горячо сочувствуютъ... когда онъ умираетъ на бакинскихъ мостовыхъ.

Пролетаріи еще не разъ появятся на собраніяхъ «общества» и поставятъ либераламъ въ упоръ убійственный для нихъ вопросъ:

Что же дальше?

Земцы подали прошеніе о конституціи. Ихъ прошеніе было найдено незаслуживающимъ уваженія. Московское земство заявило, что оно взволновано и прекратило свои засѣданія. Черниговскіе и смоленскіе земцы просто разъѣхались по домамъ. Симферопольская дума отложила свои засѣданія, не разсмотрѣвъ бюджета. Такое самоупраздненіе было бы вполнѣ умѣстнымъ актомъ, еслибъ къ нему прибѣгли всѣ земства и думы, выставивъ принципіальную мотивировку своей стачки. Но и тогда оставался бы во всей своей силѣ вопросъ: что же дальше?

Въ своихъ резолюціяхъ земцы «выражали надежду». Надежда оказалась утопической. Въ свою очередь освобожденскіе quasi-демократы въ послѣдніе два года то и дѣло «выражали надежду» на земцевъ. Ихъ надежда на земцевъ оказалась обманутой вмѣстѣ съ надеждой земцевъ на самодержавіе.

Что же дальше? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: апелляція къ массѣ, то есть къ революціи. Но къ массѣ можно итти только съ демократической программой. И если раньше мы старались показать, что наша демократія можетъ быть только революці-

онной, то здѣсь нужно добавить, что переходъ къ революціонной тактикѣ мыслимъ только на почвѣ демократической программы.

Внѣ революціи нѣтъ путей для рѣшенія вопроса политической свободы. Это должны понять даже глухонѣмые слѣпцы въ результатѣ послѣдняго періода правительственныхъ обѣщаній указовъ, земскихъ совѣщаній и либеральныхъ банкетовъ.

Къ свободѣ путь лежитъ черезъ революцію, къ революціи черезъ демократическую программу.

Къ интеллигентной «демократіи» — демократіей мы называемъ ее въ счетъ ея будущаго — плетущейся за земцами, пролетаріатъ долженъ обратиться со словами, которыя Уландъ сказалъ нѣкогда Вюртембергскому ландтагу:

«Und könnt ihr nicht das Ziel erstreben,
So tretet in das Volk zurück!..»
(«Если не можете добиться цѣли,
Вернитесь обратно къ народу».)

IV. Пролетаріатъ и революція.

Но пролетаріатъ долженъ не только *звать* къ революціи, прежде всего онъ долженъ самъ *итти* къ революціи.

Итти къ революціи не значитъ непремѣнно снаряжаться къ назначенному на опредѣленный день возстанію. Для революціи нельзя назначить день и часъ, какъ для демонстраціи. Народъ никогда еще не дѣлалъ революцій по командѣ.

Но что *можно* дѣлать, такъ это, въ виду неизбѣжно надвигающейся катастрофы, выбирать наиболѣе удобныя позиціи, вооружать и вдохновлять массы революціоннымъ лозунгомъ, выводить единовременно на поле дѣйствія всѣ резервы, упражнять ихъ въ боевомъ искусствѣ, держать ихъ все время подъ ружьемъ, — и въ подходящую минуту ударить по всей линіи тревогу.

Значитъ, это только упражненіе собственныхъ силъ, а не рѣшительное столкновеніе съ силами врага, — только маневры, а не уличная революція?

Да, только маневры. Но отъ военныхъ маневровъ они отличаются тѣмъ, что во всякое время, и совершенно независимо отъ нашей воли, могутъ превратиться въ дѣйствительное сраженіе, рѣшающее весь исходъ многолѣтней кампаніи. Не только могутъ превратиться, но и должны превратиться. За это ручается острый характеръ переживаемаго политическаго періода, скрывающаго въ своихъ нѣдрахъ массы революціоннаго матеріала.

Въ какой моментъ произойдетъ превращеніе маневровъ въ сраженіе, это будетъ зависѣть отъ объема и революціонной

сплоченности массы, которая выведена на улицу, отъ сгущенности той атмосферы всенароднаго сочувствія и симпатіи, которою эта масса дышетъ, и отъ настроенія двинутыхъ правительствомъ противъ народа войскъ.

Эти три элемента успѣха должны опредѣлять нашу подготовительную работу. Революціонная пролетарская масса есть. Нужно умѣть единовременно на всемъ пространствѣ Россіи вывести эту массу на улицы и сплотить ее общимъ кличемъ.

Ненависть къ самодержавію есть во всѣхъ слояхъ и классахъ общества, — есть, значитъ, и сочувствіе къ освободительной борьбѣ. Нужно это сочувствіе сосредоточить на пролетаріатѣ, какъ революціонной силѣ, выступленіе которой во главѣ народныхъ массъ только и можетъ спасти будущее Россіи. Наконецъ, настроеніе арміи всего меньше способно окрылять правительство увѣренностью. За послѣдніе годы было много тревожныхъ симптомовъ: армія ропщетъ, армія недовольна, въ арміи броженіе. Нужно сдѣлать все, чтобы къ моменту рѣшительнаго выступленія массы, армія отрѣзала свою судьбу отъ судьбы самодержавія.

Начнемъ съ послѣднихъ двухъ условій, опредѣляющихъ ходъ и исходъ кампаніи.

Послѣдній періодъ, когда при звукахъ трубъ была открыта эра политическаго обновленія и при свистѣ нагаекъ эта эра была объявлена закрытой, — періодъ Святополка - Мірскаго, — въ своемъ конечномъ результатѣ поднялъ ненависть къ абсолютизму во всѣхъ сколько-нибудь сознательныхъ элементахъ общества до небывалой высоты. Наступающіе дни будутъ пожинать плоды встревоженныхъ общественныхъ надеждъ и невыполненныхъ правительственныхъ обѣщаній. Политическіе интересы стали болѣе оформленными, недовольство глубже и «принципіальнѣе». Вчера еще первобытная мысль сегодня уже жадно набрасывается на работу политическаго анализа. Всѣ явленія зла и произвола быстро сводятся къ первоосновѣ. Революціонные лозунги никого не отпугиваютъ, наоборотъ, находятъ тысячекратное эхо, превращаются въ народныя поговорки. Общественное сознаніе впитываетъ въ себя, какъ губка—влагу, каждое слово отрицанія, осужденія или проклятія по адресу абсолютизма. Ничто не проходитъ для него безнаказанно. Каждый неловкій шагъ ставится ему въ счетъ. Его заигрыванія встрѣчаютъ насмѣшку, его угрозы рождаютъ ненависть. Громадный аппаратъ либеральной прессы пускаетъ ежедневно въ оборотъ тысячи фактовъ, волнующихъ, раздражающихъ и воспламеняющихъ общественное сознаніе.

Накопленныя чувства ищутъ выхода. Мысль стремится перейти въ дѣйствіе. А между тѣмъ тысячеустая либеральная пресса, которая питаетъ это общественное возбужденіе, стремится въ то же время направить его въ узкое русло, сѣетъ

суевѣрное почтеніе къ всемогуществу «общественнаго мнѣнія», голаго, неорганизованнаго «общественнаго мнѣнія», не разрѣшающагося дѣйствіемъ, порочитъ революціонный методъ національнаго освобожденія, поддерживаетъ гипнозъ легальности, направляетъ все вниманіе и всѣ надежды недовольныхъ слоевъ на земскую кампанію, — и такимъ путемъ систематически готовитъ крахъ общественнаго движенія. Обострившееся недовольство, не находящее выхода, обезкураженное неизбѣжнымъ неуспѣхомъ легальной земской кампаніи, опирающейся на безплотное «общественное мнѣніе», безъ традицій революціонной борьбы въ прошломъ, безъ ясныхъ перспективъ въ будущемъ, — это общественное недовольство можетъ вылиться въ отчаянный пароксизмъ террора, при полной сочувственнаго безсилія пассивности демократической интеллигенціи, при двусмысленной поддержкѣ задыхающихся отъ платоническаго энтузіазма либераловъ.

Этому не должно быть мѣста. Необходимо подхватить падающую волну общественнаго возбужденія, направивъ вниманіе широкихъ оппозиціонныхъ круговъ на то колоссальное предпріятіе, во главѣ котораго пойдетъ пролетаріатъ — на всенародную революцію.

Передовой отрядъ долженъ будить всѣ слои общества, появляться здѣсь и тамъ, ставить ребромъ вопросы политической борьбы, звать, обличать, срывать маску съ лицемѣровъ демократіи, сшибать лбами демократовъ съ цензовыми либералами, снова и снова будить, звать, обличать, требовать отвѣта на вопросъ «что дальше?», не давать отступленія, доводить легальныхъ либераловъ до признанія собственнаго безсилія, отрывать отъ нихъ демократическіе элементы и толкать эти послѣдніе на путь революціи. Совершать эту работу значитъ стягивать нити сочувствія всѣхъ демократическихъ элементовъ оппозиціи къ революціонной кампаніи пролетаріата.

Необходимо сдѣлать все, чтобы привлечь вниманіе и симпатіи городского мѣщанства къ выступленію рабочихъ. Во время прошлыхъ массовыхъ выступленій пролетаріата, напримѣръ, всеобщихъ южныхъ стачекъ 1903 года, въ этомъ отношеніи почти ничего не дѣлалось, — и это было однимъ изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ подготовительной работы. Въ населеніи нерѣдко циркулировали, какъ свидѣтельствуютъ корреспонденты, самые безсмысленные слухи о намѣреніяхъ забастовщиковъ. Обыватели ждутъ нападенія на свои квартиры, лавочники — расхищенія лавокъ, евреи — погромовъ. Этого не должно быть. Политическая стачка, какъ единоборство городского пролетаріата съ полиціей и войсками, при враждебности или хотя бы только пассивности всего остального населенія, означала бы для насъ неизбѣжный крахъ.

Отчужденность населенія прежде всего скажется на самочувствіи пролетаріата, а затѣмъ и на настроеніи войскъ. Поведеніе властей будетъ несравненно болѣе рѣшительнымъ. Генералы напомнятъ офицерамъ, а офицеры солдатамъ драгомировскія слова: «Ружье дается для мѣткой стрѣльбы, и никто не имѣетъ права тратить пули по пустякамъ».

Этого не должно быть. Партія должна создать вокругъ пролетарскаго ядра нравственный панцырь изъ симпатій всего населенія и матеріальный панцырь изъ вспомогательныхъ непролетарскихъ отрядовъ. Чѣмъ больше пониманія въ населеніи смысла революціонной стачки, тѣмъ больше къ ней симпатій. Чѣмъ больше симпатій, тѣмъ выше число участниковъ изъ среды другихъ классовъ. Чѣмъ выше это число, тѣмъ ниже рѣшимость властей прибѣгать къ безпощадному кровопусканію: кому же неизвѣстно, что кровь революціоннаго пролетаріата имѣетъ гораздо меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ кровь оппозиціоннаго «общества?»

Итакъ, для успѣха политической стачки пролетаріата необходимо, чтобы она превратилась въ революціонную демонстрацію населенія.

Второе важное условіе — настроеніе арміи. Недовольство въ войскахъ, смутное сочувствіе къ «бунтующимъ» есть несомнѣнный фактъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что лишь небольшую долю этого сочувствія можно отнести непосредственно на счетъ нашей агитаціи въ войскахъ. Большая доля сдѣлана самой практикой столкновеній арміи съ протестующими массами. Рѣшительно всѣ корреспонденціи, описывающія сраженія войскъ съ безоружнымъ народомъ, устанавливаютъ тотъ фактъ, что громадное большинство солдатъ тяготится ролью палача. По живой цѣли стрѣляютъ лишь безнадежные идіоты или безнадежные подлецы. Средняя масса солдатъ стрѣляетъ вверхъ. По этому поводу можно сказать одно: было бы противоестественно, если бы это было иначе. Во время всеобщей стачки въ Кіевѣ, когда въ Бессарабскомъ полку былъ полученъ приказъ итти на Подолъ, — командиръ полка отвѣтилъ, что онъ не ручается за настроеніе своихъ солдатъ. Тогда былъ посланъ приказъ въ Херсонскій полкъ, но и тамъ не оказалось ни одной полуроты, которая цѣликомъ удовлетворяла бы требованіямъ начальства.

Кіевъ не представляетъ въ этомъ смыслѣ исключенія.

Во время всеобщей одесской стачки 1903 года, солдаты, по сообщенію корреспондентовъ, далеко не всегда оказывались на высотѣ положенія. Такъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ поставленные карауломъ у воротъ двора, куда загнаны были демонстранты, они позволили себя убѣдить не обращать вниманія на бѣгство арестованныхъ черезъ сосѣдніе дворы. Такимъ обра-

зомъ, скрылось 100-150 человѣкъ. Можно было видѣть рабочихъ, мирно бесѣдовавшихъ съ солдатами. Были факты отнятія оружія у солдатъ безъ особеннаго сопротивленія послѣднихъ.

Такъ обстояло дѣло въ 1903 году. Послѣ того прошелъ годъ войны. Невозможно, разумѣется, учесть въ цифрахъ вліяніе истекшаго года на сознаніе арміи. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это вліяніе колоссально. Одну изъ главныхъ силъ военнаго гипноза составляетъ энергично поддерживаемая въ солдатахъ вѣра въ свою несокрушимость, мощь, превосходство надъ всѣмъ остальнымъ міромъ. Война не оставила въ этой вѣрѣ ни одного живого мѣста. Солдаты и матросы отправляются на Востокъ безъ какой бы то ни было надежды на побѣду. Но утрата вѣры въ свою несокрушимость означаетъ для арміи уже добрую половину неувѣренности въ несокрушимости того порядка, которому она служитъ... Одно влечетъ за собой другое.

Самодержавіе показываетъ себя во весь ростъ въ нынѣшней войнѣ, а война — такое событіе, которое помимо общаго интереса притягиваетъ къ себѣ еще и профессіональный интересъ арміи. Наши суда ходятъ медленнѣе, наши пушки бьютъ не такъ далеко, наши солдаты не грамотны, у унтеровъ нѣтъ компаса и карты, наши солдаты босы, голы и голодны, нашъ Красный Крестъ крадетъ, интендантство крадетъ, — слухи и вѣсти объ этомъ, разумѣется, доходятъ до арміи и жадно всасываются ею. Каждый такой слухъ, точно острая кислота, разъѣдаетъ ржавчину нравственной муштры. Годы мирной пропаганды не сдѣлали бы того, что дѣлаетъ каждый день войны. Въ результатѣ остается лишь механизмъ дисциплины, но безслѣдно исчезаетъ вѣра въ то, что такъ нужно, что такъ можетъ дальше продолжаться... Чѣмъ меньше вѣры въ самодержавіе, тѣмъ больше мѣста для довѣрія врагамъ самодержавія.

Это настроеніе нужно использовать. Солдатамъ необходимо разъяснить смыслъ подготовляемаго партіей выступленія рабочихъ массъ. Нужно новыми и новыми листками закрѣпить этотъ смыслъ въ ихъ сознаніи. Нужно самымъ широкимъ образомъ использовать тотъ лозунгъ, который можетъ объединить армію съ революціоннымъ народомъ: «Долой войну!» Нужно, чтобы къ рѣшительному дню офицеры не могли быть увѣрены въ солдатахъ, — и чтобъ эта неувѣренность сказывалась отраженной неувѣренностью въ нихъ самихъ.

Остальное сдѣлаетъ улица. Она растворитъ послѣдніе остатки казарменнаго гипноза въ революціонномъ энтузіазмѣ народа.

Конечно, стрѣлять поверхъ головъ легче, чѣмъ вовсе отказаться стрѣлять и отдать свои ружья мятежной массѣ. Это такъ. Но переходъ не такъ ужъ великъ, какъ можетъ пока-

заться на первый взглядъ. Тотъ самый солдатъ, который вчера стрѣлялъ въ воздухъ, отдастъ завтра рабочему свое ружье, если только получитъ вѣру въ то, что народъ не просто «бунтуетъ», а хочетъ и можетъ сейчасъ же, не сходя съ мостовыхъ, добиться признанія своихъ правъ. Такая вѣра можетъ быть внушена и будетъ внушена солдату объемомъ и энтузіазмомъ уличной толпы, поддержкой всего населенія, вѣстями объ единовременности выступленія во всѣхъ мѣстахъ Россіи.

Итакъ, для того, чтобы политическая стачка пролетаріата, превратившись въ демонстрацію всего населенія могла стать исходнымъ моментомъ побѣдоносной революціи, необходимо сочувственное настроеніе въ широкихъ кругахъ арміи.

Но главнымъ факторомъ успѣха является, разумѣется, сама революціонная масса.

За періодъ войны наиболѣе передовой элементъ массы, сознательный пролетаріатъ, не выступалъ открыто съ такой рѣшительностью, которая отвѣчала бы критическому характеру историческаго момента. Но дѣлать отсюда какіе бы то ни было пессимистическіе выводы значило бы обнаруживать политическую безхарактерность и поверхностность.

Война обрушилась на нашу общественную жизнь всей своей колоссальной тяжестью. Страшное чудовище, дышащее кровью и пламенемъ, заслонило политическій горизонтъ, вонзило стальные когти въ тѣло народа и терзаетъ его, покрываетъ его ранами, и причиняетъ ему такую нестерпимую боль, которая на первое время заглушаетъ даже самую мысль о причинахъ этой боли. Какъ всякое страшное несчастье, война, со своей свитой фурій — кризиса, безработицы, мобилизаціи, голода и смерти, на первыхъ порахъ вызвала чувства подавленности, отчаянія, но не чувства сознательнаго протеста. Тѣ народныя массы, которыя вчера еще лежали сырымъ пластомъ, никакъ не вліяя на революціонные слои, сегодня механическими ударами фактовъ оказались противопоставлены центральному событію русской жизни — войнѣ. Съ затаеннымъ отъ ужаса дыханіемъ весь народъ остановился предъ своимъ несчастіемъ. И тѣ революціонные слои, которые вчера еще игнорировали пассивныя массы и выступали со своимъ бодрымъ и сознательнымъ протестомъ, если не противъ нихъ, то забывая объ нихъ, сегодня оказались захвачены общей атмосферой подавленности и сосредоточеннаго ужаса. Эта атмосфера окутывала ихъ, ложилась свинцовой тучей на ихъ сознаніе... Голосъ рѣшительнаго протеста не возвышался въ этой средѣ стихійнаго страданія. Революціонный пролетаріатъ, еще не успѣвшій залѣчить жестокія раны, полученныя во время іюльскихъ событій 1903 г., оказался не въ силахъ противостоять «стихіи».

Но годъ войны не прошелъ даромъ. Война не только придавила на первое время тяжестью своихъ несчастій всякую революціонную инціативу, но и привлекла вниманіе вчера еще жившихъ стихійной жизнью народныхъ массъ къ объединяющему всѣхъ политическому событію, и тѣмъ самымъ породила въ нихъ — не могла не породить уже одной своей длительностью — потребность осмыслить это ужасное явленіе, отдать себѣ въ немъ отчетъ. Подавляя на первыхъ порахъ рѣшительный починъ революціонныхъ тысячъ, война пробуждала политическую мысль безсознательныхъ милліоновъ.

Истекшій годъ не прошелъ даромъ, ни одинъ изъ его дней не прошелъ даромъ. Въ общественныхъ низахъ, во всей ихъ толщѣ, шла незамѣтная, но неотвратимая, какъ теченіе времени, молекулярная работа накопленія негодованія, ожесточенія, революціонной энергіи. Та атмосфера, которою дышитъ наша улица сегодня, не есть ужъ атмосфера безотчетнаго отчаянія, нѣтъ, это атмосфера сгущеннаго негодованія, ищущаго средствъ и путей для революціоннаго дѣйствія. Передовые слои народа могутъ уже сегодня и еще болѣе смогутъ завтра бросить новый вызовъ самодержавію, не только не встрѣчая безучастности широкихъ круговъ населенія, какъ было третьяго дня, но и нисколько не опасаясь, что протестъ ихъ будетъ смытъ общенародной волной стихійнаго горя, какъ это могло еще быть вчера, — сегодня всякое цѣлесообразное выступленіе передовыхъ отрядовъ рабочей массы увлечетъ за собою не только всѣ наши революціонные резервы, но и тысячи и сотни тысячъ революціонныхъ новобранцевъ. И эта мобилизація, въ отличіе отъ правительственной, будетъ происходить при общемъ сочувствіи и активной поддержкѣ громаднаго большинства населенія.

При живыхъ симпатіяхъ народныхъ массъ, при дѣятельномъ сочувствіи демократическихъ элементовъ населенія, имѣя противъ себя всѣми ненавидимое, неудачливое въ большомъ и въ маломъ, разбитое на морѣ, разбитое на сушѣ, оплеванное, растерянное, не увѣренное въ завтрашнемъ днѣ, топчущее и заискивающее, провоцирующее и отступающее, лгущее и уличаемое, наглое и запуганное правительство; имѣя предъ собою армію, обезкураженную всѣмъ ходомъ войны, въ которой храбрость, энергія, энтузіазмъ, героизмъ разбивались о правительственную анархію, колеблющуюся армію, утратившую вѣру въ несокрушимость порядка, которому она служитъ, прислушивающуюся къ гулу революціонныхъ голосовъ, недовольную, ропчущую, уже не разъ вырывавшуюся за послѣдній годъ изъ тисковъ дисциплины, — при такихъ условіяхъ выступитъ на улицы революціонный пролетаріатъ. И намъ приходится сказать, что болѣе счастливыхъ условій для послѣдней атаки на абсолютизмъ

исторія уже не можетъ создать. Она сдѣлала все, что позволила ей сдѣлать ея стихійная мудрость, — и она привлекаетъ теперь къ отвѣту сознательныя революціонныя силы страны.

Революціонной энергіи накопилось громадное количество. Нужно только, чтобы она не пропала безплодно, не израсходовалась по мелочамъ, въ отдѣльныхъ стычкахъ и столкновеніяхъ, не связанныхъ, лишенныхъ объединительнаго плана. Нужно приложить всѣ усилія къ тому, чтобы сконцентрировать недовольство, гнѣвъ, протестъ, злобу, ненависть массъ, дать этимъ чувствамъ одинъ языкъ, одинъ боевой кличъ, объединить, сплотить и дать почувствовать и понять каждой частицѣ этой массы, что она не изолированна, что одновременно съ нею и съ тѣмъ же кличемъ на устахъ подымаются вездѣ и всюду... Если такое сознаніе создано, оно уже означаетъ половину революціи.

Призвать единовременно къ дѣйствію всѣ революціонныя силы. Но какъ?

Прежде всего нужно установить, что главной ареной революціонныхъ событій будетъ городъ. Этого теперь никто не рѣшится отрицать. Несомнѣнно далѣе, что демонстраціи только въ томъ случаѣ могутъ превратиться въ народную революцію, если въ нихъ участвуетъ масса, то есть, прежде всего, фабрично-заводской пролетаріатъ. На улицу въ первую голову долженъ выступить онъ, чтобъ получило смыслъ выступленіе революціонной интеллигенціи, въ частности студенчества,—и городского мѣщанства. Чтобы двинуть рабочія массы, нужно имѣть сборные пункты. Для фабрично-заводского пролетаріата такіе постоянные концентраціонные пункты имѣются: это — фабрики и заводы. Отъ нихъ и нужно исходить. Намъ можетъ не удаться — и въ сущности всѣ демонстраціи показали это — собрать рабочую массу изъ тѣхъ кварталовъ, въ которыхъ она ютится, въ одно заранѣе назначенное мѣсто. Но намъ несомнѣнно удастся — и это подтверждаетъ опытъ ростовской стачки и особенно южныхъ волненій 1903 года — вывести уже собранную массу изъ фабрикъ и заводовъ. Не собирать рабочихъ по одиночкѣ, не скликать ихъ искусственно къ опредѣленному часу, но взять за исходный моментъ ихъ естественное повседневное «скопленіе», — вотъ выводъ, который диктуется намъ всѣмъ нашимъ прошлымъ опытомъ.

Оторвать рабочихъ отъ машинъ и станковъ, вывести за фабричныя ворота на улицу, направить на сосѣдній заводъ, провозгласить тамъ прекращеніе работъ, увлечь новыя массы на улицу, и такимъ образомъ, отъ завода къ заводу, отъ фабрики, къ фабрикѣ, наростая и снося полицейскія препятствія, увлекая прохожихъ рѣчами и призывами, поглощая встрѣчныя группы, заполняя улицы, завладѣвая пригодными помѣщеніями для на-

родныхъ собраній, укрѣпляясь въ этихъ помѣщеніяхъ, пользуясь ими для безпрерывныхъ революціонныхъ митинговъ съ постоянно обновляющейся аудиторіей, внося порядокъ въ передвиженія массъ, подымая ихъ настроеніе, разъясняя имъ цѣль и смыслъ происходящаго, — въ концѣ концовъ превратить, такимъ образомъ, городъ въ революціонный лагерь, — вотъ въ общемъ и цѣломъ планъ дѣйствій.

Повторяемъ: исходнымъ ихъ пунктомъ, въ зависимости отъ состава нашихъ главныхъ революціонныхъ корпусовъ, должны явиться фабрики и заводы. Это значитъ, что серьезныя уличныя манифестаціи, чреватыя рѣшающими событіями, должны начаться съ массовой политической забастовки.

Назначить на извѣстное число забастовку легче, чѣмъ народную демонстрацію, — именно по той причинѣ, что вывести готовую массу легче, чѣмъ ее собрать.

Само собою разумѣется, что массовая политическая забастовка — не мѣстная, а всероссійская — должна имѣть свой общій политическій лозунгъ. Это не значитъ, что нельзя выставлять мѣстныхъ и частныхъ требованій профессіональнаго характера; наоборотъ, чѣмъ больше нуждъ и потребностей будетъ задѣто въ предшествующей агитаціи, чѣмъ спеціализированнѣе будутъ требованія отдѣльныхъ рабочихъ группъ, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ участіе въ движеніи всей пролетарской массы. Это необходимо твердо помнить всѣмъ организаціямъ. Но всѣ эти частныя и спеціальныя требованія, пріуроченныя ко всеобщей стачкѣ, должны покрываться однимъ обобщающимъ и объединяющимъ политическимъ лозунгомъ. Само собою разумѣется, что этотъ лозунгъ: прекращеніе войны и созывъ всенароднаго учредительнаго собранія.

Это требованіе должно стать всенароднымъ, — и въ этомъ именно задача агитаціи, предшествующей всероссійской политической забастовкѣ. Нужно использовать всѣ поводы, чтобы популяризировать въ массахъ идею Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Нужно, не теряя ни единой минуты, привести въ движеніе всѣ техническія средства и всѣ агитаціонныя силы партіи. Прокламаціи и устныя рѣчи, кружковыя занятія и массовыя собранія должны распространять, разъяснять и углублять требованіе Учредительнаго Собранія. Въ городѣ не должно остаться ни одного человѣка, который не зналъ бы, что его требованіе: Всенародное Учредительное Собраніе. Эту агитацію необходимо — не упуская ни одного дня и ни одного повода — перебросить въ деревню. Деревня должна знать, что ея требованіе — это Всенародное Учредительное Собраніе. Крестьяне должно быть призваны собираться въ день всеобщей забастовки на свои сходы и постановлять требованіе созыва Учредительнаго

Собранія. Подгородные крестьяне должны быть призваны въ города, чтобы принять участіе въ уличныхъ движеніяхъ революціонныхъ массъ, собранныхъ подъ знаменемъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія. Всероссійское студенчество должно быть призвано всюду и вездѣ пріурочить свои выступленія ко всероссійской демонстраціи въ пользу Учредительнаго Собранія. Всѣ общества и организаціи, ученыя и профессіональныя, органы самоуправленія и органы оппозиціонной печати должны быть предупреждены рабочими, что ими готовится къ опредѣленному времени всероссійская политическая стачка, чтобы добиться созыва Учредительнаго Собранія. Рабочіе должны потребовать отъ всѣхъ корпорацій и обществъ заявленія, что въ назначенный для массовой манифестаціи день, всѣ они присоединятся къ требованію Учредительнаго Собранія. Рабочіе должны требовать отъ оппозиціонной прессы, чтобъ она популяризировала выдвинутое ими требованіе и чтобы наканунѣ назначеннаго дня она напечатала призывъ ко всему населенію присоединиться къ пролетарской демонстраціи подъ знаменемъ Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Необходимо развить самую напряженную агитацію въ войскахъ чтобы къ моменту стачки всякій солдатъ, который будетъ отправленъ для усмиренія «бунтовщиковъ» зналъ, что передъ нимъ стоитъ народъ, требующій созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія.

Послѣ петербургскихъ событій

Женева, 20 января (2 февраля) 1905 г.

...Какимъ всепобѣждающимъ краснорѣчіемъ обладаютъ факты, —и какими безсильными въ сравненіи съ ними являются слова!..

Масса заявила о себѣ. Она зажгла сначала революціонныя вышки на Кавказѣ, она столкнулась затѣмъ грудью въ незабвенный день 9 января съ гвардейцами и казаками на улицахъ Петербурга, она наполнила шумомъ своей борьбы улицы и площади всѣхъ промышленныхъ городовъ...

Эти очерки писались до бакинской стачки. Они были набраны до петербургскаго возстанія. Многое изъ того, что въ нихъ сказано, устарѣло—хотя прошло всего нѣсколько дней. Мы оставляемъ ихъ безъ измѣненія, иначе имъ никогда не появиться. Событія идутъ за событіями, исторія работаетъ болѣе проворно, чѣмъ печать. Политической литературѣ, особенно зарубежной, приходится давать не столько прямыя директивы, сколько ретроспективные обзоры.

Очерки исходятъ изъ критики либеральной и демократической оппозиціи,—и приходятъ къ политической необходимости и исторической неизбѣжности возстанія массъ. «Революціонная масса есть фактъ», повторяла соціалдемократія въ тотъ періодъ, когда шумные банкеты либераловъ, казалось, такъ ярко оттѣняли политическое молчаніе народа. Либеральные умники скептически поводили губами; прикомандировавшіе себя къ либераламъ «демократы» преисполнились несноснаго высокомѣрія и до такой степени рѣшительно вообразили себя вершителями судебъ, что нѣкоторые «горе-революціонеры» не нашли ничего лучшаго, какъ за спиной молчащаго народа вступить въ сдѣлку съ этими оппортунистами и скептиками. Нелѣпый, безсодержательный, никого ни къ чему не обязывающій, ни на какія дѣйствія не разсчитывающій «блокъ» [1]), сочиненный въ Парижѣ, былъ продуктомъ недовѣрія къ массѣ и къ революціи. Соціалдемократія не вступила въ этотъ «блокъ», ибо ея вѣра въ революцію начинается не съ 9 января 1905 года.

«Революціонная масса есть фактъ», повторяла соціальдемократія. Либеральные мудрецы презрительно пожимали плечами. Эти господа считаютъ себя трезвыми реалистами — только потому, какъ извѣстно, что не способны учитывать дѣйствіе большихъ причинъ и ставятъ себѣ задачей играть роль приживалки при каждомъ мимолетномъ политическомъ фактѣ. Они кажутся себѣ трезвыми политиками, несмотря на то, что исторія презрительно третируетъ ихъ мудрость, рветъ въ клочки ихъ школьныя тетрадки, однимъ движеніемъ уничтожаетъ ихъ чертежи и великолѣпно издѣвается надъ ихъ глубокомысленными предсказаніями.

«Революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ»..

«Русскій рабочій культурно отсталъ, забитъ и (мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, рабочихъ петербургскихъ и московскихъ) еще не достаточно подготовленъ къ организованной общественно-политической борьбѣ».

Такъ писалъ г. Струве въ своемъ «Освобожденіи». Онъ писалъ это 7-го января 1905 г. За два дня до раздавленнаго гвардейскими полками возстанія петербургскаго пролетаріата.

«Революціоннаго народа въ Россіи еще нѣтъ».

Эти слова слѣдовало бы выгравировать на лбу г. Струве, еслибъ его лобъ и безъ того не походилъ уже на надгробную плиту, подъ которой покоится такъ много плановъ, лозунговъ

---

[1]) Рѣчь идетъ о состоявшемся осенью 1904 г. соглашеніи междун. освобожденцами, с.-р. польск. соц. партіей, финлядск. партіей активн, сопротивленія и др.

и идей — соціалистическихъ, либеральныхъ, «патріотическихъ», революціонныхъ, монархическихъ, демократическихъ и иныхъ— всегда разсчитанныхъ на то, чтобъ не слишкомъ забѣжать впередъ, и всегда безнадежно отсталыхъ...

«Революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ», сказалъ устами «Освобожденія» русскій либерализмъ, успѣвшій убѣдить себя въ теченіе трехмѣсячнаго періода, что онъ — главная фигура политической сцены, что его программа и тактика опредѣляетъ всю судьбу страны. И не успѣло еще это заявленіе дойти по назначенію, какъ телеграфная проволока разнесла во всѣ концы міра великую вѣсть о началѣ русской народной революціи.

Да, она началась. Мы ждали ее, мы не сомнѣвались въ ней. Она была для насъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ только выводомъ изъ нашей «доктрины», надъ которою издѣвались ничтожества всѣхъ политическихъ оттѣнковъ. Въ революціонную роль пролетаріата они не вѣрили,—зато вѣрили въ силу земскихъ петицій, въ Витте, въ «блоки», соединяющіе нули съ нулями, въ Святополка-Мирскаго, въ банку динамита... Не было политическаго предразсудка, въ который бы они не вѣрили. Только вѣру въ пролетаріатъ они считали предразсудкомъ.

Но исторія не справляется съ либеральными оракулами, и революціонный народъ не нуждается въ проходномъ свидѣтельствѣ отъ политическихъ евнуховъ.

Революція пришла. Уже первымъ взмахомъ своимъ она перенесла общество черезъ десятки ступеней, по которымъ въ мирное время приходилось бы карабкаться съ остановками и передышками. Она разрушила планы столькихъ политиковъ, которые осмѣливались вести свои политическіе счеты безъ хозяина, т. е. безъ революціоннаго народа. Она разрушила десятки суевѣрій и показала силу программы, разсчитанной на революціонную логику развитія массъ.

Революція пришла и закончила періодъ нашего политическаго дѣтства. Она сдала въ архивъ нашъ традиціонный либерализмъ съ его единственнымъ достояніемъ: вѣрой въ счастливую смѣну правительственныхъ фигуръ. Глупое царствованіе Святополка-Мирскаго было для этого либерализма эпохой наивысшаго расцвѣта. Указъ 12 декабря—его наиболѣе зрѣлымъ плодомъ. Но 9 января смѣло «весну», поставивъ на ея мѣсто военную диктатуру, дало постъ петербургскаго генералъ-губернатора генералу Трепову, котораго либеральная оппозиція только что спихнула съ мѣста московскаго полиціймейстера.

Либерализмъ, ничего не желавшій знать о революціи, шушукавшійся за кулисами, игнорировавшій массу, разсчитывавшій на свой дипломатическій геній, сметенъ. Съ нимъ покончено на весь революціонный періодъ.

Либералы лѣваго крыла пойдутъ теперь въ народъ. Ближайшій періодъ будетъ свидѣтелемъ ихъ попытокъ взять въ свои руки массу. Масса —это сила. Нужно ею о в л а д ѣ т ь. Но масса— это р е в о л ю ц і о н н а я сила. Нужно ее п р и р у ч и т ь. Такова намѣчающаяся тактика «освобожденцевъ». Наша борьба за революцію, наша подготовка къ революціи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашей безпощадной борьбой съ либерализмомъ за вліяніе на массы, за руководящую роль въ революціи. Въ этой борьбѣ за насъ будетъ великая сила, логика самой революціи!

Революція пришла.

Тѣ ф о р м ы, какія приняло выступленіе 9 января, разумѣется, никѣмъ не могли быть предвидѣны. Революціонный священникъ, котораго исторія такими неожиданными путями поставила на нѣсколько дней во главѣ рабочей массы, наложилъ на событія печать своей личности, своихъ воззрѣній, своего сана. И эта форма способна скрыть отъ многихъ дѣйствительное содержаніе событій. Но внутренній смыслъ этихъ событій именно таковъ, какъ предвидѣла соціалдемократія. Главное дѣйствующее лицо— пролетаріатъ. Онъ начинаетъ со стачки, объединяется, выдвигаетъ политическія требованія, выходитъ на улицы, сосредоточиваетъ на себѣ восторженныя симпатіи всего населенія, вступаетъ въ сраженіе съ войсками... Герой Гапонъ не создалъ революціонной энергіи петербургскихъ рабочихъ,—онъ только ее вскрылъ. Онъ засталъ тысячи сознательныхъ рабочихъ и десятки тысячъ революціонно-возбужденныхъ. Онъ далъ планъ, который объединилъ всю эту массу—на одинъ день. Масса вышла, чтобы разговаривать съ государемъ. Но передъ ней оказались уланы, казаки, гвардейцы. Планъ Гапона не подготовилъ къ этому рабочихъ. И что же? Они захватывали, гдѣ могли, оружіе, строили баррикады... Они боролись, хотя, казалось, вышли просить. Это значитъ, что они вышли не п р о с и т ь, а т р е б о в а т ь.

Петербургскій пролетаріатъ проявилъ политическую воспріимчивость и революціонную энергію, далеко выходящія за предѣлы того плана, который былъ данъ его случайнымъ вождемъ.

Въ планѣ Георгія Гапона было много революціонной романтики. Этотъ планъ рухнулъ 9 января. Но не романтика, а живая реальность — революціонный пролетаріатъ Петербурга. И не только Петербурга. По всей Россіи прошла грандіозная волна. И она еще далеко не улеглась... Достаточно было толчка, чтобы пролетарскій кратеръ извергъ изъ себя рѣки революціонной лавы.

Пролетаріатъ возсталъ. Онъ использовалъ для этого случайный поводъ — исключеніе двухъ рабочихъ, случайную организацію — легальное «Русское общество» и случайнаго вождя — самоотверженнаго священника. Этого, оказалось, достаточно для

того, чтобы возстать. Но этого было недостаточно для того, чтобы побѣдить.

Чтобы побѣдить, необходима не романтическая тактика, опирающаяся на призрачный планъ, а тактика революціонная. Необходимо подготовить единовременное выступленіе пролетаріата во всей Россіи. Это первое условіе. Никакія мѣстныя демонстраціи не могутъ уже теперь имѣть серьезнаго политическаго значенія. Послѣ петербургскаго выступленія должно имѣть мѣсто только всероссійское выступленіе. Разрозненныя вспышки будутъ только безрезультатно сжигать драгоцѣнную революціонную энергію. Разумѣется, поскольку онѣ возникаютъ самопроизвольно, какъ запоздалый отголосокъ петербургскаго выступленія, онѣ должны быть энергично использованы для революціонизированія и сплоченія массъ, и для популяризаціи въ ихъ средѣ мысли о всероссійскомъ выступленіи, какъ о задачѣ ближайшихъ мѣсяцевъ, можетъ быть, недѣль. Эта мысль, сдѣлавшись достояніемъ массъ, уже сама по себѣ способна концентрировать ихъ боевую энергію, удерживать отъ партизанскихъ вспышекъ, съ одной стороны, и учить на опытѣ революціонныхъ вспышекъ дѣлу революціоннаго сплоченія, съ другой...

Здѣсь не мѣсто говорить о техникѣ народнаго выступленія. Вопросы революціонной техники могутъ ставиться и рѣшаться лишь практически — подъ живымъ давленіемъ борьбы и при непрестанномъ общеніи всѣхъ активныхъ работниковъ Партіи. Но несомнѣнно, что вопросы революціонно-технической организаціи выступленія массъ получаютъ теперь колоссальное значеніе. Къ этимъ вопросамъ событія призываютъ коллективную мысль Партіи.

Здѣсь можно лишь попытаться вопросы революціонной техники установить въ надлежащія политическія перспективы.

Прежде всего мысль останавливается предъ вопросомъ о вооруженіи. Петербургскіе пролетаріи проявили громадный героизмъ. Но этотъ невооруженный героизмъ толпы оказался неспособенъ противостоять вооруженному идіотизму казармы. Значитъ для побѣды необходимо, чтобъ революціонный народъ сталъ вооруженнымъ народомъ. Въ этомъ отвѣтѣ скрывается, однако, внутреннее противорѣчіе. Для вооруженія народа недостаточно тѣхъ конспиративныхъ «арсеналовъ», которыми можетъ располагать революціонная организація. Пусть эта послѣдняя вооружаетъ отдѣльныхъ рабочихъ, непосредственно съ нею связанныхъ,—она сдѣлаетъ полезное дѣло. Но отсюда до вооруженія массъ также далеко, какъ отъ индивидуальныхъ убійствъ до революціи. Пусть та или другая группа рабочихъ овладѣетъ оружейной лавкой, — очень хорошо, но этого совершенно недо-

статочно для вооруженія народа. Обильные запасы оружія имѣются только въ государственныхъ арсеналахъ, т. е. въ распоряженіи нашего прямого врага, и состоятъ подъ охраной той самой арміи, противъ которой должны быть направлены. Для того, чтобы овладѣть оружіемъ нужно преодолѣть сопротивленіе арміи. Но вѣдь именно, для этого то и нужно оружіе. Это противорѣчіе разрѣшается, однако, въ самомъ процессѣ столкновенія народа съ арміей. Революціонная масса подчиняетъ себѣ часть или частицу арміи,—это уже громадное завоеваніе. Дальше вооруженіе народа и «деморализація» войска пойдутъ неудержимо впередъ, подталкивая другъ друга. Но какъ будетъ достигнута первая побѣда надъ частицей арміи?

Тысячи краткихъ, но выразительныхъ воззваній, которыя изъ оконъ осыпаютъ солдатъ по пути ихъ слѣдованія къ мѣсту «военныхъ дѣйствій»; страстныя слова баррикаднаго оратора, пользующагося хотя-бы минутной нерѣшительностью военнаго начальства, и могучая революціонная пропаганда самой толпы, воодушевленіе которой въ возгласахъ и призывахъ передается солдатамъ. Между тѣмъ солдаты уже подготовлены общимъ революціоннымъ настроеніемъ, они гнушаются своей ролью палачей, раздражены, устали... Этимъ моментомъ пользуется народъ, чтобы войти въ ряды солдатъ и лицомъ къ лицу убѣдить ихъ перейти на свою сторону... Неудача въ одномъ случаѣ отнюдь не должна отпугивать отъ повторенія тѣхъ же средствъ устрашенія и убѣжденія въ другихъ случаяхъ, хотя бы, по отношенію къ тѣмъ же частямъ войска. Въ концѣ концовъ, моральное вліяніе военной дисциплины, мѣшающее солдатамъ поступить такъ, какъ имъ подсказываетъ умъ и чувство, будетъ сломлено. Такая комбинація моральнаго и физическаго воздѣйствія, неизбѣжно ведущая къ частичной побѣдѣ народа, требуетъ не столько предварительнаго вооруженія массъ, сколько внесенія организованности и цѣлесообразности въ ея уличныя движенія,—и въ этомъ именно, главная задача революціонныхъ организацій. Съ частицей арміи мы подчинимъ себѣ ея часть, а съ частью и цѣлое, потому что побѣда надъ частью арміи дастъ народу оружіе, а всеобщая воинская повинность сдѣлала то, что въ толпѣ всегда найдется достаточное количество людей, способныхъ сыграть роль военныхъ инструкторовъ. Оружіе новѣйшаго образца также способно служить дѣлу революціи въ рукахъ народа, какъ оно служитъ дѣлу реакціи въ рукахъ дисциплинированной арміи.

Недавно одинъ англійскій журналистъ г. Arnold White писалъ: «Если бы Людовикъ XVI обладалъ батареями пушекъ Максима, французская революція не произошла бы». Какой претенціозный вздоръ: измѣрять историческіе шансы революцій калибромъ ружей и пушекъ! Какъ будто ружья и пушки упра-

вляютъ людьми, а не люди ружьями и пушками. Побѣдоносная русская революція въ числѣ сотни другихъ предразсудковъ разрушитъ и это нелѣпо-суевѣрное почтеніе предъ маузеровскими ружьями, якобы диктующими законы самой исторіи.

И во время великой французской революціи, и въ 48 году армія, какъ армія, была сильнѣе народа. Революціонная масса побѣждала не превосходствомъ своей военной организаціи или военной техники, но своей способностью заражать національную атмосферу, которою вѣдь дышитъ и армія, бациллами мятежныхъ идей. Конечно, для хода и исхода уличныхъ сраженій имѣетъ значеніе, бьетъ ли ружье на нѣсколько сотъ саженъ или на нѣсколько верстъ, убиваетъ ли оно одного или пронизываетъ цѣлый десятокъ,—но все же это лишь подчиненный вопросъ техники по сравненію съ основнымъ вопросомъ революціи—вопросомъ «деморализаціи» солдатъ. «На чьей сторонѣ армія?» вотъ вопросъ, который рѣшаетъ все и который въ свою очередь вовсе не рѣшается устройствомъ винтовокъ и митральезъ.

На чьей сторонѣ армія? Петербургскіе рабочіе 9-го января поставили этотъ вопросъ въ «дѣйствіи» колоссальнаго масштаба. Они заставили петербургскихъ гвардейцевъ предъ лицомъ всей страны демонстрировать свое назначеніе и свою роль. Демонстрація вышла страшной по своей ясности и неотразимой поучительности. Гвардія побѣдила. Но правительство имѣетъ право сказать: «Еще такая побѣда,—и я останусь безъ арміи».

Петербургскіе полки вообще, гвардейскіе въ особенности—спеціально подобраны и спеціально дрессированы. Другое дѣло провинція: тамъ армія несравненно болѣе «демократична». А для успѣха революціи вовсе нѣтъ необходимости, чтобы на сторону ея перешла вся армія вмѣстѣ съ гвардейскими полками. Еще меньше необходимости въ томъ, чтобы первый примѣръ революціоннаго братанія съ народомъ подали петербургскіе полки. Петербургъ вовсе не сосредоточиваетъ у насъ политической энергіи всей націи въ такой мѣрѣ, какъ въ свое время Парижъ, Берлинъ или Вѣна. Наша провинція развиваетъ въ послѣдніе дни и отчасти еще развиваетъ сегодня—къ несчастью разрозненно—такую революціонную работу, которой хватило бы 50-100 лѣтъ тому назадъ на десятокъ націй. Хозяйственная роль пролетаріата, творца русской революціи, сообщаетъ провинціи то значеніе, котораго она не имѣла и не могла имѣть въ Европѣ во время мелко-буржуазныхъ, по своему персоналу, революцій XVIII и XIX вв. Достаточно одного примѣра. Сибирскій Союзъ нашей Партіи вчера еще могъ казаться случайной организаціей, которой въ близкомъ будущемъ не предстоитъ никакого вліянія. Но сегодня онъ путемъ стачки желѣзнодорожныхъ

рабочихъ обрываетъ сообщеніе страны съ театромъ военныхъ дѣйствій и приводитъ въ содроганіе весь правительственный аппаратъ.

Нашъ югъ — неизсякаемый вулканъ революціонной лавы. А Польша? Кавказъ? Сѣверо-Западный край? Финляндія? Если даже допустить, что путемъ дальнѣйшаго искусственнаго отбора и дѣйствія алкоголя (неизбѣжный рецептъ во время всѣхъ революцій) петербургскіе полки будутъ неизмѣнно сохранены для дѣла кровавой репрессіи, что столица будетъ превращена въ укрѣпленный лагерь, у воротъ каждой фабрики будетъ поставлено по пушкѣ, у заставъ — по батареѣ, если, однимъ словомъ, допустить, что осуществится «планъ» главнокомандующаго петербургскаго округа, остается все же несомнѣннымъ, что Петербургъ будетъ со всѣхъ сторонъ охваченъ огненнымъ кольцомъ революціи. Чѣмъ и какъ помогутъ гвардейцы, когда въ Москвѣ или на югѣ образуется временное правительство, первымъ актомъ котораго будетъ радикальная реорганизація арміи? Петербургскій главнокомандующій пошлетъ гвардію противъ провинціи? Но для этого гвардія слишкомъ ничтожна. На оборотъ, во время прежнихъ революцій войска всегда стягивались изъ провинціи въ столицу. Если направить гвардію противъ временнаго правительства, кто будетъ охранять Петербургъ отъ петербургскаго пролетаріата, который можно обезкровить, раздѣлить, связать, но который нельзя раздавить или разъ на всегда устрашить?

Arnold Withe рѣшилъ, что Людовику XVI для спасенія абсолютизма не хватило только дальнобойныхъ орудій. Нашъ главнокомандующій, который въ Парижѣ, кромѣ домовъ терпимости, изучалъ еще и административно-военную исторію Великой Революціи, сдѣлалъ тотъ выводъ, что старая Франція была бы спасена, еслибъ правительство Людовика безъ замѣшательства и колебаній подавляло всѣ зародыши революціи и освѣжало народъ Парижа смѣлыми и широко организованными кровопусканіями. Какъ это дѣлаютъ, онъ показалъ 9-го января. Стоитъ его опытъ санкціонировать, возвести въ систему, распространить на всю страну,—и самодержавіе увѣковѣчено. Какой простой рецептъ! Неужели же въ правительствѣ Людовика XVI или Фридриха Вильгельма IV не было ни одного негодяя, который настаивалъ бы на планѣ, извлеченномъ нынѣ нашимъ главнокомандующимъ изъ опыта французской революціи? Конечно, въ такого рода спасителяхъ недостатка не было. Но революціонное развитіе такъ же мало можетъ опредѣляться волей такихъ кровожадныхъ кретиновъ, какъ и діаметромъ пушечнаго жерла. Диктаторъ, несущій на концѣ меча спасеніе стараго режима, неизбѣжно запутывается въ петляхъ раскиданныхъ геніемъ революціи. Пушки, ружья и шашки—отлич-

ные слуги порядка, но ихъ должно приводить въ движеніе. Для этого нужны люди. Хотя эти люди называются солдатами, но въ отличіе отъ пушекъ, они и чувствуютъ, и думаютъ. Значитъ, это ненадежная опора. Они колеблются, заражаютъ нерѣшительностью своихъ командировъ, а это рождаетъ разложеніе и панику въ рядахъ высшей бюрократіи. Диктаторъ не встрѣчаетъ нравственной поддержки, наоборотъ, наталкивается ежеминутно на препятствія, вокругъ него создается сѣть противорѣчивыхъ вліяній и внушеній, приказы отдаются и отмѣняются, замѣшательство растетъ, деморализація правительства расползается все шире и глубже и питаетъ собою самоувѣренность народа...

Рядомъ съ вопросомъ о вооруженіи выступаетъ вопросъ о формахъ уличной борьбы. Какую роль сыграетъ или можетъ сыграть у насъ баррикада? Но прежде всего: какую роль играла баррикада въ революціяхъ стараго образца?

1. Баррикада служила для разсѣянной революціонной массы концентраціоннымъ пунктомъ.

2. Баррикада вносила въ хаотическую массу элементы организаціи тѣмъ, что ставила задачу: на данномъ мѣстѣ защищаться отъ войскъ.

3. Баррикада задерживала движеніе солдатъ, приводила ихъ въ общеніе съ народомъ и тѣмъ деморализовала ихъ.

4. Баррикада служила прикрытіемъ для борцовъ.

Въ настоящее время баррикада гораздо бѣднѣе вліяніемъ. Въ лучшемъ случаѣ она еще сохранила значеніе физическаго препятствія, позволяющаго массѣ на минуту—другую прійти въ общеніе съ солдатами. Мобилизаціоннаго и организаціоннаго значенія баррикада имѣть почти не можетъ. Рабочую массу мобилизуетъ стачка, организуетъ, во первыхъ, фабрика, во вторыхъ революціонная партія. Старый баррикадный боецъ былъ вооруженъ живымъ словомъ къ солдатамъ и ружьемъ, какъ послѣднимъ аргументомъ. Нынѣшній революціонеръ будетъ чаще вооруженъ печатнымъ воззваніемъ...

Но довольно объ этомъ. Всѣ эти вопросы должны, какъ мы уже сказали, рѣшаться революціонными организаціями на мѣстахъ. Это, конечно, лишь служебная работа по отношенію къ политическому руководству массой. Но теперь безъ этой работы немыслимо самое политическое руководство. Организація революціи является на ближайшій періодъ осью политическаго руководства возставшей массой.

Что же нужно для такого руководства? Нѣсколько очень простыхъ вещей: свобода отъ организаціонной рутины и жалкихъ традицій конспиративнаго подполья; широкій взглядъ; смѣлая инициатива; способность оцѣнить положеніе; еще разъ смѣлая инициатива.

Революціонное развитіе дали намъ петербургскія событія 9-го января. Ниже этого мы уже не можемъ спускаться. Отъ этого этапа мы должны исходить, чтобы двигать революцію впередъ. Политическими выводами и революціонными завоеваніями возстанія петербургскихъ рабочихъ мы должны пропитать нашу агитаціонную и организаціонную работу.

Русская революція, которая уже началась, подошла къ своему кульминаціонному моменту—всенародному выступленію. Организація этого выступленія, отъ котораго зависитъ судьба революціи, на ближайшее время, очередная задача нашей Партіи.

Никто не выполнитъ этой задачи, кромѣ насъ. Священникъ Гапонъ могъ появиться однажды. Для того, чтобы совершить то дѣло, которое онъ совершилъ, нужны были тѣ исключительныя иллюзіи, которыя его увлекали. Но и онъ могъ оставаться во главѣ массъ только короткое время. Революціонный пролетаріатъ будетъ всегда хранить память священника Георгія Гапона. Но его память останется памятью героя, открывшаго шлюзы революціонной стихіи. Еслибы теперь и выступила вторая фигура, равная Гапону по энергіи, революціонному энтузіазму и по силѣ политическихъ иллюзій, ея появленіе было бы запоздалымъ. То, что въ Георгіи Гапонѣ было великимъ, могло бы теперь оказаться смѣшнымъ. Второму Гапону нѣтъ мѣста, ибо то, что теперь нужно, это не иллюзіи, а ясное революціонное сознаніе, отчетливый планъ дѣйствій, гибкая революціонная организація, способная дать массамъ лозунгъ, вывести ихъ на поле дѣйствій, ударить наступленіе по всей линіи и довести дѣло до побѣдоноснаго конца.

Такую организацію можетъ дать только соціалдемократія. И никто кромѣ нея. Никто не дастъ массѣ революціоннаго лозунга, ибо никто внѣ нашей Партіи не свободенъ отъ какихъ бы то ни было другихъ соображеній, кромѣ интересовъ революціи. Никто, кромѣ соціалдемократіи, не способенъ организовать выступленіе массы, ибо никто не связанъ съ этой массой, кромѣ нашей Партіи.

Наша Партія дѣлала много ошибокъ, грѣховъ, почти преступленій. Она колебалась, уклонялась, останавливалась, проявляла нерѣшительность и косность. Подчасъ она тормазила революціонное движеніе.

Но нѣтъ революціонной Партіи, кромѣ соціалдемократіи!

Наши организаціи несовершенны. Наша связь съ массами недостаточна. Наша техника примитивна.

Но нѣтъ связанной съ массами организаціи кромѣ соціалдемократіи!

Во главѣ революціи идетъ пролетаріатъ. Во главѣ пролетаріата идетъ соціалдемократія!

Сдѣлаемъ все, что можемъ, товарищи! Вложимъ всѣ силы и всю страсть въ наше дѣло. Ни на минуту не будемъ забывать, какая отвѣтственность лежитъ на нашей Партіи: отвѣтственность предъ русской революціей и предъ международнымъ соціализмомъ.

Пролетаріатъ всего міра смотритъ на насъ съ ожиданіемъ. Великія перспективы открываетъ предъ человѣчествомъ побѣдоносная русская революція. Товарищи, выполнимъ нашъ долгъ!

Будемъ собирать наши ряды, товарищи! Будемъ объединять и объединяться! Будемъ готовиться сами и готовить массу къ рѣшительнымъ днямъ выступленія! Ничего не упустимъ изъ виду. Ни одной силы не оставимъ безъ пользы для дѣла.

Честно, мужественно и согласно пойдемъ мы впередъ, связанные нерасторжимымъ единствомъ, братья по революціи!

Капиталъ въ оппозиціи.

1. Капиталъ и либеральная программа.

Тяжелымъ ударомъ для правительственной реакціи былъ тотъ фактъ, что промышленная, торговая и финансовая буржуазія высказалась за конституцію. Биржевыя общества, промышленные съѣзды, такъ называемыя «совѣщательныя конторы» и прочія организаціи капитала вотировали недовѣріе самодержавно-полицейской государственности и заговорили языкомъ европейскаго либерализма. Городской купецъ показалъ, что въ дѣлѣ оппозиціи не уступитъ «просвѣщенному» помѣщику. Думы не только присоединялись къ земствамъ, но подчасъ становились впереди ихъ; подлинно-купеческая московская дума выдвинулась въ передній рядъ.

Озадаченная реакціонная пресса на первыхъ порахъ попыталась представить этотъ неожиданный фактъ купеческой причудой, своего рода разбитіемъ стеколъ въ государственномъ заведеніи отечественной самобытности. Предполагалось, что купецъ, успокоившись, снова войдетъ въ прежнюю колею. Но купецъ не успокаивался. Суворинъ укоризненно писалъ: «и ты, Брутъ!?» и съ сокрушеніемъ вспоминалъ крылатое слово Пушкина: «все измѣнилося подъ нашимъ Зодіакомъ»...

— «А кто тебѣ, козлиная борода, сплутовать помогъ?» Обращается реакція къ купцу со старой укоризной городничаго.— На кого ты руку подымаешь?—Но, къ счастью или къ несчастью, въ политикѣ еще скорѣе, чѣмъ въ частномъ обиходѣ, старая хлѣбъ-соль забывается. Политическія отношенія никогда не опредѣляются чувствами благодарности. Классовой интересъ является здѣсь единственнымъ господиномъ положенія. И само «Новое Время» въ своемъ реакціонномъ стремленіи скомпрометировать либеральнаго купца сдѣлало попытку нащупать классовой нервъ въ его либерализмѣ.

«Предприниматели... хорошо понимаютъ, писалъ московскій корреспондентъ Суворина, что царство денегъ, буржуазіи и полное порабощеніе народа, крестьянской массы, какъ потребителя и какъ рабочей силы, наступитъ у насъ съ момента ограниченіе самодержавія и введенія западно-европейской конститу-

ціи... При конституціи, всегда и вездѣ пляшущей по дудкѣ буржуазіи, говоритъ авторъ далѣе, правильное и основательное разрѣшеніе крестьянско-земельнаго вопроса станетъ немыслимымъ: капиталу нуженъ не обезпеченный землей крестьянинъ-домохозяинъ, а безземельный батракъ, дешевый фабричный рабочій». Вотъ почему новый купецъ-либералъ, помноженный на прислуживающаго ему адвоката-радикала, готовъ подписаться подъ какой угодно петиціей, до всеобщей подачи голосовъ и равноправія евреевъ включительно. («Н. Вр.,» №№ 10444 и 10464). Мы не станемъ останавливаться на реакціонной наглости ,съ какою публицистъ «Новаго Времени» беретъ подъ свою защиту мужика и безземельнаго рабочаго отъ угрожающаго имъ при конституціи «полнаго порабощенія»... «Новое Время» закрываетъ свои безстыжіе глаза на тотъ фактъ, что при самодержавномъ царѣ рабочій вопросъ разрѣшается массовыми истребленіями пролетаріата, а земельная нужда крестьянъ повсемѣстно удовлетворяется посредствомъ экзекуцій и драгонадъ... Нововременскій публицистъ правъ, однако, въ томъ смыслѣ, что конституціонное государство не только не противорѣчитъ интересамъ капитала, но, наоборотъ, явится наиболѣе полнымъ и непосредственнымъ ихъ выраженіемъ.

Развитіе капиталистическихъ отношеній порождаетъ необходимость въ такомъ гражданскомъ правопорядкѣ, который облегчалъ бы подвижность товаровъ, въ томъ числѣ и главнаго товара, рабочей силы. Рынокъ безличенъ, и для того чтобы онъ функціонировалъ плавно безъ лишнихъ треній, онъ нуждается въ законѣ, равномъ для всѣхъ. Примѣненіе закона, дабы послѣдній не оставался пустымъ звукомъ, должно быть поручено самостоятельному нелицепріятному суду.

Такимъ образомъ, на почвѣ элементарнѣйшихъ потребностей купли-продажи, найма рабочей силы, борьбы за расширеніе внутренняго рынка торгово-промышленный капиталъ неизбѣжно приходитъ на извѣстной стадіи своего развитія къ программѣ либеральнаго гражданскаго порядка. Свобода передвиженія, уничтоженіе сословныхъ ограниченій, равноправность, равенство предъ судомъ, гласность—всѣ эти условія гражданскаго обихода становятся въ такой же мѣрѣ необходимы капиталу, какъ желѣзная дорога, транспортная контора и учрежденія кредита. Прежде чѣмъ подойти къ вопросу о формахъ государственной власти, буржуазно-капиталистическій либерализмъ естественно выдвигаетъ программу реформъ гражданскаго правопорядка. Въ теченіе 80-хъ и 90-хъ годовъ, т. е. въ эпоху крайне интенсивнаго развитія русскаго капитализма, либеральная пресса съ удивительной неутомимостью и ограниченностью популяризовала отдѣльныя требованія «нормальнаго гражданскаго правопорядка».

Она создала при этомъ своего рода культъ «эпохи великихъ реформъ», т. е. того періода, когда правительство Александра II сдѣлало довольно широкую попытку усвоить деспотическому государству гражданскій правопорядокъ, выработанный странами старой капиталистической культуры.

Дальнѣйшая законодательная дѣятельность и рядомъ съ нею административная практика самодержавной бюрократіи представляютъ картину естественныхъ усилій абсолютизма извергнуть или, обезвредивъ, ассимилировать всѣ элементы инородной правовой культуры. Эта борьба абсолютизма за самосохраненіе, все болѣе и болѣе враждебная кореннымъ потребностямъ товарнаго производства и товарнаго обмѣна, неизбѣжно возбуждала и питала капиталистическую оппозицію.

Указъ 12 декабря 1904 г. представляетъ собою новую попытку абсолютизма, на этотъ разъ безнадежно-запоздалую, пойти навстрѣчу «потребностямъ страны», не останавливаясь передъ «внесеніемъ въ законодательство существенныхъ нововведеній», но всецѣло оставаясь при этомъ на почвѣ «незыблемости основныхъ законовъ имперіи».

Еслибъ государственная практика самодержавія могла быть хоть сколько-нибудь примирена съ либеральной программой гражданскихъ отношеній, торгово-промышленная буржуазія была бы надолго удовлетворена. Но остается несомнѣннымъ—какъ ни истрепала либеральная пресса эту мысль—что самодержавный строй, т.-е. іерархическое господство безотвѣтственной бюрократіи, совершенно непримиримо съ законностью, гласностью, независимостью суда и гражданскимъ равноправіемъ. Именно поэтому капиталистическая оппозиція, исходя изъ программы гражданскаго равноправія и отнюдь несходя съ почвы своихъ классовыхъ интересовъ должна была отъ требованія реформъ перейти къ требованію реформы. Народное представительство, органъ законодательства и контроля, выдвигается, какъ необходимая гарантія прочнаго гражданскаго правопорядка, на передній планъ. Фабрикантъ и купецъ становятся конституціоналистами.

2. «Внутренній рынокъ» требуетъ парламентаризма.

Для того, чтобы нащупать классовыя основы либеральной программы представителей капитала, достаточно разсмотрѣть записки и петиціи промышленныхъ съѣздовъ, «совѣщательныхъ конторъ», биржевыхъ и кредитныхъ обществъ, и наконецъ, адреса купеческихъ думъ. Всѣ эти документы поражаютъ дѣловымъ реализмомъ и политической прозаичностью. Тутъ нѣтъ ни абстрактныхъ декларацій, ни политическаго сантиментализма, ни

той неопредѣленной романтики, которая ничего не прибавила къ программѣ по существу, но маскируетъ ея классовыя грани. Ничего подобнаго! Аргументація цѣликомъ ведется отъ интересовъ и нуждъ промышленности, торговли, кредита,—отъ нихъ исходитъ и къ нимъ возвращается.

Открытое оппозиціонное выступленіе торгово-промышленнаго капитала въ широкихъ размѣрахъ начинается послѣ 9-го января.

Фабриканты и заводчики Москвы и московскаго района очень выразительно формулировали послѣ повсемѣстныхъ январскихъ стачекъ свое политическое credo нашедшее вскорѣ сочувственный откликъ въ собраніи петербургскихъ фабрикантовъ.

«Несомнѣнно, гласитъ Московская записка. что промышленность находятся въ тѣснѣйшей связи съ устойчивостью правовой организаціи страны, съ обезпеченіемъ свободы личности, ея иниціативы, свободы науки и научной истины, просвѣщеніемъ народа, изъ котораго она вербуетъ рабочія руки, тѣмъ менѣе продуктивныя, чѣмъ онѣ невѣжественнѣе».

«Отсталостью, какъ прямымъ послѣдствіемъ непрочнаго правового порядка, поколеблено положеніе Россіи на міровомъ рынкѣ, и отодвинута ея роль, какъ страны промышленной, на второстепенный планъ».

Наконецъ, «нельзя не признать, гласитъ записка, что на положеніе промышленности и благосостояніе рабочихъ оказываетъ вредное вліяніе разстроенное финансовое хозяйство страны, для урегулированія котораго необходимо участіе общественнаго элемента въ обсужденіи бюджета».

Записка С.-Петербургской конторы желѣзозаводчиковъ, повторивъ цитированныя соображенія Московской записки, говоритъ:

«До сихъ поръ русскому промышленнику не дано было принимать дѣятельнаго участія въ развитіи русскаго народнаго хозяйства, хотя бы потому, что проявленіе частной промышленной иниціативы у насъ крайне стѣснено. Акціонерное дѣло, желѣзнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческій кредитъ—все это въ Россіи продуктъ правительственнаго усмотрѣнія...»

«Никакое предпріятіе, говоритъ докладная записка Могилевскаго общества взаимнаго кредита, не можетъ быть самодовлѣющей силой; его успѣхъ зависитъ не только отъ правильной постановки дѣла, но также отъ рынка, отъ обезпеченности потребителя, отъ существующаго правопорядка... отъ положенія прессы... отъ устойчиваго экономическаго порядка, гарантирующаго спокойное эволюціонное развитіе безъ краховъ, колебаній, безъ вооруженныхъ возстаній и насильственыхъ дѣйствій...»

При нынѣшнихъ же условіяхъ «эволюціонное» развитіе невозможно. Хозяйство падаетъ. Обрабатывающая промышленность, «несмотря на сильнѣйшій протекціонизмъ,» остается на низкомъ уровнѣ.

«Напряженіе, которое при участіи нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденій, продолжаетъ интересная записка Могилевскаго кредитнаго общества, было сдѣлано въ послѣдніе два десятка лѣтъ нашей индустріей и казавшееся ея расцвѣтомъ, привело только къ полному раззоренію слишкомъ смѣлыхъ предпринимателей и грандіозному краху и сильнѣйшему паденію, а въ иныхъ случаяхъ— и полному обезцѣненію многихъ дивидендныхъ и фондовыхъ бумагъ.»

Кровавая война на Дальнемъ Востокѣ еще усугубила тяжесть этого положенія. «Наши процентныя бумаги, даже государственная рента, стремительно упали еще ниже, промышленность и производство почти совсѣмъ замолкли, кредитъ и довѣріе совершенно изсякли.»

Выгоды бѣшенаго протекціонизма, падающія не на промышленность, а на небольшую группу привилегированныхъ хищниковъ-монополистовъ, не могутъ примирить капиталъ съ прогрессивно-растущей внутренней анархіей,—и одна отрасль промышленности за другой переходитъ въ оппозицію. «И ты, Брутъ?» вопитъ Цезарь «Новаго Времени», видя, какъ московскіе мануфактуристы-старообрядцы, хранители древняго благочестія, прикладываютъ свои руки къ конституціоннымъ «платформамъ». Но уже ничто не остановитъ мануфактурнаго Брута. Онъ идетъ въ первомъ ряду капиталистической оппозиціи. Мануфактура, работающая на массового потребителя и наиболѣе зависящая отъ покупательной силы населенія, гораздо непосредственнѣе отражаетъ на себѣ общее разстройство хозяйственной жизни и культурный застой. Вотъ почему московская дума и московскій биржевой комитетъ, такъ тѣсно связанные съ мануфактурной промышленностью, оказываются наиболѣе способными къ воспріятію политическихъ обобщеній. «Народное благо» для нихъ не простой оборотъ рѣчи, нѣтъ, это—реальность, это—внутренній рынокъ. Подобно московскимъ, петербургскіе мануфактуристы очень трезво указываютъ на связь между хлопчатобумажнымъ рынкомъ и программой широкихъ государственныхъ реформъ. Ихъ докладная записка министру финансовъ напоминаетъ, что петербургскіе фабриканты неоднократно дѣлали представленія министру финансовъ о тяжеломъ состояніи такой важной отрасли промышленности, какъ хлопчатобумажное производство. «Покупательная способность населенія, говоритъ записка, видимо истощена, и вынужденное (пошлиною на хлопокъ) высокое состояніе цѣнъ на хлопчатобумажныя издѣлія встрѣчается съ крайнимъ

ослабленіемъ спроса. Петербургскія мануфактуры работаютъ послѣдніе годы съ ничтожною прибылью и даже въ убытокъ; три изъ нихъ въ самое послѣднее время погибли.»

Металлургическая промышленность гораздо болѣе аристократична, она интимнѣе связана съ казенными заказами и ей труднѣе оторваться отъ бюрократической пуповины. Она консервативнѣе. Но и ее толкнула въ оппозицію логика ея собственнаго развитія. Казенные заказы не могли поспѣвать за потребностью металлургической промышленности въ рынкѣ.

Произволъ въ распредѣленіи казенныхъ заказовъ раздражалъ отдѣльные группы металлурговъ, а внезапное сокращеніе этихъ заказовъ загоняло металлурговъ въ тупикъ. Благодѣтельная зависимость отъ министра финансовъ превращалась въ удавную петлю. Это положеніе отчетливо констатируетъ «контора» желѣзозаводчиковъ въ своей запискѣ. «Послѣ того, говорятъ они, какъ русская желѣзная промышленность перестала быть главнымъ образомъ поставщицей по казеннымъ заказамъ, послѣ того, какъ русскому желѣзному промышленнику пришлось усиленно искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей, неустроенность нашей народной жизни, съ крайне слабой потребительной способностью страны, стала для русскаго желѣзнаго промышленника очевиднымъ и крайне тягостнымъ явленіемъ.»

Можно ли выразиться яснѣе? «Неустроенность народной жизни,» нищета, безправіе и одичаніе массъ, стали для металлурговъ «тягостнымъ явленіемъ» лишь тогда, когда имъ пришлось искать сбыта своимъ товарамъ среди частныхъ потребителей.

Столь же ясно формулируетъ эти мысли цитированная выше коллективная «Докладная Записка С.-Петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ господину министру финансовъ» (отъ 31-го января 1905 г.).

«Промышленное оживленіе конца прошлаго досятилѣтія, жалуется записка, быстро смѣнилось общимъ кризисомъ и угнетеннымъ состояніемъ, съ полной очевидностью выяснившими, что промышленность не можетъ процвѣтать тамъ, гдѣ народъ бѣдствуетъ, что здоровый ростъ промышленности зависитъ прежде всего и главнѣе всего отъ покупательной способности населенія. Поощряемая казенными заказами и приливомъ иностранныхъ капиталовъ, металлическая промышленность быстро пришла къ выводу, что будущее и даже настоящее зависитъ отъ потребленія желѣза населеніемъ.» Что же касается этого послѣдняго вопроса, продолжаетъ записка, то «созванный министерствомъ финансовъ спеціальный съѣздъ о мѣрахъ къ усиленію потребленія желѣза населеніемъ хорошо выяснилъ, что такое потребленіе предполагаетъ непремѣннымъ условіемъ поднятіе народнаго благосостоянія, распространеніе образованія, развитіе промысловъ,

коренное измѣненіе условій жизни сельскаго населенія, нынѣ приниженнаго, хозяйственно истощеннаго, бѣднаго.»

«Металлическая промышленность въ среднемъ удовлетворяется 2—3 процентами на капиталъ, увѣряетъ записка, и только нѣкоторые заводы, благодаря вызваннымъ войною казеннымъ заказамъ, обнаруживаютъ временное благополучіе».

Промышленники и заводчики отсталаго Урала присоединяются къ запискѣ совѣщательной конторы желѣзозаводчиковъ.

«Въ Россіи нѣтъ ни твердо обезпеченнаго правопорядка, ни гражданской свободы, говорятъ они,—и въ этомъ лежитъ главная причина тѣхъ неурядицъ, которыя приходится переживать нашей промышленности».

«Отсталость законодательства особенно отражается на подвижной и чуткой промышленности. Такъ, реформа акціонернаго закона стоитъ на очереди болѣе 30 л., пересмотръ паспортной системы потребовалъ 45 лѣтъ и до сихъ поръ еще не законченъ въ самой важной своей части—отмѣнѣ паспортовъ. Изданіе новаго вексельнаго устава было плодомъ 12-ти комиссій на протяженіи 55 лѣтъ. Развязка поземельныхъ отношеній на Уралѣ растянулась на полъ-столѣтія.» Къ безсмысленнымъ законамъ присоединяются произвольные циркуляры. Непостоянство экономической политики порождаетъ крайнюю неустойчивость многихъ предпріятій. «Протекціонизмъ, заявляютъ уральцы, полезенъ при подобающей политической обстановкѣ и экономической свободѣ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, при постоянной же опекѣ онъ приноситъ только вредъ. Главный тормазъ въ развитіи русской промышленности—это отсутствіе внутренняго рынка...»

Политическіе выводы уральскихъ промышленниковъ тѣ же, что и у конторы желѣзозаводчиковъ.

Съѣздъ дѣятелей цементной промышленности 25-го марта принялъ составленную его бюро принципіальную записку для представленія въ совѣтъ министровъ. Записка указываетъ на кризисъ, которому, въ числѣ другихъ отраслей промышленности, подверглась и цементная, распространяется объ общихъ причинахъ угнетеннаго состоянія промышленности и приходитъ къ выводу о необходимости «коренныхъ реформъ, чтобы обезпечить нашей родинѣ возможность сохранить достойное положеніе среди другихъ державъ.»

Не только мануфактуристы и металлурги, даже сахарозаводчики, эти излюбленныя дѣти государственнаго протекціонизма, вступили въ лицѣ своихъ передовыхъ элементовъ на путь либеральной оппозиціи. Обширная записка, оживленно обсуждавшаяся въ Кіевѣ, въ февралѣ 1905 г., представителями сахарной промышленности, останавливается на опасностяхъ, которыми современное состояніе страны грозитъ сахарной промышленности.

«Положеніе сахарной промышленности въ настоящее время, несмотря на крайне низкій спросъ населенія, вынуждающій къ убыточному вывозу заграницу, все же не можетъ быть признанъ неблагопріятнымъ, поскольку оно опредѣляется условіями, непосредственно лежащими въ сахарномъ дѣлѣ. Но тѣсная связь, существующая между отдѣльными сторонами народной жизни, не позволяетъ надѣяться, чтобы сахарная промышленность осталась незатронутой тѣмъ процессомъ всеобщаго броженія, которымъ охвачена Россія... Со стороны сбыта она (сахарная промышленность) непосредственно заинтересована въ благосостояніи широкихъ народныхъ массъ, являющихся главнымъ потребителемъ, производимаго сахарозаводчиками, продукта... Отсутствіе свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ—этихъ неотъемлемыхъ правъ всякаго гражданина во всякой культурной странѣ—не только удручающе отражается на личной нашей жизни, но также, вселяя аппатію и ограничивая интеллектуальный кругозоръ дѣятелей промышленности, внѣ всякаго сомнѣнія, не даетъ развернуться во всей мощи производительнымъ силамъ страны».

Металлурги, мануфактуристы, цементщики, сахаровары, биржевики,—купцы, финансисты выражаютъ одни и тѣ же требованія однимъ и тѣмъ же языкомъ. Борьба разныхъ отраслей капитала между собой за милости и даянія министерства финансовъ отодвигается назадъ общей потребностью въ обновленіи гражданскаго и государственнаго порядка. На мѣсто простыхъ идей: концессія и субсидія—или наряду съ ними—становятся болѣе сложныя идеи: развитіе производительныхъ силъ и расширеніе внутренняго рынка. Либеральный режимъ становится для капитала классовой потребностью.

---

3. Рабочіе толкаютъ капиталистовъ на путь оппозиціи.

Автоматическій ростъ промышленности, привелъ капиталистическую буржуазію въ столкновеніе съ сословно-полицейскимъ строемъ. Но особую остроту эти столкновенія получили благодаря тому, что пришла въ движеніе живая производительная сила промышленности,—пролетаріатъ.

Этотъ классъ гораздо раньше, чѣмъ классъ т. н. работодателей почувствовалъ и понялъ несовмѣстимость капиталистическаго развитія съ режимомъ патріархальнаго произвола и полицейской разнузданности. Жадная капиталистическая эксплу-

атація, съ хищническими пріемами первоначальнаго накопленія, поддерживаемая и охраняемая властною рукою государственнаго насилія,—русскій пролетаріатъ знаетъ, что это такое! И онъ рано началъ бороться. Каждое его движеніе заставало поднятую руку, вооруженную нагайкой или винтовкой. Полицейскій порядокъ нуждался прежде всего въ покоѣ и неподвижности, а изъ международной полицейской литературы онъ могъ узнать, что нѣтъ болѣе подвижного и безпокойнаго класса, чѣмъ пролетаріатъ. И абсолютизмъ не жалѣлъ для него ни ремня, ни свинца. Но если для абсолютизма нужна была прежде всего неподвижность пролетаріата, живого или мертваго, то промышленной буржуазіи нуженъ былъ прежде всего самъ пролетаріатъ. Мѣрами репрессій можно было стереть съ лица земли сотни и тысячи рабочихъ, но нельзя было остановить стихійное движеніе класса. Наоборотъ, репрессіи создавали новые поводы для недовольства и борьбы, значитъ и для новыхъ репрессій.

Нормальный ходъ промышленной жизни прекратился. Производство совершалось какъ бы урывками, въ промежуткахъ между двумя волненіями. Но мало того, что самодержавіе самымъ фактомъ своего существованія толкаетъ рабочихъ на путь непрерывныхъ волненій,—спеціальные органы правительства оказываютъ нерѣдко давленіе на отдѣльныхъ фабрикантовъ, путемъ угрозъ вынуждая ихъ итти на встрѣчу требованіямъ рабочихъ. Наконецъ, создалась цѣлая школа полицейской демагогіи («зубатовщина»), провоцировавшая рабочихъ на экономическія столкновенія съ капиталомъ съ цѣлью отвлечь ихъ отъ столкновеній съ государственной властью. И промышленникамъ волей-неволей приходилось проникнуться убѣжденіемъ, что дальше такъ жить нельзя. Если во имя самосохраненія абсолютизмъ терзаетъ хозяйственную жизнь націи и ввергаетъ промышленность страны въ состояніе хронической анархіи,—остается порвать съ абсолютизмомъ. Послѣ всероссійской январской стачки 1905 года къ этому заключенію пришли капиталисты сѣвера и юга, востока и запада, хлопчатобумажники, желѣзозаводчики и даже сахаровары.

«Русской промышленности, жалуется январская записка московскихъ фабрикантовъ, часто приходится испытывать накопившееся неудовольствіе занятыхъ въ ней рабочихъ, которое, при прочномъ правовомъ порядкѣ, при равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, при неотъемлемыхъ гарантіяхъ неприкосновенности личности, при свободѣ коалицій и союзовъ различныхъ группъ населенія, связанныхъ общностью интересовъ, могло бы вылиться въ спокойныя, законныя формы борьбы, какъ это наблюдается въ Западной Европѣ и Америкѣ, гдѣ отъ этого промышленность не только не пострадала, но достигла, наоборотъ, такого расцвѣта, котораго далеко еще не наблюдается въ Россіи».

«Рабочіе и крестьянскіе безпорядки, безпрестанно разъѣдающіе русскую промышленность, нанося ей огромные убытки и широкой волной охватывающіе то одинъ, то другой районъ обширной Россіи... наивно объяснять воздѣйствіемъ революціонныхъ элементовъ. Нѣтъ, общее неустроеніе государственной жизни, отсутствіе политическихъ правъ... вотъ гдѣ слѣдуетъ искать главнѣйшей причины періодическихъ рабочихъ волненій».

Январская записка желѣзозаводчиковъ исходитъ изъ тѣхъ же соображеній и приходитъ къ тому же выводу: «рабочіе, какъ и все русское общество, настолько уже политически созрѣли, что имъ, какъ и всему русскому обществу, въ интересахъ промышленнаго роста имперіи, должны быть дарованы политическія права и свободныя учрежденія». При этомъ записка поясняетъ, что «результатъ сужденій желѣзозаводчиковъ по рабочему вопросу безспорно является голосомъ сотенъ милліоновъ рублей, вложенныхъ въ русское желѣзное дѣло»...

Наконецъ, инженеры, эти непосредственные слуги капиталистической техники, подъ ударомъ тѣхъ же январскихъ событій считаютъ своимъ долгомъ выразить свое опасеніе, что «отечественная промышленность, нынѣ и безъ того находящаяся въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, можетъ быть поставлена въ безвыходное положеніе, при которомъ участіе въ ней капитала и интеллигентнаго труда сдѣлается совершенно невозможнымъ».

«На томъ уровнѣ развитія, говорятъ они далѣе, котораго достигла русская промышленность, мѣры бюрократическаго попеченія уже не въ состояніи вносить успокоеніе въ умы; напротивъ, своими постоянными колебаніями то въ направленіи односторонней защиты предпринимателя, то въ сторону показной поддержки рабочихъ онѣ порождаютъ во всѣхъ слояхъ промышленнаго населенія неувѣренность и раздраженіе. Удовлетвореніе же основного требованія рабочаго класса путемъ дарованія широкой свободы союзовъ и собраній, предполагаетъ проведеніе въ жизнь началъ общегражданской политической свободы».

Таковы эти краснорѣчивые голоса: протестъ капитала, вопль «сотенъ милліоновъ рублей», почуявшихъ грозу, и предостерегающій голосъ руководящихъ промышленностью представителей «интеллигентнаго труда».

Цитированная выше «Докладная записка С.-Петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ господину министру финансовъ» прямо ставитъ въ вину правительству его постоянныя уступки

домогательствамъ рабочихъ, уступки за счетъ интересовъ капитала. Послѣдній лишенъ даже возможности согласованно отвѣчать на требованія рабочихъ, такъ какъ «при настоящемъ режимѣ открытаго руководимаго личнымъ усмотрѣніемъ вмѣшательства органовъ администраціи въ отношенія между фабрикантами и рабочими, общность дѣйствій не представляется осуществимой».

«Ни одинъ слой общества, протестующе заявляютъ капиталисты, не имѣетъ такой удачи въ своихъ домогательствахъ, какъ рабочіе, которые уже отлично усвоили и помнятъ, что каждая крупная забастовка приносила имъ существенное улучшеніе, они помнятъ даты стачекъ и даты узаконеній по рабочему вопросу».

«Руководители рабочаго движенія достигнутъ снизу такихъ результатовъ, какіе для верхнихъ общественныхъ слоевъ будутъ недостижимы, и это будетъ опасное логическое слѣдствіе того факта, что къ грубымъ демонстраціямъ прислушиваются внимательнѣе, чѣмъ къ заявленіямъ корректнымъ».

Во всякомъ случаѣ средствомъ умиротворенія рабочаго движенія, являются, на взглядъ столичныхъ капиталистовъ не частичныя экономическія уступки, а «болѣе глубокія реформы общегосударственнаго характера».

Въ результатѣ «великой стачки», охватившей Польшу послѣ 9-го января, варшавскіе заводчики на собраніи 3 февраля пришли къ тому выводу, что всеобщая забастовка, какъ показываютъ выдвинутыя ею требованія, не можетъ считаться послѣдствіемъ однихъ только отношеній работодателя къ рабочему, но «въ значительной степени является результатомъ причинъ, находящихся внѣ сферы вліянія работодателя».

Заводчики выдвигаютъ требованіе полной свободы собраній и союзовъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ, по словамъ резолюціи, для обѣихъ сторонъ было бы выгоднѣе, еслибы рабочіе могли добиваться улучшенія своей участи «путемъ явныхъ и для всѣхъ доступныхъ переговоровъ, а не путемъ стихійныхъ движеній». Дальше этого осторожные варшавскіе заводчики въ своихъ политическихъ выводахъ не идутъ.

Въ своей «памятной запискѣ» (апрѣль) Костромской комитетъ торговли и мануфактуръ рѣшительно протестуетъ противъ произвольныхъ дѣйствій правительства, обостряющихъ отношенія между фабрикантами и рабочими. Такъ, министерство финансовъ, безъ содѣйствія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, намѣтило извѣстныя льготы въ пользу рабочихъ за счетъ предпринимателей. «Каково же будетъ наше положеніе, говорятъ члены комитета, если мы, при всей объективности отношенія къ

этимъ проектамъ, усмотримъ въ этихъ льготахъ нѣкоторое преувеличеніе, не соотвѣтствующее состоянію нашей промышленности? Тогда у рабочихъ сложится представленіе, что мы отнимаемъ у нихъ то, что было уже обѣщано правительствомъ»...

Безъ проведенія въ жизнь коренныхъ реформъ нашего государственнаго строя, говоритъ памятная записка, всѣ мѣропріятія по рабочему вопросу не приведутъ къ успокоенію рабочаго населенія, ибо его возбужденное настроеніе не есть результатъ систематической борьбы съ капиталистами, нѣтъ, оно «отражаетъ въ себѣ то всеобщее броженіе и недовольство политическаго характера, которое предъявляется, хотя можетъ быть и съ меньшею рѣзкостью, всѣми другими группами населенія».

Сахарозаводчики, съ запиской которыхъ, мы уже встрѣчались выше, исходя изъ интересовъ промышленнаго развитія, настаиваютъ не только на политической реформѣ, но и на болѣе широкомъ разрѣшеніи рабочаго и крестьянскаго вопросовъ. По словамъ ихъ записки, они «не могутъ не раздѣлять съ представителями другихъ отраслей промышленности заботъ, вызываемыхъ обостреніемъ рабочаго движенія. Они даже болѣе другихъ заинтересованы въ томъ, чтобы борьба труда и капитала приняла у насъ мирный характеръ, свойственный ей въ передовыхъ странахъ западно-европейской культуры: сезонный характеръ производства... дѣлаетъ для сахарозаводчиковъ особенно убыточными всякіе перерывы въ работѣ... Правда, говоритъ записка, доселѣ рабочая среда, изъ которой вербуется контингентъ рабочихъ на сахарныхъ заводахъ, почти не захватывалась волною стачекъ. Но быстрый ростъ рабочаго движенія заставляетъ думать, что такое привилегированное положеніе сахарной промышленности не въ состояніи будетъ долго держаться. Въ виду этого своевременное принятіе мѣръ къ разрѣшенію рабочаго вопроса является для сахарной промышленности необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго существованія».

Но еще большія опасности, нежели рабочее движеніе, несетъ для сахарной промышленности надвигающаяся гроза крестьянскихъ волненій. Какъ ни труденъ земельный вопросъ, но онъ долженъ быть рѣшенъ. «Ненормально-натянутыя отношенія между крестьянами и сосѣдями-помѣщиками, говоритъ записка, надо развязать законодательными мѣрами, хотя бы мѣстами для этого пришлось даже прибѣгнуть къ принудительному выкупу».

Нѣсколько позже разсматриваемаго нами періода пробужденія капиталистической оппозиціи (первые мѣсяцы 1905 г.), именно въ серединѣ іюня, слѣдовательно не только послѣ рескрипта 18 февр., но и послѣ земской депутаціи 6 іюня, представители биржевыхъ комитетовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ обратились черезъ министра финансовъ къ государю съ ходатайствомъ

о безотлагательномъ созывѣ народныхъ представителей. Записка указываетъ на безцѣльную и безрезультатную войну извнѣ, на кровавую братоубійственную бойню внутри, наконецъ, на полный экономическій застой. «Постоянныя массовыя забастовки фабричныхъ и заводскихъ, грузчиковъ и судорабочихъ, начавшіеся аграрные безпорядки, въ основѣ возникновенія коихъ лежитъ малоземелье, говоритъ резолюція-ходатайство, ставятъ промышленность въ безвыходное положеніе, а недостаточная добыча нефтяного топлива (вслѣдствіе «неурядицъ» на Кавказѣ Н. Т.) грозитъ осложненіями, послѣдствія которыхъ даже трудно предвидѣть. Совокупность всѣхъ этихъ печальныхъ обстоятельствъ, заключаетъ резолюція, ясно говоритъ о необходимости проведенія въ жизнь цѣлаго ряда реформъ, безъ которыхъ положительно нельзя разсчитывать на какое-либо улучшеніе настоящаго крайне тревожнаго и печальнаго положенія».

Черезъ всѣ эти петиціи, записки и резолюціи, наряду съ заботой о расширеніи внутренняго рынка и развитіи производительныхъ силъ, проходитъ еще болѣе непосредственная и острая забота объ «успокоеніи» крестьянскихъ и рабочихъ массъ. Капиталъ разочаровался въ мѣрахъ полицейской репрессіи, которая однимъ концомъ бьетъ рабочаго по живому тѣлу, а другимъ—промышленника по карману. Капиталъ пришелъ къ выводу, что «мирный» ходъ промышленнаго развитія требуетъ либеральнаго режима.

Пролетаріату пришлось пролить рѣки крови прежде чѣмъ хозяева и руководители промышленности поняли, что для дальнѣйшаго развитія ихъ экономическаго могущества необходимы конституціонныя учрежденія. 9-ое января—какъ и вся январская стачка вообще—явилось поворотнымъ моментомъ въ развитіи капиталистическаго сознанія. Только послѣ Кроваваго Воскресенья «сотни милліоновъ рублей» заговорили голосомъ либеральной оппозиціи.

Голосъ этотъ, однако, не звучитъ ни рѣшительностью, ни опредѣленностью,—по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ основныхъ конституціонныхъ требованіяхъ.

«Существующее законодательство и способъ его разработки—говорятъ объ цитированныя январскія записки — не соотвѣтствуютъ потребностямъ населенія, въ частности и русской промышленности; необходимо въ выработкѣ законодательныхъ нормъ участіе (!) представителей всѣхъ классовъ населенія, въ томъ числѣ рабочихъ и промышленниковъ. Участіе тѣхъ же представителей необходимо и въ обсужденіи (!) бюджета, ибо по-

слѣдній является могущественнымъ двигателемъ въ рукахъ государства при разрѣшеніи промышленныхъ вопросовъ страны».

Краснорѣчивая записка могилевскаго кредитнаго общества, «окрыленная свѣтлой надеждой» на послѣдствія актовъ 12 декабря и 18 февраля, вовсе обходитъ основные конституціонные вопросы, ограничиваясь пожеланіями «свободъ», національнаго равноправія и «широкаго самоуправленія».

Резолюція іюньскаго съѣзда представителей биржевыхъ комитетовъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, настаивающая на необходимости предоставленія народнымъ избранникамъ права выработки основныхъ законовъ государственнаго устройства, растворяетъ это конституціонное требованіе въ нелѣпой либерально-славянофильской мистикѣ царизма.

Большею опредѣленностью отличается телеграмма общаго собранія борисоглѣбской (тамбовской губ.) хлѣбной биржи, отправленная 8 апрѣля министру внутреннихъ дѣлъ и ставящая себѣ цѣлью побудить его къ скорѣйшему выполненію рескрипта 18 февраля. Телеграмма указываетъ на «зловѣщее аграрное движеніе, грозящее неисчислимыми бѣдствіями». Растетъ и обостряется рознь между отдѣльными слоями населенія... Торговля и промышленность, этотъ наиболѣе чуткій показатель состоянія государственной и общественной жизни, совершенно замерли»... Вотъ почему «призванное закономъ заботиться о нуждахъ мѣстной торговли и промышленности» борисоглѣбское биржевое общество почитаетъ своимъ долгомъ указать на «необходимость немедленнаго созыва избранныхъ всеобщей, прямой и равной подачей голосовъ представителей всѣхъ частей населенія»...

Не только общее требованіе правопорядка, но даже такой демократическій лозунгъ, какъ всеобщее равное и прямое избирательное право способенъ найти доступъ въ программу торгово-промышленной буржуазіи, и притомъ не ея столичныхъ идеологовъ, а борисоглѣбскихъ биржевиковъ. — И это вовсе не капризъ и не случайность. «Чуткая» торговля и «чуткая» промышленность требуютъ порядка. Порядокъ немыслимъ безъ успокоенія массъ. Успокоеніе массъ, что понятно даже биржевикамъ, немыслимо безъ всеобщаго равнаго и прямого избирательнаго права.

Такимъ образомъ, поскольку движеніе массъ и особенно пролетаріата срослось съ этимъ лозунгомъ, промышленная буржуазія, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ группъ, можетъ подняться до этого требованія—во имя своихъ классовыхъ интересовъ, во имя порядка, во имя «эволюціоннаго развитія безъ краховъ, колебаній, безъ вооруженныхъ возстаній и насильственныхъ дѣйствій».

4. Либерализмъ и свобода капиталистической эксплуатаціи.

Но и въ своемъ высшемъ либеральномъ подъемѣ это все же голосъ сотенъ милліоновъ рублей, голосъ капитала, ищущаго прибыли и стремящагося приспособиться къ измѣнившимся условіямъ въ цѣляхъ безпрепятственной эксплуатаціи наемнаго труда. И, какъ мы сейчасъ увидимъ, наибольшей законченностью и опредѣленностью отличается либеральная программа промышленниковъ во всемъ, что касается гарантій неприкосновенности капитала и непосредственныхъ условій эксплуатаціи рабочей силы.

Индустріальный либерализмъ не остановился на тѣхъ общихъ политическихъ формулахъ, въ которыхъ онъ далъ отвѣтъ на январскія событія. Въ маѣ, т. е. въ періодъ новой стачечной волны, либеральный капиталъ дѣлаетъ попытку конкретизировать и детализировать свою программу. Мы имѣемъ предъ собою майскую докладную записку группы горнозаводчиковъ и промышленниковъ Московскаго района, составленную для высочайше утвержденной комиссіи «прогрессивною частью представителей Московскаго биржевого комитета».

Записка эта, какъ и январская, констатируетъ, что въ рабочемъ движеніи, разлившемся по всей Россіи, весьма замѣтную роль играютъ не экономическіе, а политическіе мотивы, и, главнымъ образомъ, «отсутствіе тѣхъ гарантій свободной личности, которое вызываетъ голосъ протеста не одной рабочей массы, а всей мыслящей Россіи».

Записка эта, какъ и январская, высказывается за свободу стачекъ, но она болѣе рѣшительно требуетъ такого опредѣленія стачки, которое освобождало бы фабриканта «отъ какой бы то ни было обязанности вознаградить рабочихъ за ущербъ, причиненный имъ прекращеніемъ работъ на фабрикѣ вслѣдствіе общей или частичной стачки». Отстаивая свободу стачекъ, прогрессивные фабриканты наряду съ этимъ отстаиваютъ и «свободу труда», т.-е. свободу штрейкбрехерства. «Всякія угрозы (!) и насилія, гласитъ записка, въ отношеніи лицъ, желающихъ продолжать работу, и лицъ, желающихъ вновь за нее приняться... должны быть наказуемы» [1]).

---

[1]) Въ январскихъ запискахъ московскихъ фабрикантовъ и С.-Петербургской конторы желѣзозаводчиковъ имѣлся уже соотвѣтственный пунктъ: «личность отдѣльнаго рабочаго должна быть законнымъ порядкомъ ограждена отъ насилій рабочихъ-стачечниковъ, если, не сочувствуя объявленной стачкѣ, рабочій не желаетъ къ ней присоединиться, ибо право устраивать забастовку для желающихъ участвовать въ ней не должно означать обязанности примкнуть къ ней для не желающихъ стачки».

По вопросу о нормѣ рабочаго времени записка послѣ длиннаго ряда соображеній, которыхъ мы не станемъ приводить, приходитъ къ тому выводу, что «конечная наименьшая норма продолжительности нормальнаго рабочаго дня не должна спуститься ниже 10-ти часовъ, но и къ этой нормѣ должно подойти съ извѣстной послѣдовательностью, сокративъ рабочій день сперва съ 11½ до 11 час., потомъ до 10½ и, наконецъ, до 10 час.».

Записка говоритъ, что за послѣдніе 20 лѣтъ не только улучшились условія труда, но развился и самъ русскій рабочій. «Онъ не нуждается болѣе, по мнѣнію заводчиковъ, въ строгой правительственной опекѣ и желаетъ свободно собой распоряжаться». И записка тутъ же поясняетъ, что подъ ненужной правительственной опекой она понимаетъ не только паспортъ, прикрѣпленіе къ мѣсту, и общій административный произволъ, словомъ, пережитки патріархально-полицейскаго варварства, но и все фабричное законодательство, созданное упорной борьбой «созрѣвшаго» рабочаго.

«Ст. 95 уст. о пром., обязывающая каждую изъ договаривающихся сторонъ, въ случаѣ отказа отъ договора, предупредить о томъ другую сторону за двѣ недѣли, уже устарѣла. На практикѣ эта обязанность крайне тягостна и для рабочаго и для предпріятія». Такъ поютъ «прогрессивные» промышленники.

Участіе рабочихъ при опредѣленіи заработной платы и правилъ внутренняго распорядка, а также въ вопросахъ, касающихся увольненія рабочихъ, мастеровъ и лицъ фабрично-заводской администраціи, фабриканты считаютъ «и невозможнымъ и нежелательнымъ».

«Участіе, котораго добиваются рабочіе, откровенно поясняетъ записка, стало бы яблокомъ вѣчнаго раздора между рабочими и капиталистами, интересы которыхъ очень часто совершенно противоположны [1]).

Отмѣну штрафовъ прогрессивные промышленники считаютъ несвоевременной по соображеніямъ гуманности. Воспрещеніе де-

[1]) Это откровенное признаніе совершенной противоположности интересовъ дѣлается промежду себя въ запискѣ, предназначенной для свѣдѣнія бюрократіи. Съ рабочими разговоръ ведется иной. Происходившее въ началѣ апрѣля въ Москвѣ совѣщаніе тѣхъ же фабрикантовъ центральнаго района рѣшило разъяснить рабочимъ, что «напрасно тѣ видятъ въ фабрикантахъ своихъ враговъ и игнорируютъ ихъ въ своемъ движеніи, вполнѣ довѣряясь лицамъ, совсѣмъ непричастнымъ фабрично-заводской дѣятельности. Все то, что достигнуто рабочими посредствомъ забастовокъ, можно было бы, по завѣренію совѣщанія, достичь простымъ соглашеніемъ съ фабрикантами, интересы которыхъ вполнѣ сходятся съ интересами и желаніями рабочихъ».

Оговариваемся, что свѣдѣніе это мы почерпнули изъ «Нов. Вр.». Но все же оно похоже на правду.

нежныхъ взысканій побудило бы гг. фабрикантовъ просто выгонять рабочихъ, а для рабочихъ послѣднее было бы горше перваго.

Высказавшись далѣе противъ ограниченія сверхъурочныхъ работъ, записка въ заключеніе выражаетъ надежду, что либеральное законодательство «создастъ современемъ желательный типъ рабочаго, который станетъ на стражѣ своихъ правъ и интересовъ болѣе хорошо вооруженнымъ, чѣмъ самое прогрессивное законодательство, которое, опекая рабочую личность во всѣхъ подробностяхъ ея жизненной сферы, вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсняетъ волю рабочаго и связываетъ ему руки тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ бы ихъ расправить»,—хотя бы, напр., для сверхъурочной работы. «Надъ самимъ собой, надъ своими мускулами и надъ собственнымъ здоровьемъ единственнымъ хозяиномъ и вѣрнымъ хранителемъ является ихъ собственникъ». Таковъ долженъ быть руководящій принципъ. И тогда, «при неисчислимыхъ богатствахъ русской жизни», при «разумномъ и развитомъ рабочемъ», мускулы и здоровье котораго не подвергаются стѣснительной опекѣ «прогрессивнаго законодательства», тогда наша промышленность «представитъ величавое зрѣлище».

Майская записка вмѣстѣ съ январской даютъ намъ понятіе о той позиціи, какую занялъ капиталъ подъ вліяніемъ первыхъ уроковъ русской революціи.

---

5. Демократическая интеллигенція и капиталистическій либерализмъ.

Политическая суматоха была такъ велика, такъ радостна, что россійская интеллигенція, искони третировавшая купца, какъ хищника и вандала, почти не удивилась его перерожденію и безъ размышленій заключила его въ объятья.

Русская интеллигенція воспитывалась изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе на народническихъ предразсудкахъ, согласно которымъ русскій капитализмъ представляетъ собою искусственный продуктъ русскаго полицейскаго протекціонизма, промышленная буржуазія есть ни что иное, какъ государственный паровой цыпленокъ, хилый при всей своей ненасытности, пролетаріатъ есть простое соціальное недоразумѣніе, столь же эфемерное, какъ и весь отечественный капитализмъ. Кто говоритъ о самостоятельной политической будущности русской буржуазіи и русскаго пролетаріата, тотъ фантастъ.

Эта историческая философія, сантиментальная и безсильная,

не только владѣла радикальной журналистикой, но эксплуатировалась также всей реакціонной прессой до «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей» включительно, такъ что въ журналистикѣ не осталось ни одного Николая Энгельгардта, ни одного Гофштеттера, который не получалъ бы построчной платы за брань на марксистовъ по поводу ихъ стремленія насадить въ Россіи капитализмъ.

И что же? Русскій пролетаріатъ, это соціальное «недоразумѣніе», успѣлъ причинить мно́го недоразумѣній всѣмъ будочникамъ реакціи, прежде чѣмъ разбухшая отъ бездѣлья и предразсудковъ интеллигенція замѣтила его и даже великодушно усыновила. Но на этомъ недоразумѣнія капиталистическаго развитія не закончились. Появился купецъ-политикъ и подписался подъ либеральной программой. Онъ тожебылъ усыновленъ отъ имени всего «освободительнаго движенія», но демократія даже и не попыталась при этомъ усыновленіи свести счеты съ своей теоретической совѣстью, которая, впрочемъ, вообще никогда не обременяла ея своими требованіями.

А между тѣмъ, еслибъ интеллигенція задумалась надъ загадкой либеральнаго русскаго купца, она пришла бы къ тому выводу, что только теперь подлинный европейскій буржуазный либерализмъ, поскольку онъ вообще возможенъ въ условіяхъ нашего политическаго развитія, нащупалъ свою почву и отодвинулъ архаическій либерализмъ дворянской фронды, интеллигентскихъ кружковъ и народническихъ редакцій. Было бы нелѣпостью думать, что капиталистическая буржуазія «переродилась» подъ идеалистическимъ вліяніемъ интеллигенціи и дворянской земщины, которыя, какъ извѣстно, искони считались хранительницами завѣтовъ безсословнаго и внѣклассоваго либерализма. На самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ промышленнаго развитія страны, передовая часть благороднаго сословія обуржуазилась, промышленная буржуазія «облагородилась»—и обѣ соединились въ требованіи конституціи, какъ гарантіи дальнѣйшаго буржуазнаго развитія. Помѣщичье землевладѣніе, втянувшееся въ оппозицію на почвѣ недовольства промышленнымъ протекціонизмомъ, и торгово-промышленный капиталъ, успѣвшій выкачать изъ народно-хозяйственнаго организма по трубамъ государственнаго фиска все, что можно было выкачать, оба, несмотря на капиталистическое противорѣчіе города и деревни, временно объединились противъ полицейской государственности. Либерализмъ, наконецъ, нащупалъ подъ ногами временную почву, а интеллигентная демократія, такъ долго «боровшаяся» (въ собственномъ воображеніи) съ капитализмомъ, покорно пошла въ роли герольда передъ его политической колесницей.

Та самая интеллигенція, которая еще вчера не признавала

никакой политической будущности за классомъ Разуваевыхъ, сегодня ударила имъ челомъ, присягнула на вѣрность и даже не поставила при этомъ никакихъ условій... Для успокоенія своей совѣсти, она ставитъ на голову всѣ дѣйствительныя отношенія: она увѣряетъ себя, что буржуазія подъ ея идейнымъ вліяніемъ поднялась выше своей классовой ограниченности и приблизилась къ ней, къ интеллигенціи; тогда какъ на самомъ дѣлѣ буржуазія подъ вліяніемъ практическаго опыта только обобщила свои собственные классовые интересы, т. е. произвела ту именно работу, которую раньше ея совершила для нея либеральная интеллигенція.

И вотъ намъ, «доктринерамъ» марксизма, доказывавшимъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, что «судьбы русскаго капитализма» вынудятъ русскую буржуазію, вступить на путь оппозиціи, приходится теперь разъяснять массамъ, въ прямой и непрестанной борьбѣ съ «демократической» интеллигенціей, узость и ограниченность буржуазнаго либерализма. Эта бѣдная демократія, сама лишь отпрыскъ буржуазнаго общества, ни за что не хотѣла понять соціальную игру классовыхъ интересовъ, толкающую буржуазію на путь либерализма,—а теперь, когда этотъ неожиданный для нея буржуазный либерализмъ стоитъ передъ ней, какъ фактъ, она не хочетъ и не можетъ увидѣть въ немъ его классовой ограниченности и классового эгоизма.

---

6. Нѣкоторые выводы.

Общая формула политическихъ интересовъ—перечень свободъ, равноправіе, законность, представительство—охватываетъ требованія всѣхъ жизнеспособныхъ классовъ и группъ. Формула пріобрѣтаетъ, такимъ образомъ, національный характеръ. Либеральная публицистика пользуется этимъ обстоятельствомъ, чтобы отвергнуть самую мысль о классовыхъ интересахъ, по крайней мѣрѣ, у классовъ господствующихъ, и представить либеральную программу, какъ идеологическое выраженіе національной воли. Ничего не можетъ быть, однако, ошибочнѣе такого представленія.

Программа либеральнаго гражданскаго режима, отправной пунктъ капиталистической оппозиціи, представляетъ собою перечень тѣхъ условій, внѣ которыхъ немыслима свобода капиталистической эксплуатаціи.

Соотвѣтственная часть рабочей программы обнимаетъ тѣ требованія, которыя должны создать свободу классовой борьбы.

Тамъ, гдѣ рабочая программа говоритъ: свобода стачекъ, капиталъ ставитъ требованіе свободы труда. Подъ свободой стачекъ пролетаріатъ понимаетъ не простую голую свободу работать и не работать при соблюденіи опредѣленныхъ формальностей, но созданіе такихъ условій, которыя дѣйствительно гарантировали бы за нимъ право на стачку, какъ на естественное орудіе классовой самообороны, которыя давали бы ему возможность охранять это право не только отъ полицейскихъ набѣговъ, но и отъ покушеній со стороны развращеннаго капиталомъ меньшинства самихъ рабочихъ.

Наоборотъ, капиталъ подъ свободой труда понимаетъ законодательнымъ путемъ гарантированную свободу штрейкбрехерства.

Противорѣчіе классовыхъ интересовъ капитала и труда, маскируемое абстрактной формулой національной воли, находитъ свое яркое выраженіе, какъ только мы коснемся конкретизаціи любого изъ публичныхъ правъ.

Не менѣе рѣшительно это коренное противорѣчіе выражается въ программѣ государственной конституціи. Вопросы о цензѣ, монархіи, одной или двухъ палатахъ, продолжительности законодательныхъ періодовъ, наконецъ, вопросы объ арміи и милиціи, о выборности чиновниковъ иначе ставятся и иначе рѣшаются подъ угломъ зрѣнія интересовъ капитала и интересовъ труда.

Имущественный цензъ, двѣ законодательныя камеры, фикціи конституціонной монархіи взамѣнъ фикцій монархіи самодержавной, все это для капитала—естественные элементы его политическаго самоопредѣленія.

Наоборотъ, полная демократія представляетъ собой для рабочаго класса наиболѣе благопріятную обстановку классовой борьбы. Борьба за демократическую республику такъ же естественна для пролетаріата, какъ борьба за соединеніе монархіи съ цензовымъ представительствомъ—для капиталистической буржуазіи. На пути къ демократической республикѣ пролетаріатъ можетъ быть остановленъ лишь давленіемъ враждебныхъ ему соціальныхъ силъ. Наоборотъ, капиталистическая буржуазія можетъ санкціонировать демократію и борьбу за демократію лишь подъ внѣшнимъ давленіемъ революціонно-демократическихъ силъ. Для пролетаріата демократія при всѣхъ условіяхъ—политическая необходимость; для капиталистической буржуазіи она при нѣкоторыхъ условіяхъ—политическая неизбѣжность.

Будемъ кратки въ выводахъ.

Мы видимъ, что объяснять либеральное перерожденіе фабри-

кантовъ и заводчиковъ вреднымъ вліяніемъ адвокатовъ и «еврействующей» прессы, злымъ повѣтріемъ, политическимъ самодурствомъ, причудами московскихъ «сверхъ-купцовъ» и другими беллетристическими причинами, какъ дѣлаетъ реакціонная пресса, можно только съ цѣлью сорвать черносотенное сердце.

Справедливость требуетъ, однако, прибавить, что столь же мало въ этомъ вопросѣ помогаютъ разобраться такіе стилистическіе обороты и общія мѣста либеральной прессы, какъ «воздѣйствіе передовыхъ группъ нашего общества» или «всеобщее нравственно-политическое пробужденіе страны».

Дѣйствительныя причины и проще и глубже. Онѣ коренятся въ общемъ развитіи промышленности, въ ростѣ ея зависимости отъ внутренняго національнаго рынка и, наконецъ, въ логикѣ классовой борьбы труда и капитала.

Мы видимъ, какъ промышленная буржуазія, всецѣло оставаясь на почвѣ своихъ классовыхъ интересовъ, болѣе того, властно толкаемая ими, вступаетъ на путь либеральной оппозиціи.

Мы видимъ, что рабочее движеніе враждебно столкнуло торгово-промышленный капиталъ съ гражданскимъ и политическимъ безправіемъ и тѣмъ непосредственно побудило индустріальную буржуазію къ политической активности, точнѣе сказать: борьба пролетаріата за свои классовые интересы обнаружила дальнѣйшую несовмѣстимость интересовъ капиталистическаго класса съ полицейскимъ режимомъ и тѣмъ бросила косную до этого времени промышленную буржуазію въ лагерь оппозиціи.

Мы видимъ, далѣе, что, вступивъ въ этотъ лагерь промышленная буржуазія не только не растворила своихъ классовыхъ интересовъ въ политической идеологіи, но, наоборотъ, показала, что либеральная программа есть не что иное, какъ обобщенное выраженіе ея развитыхъ классовыхъ интересовъ.

Этими выводами мы и ограничимся.

Іюль, 1905 г.

Конституція „освобожденцевъ“ [1]).

Послѣдній земскій съѣздъ (октябрь 1905 г.) отказался отъ идеи учредительнаго собранія. Онъ замѣнилъ его собраніемъ народныхъ представителей съ учредительными функціями «для выработки, съ утвержденія государя, конституціи Россійской Имперіи». Учредительное собраніе оттолкнуло земцевъ своимъ политическимъ радикализмомъ, игнорированіемъ монархической традиціи, своимъ республиканскимъ запахомъ.

Въ сущности съѣздъ поступилъ только послѣдовательно. Суворинъ писалъ какъ-то, что не было еще на свѣтѣ такого глупаго правительства, которое само созвало бы взамѣнъ себя учредительное собраніе. И это правда. Учредительное собраніе можно только вырвать. Земцы же всегда надѣялись на октроированную, высочайше дарованную конституцію. Самое большее—на такую конституцію, которая будетъ результатомъ соглашенія между ними, земцами, и короной. Ихъ идеаломъ является прусская палата соглашенія 1848 г. Правда, для обозначенія этого идеала они иногда прибѣгали къ имени учредительнаго собранія, которое соціалдемократія сдѣлала популярнымъ въ массахъ. Но революція придала идеѣ учредительнаго собранія острый характеръ, связавъ ее съ республикой. Земцы, которые не хотятъ республики, сочли себя вынужденными отказаться и отъ учредительнаго собранія.

Кто знаетъ исторію послѣдняго года, тому ясно, что отдѣльные демократическіе лозунги были навязаны земской оппозиціи и прикомандированной къ ней освобожденской демократіи сознательными пролетарскими массами. При такихъ условіяхъ, очевидно, пролетаріатъ, для котораго всеобщее голосованіе—пред-

---

[1]) Какъ разбираемый въ этой статьѣ проектъ конституціи, такъ и наша критика относятся ко времени до выступленія к.-д. партіи. Но такъ какъ политическая программа этой партіи не выходитъ изъ рамокъ освобожденскаго проекта, то наша критика сохраняетъ и сегодня все свое значеніе.

метъ первой политической необходимости, и земщина, которая только мирится со всеобщимъ избирательнымъ правомъ изъ политическаго оппортунизма, совершенно не одинаково относятся къ своимъ требованіямъ: учредительному собранію и «собранію представителей съ учредительными функціями». Для пролетаріата его лозунгъ—лишь первый шагъ въ дѣлѣ демократическаго переустройства страны. Онъ хочетъ использовать учредительное собраніе, чтобы безпощадно изгнать соціально-политическое варварство изъ всѣхъ его священныхъ и вульгарныхъ убѣжищъ. Въ этой работѣ онъ не пожалѣетъ никакихъ усилій и не остановится ни передъ какими традиціями. Пролетаріатъ требуетъ демократической республики. Земщина же видитъ въ палатѣ соглашенія прежде всего орудіе успокоенія «страстей» и водворенія того, что на условномъ языкѣ буржуазныхъ классовъ называется порядкомъ: т. е. безпрепятственной, юридически оформленной, по возможности «демократически» обставленной эксплуатаціи массъ. Тотъ конституціонный строй, который земская партія проведетъ черезъ палату соглашенія, долженъ отвѣчать двойной цѣли: 1) онъ долженъ быть достаточно либеральнымъ, чтобы не тормозить капиталистическаго развитія; 2) онъ долженъ быть достаточно антидемократическимъ, чтобы служить государственной запрудой для классовой борьбы пролетаріата. Конечно, это противорѣчіе. Но вѣдь вся либеральная мысль есть воплощенное противорѣчіе. Мы сейчасъ увидимъ это съ полной несомнѣнностью на образчикѣ конституціоннаго творчества освобожденско-земской демократіи.

Мы имѣемъ въ виду опубликованный г. Струве «Проектъ основного закона Россійской имперіи». Этотъ проектъ конституціи перепечатанъ газетой «Право» (№ 21). Съ этимъ проектомъ очень близокъ проектъ передовой группы московскихъ гласныхъ (тамъ же). Этотъ проектъ приложенъ, въ качествѣ образца, къ книгѣ «Конституціонное государство», составленной гг. Водовозовымъ, Карѣевымъ, Кудринымъ, Рейснеромъ, Лазаревскимъ, словомъ, демократами безъ страха и упрека изъ «Нашей Жизни»», «Сына Отечества» и «Русскаго Богатства». То, что въ этомъ проектѣ дѣйствительно отъ демократіи, далеко еще не составляетъ общаго достоянія нашей либеральной мысли. Зато всѣ его реакціонныя составныя части составляютъ ея несомнѣннѣйшее и притомъ всеобщее достояніе. Наконецъ, мы не знаемъ другого болѣе демократическаго продукта конституціоннаго зодчества земской оппозиціи или прислуживающей ей освобожденской демократіи.

Все это даетъ намъ право остановиться на опубликованномъ г. Струве «Проектѣ основного закона», какъ на своего рода демократическомъ шедеврѣ,—и все это вмѣстѣ съ тѣмъ обязы-

ваетъ читателя помнить, что нижеслѣдующая критика цѣликомъ относится ко всѣмъ прочимъ конституціоннымъ проектамъ либеральной оппозиціи.

Вниманіе!

---

1. Абсолютизмъ сохраняется, какъ принципъ.

«1. Верховная власть Россійской имперіи осуществляется императоромъ при участіи Государственной Думы».

Этотъ параграфъ устанавливаетъ не только монархическій, но въ сущности даже абсолютистскій принципъ: верховная власть осуществляется императоромъ; ему значитъ принадлежитъ суверенитетъ. Правда, онъ осуществляетъ свою верховную власть при участіи Государственной Думы; но это означаетъ лишь, что Дума является однимъ изъ исполнительныхъ органовъ его суверенитета.

Чтобы пояснить это, сравнимъ съ монархической французской конституціей, вотированной въ сентябрѣ 1789 г. Первый параграфъ гласилъ: «Всякая власть исходитъ отъ народа и можетъ исходить только отъ него». Второй параграфъ: «Французское правительство монархическое; во Франціи нѣтъ власти, стоящей выше закона; король царствуетъ только въ силу закона и только въ силу закона можетъ требовать повиновенія». Такимъ образомъ, принципіально эта конституція признаетъ суверенитетъ за народомъ и смотритъ на короля, какъ на ограниченный органъ народной воли; конституція освобожденцевъ принципіально оставляетъ суверенитетъ за императоромъ, а въ организованной народной волѣ видитъ лишь органъ императорскаго суверенитета.

Права и прерогативы императорской власти формулируются всецѣло въ духѣ этого абсолютистскаго принципа.

«Императорскій всероссійскій престолъ есть наслѣдственный въ нынѣ царствующемъ императорскомъ домѣ.

«На содержаніе императорскаго двора отпускается изъ государственныхъ средствъ особая сумма, которая опредѣляется государственной думой въ началѣ каждаго царствованія, и въ теченіе его не можетъ быть уменьшена безъ согласія императора.

«Императоръ есть верховный глава государства. Его особа неприкосновенна.

«Императору принадлежитъ власть верховнаго управленія, онъ

объявляетъ войну, заключаетъ миръ и иные договоры съ иностранными державами.

«Императоръ утверждаетъ и обнародуетъ законы и издаетъ, въ предѣлахъ законовъ, необходимые для ихъ исполненія указы, которые, впрочемъ не могутъ ни пріостанавливать дѣйствія законовъ, ни дѣлать изъ нихъ изъятія.

«Императоръ созываетъ Государственную Думу и закрываетъ ея сессіи.

«Императоръ назначаетъ и увольняетъ министровъ.

«Императору принадлежитъ верховное начальствованіе сухопутными и морскими силами Россійской державы.

«Императору принадлежитъ право помилованія».

Все, что можетъ быть сохранено изъ принциповъ абсолютизма—сохранено.

И послѣдній земскій съѣздъ поступилъ только послѣдовательно въ проведеніи основъ лжеконституціоннаго абсолютизма, когда отказался отъ Учредительнаго Собранія и выработку основныхъ законовъ народными представителями заранѣе поставилъ въ зависимость отъ согласія императора, обладающаго верховной властью.

Что же такое Государственная Дума, которой проектъ предоставляетъ «участіе» въ осуществленіи верховной власти?

---

2. Организація представительства.

«§ 36. Государственная Дума дѣлится на двѣ палаты: земскую палату и палату народныхъ представителей».

Земская палата избирается губернскими земствами и городскими думами. Палата народныхъ представителей избирается гражданами мужскаго пола, на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Обѣ палаты равноправны.

Такимъ образомъ, верховная власть осуществляется въ дѣйствительности тремя факторами: 1) императоромъ, 2) народомъ, интересы котораго представлены «палатой народныхъ представителей», и 3) какой-то третьей величиной, интересы которой представлены земской палатой. Что же это за таинственная третья величина, которую проектъ ставитъ на стражѣ демократическихъ интересовъ націи? Попробуемъ раскрыть ея конституціонный псевдонимъ.

§ 68 гласитъ, что «мѣстное самоуправленіе должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосо-

ваніи». Это звучитъ очень хорошо. «Каждое лицо,—читаемъ мы, однако, далѣе,—имѣющее право участія въ выборахъ въ палату народныхъ представителей (т. е. «лицо», какъ мы ужъ знаемъ, мужскаго пола), имѣетъ право такого же участія въ мѣстныхъ выборахъ, если оно прожило въ данномъ мѣстѣ, уѣздѣ или городѣ, опредѣленный срокъ, не менѣе одного года». Такъ просто примиряется всеобщее избирательное право съ высокимъ цензомъ осѣдлости! Съ равнымъ основаніемъ § 68 могъ бы быть редактированъ такъ: думы и земства избираются на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія—за вычетомъ гражданъ, не владѣющихъ недвижимой собственностью. Кого выключаетъ цензъ осѣдлости, объ этомъ не приходится распространяться: онъ прямо и непосредственно направленъ противъ класса наемнаго труда, т. е. противъ самой демократической части населенія. Бѣднѣйшіе полупролетарскіе слои деревни, вынужденные къ сезоннымъ кочеваніямъ, также окажутся лишенными права муниципальныхъ выборовъ. Это ограниченіе прикрывается тѣмъ доводомъ, будто съ мѣстными интересами могутъ быть связаны лишь постоянные мѣстные жители. Какъ будто пролетарій не заинтересованъ въ томъ, чтобы найти всюду, куда его заброситъ судьба, дешевую квартиру, хорошую школу и необходимую медицинскую помощь! Какъ будто для того, чтобы сознательно принять участіе въ мѣстныхъ выборахъ, ему недостаточно знать, какую муниципальную программу поддерживаетъ кандидатъ каждой партіи! Какъ будто рабочая муниципальная программа въ своихъ основахъ не является общей для всей страны!

Дѣйствительный источникъ ценза осѣдлости кроется въ стремленіи имущей части населенія отстранить неимущую отъ распоряженія мѣстнымъ хозяйствомъ. При всеобщемъ избирательномъ правѣ отдѣльные муниципалитеты могутъ оказаться въ рукахъ пролетаріата, который, разумѣется, сдѣлаетъ все, что сможетъ въ рамкахъ буржуазнаго государства, чтобы поставить органы самоуправленія на службу нуждамъ народныхъ массъ. Какъ гарантія противъ этого, изобрѣтается цензъ осѣдлости,—волчій паспортъ, которымъ буржуазія снабжаетъ пролетаріатъ.

Такимъ образомъ, земская палата представляетъ собою представительство наименѣе подвижныхъ, т. е. наиболѣе обезпеченныхъ и связанныхъ съ собственностью классовъ, притомъ представительство не прямое, а двустепенное, черезъ губернскія земскія собранія и городскія думы.

Эта конституція двухъ выборныхъ, двухъ «демократическихъ» палатъ (какая роскошь для одной конституціи!) сталкивается, однако, съ тѣмъ фактомъ, что у насъ, при введеніи конституціи въ жизнь, еще не будетъ демократизированныхъ

(при помощи ценза осѣдлости) органовъ мѣстнаго самоуправленія. Но проектъ мужественно разрѣшаетъ это затрудненіе. Въ отдѣлѣ «переходныхъ постановленій» онъ разрѣшаетъ «на первый разъ» избрать гласныхъ въ земскую палату отъ 34 губернскихъ земствъ, опирающихся на земское положеніе 1890 года, и думъ значительнѣйшихъ городовъ, обладающихъ драгоцѣннымъ городовымъ положеніемъ 1892 года. То-есть, наряду съ представительствомъ народа и на равныхъ съ нимъ правахъ, проектъ ставитъ представительство дворянскаго землевладѣнія и городского домовладѣнія. Правда, проектъ прибавляетъ, что «не болѣе, чѣмъ въ трехлѣтній срокъ земская палата должна быть обновлена» на охарактеризованныхъ выше «демократическихъ» началахъ (§ 80). А что такое три года для народныхъ массъ, перенесшихъ вѣка крѣпостного права и полицейскаго абсолютизма? У народа широкая спина и здоровые нервы. Если демократія щедро обѣщаетъ ему двѣ демократическія палаты, онъ можетъ потерпѣть небольшой искусъ «временно-обязанныхъ» отношеній.

Такова основа конституціоннаго зданія. Женщины начисто лишены избирательнаго права. Буржуазія представлена дважды: сначала въ «палатѣ народныхъ представителей», затѣмъ въ земской палатѣ. При этомъ имущей части націи въ отдѣльности дается столько же правъ, сколько и всей націи въ цѣломъ. Проектъ не ставитъ предъ собой и не разрѣшаетъ вопроса: что же будетъ, если палаты вступятъ въ конфликтъ по какому-нибудь вопросу? На первый взглядъ можетъ показаться, будто авторы проекта надѣются, что въ случаѣ, если палата земскихъ господъ выступитъ противъ нижней палаты, народъ вмѣшается въ распрю сверхъ-конституціоннымъ путемъ и дастъ понять засѣдающимъ наверху земскимъ «демократамъ», что онъ совершенно не нуждается въ ихъ дальнѣйшихъ услугахъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Хотя «Проектъ» изъ ложной стыдливости прямо и не говоритъ, кто будетъ судьей, если народъ разойдется съ буржуазіей, но косвенный отвѣтъ найти все же можно.

§ 32 (отдѣлъ «Объ императорской власти») устанавливаетъ: «Императоръ можетъ... распустить палату представителей съ тѣмъ, чтобы выборы были произведены въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ и палата въ новомъ составѣ была созвана не позднѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ со дня распущенія».

Такимъ образомъ, распущена можетъ быть только палата представителей; земская палата вовсе не подлежитъ распущенію. Только народъ можно временно отстранить отъ управленія собою; буржуазію отстранить отъ управленія народомъ никто не можетъ. Такимъ образомъ, часть не только приравнивается

цѣлому, но ставится выше цѣлаго! Такъ далеко идутъ эти циники освобожденской «демократіи»!

Но и этого мало. Если бы, несмотря на всѣ эти ограниченія, черезъ законодательное учрежденіе проходили еще какія-либо мѣры въ пользу рабочаго класса, то на всякій случай надъ законодательствомъ учрежденъ контроль такъ называемаго верховнаго суда. Такъ какъ разбираемый нами проектъ конституціи нигдѣ не говоритъ о выборности этого суда, то приходится сдѣлать выводъ, что члены его будутъ назначаться «верховной властью». Институтъ верховнаго суда заимствованъ изъ конституціи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и, нужно полагать, переносится на русскую почву освобожденцами именно въ виду той роли, которую онъ игралъ въ Америкѣ. А роль его сводится въ значительной мѣрѣ къ тому, чтобы не допускать изданія законовъ въ пользу рабочаго класса. Дѣло въ томъ, что, по конституціи, верховный федеральный судъ можетъ отмѣнять каждый законъ, вотированный конгрессомъ или палатою депутатовъ, разъ этотъ законъ, по мнѣнію верховнаго суда, противорѣчитъ американской конституціи. И вотъ, верховный судъ неизмѣнно отмѣняетъ всѣ законы, ограничивающіе рабочій день, на томъ основаніи, что они ограничиваютъ «свободу» личности, имѣющей право неограниченно распоряжаться собою и своимъ временемъ.

---

3. Основныя права гражданъ.

Конституціонному построенію основного закона предшествуетъ декларація «основныхъ правъ гражданъ». Мы держимся того мнѣнія, что основныя права гражданъ гораздо лучше охраняются соотвѣтственно организованными учрежденіями (милиціей, судомъ присяжныхъ и пр.), чѣмъ абстрактными деклараціями. Если бы, тѣмъ не менѣе, демократія нашла нужнымъ еще разъ провозгласить права человѣка и гражданина, мы не стали бы, разумѣется, противъ этого спорить. Но на самомъ дѣлѣ въ отдѣлѣ «основныхъ правъ» мы находимъ не столько торжественное провозглашеніе неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина, сколько неопредѣленную формулировку тѣхъ условій, при которыхъ эти права могутъ быть нарушены.

«9. Входъ въ частныя жилища, безъ согласія хозяевъ, а равно обыски и выемки допускаются лишь въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.»

Этотъ тезисъ, очевидно, не «обезпечиваетъ» неприкосновенность жилища, но лишь обусловливаетъ нарушенія этой «неприкосновенности». Онъ говоритъ лишь о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ «обыски и выемки допускаются».

«13. Русскіе граждяне, достигшіе совершеннолѣтія, могутъ въ общихъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, свободно избирать и мѣнять мѣсто жительства. Право выѣзда за границу можетъ быть ограничено закономъ лишь постольку, поскольку это необходимо для обезпеченія исполненія гражданами воинской повинности».

И такъ далѣе.

Эта жалкая декларація, явно приноровленная къ политическимъ вкусамъ земской палаты, довольно точно копируетъ декларацію 1848 года, которую Марксъ характеризуетъ такими выразительными словами:

«Неизбѣжный комплексъ «вольностей» 1848 г., свободы личности, печати, слова, ассоціацій, собраній и т. д.—все это облеклось въ конституціонную броню, благодаря чему всѣ эти вольности дѣлались неуязвимыми. Именно, каждая изъ этихъ вольностей объявлена была безусловнымъ правомъ французскаго citoyen'а, но съ неизмѣнной оговоркой, что всѣ эти вольности абсолютны лишь постольку, поскольку онѣ не ограничиваются «равными правами прочихъ гражданъ и интересами общественной безопасности», или «законами», долженствующими споспѣшествовать водворенію такой гармоніи... Конституція, слѣдовательно, постоянно выставляетъ на видъ будущіе ограничительные законы, имѣющіе развить всѣ эти оговорки и регулировать пользованіе неограниченными вольностями... Каждый параграфъ конституціи заключаетъ въ себѣ собственную антитезу, свою собственную «верхнюю и нижнюю палату»: съ одной стороны, мы видимъ общую фразу о свободѣ, а съ другой стороны—оговорку, упраздняющую свободу». («18-е брюмера»).

Но наша декларація, эта тѣнь ничтожной тѣни, идетъ еще далѣе и ставитъ абсолютныя права человѣка на очную ставку не только съ опредѣленіями такъ называемаго положительнаго права, но и съ военнымъ положеніемъ. «Никто не можетъ быть судимъ, гласитъ § 12, инымъ судомъ, кромѣ того, коему дѣло его по закону подлежитъ. Чрезвычайные суды допускаются лишь въ мѣстностяхъ, находящихся на военномъ положеніи.

А § 22 заключаетъ декларацію такимъ ударомъ похоронnаго колокола: «закономъ могутъ быть установлены изъятія изъ дѣйствія статей 8, 13, 14, 16, 17, 21 настоящаго основного закона (объ арестахъ, о свободѣ передвиженія, слова, собраній, союзовъ и отвѣтственности чиновниковъ) для лицъ, состоящихъ

на дѣйствительной военной службѣ, и для мѣстностей, находящихся на военномъ положеніи».

Какъ видимъ, каждый параграфъ имѣетъ не только свою нижнюю и верхнюю палату, но и свою военную диктатуру!

Какъ долго освобожденцы поправляли свое демократическое здоровье на всѣхъ курортахъ идеализма, какъ громко кричали они, что личность есть самоцѣль, что права ея извѣчны и абсолютны,—и все для чего?—Для того, чтобы на первой же страницѣ своихъ конституціонныхъ начертаній головою выдать эту самодовлѣющую личность военно-полевому суду для сужденія по законамъ военнаго времени. Такимъ образомъ, многія части нашей родины смогутъ, совершенно не прерывая преемственности, непосредственно изъ-подъ военной диктатуры абсолютизма перейти подъ военную диктатуру «демократіи».

Правда, «Проектъ» гласитъ, что «внѣ театра военныхъ дѣйствій военное положеніе можетъ быть вводимо лишь въ законодательномъ порядкѣ». Этимъ какъ бы устанавливается пропасть между старой и новой практикой. Но такъ только кажется на первый взглядъ.

Мы уже знаемъ, что для проведенія какого-нибудь акта законодательнымъ порядкомъ требуется согласіе двухъ палатъ. Право законодательной иниціативы принадлежитъ каждой изъ нихъ. На первые три года, т.-е. именно на то время, когда еще нельзя надѣяться на успокоеніе народной «смуты», и когда, слѣдовательно, потребность въ умиротвореніи посредствомъ военной диктатуры будетъ у командующихъ классовъ очень сильна, верхняя палата отдается, какъ мы видѣли, во власть дворянскому землевладѣнію и городской буржуазіи. Если такъ называемая демократія подъ грохотъ кавказской бомбардировки вводитъ въ свою конституцію параграфъ о военномъ положеніи, можно ли сомнѣваться въ томъ, что цензовая буржуазія не постѣсняется къ нему обратиться, какъ только станетъ у власти?

Нижняя палата можетъ, правда, отвергнуть законопроектъ о военномъ положеніи. Но къ чему это поведетъ?

Допустимъ, напримѣръ, что верхняя палата предлагаетъ объявить Польшу на военномъ положеніи. Нижняя не соглашается. Ее распускаютъ съ приглашеніемъ возстановиться черезъ шесть мѣсяцевъ. Само собою разумѣется, распущеніе дѣлается не для того, чтобы ждать съ вопросомъ о военномъ положеніи полгода. Такія дѣла, разсчитанныя на внезапное спасеніе отечества, вообще не терпятъ отлагательства.

Итакъ, народъ отосланъ домой, земцы въ согласіи съ короной объявляютъ Польшу на военномъ положеніи. Вопросъ рѣшенъ. Правда, черезъ полгода придется отдавать отчетъ передъ представителями народа. Но вѣдь это будетъ только черезъ пол-

года. А за такой срокъ много можетъ утечь крови подъ варшавскими и лодзинскими мостами... И во всякомъ случаѣ черезъ полгода у правительственной реакціи будетъ то преимущество, что она представитъ народной палатѣ не законопроектъ военнаго положенія, а совершившійся фактъ: умиротворительный разгромъ цѣлой страны. Законопроектъ можно бросить въ корзину, а совершившійся фактъ нельзя отмѣнить даже «законодательнымъ порядкомъ».

И наконецъ, зачѣмъ ограничивать себя только Польшей? Почему не набросить арканъ военнаго режима—на твердомъ основаніи «демократической» конституціи—на всѣ безпокойныя мѣста, гдѣ можно ждать нежелательныхъ выборовъ? И тогда еще вопросъ, какъ посмотрятъ на правительственное дѣяніе представители, избранные народомъ подъ солдатскими штыками при полномъ отчужденіи всѣхъ «неотчуждаемыхъ» правъ.

---

4. Гарантіи конституціи и народныхъ правъ.

Итакъ, конституція, столь счастливо объединяющая демократическихъ строителей изъ «Освобожденія», «Права», «Русскаго Богатства» и «Сына Отечества», даетъ въ руки реакціи превосходное и испытанное средство военнаго положенія. Какія же средства даетъ она народу для охраненія его правъ? Правда, въ отдѣлѣ объ императорской власти мы читаемъ, что императоръ приноситъ присягу въ соблюденіи и охраненіи основного государственнаго закона,—и это совершается въ присутствіи Святѣйшаго Синода, который, такимъ образомъ, сохраняетъ значеніе государственнаго установленія,—какъ православіе вообще сохраняетъ значеніе государственной религіи. Подъ угломъ зрѣнія нравственнаго идеализма, философской религіи освобожденцевъ, присяга, конечно, очень серьезная гарантія. Но мы только что имѣли случай видѣть, какъ мало идеализмъ гарантируетъ самихъ идеалистовъ отъ измѣны дѣлу демократіи.

Мы видѣли, какъ горделивая демократическая мысль, исходящая изъ чистой идеи естественнаго права, падаетъ на колѣни предъ традиціей и ставитъ надъ суверенной націей наслѣдственнаго монарха!

Мы видѣли, какъ абсолютная справедливость, для которой равенство—извѣчный постулатъ, предательски отдаетъ народъ подъ опеку буржуазіи!

Мы видѣли, какъ идеалистическая личность, обнаженная отъ всѣхъ гарантій, похотливо падаетъ на ложе военной диктатуры!

Поэтому будемъ сдержаны и не станемъ считать религіозную или философскую присягу гарантіей народныхъ правъ. Потребуемъ реальныхъ гарантій. Тщетно, однако, стали бы мы шарить въ освобожденскомъ «проектѣ основного закона». Этотъ жалкій идейный ублюдокъ, предусматривающій все: квартиры для избирательныхъ бюро, часы подсчета голосовъ и казенную печать на избирательномъ конвертѣ,—не предусматриваетъ только одного: организаціонныхъ гарантій свободы и народныхъ правъ!

Правда, можно сказать, что основныя права гражданъ обезпечиваются отъ нарушенія: а) судебной властью; б) отвѣтственностью должностныхъ лицъ; в) постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти; г) отмѣной, такъ называемаго, административнаго права.

Разсмотримъ эти гарантіи, долженствующія обезпечивать народныя права отъ произвольныхъ нарушеній.

Но прежде всего попытаемся выяснить, что можно считать дѣйствительной, реальной гарантіей.

«Уложеніе о наказаніяхъ», само по себѣ, не представляетъ никакой рѣшительно гарантіи для собственности и жизни. Статьи уложенія сами по себѣ не имѣютъ никакой мистической власти надъ нарушителями собственности или убійцами. Но за этими статьями стоитъ маеріальная организація полиціи, судовъ и тюремъ. Уничтожьте эту организацію и «уложеніе» будетъ такъ же мало обезпечивать жизнь и достояніе, какъ и сборникъ рецептовъ поваренной книги. «Уложеніе о наказаніяхъ» получаетъ свое значеніе формальной гарантіи лишь постольку, поскольку оно опирается на эту матеріальную «гарантію».

Съ этой единственно реалистической точки зрѣнія становится яснымъ, что «отмѣна административнаго права», какъ мѣра чисто-юридическаго характера, не можетъ играть роли матеріальной гарантіи противъ незаконныхъ и насильственныхъ правонарушеній.

«Участіе народнаго представительства» въ законодательной власти, т. е. привлеченіе въ столицу нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, избранныхъ народомъ, само по себѣ тоже не составляетъ какой-нибудь реальной конституціонной гарантіи. Прежде всего, «участіе» представителей можетъ ограничиться ролью молчаливыхъ или протестующихъ свидѣтелей творимыхъ насилій. Наконецъ, сегодня призванные къ участію, они завтра могутъ быть отстранены отъ него. Какая же это гарантія?

Отвѣтственность должностныхъ лицъ по суду за нарушенія законовъ и правъ гражданъ при соотвѣтственной организаціи судебной власти несомнѣнно

можетъ служить надежной гарантіей противъ частныхъ правонарушеній, совершаемыхъ отдѣльными чиновниками. Но она, очевидно, не можетъ охранить гражданъ отъ государственнаго переворота. Правительство, которое ставитъ своей задачей ниспроверженіе конституціонныхъ основъ, не будетъ, разумѣется, остановлено страхомъ предъ судами, охраняющими существующія конституціонныя права. Гораздо болѣе реальную гарантію въ этомъ отношеніи представляетъ выборность чиновниковъ народомъ, но объ этомъ кардинальнѣйшемъ демократическомъ требованіи нашъ проектъ не говоритъ ни слова. А между тѣмъ ясно, что только выборный полицейскій, бюрократическій и судебный персоналъ, періодически обновляемый, неспособенъ выродиться въ постоянную организованную угрозу народнымъ правамъ и интересамъ.

Но если выборная бюрократія и не станетъ активной силой государственнаго переворота, то сама по себѣ она, разумѣется, не въ состояніи охранить народъ отъ вооруженныхъ покушеній на его права. Самой лучшей администраціи останется лишь скрестить руки, когда власть будетъ передана боевымъ генераламъ. Протесты и постановленія самыхъ энергичныхъ прокуроровъ останутся безсильными, когда изъ свиты побѣдоносныхъ генераловъ выдѣлятся военные суды. Исторія 48-го года прекрасно знаетъ, какъ это дѣлается.

Какой же выводъ слѣдуетъ изъ сказаннаго?

Простой и ясный. Народное представительство, отвѣтственная бюрократія и независимый судъ должны опираться на матеріальную силу. Такую постоянную, увѣренную въ себѣ силу можетъ представить только вооруженный народъ. Вотъ почему распущеніе постоянной, искусственно дрессированной арміи и замѣна ея народной милиціей должны стоять во главѣ угла всякой истинно-демократической программы. Милиція—это дѣйствительная реальная гарантія и народоправства, и правъ личности. Никакая декларація, хотя бы она была не въ примѣръ рѣшительнѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ трусливое, озирающееся освобожденское твореніе, не можетъ обезпечить народу его правъ, если она не опирается на его организованную силу.

Что же по этому вопросу даетъ намъ «проектъ основного закона»? Онъ даетъ намъ, какъ мы выше видѣли, цѣнный по своей опредѣленности отвѣтъ: «Императору принадлежитъ, читаемъ мы въ отдѣлѣ «объ императорской власти», верховное начальствованіе сухопутными и морскими вооруженными силами Россійской державы. Онъ производитъ въ чины. Всѣ военныя и военно-морскія должности замѣщаются или имъ, или лицами, ему подчиненными».

Такимъ образомъ, сохраняется постоянная армія, это страшное орудіе порабощенія цѣлаго силою порабощенной части. Мало того: постоянная армія по прежнему остается въ рукахъ лица, ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго, стоящаго надъ конституціей. Это ничто иное, какъ абсолютизмъ, прикрытый ширмами демократіи. Можно было бы, въ сущности, не подвергать разсмотрѣнію ни вопроса о двухъ палатахъ, ни вопроса объ избирательной системѣ,—достаточно поставить вопросъ о постоянной арміи или милиціи, чтобы сразу выяснить цѣнность конституціи, которою оценилась освобожденская мысль.

---

5. Организованный государственный переворотъ.

Абсолютизмъ сохраняется, какъ принципъ,—но и не болѣе, какъ принципъ. По существу же конституціонныя опредѣленія стремятся превратить монарха въ царствующаго, но не правящаго страной.

За императоромъ, какъ мы видѣли, оставлено право распущенія палаты, право объявленія войны и заключенія мира. Но распущенію подлежатъ лишь народные представители, — депутаты земствъ не могутъ быть отосланы короной. Для войны нужны деньги, а вотированіе денежныхъ суммъ зависитъ отъ Государственной Думы. Монархъ назначаетъ министровъ, но министры отвѣтственны предъ большинствомъ палаты; въ сущности онъ не назначаетъ министровъ, а лишь называетъ ихъ вслухъ. Монархъ «утверждаетъ и обнародуетъ законы», но не онъ ихъ издаетъ. Законодательная работа—дѣло Государственной Думы; монархъ лишь скрѣпляетъ то, что она постановляетъ. И такъ во всемъ. Въ конституціонномъ идеалѣ функціи монарха должны пріобрѣсти чисто-механическій характеръ.

Въ 1791 г. философъ-республиканецъ Кондорсэ, иронизируя надъ внутренне-противорѣчивымъ учрежденіемъ конституціонно-демократической монархіи, предлагалъ открытымъ письмомъ за подписью «молодой механикъ», изготовить для Конституціонной Комиссіи въ двѣ недѣли и при томъ за недорогую цѣну короля, идеальнаго конституціоннаго короля, который участвовалъ бы во всѣхъ торжествахъ, подписывалъ бы бумаги и давалъ бы законамъ свою королевскую санкцію. «Если будетъ рѣшено, что для монархіи существенно, чтобы король выбиралъ и отрѣшалъ

министровъ, причемъ, согласно здравой политикѣ, онъ, какъ извѣстно, долженъ всегда сообразоваться съ желаніями партіи, владѣющей большинствомъ въ законодательномъ собраніи, предсѣдатель котораго является однимъ изъ ея вождей, то легко придумать такой механизмъ, съ помощью котораго король будетъ получать списокъ министровъ изъ рукъ очереднаго предсѣдателя, съ выраженіемъ благосклонности и величія на лицѣ... Мой король, обѣщаетъ молодой механикъ, будетъ вполнѣ безопасенъ для свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ, при аккуратной починкѣ, онъ былъ бы безсмертнымъ, что даже еще лучше, чѣмъ быть наслѣдственнымъ. Можно было бы даже объявить его неприкосновеннымъ, безъ несправедливости, и непогрѣшимымъ, не впадая въ абсурдъ» [1]). Механическій монархъ, съ выраженіемъ благосклонности и величія на лицѣ, до нашихъ дней остался идеаломъ демократовъ - монархистовъ. Освобожденскій проектъ путемъ конституціонныхъ опредѣленій хочетъ разрѣшить техническую задачу Кондорсэ.

Но та же самая конституція, которая хочетъ лишить монарха привычнаго полновластія, лицемѣрно твердитъ ему, что онъ—суверененъ. «Верховная власть Россійской имперіи осуществляется императоромъ»... «Императоръ есть верховный глава государства». «Императору принадлежитъ власть верховнаго управленія»... и пр. и пр.

Такимъ образомъ, если императоръ захочетъ найти въ основныхъ законахъ прямое и непосредственное изображеніе своей государственной роли, онъ представится себѣ сувереномъ. Къ этому же представленію толкаютъ его традиціи самодержавія. Конституція, однако, связываетъ его по рукамъ и по ногамъ—и ставитъ въ невыносимо противорѣчивое положеніе.

Но та же самая конституція даетъ ему средства выхода изъ нестерпимаго противорѣчія: она оставляетъ въ его рукахъ армію.

Конечно, конституція требуетъ отъ монарха присяги, а эта присяга должна удержать его отъ злоупотребленія военной силой и отъ покушеній на конституцію. Но вѣдь монархъ не можетъ забыть, что эта новая присяга, какъ и вся конституція, есть ни что иное, какъ плодъ побѣдоноснаго нарушенія вѣрноподданнической присяги со стороны цѣлаго народа. Очевидно, побѣда освящаетъ и нарушеніе присяги. Такой выводъ напрашивается самъ собою, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ будетъ, разумѣется, сдѣланъ конституціоннымъ монархомъ, какъ онъ дѣлался монархомъ самодержавнымъ. Вспомнимъ Польшу и Финляндію!

Если бы въ присягахъ заключалась та сила, какую имъ при-

---

[1]) Оларъ. „Политическая исторія Великой Французской Революціи". Москва, 1904 г.

писываютъ, на свѣтѣ не происходило бы ни революцій ни государственныхъ переворотовъ.

Освобожденская конституція, лишающая монарха дѣйствительной самостоятельности и въ то же время провозглашающая его главой государства, отнимающая у него верховную власть и въ то же время оставляющая въ его рукахъ главную силу этой власти, армію, эта конституція представляетъ собою не что иное, какъ идеальную провокацію къ государственному перевороту. Точнѣе сказать государственный переворотъ уже заложенъ въ самой конституціи.

И это не случайный недосмотръ, это—неизбѣжность.

Буржуазный либерализмъ скорѣе согласится отказаться отъ всѣхъ демократическихъ принциповъ, отъ всѣхъ неотчуждаемыхъ правъ, чѣмъ отъ конституціонной монархіи со всѣми ея нелѣпостями и опасностями. Ибо противорѣчіе конституціонной монархіи есть лишь отраженіе въ государственномъ строѣ внутреннихъ противорѣчій въ политическихъ интересахъ буржуазіи. Она, какъ мы ужъ сказали, должна создать строй, достаточно либеральный, чтобы не стѣснять капиталистическаго развитія, и въ то же время достаточно снабженный орудіями репрессіи, чтобы охранять собственность отъ революціонныхъ массъ. Экономическое господство буржуазіи закрѣпляется ея политическимъ господствомъ, политическое господство ставится подъ защиту арміи, армія вручается монарху, монархъ превращается въ контръ-агента буржуазіи.

Построенная на этихъ началахъ конституція есть организованный заговоръ буржуазныхъ классовъ съ обновленной короной, опирающейся на старые штыки, пулеметы и пушки. Основныя права личности, всѣ публичныя свободы могутъ быть въ каждую данную минуту превращены въ пустой звукъ, разъ армія остается въ рукахъ короны,—да какой короны?—еще ни на минуту не прекращавшей практики самовластія.

Таковы освобожденцы за конституціонной работой. Еслибъ русская свобода должна была зависѣть отъ освобожденцевъ,—лучше-бъ ей тогда не родиться на свѣтъ!

Какъ дѣлали Государственную Думу?

«Упущеніе времени смерти невозвратной подобно».
Петръ I.

1. Почему ее дѣлали?

Государственная Дума создалась подъ напоромъ общественныхъ силъ. Торжественная фразеологія, съ какой былъ возвѣщенъ этотъ актъ (6 августа), вызывала лишь улыбку скептицизма у обѣихъ сторонъ: у той, которая дѣлала уступку, и у той, ради которой уступка совершалась.

Государственная Дума создавалась въ канцелярскомъ тайникѣ, но передъ глазами ея творцовъ все время проходили различныя общественныя фигуры, отдѣльныя и собирательныя, группы, классы, партіи,—онѣ грозили, домогались, требовали и исторгали уступки.

Кабинетъ гофмейстера Булыгина былъ не алхимической лабораторіей, гдѣ творятся по свободному почину «самобытныя» формы государственности, — онъ былъ штабъ-квартирой, гдѣ вожди правительственной реакціи обсуждали планъ кампаніи, совѣщались о порядкѣ частичнаго отступленія съ наименьшими жертвами и сохраненіемъ престижа.

Учрежденіе Государственной Думы должно было, согласно намѣреніямъ, какъ они выясняются изъ офиціальнаго комментарія, обнаружить полную несостоятельность идей, перешедшихъ къ намъ съ запада и чуждыхъ всему укладу нашей жизни,— а между тѣмъ бюрократія—преобразовательница обнаруживаетъ на каждомъ шагу свою полную безпомощность предъ напоромъ этихъ западныхъ идей, заигрываетъ съ ними и такъ или иначе сообразуетъ съ ними каждый свой шагъ.

Офиціальная фразеологія связываетъ Государственную Думу съ Земскими Соборами. Но, помимо всего прочаго, Земскіе Соборы представляли собою рѣдкіе непериодическіе съѣзды, а не посто-

янное государственное учрежденіе. Славянофильская реакція и настаивала на томъ, чтобъ организовать общеніе на подобныхъ хаотическихъ началахъ. Совѣтъ министровъ призналъ, однако, такой планъ несвоевременнымъ. Почему? Потому, что «созывъ выборныхъ для однократнаго лишь выполненія извѣстныхъ обязанностей въ теченіе заранѣе назначеннаго краткаго срока не исключаетъ возможности попытки самовольнаго продленія ими своихъ полномочій и занятій; затѣмъ внѣ всякаго контроля правительства, ихъ собравшаго» [1]).

Этотъ ясный и выразительный мотивъ, мотивъ интереса и силы, а не традиціи и права, въ дальнѣйшемъ изложеніи расширяется и кладется въ основу всего бюрократическаго строительства Государственной Думы.

Въ осторожной формѣ, но рѣшительно по существу Совѣтъ министровъ «считаетъ долгомъ прежде всего замѣтить, чтовремя, переживаемое нынѣ Россіею, не можетъ почесться спокойнымъ. Наблюдавшееся ранѣе, но въ размѣрахъ ограниченныхъ, общественное броженіе захватило болѣе широкіе круги населенія. Какъ отразится движеніе это на государственномъ строѣ нашемъ, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ пріемлемыхъ правительствомъ мѣропріятій,—продолжаетъ Совѣтъ Министровъ,—заранѣе предвидѣть невозможно. Съ одной стороны, высказывается взглядъ, выражаемый, въ сознаніи вѣрноподданническаго долга, съ полной откровенностью о томъ, что, судя по опыту государственной жизни странъ западно-европейскихъ, указанное общественное движеніе повлечетъ за собою расширеніе политическихъ правъ населенія и вызоветъ образованіе установленій, при возникновеніи коихъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть гарантировано, чтобы они не обратились изъ совѣщательныхъ въ законодательные органы» [2]). Это взглядъ бюрократической лѣвой. Существуетъ, однако, и другое мнѣніе, гласящее, что «исторія самобытнаго русскаго народа слагается въ собственныхъ, весьма своеобразныхъ путяхъ», и потому «едва ли возможны вообще напередъ предсказанія о вѣроятности развитія у насъ учрежденій непремѣнно по западнымъ образцамъ, съ пріобрѣтеніемъ ими рѣшающаго голоса въ законодательствѣ и даже въ дѣлахъ управленія». Это мнѣніе бюрократической правой и, прежде всего, самого автора Думы, гофмейстера Булыгина.

---

[1]) Матеріалы по учрежденію Государственной Думы: 1) Меморія Совѣта министровъ; 2) Соображенія министра внутреннихъ дѣлъ; 3) Проектъ Учрежденія Госуд. Думы, внесенный мин. в. д. Булыгинымъ. 1905 г.

[2]) «Матеріалы», стр. 3.

Но для Совѣта министровъ въ цѣломъ, независимо отъ всякихъ «неминуемо гадательныхъ соображеній», въ настоящій моментъ совершенно ясно, что «призваніе выборныхъ непосредственнымъ изволеніемъ Монарха лучше всего можетъ послужить къ охраненію за Верховною Властью руководящаго значенія въ дальнѣйшей судьбѣ выборного учрежденія». Такимъ образомъ, призваніе выборныхъ, вынужденное у власти «общественнымъ броженіемъ, захватившимъ болѣе широкіе круги населенія», является, по мотивировкѣ самого Совѣта министровъ, ничѣмъ инымъ, какъ предупредительной мѣрой, которая должна создать гарантію противъ необходимости болѣе рѣшительныхъ уступокъ. Но эту гарантію можно создать лишь при томъ условіи, если, во-первыхъ, въ Думу войдутъ надлежащіе элементы, и, во-вторыхъ, если это учрежденіе будетъ «сразу снабжено возможно широкими правами, чтобы не дѣлать предметомъ домогательствъ его такія полномочія, которыя... могутъ быть теперь же ему дарованы».

Такимъ образомъ, вопросы компетенціи Думы и системы выборовъ получаютъ рѣшающее значеніе.

Такъ реалистически, такъ бухгалтерски—трезво формулируетъ законодательствующая бюрократія цѣли «великой государственной реформы». Все ея дальнѣйшее строительство, продиктованное политической борьбой за существованіе, если и обличаетъ какой-либо стиль, то никакъ не московскій стиль XVII вѣка, эпохи Земскихъ Соборовъ, но безпринципный декадентскій, упадочный стиль разлагающагося абсолютизма.

---

2. Историческая философія дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.

Разумѣется, официальный комментарій къ проекту учрежденія Государственной Думы не только не стремится удержаться на почвѣ «трезвыхъ» комбинацій, но, наоборотъ, дѣлаетъ все для того, чтобы прикрыть ихъ безкорыстной идеологіей; въ результатѣ, онъ представляетъ собою крайне любопытное сочетаніе казенно-бюрократической словесности, окостенѣвшей въ своихъ традиціонныхъ формулахъ, и торгашески—практическихъ соображеній, продиктованныхъ инстинктомъ самосохраненія. Задача, которая все время стояла предъ творцами «самобытныхъ формъ правленія» заключалась въ томъ, чтобъ приблизить къ себѣ болѣе спокойные «элементы» и съ ихъ помощью обуздать

«элементы», менѣе спокойные. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бюрократія не хочетъ поступаться своими вѣковыми привилегіями и въ пользу имущихъ классовъ. Она, какъ мы только что видѣли, понимаетъ, что опасно дать этимъ послѣднимъ слишкомъ мало, ибо это можетъ только раздражить, но не успокоить. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не хочетъ дать больше того, что строго необходимо, ибо легче не дать, чѣмъ взять обратно то, что было однажды дано. Въ основѣ учрежденія Государственной Думы лежитъ, такимъ образомъ, узкій разсчетъ кастоваго интереса, требующій экскурсій въ область психологіи общественныхъ классовъ. Но съ другой стороны, бюрократія нуждается въ идеологіи, или хотя бы въ ея подобіи, въ теоретическомъ или мистическомъ оправданіи собственной реформаторской скаредности. Эту идеологію она находитъ готовою въ своемъ канцелярскомъ арсеналѣ. «Самобытность», «національный духъ», «устои», «историческіе корни» и другіе истинно-русскіе принципы пытаются прикрыть оголенныя притязанія архаическаго режима такъ же безуспѣшно, какъ это дѣлали въ свое время истинно-французскіе и истинно-прусскіе принципы государственнаго самовластья.

Такъ, узкореалистическій практицизмъ и напыщенная канцелярская схоластика совмѣстными усиліями производятъ на свѣтъ офиціальный комментарій къ самобытному учрежденію Государственной Думы.

Казенная словесность рождаетъ заявленіе, что призывъ народныхъ представителей, еще такъ недавно объявлявшійся не только безпочвеннымъ, но и безсмысленнымъ мечтаніемъ, представляетъ собою продолженіе традицій Земскихъ Соборовъ. Государственная Дума, въ этой казенной перспективѣ, представляетъ собою заключительное звено долгаго ряда попытокъ установить общеніе Престола съ народомъ, тогда какъ въ дѣйствительности она является бюрократически эскамотированной формой перехода отъ полицейскаго абсолютизма къ народовластію. Если объявить Національное Собраніе 1789 г. преемникомъ средневѣковыхъ Генеральныхъ Штатовъ, а не предшественникомъ Конвента, историческая перспектива будетъ искажена не въ большей мѣрѣ.

Власть должна остаться въ нашихъ рукахъ, такъ сказалъ бы обнаженный кастовый интересъ, еслибъ онъ смѣлъ говорить открыто. Избранныя лица «должны являться не представителями воли и требованій населенія, а лишь выразителями у Престола нуждъ и пользъ народныхъ...» (стр. 74), такъ развиваетъ эту тему казенно-государственная идеологія. Кастовый интересъ самъ себѣ довлѣетъ; онъ убѣдителенъ, поскольку опирается на силу. А сопровождающая его офиціальная идеологія жалка и безпомощна. Есть ли надобность задерживаться на

этомъ глубокомысленномъ противопоставленіи народныхъ требованій—народнымъ нуждамъ? «Нужды и пользы» народа, еще не нашедшія удовлетворенія, выражаются въ «требованіяхъ»; эти требованія кладутся въ основу программъ и напрягаютъ политическую «волю» партій. Борьба за «нужды и пользы», принимающая форму борьбы за опредѣленныя политическія требованія, неизбѣжно превращается въ борьбу за обладаніе тѣмъ законодательнымъ аппаратомъ, отъ котораго зависитъ удовлетвореніе нуждъ и пользъ, т. е. въ борьбу за государственную власть.

Обороняясь отъ все усиливающихся атакъ на власть, кастовый интересъ бюрократіи выдвинулъ, въ качествѣ охранительнаго сооруженія, законосовѣщательную Думу. А официальная словесность пытается притти на помощь прямолинейному интересу и торжественно обосновываетъ стремленіе касты удержать власть за собой.

«Все прошлое коренной Россіи удостовѣряетъ,—такъ говоритъ реформаторская бюрократія,—что идея властнаго участія народа въ дѣлахъ верховнаго управленія не имѣетъ историческихъ корней въ условіяхъ нашей народной жизни... Олицетворяя въ образѣ Самодержавнаго Царя всю свою мощь, народъ нашъ всегда видѣлъ въ лицѣ своихъ Государей источникъ и выраженіе высшихъ нравственныхъ началъ—милости, справедливости и правосудія, и этотъ взглядъ на Царя, какъ на защитника народныхъ интересовъ и носителя всей полноты государственной власти, всегда былъ присущъ подавляющей массѣ русскаго народа».

«Нѣтъ основаній думать,—отважно прибавляетъ официальный комментарій,—чтобы эти историческія отношенія народа къ власти, въ чемъ-либо существенномъ измѣнились въ широкихъ слояхъ населенія...» (Тамъ же, стр. 78).

«Идея властнаго участія народа въ дѣлахъ верховнаго управленія не имѣетъ историческихъ корней въ условіяхъ нашей народной жизни» и враждебна духу «подавляющей массы русскаго народа»,—такъ увѣряетъ стоящая у государственнаго шлагбаума бюрократія, которая, съ одной стороны, устраняетъ отъ участія въ выборахъ «подавляющую массу русскаго народа», а съ другой—по собственному признанію, прилагаетъ всѣ усилія, чтобы «поставить законосовѣщательное учрежденіе въ условія, устраняющія поводы къ стремленіямъ обратиться въ учрежденіе совсѣмъ иного характера» (стр. 24).

И тутъ же торгашескій практицизмъ подсказываетъ законодательствующей бюрократіи, что нужно даровать Думѣ съ самаго начала право запроса министровъ по поводу закононарушеній. Правда, казенная идеологія даже не пытается найти для этой мѣры какіе-либо прецеденты или соотвѣтственныя свой-

ства всевыносящаго національнаго духа, но зато кастовый интересъ выдвигаетъ несокрушимый аргументъ: «для правительства предпочтительнѣе самому даровать Думѣ это право, чѣмъ ждать, чтобы она стала добиваться пріобрѣтенія его косвенными путями» (ст. 24).

Бюрократическіе отцы Думы характеризуютъ ее, какъ органъ освѣдомляющій монарха о пользахъ и нуждахъ страны. Власть монарха остается неограниченной. Но въ то же время Совѣтъ министровъ приходитъ къ заключенію, что «утруждать вниманіе Высочайшей Власти разсмотрѣніемъ предположенія, отвергнутаго обоими законосовѣщательными учрежденіями, едвали есть основаніе (стр. 21). Другими словами, монархъ лишается права утверждать министерскій законопроектъ, отвергнутый Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. И генералъ Лобко, членъ Совѣта министровъ, съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, когда возстаетъ противъ этого замаскированнаго ограниченія самовластья и заявляетъ въ своемъ особомъ мнѣніи, что «въ новое учрежденіе—Государственную Думу—вносится такой порядокъ, который свойственъ законодательнымъ палатамъ въ конституціонныхъ государствахъ (стр. 22).

Такимъ образомъ, самобытное государственное творчество бюрократіи слагается изъ двухъ моментовъ: во-первыхъ, берется за образецъ учрежденіе, выработанное практикой парламентарныхъ государствъ; во-вторыхъ, учрежденіе это приспособляется къ «основнымъ законамъ» деспотизма и тѣмъ лишается всякаго смысла.

Заимствуя созданную на «западѣ» систему двухъ палатъ,— и не давая власти ни одной изъ нихъ; имитируя парламентскую технику запросовъ и интерпеляцій—и лишая ее смысла сохраненіемъ министерской безотвѣтственности, бюрократія въ то же время претендуетъ на независимость отъ чуждыхъ намъ западныхъ государственныхъ образцовъ. Она дѣлаетъ видъ, что учится у XVII вѣка, когда «выборные люди... раздѣляли трудъ своихъ Вѣнценосцевъ по устроенію земли» (стр. 116), а на самомъ дѣлѣ все государственное творчество ея есть лишь попытка, подъ давленіемъ новыхъ запросовъ и идей, ввести съ задняго крыльца западные механизмы, перерѣзавъ предварительно приводной ремень народовластія.

---

3. Славянофильство Тюрго.

Для того, чтобы самобытное творчество бюрократіи предстало предъ нами въ своемъ подлинномъ историческомъ видѣ, мы не находимъ ничего лучшаго, какъ процитировать представленную въ 1775 г. Людовику XVI записку Тюрго, въ которой этотъ послѣдній совѣтовалъ королю повелѣть избрать свободно отъ всей націи и ежегодно созывать къ себѣ представителей населенія, не давая имъ, однако, государственной власти. Это представительное собраніе, излагаетъ Токвиль, «занималось бы только административными, но ни въ какомъ случаѣ не правительственными дѣлами,—должно было бы не столько выражать опредѣленную в о л ю (вниманіе!), сколько высказывать м н ѣ н і я (!) и, въ сущности, было-бы призвано только р а з с у ж д а т ь о законахъ, но не и з д а в а т ь ихъ». Такимъ образомъ, писалъ Тюрго, королевская власть знакомилась бы съ положеніемъ дѣлъ (serait éclairé) и не была бы стѣснена, а общественное мнѣніе было бы удовлетворено безъ всякой опасности. Ибо эти собранія не имѣли бы власти воспротивиться необходимымъ мѣропріятіямъ, и еслибы, сверхъ ожиданія, они не дали своего согласія, то его величество всегда могъ бы поступить по своему усмотрѣнію».

Такимъ образомъ, французскому министру-реформатору не нужно было быть ни въ славянофильской школѣ, ни въ русской казенной школѣ традиціоннаго лицемѣрія, чтобы притти къ геніальной идеѣ: отдѣлить «волю» отъ «мнѣнія» и, оставивъ въ старыхъ рукахъ «силу власти», успокоить недовольное общество организаціей его безвластнаго «мнѣнія». Тюрго думалъ, что, такимъ образомъ, общество будетъ удовлетворено—«безъ всякой опасности». Такую же надежду питаютъ и авторы Государственной Думы. Посмотримъ, какія у нихъ на это основанія.

Изъ сказаннаго должно быть ясно, что, занявшись «начертаніемъ» Государственной Думы, бюрократія на самомъ дѣлѣ не исходила ни изъ свойствъ національнаго духа ни изъ историческихъ прецедентовъ. По всему характеру своей дѣятельности она очень мало сродна такого рода историко-философскимъ изысканіямъ. Она просто имѣла предъ собой ф а к т ы: свое пошатнувшееся положеніе—извнѣ и внутри, возбужденное недовольное «общество»—наверху, революціонную массу—внизу, и она сочла для себя выгоднымъ пойти на уступки. Масштабомъ уступокъ должно было служить соотношеніе силъ—ея собственныхъ и ея враговъ. Она брала это соотношеніе на свой старый канцелярскій глазомѣръ. Она разсуждала такъ: общественное м н ѣ н і е явно и притомъ окончательно вышло изъ-подъ ея ферулы; она не только не можетъ уже, какъ при Николаѣ I, съ презрѣніемъ отказываться отъ похвалы подданныхъ, она уже не въ состояніи

запретить имъ порицаніе. Но матеріальныя орудія власти находятся пока еще въ безраздѣльномъ ея распоряженіи. Эту конъюнктуру, создавшуюся путемъ страшныхъ треній и борьбы, учрежденіе Думы должно легализировать: хаотическое и враждебное «мнѣніе» Дума должна организовать и придать ему болѣе спокойное теченіе, введя его въ бюрократическій фарватеръ, а власть, право вязать и рѣшать, она должна попрежнему закрѣпить за старой корпораціей, разъ эта послѣдняя до момента сдѣлки не выпустила вожжей изъ своихъ рукъ. Вотъ въ простомъ и ясномъ выраженіи основы законодательныхъ актовъ 6 августа.

По замыслу, Дума должна возстановить государственный порядокъ, сохранивъ за правящей кастой ея верховенство. Но сможетъ ли она это сдѣлать? Надо надѣяться, что ни намъ ни авторамъ Думы не придется долго ждать отвѣта на этотъ вопросъ.

«Грубѣе невозможно было ошибаться,—говоритъ по поводу приведенныхъ выше предположеній Тюрго умный и тонко мыслящій консерваторъ Токвиль.—Въ исходѣ революцій, правда, часто оказывалось возможнымъ безнаказанно дѣлать то, что предлагалъ Тюрго, и, не даруя дѣйствительныхъ вольностей, давать ихъ призракъ... Нація, утомленная продолжительными волненіями, охотно соглашается быть обманутой, лишь бы дали ей отдохнуть, и, чтобы удовлетворить ее въ такихъ случаяхъ, какъ показываетъ исторія, достаточно бываетъ собрать по всей странѣ извѣстное число темныхъ или зависимыхъ личностей и заставить ихъ играть предъ нею за жалованье роль политическаго собранія. Такихъ примѣровъ было много. Но при началѣ революціи подобныя попытки всегда оканчиваются неудачей и только возбуждаютъ народъ, не удовлетворяя его». (Токвиль, «Старой порядокъ», рус. пер., стр. 164).

Тюрго этого не видѣлъ и не понималъ. Почему? Потому что, несмотря на весь размахъ его мысли, она все же была воспитана въ правительственной школѣ стараго режима. Бюрократическій абсолютизмъ создавалъ министровъ и вообще чиновниковъ, изъ которыхъ многіе, какъ говоритъ Токвиль, были людьми очень умѣлыми въ своей спеціальности, основательно усвоившими всѣ тонкости административной практики того времени, но и умѣлые изъ умѣлыхъ были полными профанами «въ той великой наукѣ управленія, которая учитъ понимать движеніе общества въ его цѣломъ, судить о томъ, что происходитъ въ умахъ массъ, и предвидѣть результаты этого процесса»... (Тамъ же, стр. 164). Незачѣмъ, кажется, пояснять, что авторы учрежденія Государственной Думы не имѣютъ никакихъ преимуществъ предъ Тюрго въ дѣлѣ пониманія «движенія общества въ его цѣломъ»...

4. Основы представительства.—Сословность.

Авторы учрежденія Государственной Думы понимаютъ, какъ мы ужъ видѣли, что важно не только начертать границы ея правъ или ея безправія, но и строжайше оцѣнить тѣ начала, на которыхъ будутъ избираться такъ называемые народные представители. «Основанія выборовъ, говоритъ министерская меморія, предрѣшаетъ самое направленіе дѣятельности этихъ лицъ и свойство ихъ отношеній къ упадающей на нихъ трудной задачѣ». Здѣсь, какъ видимъ, ясно указано, что цѣль бюрократіи—опросить населеніе въ такой формѣ, чтобы отвѣтъ можно было по возможности считать заранѣе предрѣшеннымъ. Гофмейстеръ Булыгинъ прямо говоритъ: «государственная власть должна имѣть ясное представленіе о вѣроятномъ составѣ, взглядахъ и настроеніи того представительства интересовъ населенія (!), которое призывается ею къ жизни». Нужно заранѣе имѣть «извѣстную увѣренность, что избранные населеніемъ лица не уклонятся отъ надлежащаго пониманія, упадающихъ на нихъ сложныхъ и трудныхъ задачъ» (стр. 144). Давно уже извѣстно, что оппозиція тогда лишь бываетъ не вредна, когда она не вредитъ. На систему выборовъ и «упадаетъ» обязанность сдѣлать Думу по возможности не вредной.

Какъ созвать представителей отъ этого общества, связаннаго и раздѣленнаго столь многообразными и противорѣчивыми интересами?

Первый отвѣтъ былъ: по сословіямъ. Правда, оппозиціонныя и революціонныя теченія вовсе не протекаютъ по русламъ сословности. Они не только безсословны, они—антисословны. Но такъ какъ сословія худо ли хорошо ли, но все же захватываютъ все населеніе страны, такъ какъ это—единственныя категоріи, съ которыми привыкла обращаться официальная Россія, такъ какъ она въ теченіе десятилѣтій кулаками и колѣнями вдавливала выпирающую жизнь въ сословные соты,—то естественно, если и представителей народа она по первому порыву думала призвать отъ отдѣльныхъ сословій: 100 человѣкъ отъ дворянства, 100—отъ крестьянства, 100—отъ купечества, 100—отъ духовенства,—такъ формулировалъ задачу самобытнаго конституціоннаго строительства Суворинъ. Онъ забывалъ только, что на такомъ же точно началѣ были созваны Генеральные Штаты, въ которыхъ третьему сословію (купечеству и крестьянству) принадлежало вмѣстѣ столько же голосовъ, сколько дворянству и духовенству.

Но увы! система сословныхъ выборовъ оказалась настолько архаической, что даже бюрократія вынуждена была, скрѣпя сердце, отказаться отъ чистаго ея проведенія. Чрезвычайно интересны ея оправданія въ этой вынужденной самобытности.

Обращаясь къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ избирательныхъ системъ, говоритъ гофмейстеръ Булыгинъ въ комментаріяхъ къ своему проекту, и останавливаясь прежде всего на сословномъ началѣ, «которое какъ бы предуказывается всѣмъ историческимъ прошлымъ Россіи, нельзя не признать, что производство выборовъ по сословіямъ, какъ историческимъ и бытовымъ подраздѣленіямъ населенія, представляло бы, съ отвлеченной (!) точки зрѣнія (т. е. съ точки зрѣнія чистой реакціонной идеологіи) много существенныхъ преимуществъ. Объединенные происхожденіемъ, родомъ занятій, образомъ жизни и близкимъ знакомствомъ между собою ихъ членовъ, сословныя общества способны избрать въ своей средѣ дѣйствительно достойныхъ и знакомыхъ съ нуждами сословія лицъ.

Въ этомъ случаѣ имѣлась бы и готовая избирательная организація въ видѣ сословныхъ обществъ и ихъ собраній и, при условіи равномѣрнаго распредѣленія избираемыхъ между отдѣльными сословными обществами, составъ Государственной Думы отражалъ бы всѣ интересы и мнѣнія населенія въ томъ самомъ бытовомъ ихъ сочетаніи, какое имѣетъ мѣсто въ дѣйствительной жизни».

Нарисовавъ эту сословную идиллію, авторъ комментаріевъ приступаетъ къ ея безжалостному разрушенію.

«Всѣ эти положительныя стороны сословныхъ выборовъ, говоритъ онъ, могутъ, однако, имѣть значеніе въ томъ случаѣ, если населеніе дѣйствительно подраздѣляется на прочныя и жизненныя сословныя общества, члены которыхъ связаны единствомъ образа жизни, занятій, интересовъ и историческимъ преемствомъ воззрѣній.

«Условій этихъ не имѣется, между тѣмъ, въ общественномъ строѣ современной Россіи. Хотя по закону онъ и покоится на началахъ сословности, но общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ [1]), въ связи съ цѣлымъ рядомъ государственныхъ преобразованій послѣднихъ десятилѣтій, давно уже расшаталъ, а во многомъ и уничтожилъ, тѣ сословныя подраздѣленія, которыя начертаны въ законѣ. Развитіе общественной жизни постепенно выдвигаетъ рядъ интересовъ, которые мощною цѣпью связываютъ людей другъ съ другомъ, безъ различія состояній и происхожденія, замѣняя понятіемъ общественнаго интереса понятіе пользъ и нуждъ сословныхъ [2]).

---

[1]) «Общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ»...—самобытность, гдѣ ты? Эта ссылка гофмейстера Булыгина на интернаціональныя свойства «экономическаго процесса» показалась, повидимому, крайне подозрительной Совѣту министровъ, который въ своей перефразировкѣ булыгинскихъ «Соображеній», глухо говоритъ: «общій экономическій процессъ». («Матеріалы», стр. 21).

[2]) Эта послѣдняя фраза вовсе выпущена Совѣтомъ министровъ.

«Обезземеленіе дворянства, продолжаетъ авторъ «Соображеній», и промышленное развитіе страны, отвлекшее значительныя крестьянскія массы отъ земледѣльческаго труда къ отхожимъ и фабричнымъ заработкамъ, съ каждымъ годомъ умножаютъ число лицъ, которыя, сохраняя лишь внѣшнюю связь съ своимъ сословіемъ, стекаются въ города и сливаются въ нихъ съ кореннымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ, сословное устройство котораго никогда не имѣло жизненнаго значенія. Дѣйствительно, мѣщанскія общества, ограничивая свою дѣятельность избраніемъ сословныхъ управленій, не объединяютъ сословія какой-либо внутренней связью и представляютъ обветшалыя учрежденія, совершенное упраздненіе которыхъ есть вопросъ, давно уже поставленный на очередь. Упраздненіе ремесленнаго сословія предуказано Высочайшей Властью еще въ 1870 г. и сословныя ремесленныя общества за постепеннымъ ихъ закрытіемъ сохранились нынѣ не болѣе, какъ въ 30 или 35 городахъ; купеческія сословныя общества тоже существуютъ въ очень немногихъ лишь крупныхъ центрахъ и состоятъ изъ лицъ, пріобрѣтающихъ это званіе путемъ выборки торговыхъ и сословныхъ документовъ и утрачивающихъ его съ прекращеніемъ уплаты торговыхъ пошлинъ. Такимъ образомъ, на дѣлѣ, сословный строй въ городахъ не имѣетъ почти никакого [1]) значенія, и всѣ отношенія,—и экономическія, и бытовыя,—городского населенія покоятся на иныхъ совершенно началахъ.

«Такимъ образомъ, заключаетъ авторъ, въ случаѣ производства выборовъ на сословномъ началѣ интересы населенія получили бы крайне неодинаковое по разнымъ мѣстностямъ и весьма неравномѣрное выраженіе и при томъ въ искусственныхъ, установленныхъ закономъ соотношеніяхъ, а не въ томъ видѣ, въ какомъ соотношеніе этихъ интересовъ имѣетъ мѣсто въ дѣйствительной жизни» [2]).

Эта реалистическая, мы сказали бы, историко-матеріалистическая аргументація звучитъ чрезвычайно необычно въ документѣ столь высокаго офиціальнаго значенія, и мы вполнѣ сочувствуемъ Совѣту министровъ, который нашелъ нужнымъ смягчить наиболѣе колющія казенный глазъ очертанія. Но и за всѣмъ тѣмъ Совѣтъ министровъ, «согласно съ мнѣніемъ гофмейстера Булыгина, признаетъ предположеніе о производствѣ выборовъ по сословіямъ, при современныхъ условіяхъ общественнаго строя Россіи, *болѣе нежели неудобнымъ и несправедливымъ*». (Тамъ же, стр. 33).

---

[1]) Совѣтъ министровъ смягчаетъ: «сколько-нибудь крѣпкаго значенія» (стр. 32).

[2]) («Матеріалы», стр. 128 и сл.).

5. Основы представительства.—Имущественный цензъ.

Но если не сословія, то что же?

«Не остается иного выхода, выразительно говоритъ меморія Совѣта, какъ обратиться къ производству выборовъ на основаніяхъ всесословныхъ». Всеобщее избирательное право отвергается, однако, самымъ категорическимъ образомъ. Его несоотвѣтствіе «самобытному» стилю Государственной Думы настолько очевидно, что ни «Соображенія» ни «Меморія» почти не утруждаютъ себя аргументаціей. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, счесть доводами ссылку на протяженность Россіи или, на то, что всеобщіе выборы создаютъ благопріятную почву для преслѣдованія «партійныхъ цѣлей, чуждыхъ истиннымъ (полицейско-абсолютистскимъ?) интересамъ государства», или еще лучше, на то, что всеобщее голосованіе даетъ въ результатѣ «собирательную посредственность». Собирательная посредственность!—Этотъ высокомѣрный аргументъ звучитъ особенно великолѣпно въ устахъ представителя той даровитой, проницательной, испытанной и доблестной корпораціи, которая поставила на дыбы Финляндію, привела въ состояніе кипѣнія Польшу, зажгла революціонныя вышки на Кавказѣ, ввергла въ состояніе анархіи всю страну, и наконецъ подарила насъ позоромъ Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы!..

Итакъ, сословные выборы «болѣе чѣмъ неудобны».

Всеобщее избирательное право грозитъ поставить на мѣсто нашей талантливой бюрократіи «собирательную посредственность». Остаются выборы на основѣ ценза. Какого именно? Образовательный цензъ заключаетъ въ себѣ привлекательныя стороны, ибо «не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ, получившій образованіе, сознательнѣе, чѣмъ необразованный, относится къ окружающимъ его общественнымъ явленіямъ»... Но авторъ проекта и съ нимъ Совѣтъ министровъ отдаютъ предпочтеніе имущественному цензу, т. е. «извѣстной матеріальной обезпеченности, какъ условію независимости и устойчивости личныхъ взглядовъ».

Было бы, разумѣется, слишкомъ поверхностно на основаніи того факта, что въ основу выборовъ положенъ высокій имущественный цензъ, заключать, что Дума организована, какъ рычагъ господства имущихъ, буржуазныхъ классовъ. Дума замышлена бюрократіей, прежде всего какъ рычагъ господства бюрократіи. Имущественный цензъ тутъ играетъ роль своего рода свидѣтельства объ относительной политической благонадежности. Но роль этого свидѣтельства играетъ все же имущественный цензъ, а не что-либо иное. Самодержавно-полицейское правительство не передаетъ своей власти буржуазіи, но оно допускаетъ къ

участію въ своемъ хозяйствѣ искаженное представительство наиболѣе богатыхъ классовъ, какъ наименѣе опасныхъ для его существованія. Проникнутая насквозь консервативно-реалистической мудростью аргументація «Соображеній» въ пользу имущественнаго ценза, какъ не надо быть лучше поясняетъ нашу мысль.

«Ничто не придастъ общественной средѣ такой прочности и способности противостоять случайнымъ увлеченіямъ, разсуждаетъ авторъ записки гофмейстера Булыгина, какъ наличность въ ней болѣе или менѣе значительнаго числа собственниковъ, интересы которыхъ болѣе задѣваются всякимъ нарушеніемъ спокойнаго теченія общественной и государственной жизни. То уже обстоятельство, что собственникъ наглядно ощущаетъ повышеніе или пониженіе упадающихъ на его недвижимость или предпріятіе прямыхъ налоговъ, побуждаетъ его сознательнѣе и осторожнѣе относиться къ развитію государственнаго хозяйства и степени требованій, къ государству предъявляемыхъ. При этомъ положеніи собственника въ немъ складывается тотъ правильный консерватизмъ, который обезпечиваетъ спокойное и планомѣрное развитіе государства и составляетъ истинную его силу. Понятно, заключаетъ авторъ, что въ этой именно средѣ собственниковъ—государства и правительства ищутъ прежде всего прочныхъ основаній для народныхъ выборовъ». (Тамъ же, стр. 141 и сл.).

Итакъ, критеріемъ гражданской зрѣлости поставленъ «размѣръ владѣемаго капитала». За основу гофмейстеръ Булыгинъ предложилъ принять ту цензовую систему, которая служила для земскихъ выборовъ по положенію о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. и которая была отмѣнена сословной системой 1890 г. Съ своей стороны, Совѣтъ министровъ, выбирая между этими двумя системами, высказывается за первую, отмѣчая, что «сверхъ прочихъ достоинствъ, она имѣетъ и то несомнѣнное преимущество, что вокругъ нея... сложились симпатіи весьма широкихъ слоевъ мѣстныхъ дѣятелей, и возвращеніе къ избирательной системѣ 1864 г. составляетъ едва ли не общее мѣсто во всѣхъ ходатайствахъ земскихъ учрежденій, относившихся (надо понимать: ходатайствахъ) къ вопросу о преобразованіи земскаго представительства... Обстоятельство же это, разсуждаетъ Совѣтъ, не можетъ быть оставляемо безъ вниманія при такомъ преобразованіи, которое разсчитано, между прочимъ (sic!), и на успокоеніе общественнаго мнѣнія»... (Стр. 46).

Это послѣднее соображеніе офиціальнаго оптимизма не оправдалось въ числѣ многихъ другихъ соображеній. Совѣтъ министровъ опоздалъ: даже либерально-оппозиціонная мысль, которую онъ имѣетъ въ виду, перейдя отъ Земскаго Собора къ Учредительному Собранію, поставила на мѣсто ходатайствъ о возста-

новленіи ценза 1864 года требованіе всеобщаго избирательнаго права.

Впрочемъ, самъ авторъ проекта не питалъ, повидимому, этихъ офиціальныхъ иллюзій. Напротивъ, онъ предвидитъ многочисленныя возраженія, которыя будутъ сдѣланы противъ положенія 64 г. и притомъ не только радикалами, стремящимися насадить «собирательную посредственность», но и болѣе умѣренными теченіями, которыя, въ интересахъ интеллигенціи, не владѣющей недвижимой собственностью, будутъ предлагать другіе виды ценза: образовательный или подоходный. Но гофмейстеръ Булыгинъ рѣшительно полагаетъ, что всякіе такого рода проекты должны быть отвергнуты, по крайней мѣрѣ, на первое время. Нужно принять за основу систему, уже испытанную и не давшую разрушительныхъ результатовъ. «Дѣлать въ этомъ отношеніи какіе-либо опыты, примѣняя избирательныя системы, не испытанныя еще въ условіяхъ нашей общественности, едва ли благоразумно по тѣмъ совершенно непредвидѣннымъ послѣдствіямъ, которыя могутъ оказаться съ этою мѣрою связанными». (Стр. 144).

---

6. Представительство крестьянъ.

Отношеніе бюрократіи, создательницы Государственной Думы, къ крестьянству опредѣлялось очень сложными мотивами.

Широкая основная мысль была—опереться на крестьянство. Вѣдь крестьянство это и есть тотъ «народъ», который хранитъ всѣ священныя начала и именемъ котораго творятся хищничество и произволъ. Вызвать теперь это крестьянство сразу изъ гражданскаго и политическаго небытія, раздавить тяжестью его консерватизма крикливую и назойливую оппозицію было бы верхомъ государственной мудрости. Но для этого нужна увѣренность въ томъ, что мужикъ не выдастъ, т. е. не впадетъ въ соблазнъ и не «уклонится» отъ упадающихъ на него задачъ. Но гдѣ взять эту увѣренность?

Правда, г. Треповъ, предъявлявшій свою парламентскую программу сотруднику «Бирж. Вѣд.», увѣренно заявилъ, что «сытое крестьянство — важнѣйшая опора государственности»,—но вѣдь вся суть въ томъ и состоитъ, что наше крестьянство—не сытое.

Гофмейстеръ Булыгинъ такъ же свидѣтельствуетъ въ своихъ «Соображеніяхъ» о полной «надежности этого сословія въ политическомъ отношеніи», не оговаривая, имѣетъ ли онъ въ

виду крестьянство, какъ оно есть, или же крестьянство въ сытомъ состояніи. Да и вообще онъ бросаетъ свое замѣчаніе вскользь, не дѣлая изъ него никакихъ выводовъ. А Совѣтъ министровъ и вовсе опускаетъ въ своей «Меморіи» эту аттестацію, которая, повидимому, не кажется ему заслуживающей полнаго довѣрія.

И этой недовѣрчивости не приходится удивляться.

Не говоря ужъ объ инородческомъ крестьянствѣ, напримѣръ, о грузинскомъ, которое выдвинуло смѣлую демократическую программу, цѣлый рядъ крестьянскихъ обществъ внутреннихъ губерній тревожилъ за послѣдній годъ бюрократію политически-оппозиціонными заявленіями. Наконецъ, аграрные безпорядки! Правда, аграрные безпорядки далеко не всегда были окрашены политически, и это обстоятельство какъ бы само толкало правительство на заманчивый путь: овладѣть крестьянскимъ движеніемъ путемъ земельной реформы, и направить его противъ конституціоннаго движенія «образованныхъ» классовъ. Это былъ бы путь цезаристской антидворянской демагогіи—путь слишкомъ рискованный, требующій слишкомъ большой отваги и полной свободы отъ историческихъ традицій.

Дворянская по происхожденію и тѣсно связанная съ землевладѣніемъ бюрократія на этотъ путь не смѣетъ стать, хотя отдѣльные реакціонные хулиганы и тащутъ ее въ этомъ направленіи изо всѣхъ силъ.

Въ результатѣ сомнѣній и колебаній правительство остановилось на компромиссѣ: Дума должна быть построена такъ, чтобъ чисто—крестьянское представительство и имущая оппозиція въ острыхъ вопросахъ нейтрализовали другъ друга. «Неумѣренныя» земельныя притязанія крестьянской оппозиціи правительство надѣется подавлять соединенными голосами реакціонно-дворянскаго и буржуазно-либеральнаго крыла. Наоборотъ, въ вопросахъ конституціонныхъ правъ и гарантій оно надѣется противопоставлять либеральной оппозиціи соединенные голоса реакціонеровъ и крестьянскихъ представителей.

Бюрократія же, опираясь на «безъ лести преданное» ей крыло, Государственной Думы, будетъ выступать въ роли примирителя, ходить по канату, глотать шпаги. Словомъ, проявлять тѣ свои способности, которыя помогли ей справиться съ задачей начертанія самодержавной конституціи.

А для того, чтобы обезпечить за собой такую систему «противовѣсовъ», законодательствующая бюрократія помѣщаетъ между крестьянствомъ и Государственной Думой хитрѣйшей конструкціи аппаратъ искусственнаго отбора. Выбираютъ не члены сельскихъ обществъ, а выбранные ими члены волостныхъ сходовъ. Волостные сходы выбираютъ уполномоченныхъ. Уполномоченные выбираютъ выборщиковъ въ губернскія собранія.

Губернскія собранія выбираютъ, наконецъ, депутатовъ въ Государственную Думу.

Если теперь допустить, что на каждомъ изъ этихъ четырехъ этаповъ, охраняющій «законность» выборовъ представитель бюрократіи положитъ на чашу вѣсовъ только одинъ свой палецъ, то станетъ понятнымъ, что этотъ перстъ, возведенный въ четвертую степень, можетъ заранѣе дать солидную увѣренность, что представители крестьянъ не уклонятся отъ упадающихъ на нихъ, по программѣ бюрократіи, задачъ. Если бы оказалось, что крестьянство отнюдь не стоитъ на высотѣ «полной надежности въ политическомъ отношеніи», правительство, прежде чѣмъ позволить крестьянской оппозиціи концентрироваться въ Государственной Думѣ для генеральной кампаніи, открыло бы противъ нея дробную борьбу на волостныхъ, уѣздныхъ и губернскихъ собраніяхъ. Тактическій разсчетъ и ясенъ и простъ.

---

7. Представительство построено наощупь.

Хотя нашъ комментарій неоднократно говоритъ объ общемъ принципѣ, положенномъ въ основу избирательной системы, но, какъ мы видѣли, никакого общаго принципа на самомъ дѣлѣ здѣсь нѣтъ: есть компромиссы, сдѣлки, пристройки, поправки и все это вокругъ системы 1864 года, которая тоже не могла похвалиться цѣльностью. Если эту сѣть избирательныхъ хитросплетеній и можно охватить какой-нибудь общей формулой, то лишь чисто отрицательной: это система не безсословнаго, не всеобщаго, не равнаго, не прямого и не тайнаго голосованія.

Не безсословнаго, потому что крестьянству отведена въ этой системѣ, по крайней мѣрѣ формально, очень значительная роль именно, какъ сословію.

Не всеобщаго. Достаточно сказать, что въ Петербургѣ общее число—собственно не избирателей, но лицъ, имѣющихъ право избирать избирателей—около 10.000 человѣкъ, въ Москвѣ—около 8.500, въ Харьковѣ—около 4.000, въ Нижнемъ-Новгородѣ—меньше 1.500 и т. д. и т. д.

Не равнаго—потому что даже въ томъ кругу, который захваченъ выборами, установлена система градацій. Если даже оставить въ сторонѣ крестьянство, гдѣ избирательнымъ правомъ надѣлены не лица, а сословныя группы, то окажется, что и въ средѣ «уѣздныхъ землевладѣльцевъ» установлены двѣ категоріи: владѣющихъ полнымъ цензомъ и дробью ценза. Голоса не под-

считываются, какъ равные, а взвѣшиваются, и политическій вѣсъ ихъ опредѣляется количествомъ недвижимой собственности.

Не прямого, такъ какъ крестьяне посылаютъ депутатовъ лишь посредствомъ четырехстепеннаго избранія, остальныя группы посредствомъ трехъ и двухстепеннаго. Общее число выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ, отъ которыхъ зависитъ почти весь составъ Государственной Думы (за исключеніемъ 28 представителей отъ городовъ) составляетъ 5.368 человѣкъ. При условіяхъ, въ какихъ по замыслу правительства должны происходить выборы, избирательнымъ правомъ будутъ въ сущности пользоваться эти 5.000 человѣкъ и только они. Избиратели низшихъ ступеней, особенно крестьяне, обречены играть въ темную.

Наконецъ, при такой системѣ не можетъ быть и рѣчи о тайномъ голосованіи, такъ какъ выборы производятся не большими массами гражданъ, а отдѣльными небольшими группами. Способъ подачи бюллетеня почти теряетъ при этомъ всякое значеніе, такъ какъ тутъ не можетъ быть ничего тайнаго, что не стало бы явнымъ.

Меньше 10.000 активныхъ гражданъ на Петербургъ, столько же на Варшаву, столько же на Москву! Это значитъ, что не только пролетаріатъ, но и городское мѣщанство и либеральныя профессіи остаются почти не представленными.

На лицъ либеральныхъ профессій разсчитано предоставле ніе права голоса по квартирному цензу. Но самый цензъ избранъ при этомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы пользованіе избирательнымъ правомъ было для интеллигенціи, даже наиболѣе обезпеченной, почти совершенно недоступнымъ. Совѣтъ Министровъ ясно высказалъ при этомъ свой разсчетъ. Во избѣжаніе нареканій нужно даровать избирательное право лицамъ, не владѣющимъ ни недвижимой собственностью, ни торговопромышленными заведеніями, но даровать съ такимъ разсчетомъ, чтобъ кругъ избирателей не былъ чрезмѣрно расширенъ. И дѣйствительно, квартирный цензъ при выборахъ въ Государственную Думу сохраняетъ чисто символическое значеніе: избиратели по этому цензу исчисляются въ самыхъ крупныхъ городахъ единицами и десятками.

---

8. Совѣтъ министровъ натыкается на пролетаріатъ.

Разумѣется, Совѣтъ хорошо зналъ, что среди десятковъ квартиронанимателей, привлеченныхъ къ выборамъ, не окажется ни одного пролетарія.

И безправный пролетаріатъ всталъ на минуту призракомъ предъ собраніемъ властныхъ бюрократовъ.

Ни кто иной какъ статсъ-секретарь Витте, который въ бытность свою министромъ финансовъ имѣлъ случай благодѣтельствовать пролетаріатъ, поднялъ этотъ вопросъ.

Уже 11-го января, въ засѣданіи Комитета министровъ г. Витте предложилъ обсудить происшедшія 9-го января событія и мѣры «для предупрежденія на будущее время такихъ печальныхъ явленій». Предложеніе предсѣдателя Комитета было отклонено, какъ не входящее въ компетенцію Комитета и не означенное въ повѣсткѣ настоящаго засѣданія. Комитетъ министровъ прошелъ мимо начала русской революціи, такъ какъ русская революція не была записана въ повѣсткѣ его засѣданія.

Послѣ 9-го января произошло много «печальныхъ явленій», не предусмотрѣнныхъ никакими повѣстками,—и во всѣхъ событіяхъ революціи, вынудившихъ правительство «даровать» Государственную Думу, пролетаріатъ игралъ первенствующую роль. Это нисколько не помѣшало г. Булыгину обойти пролетаріатъ, какъ еслибъ его не существовало вовсе. Но г. Витте, который, въ качествѣ полуопальнаго сановника, дѣлаетъ видъ, будто знаетъ выходъ изъ всѣхъ затрудненій, поставилъ предъ Совѣтомъ вопросъ о представительствѣ рабочихъ въ Государственной Думѣ.

«Съ принятіемъ цензоваго основанія выборовъ, указалъ г. Витте, избирательнаго права окажется на практикѣ почти (?) вовсе лишеннымъ довольно уже многочисленный нынѣ классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ.

«Среди этого класса, продолжалъ г. Витте, въ особенности въ послѣднее время, замѣчаются признаки серьезнаго броженія. Если же при исполненіи предначертаній рескрипта 18-го февраля фабрично-заводское населеніе окажется изъ дѣйствія его изъятымъ, то съ вѣроятностью можно ожидать обостренія рабочаго вопроса. Наиболѣе, въ отношеніи этого вопроса, правильною политикою правительства было бы взять рабочее движеніе въ свои руки (подобно тому, какъ это сдѣлано было правительствомъ въ Германіи, удачно его разрѣшившимъ), и не упускать иниціативы по назрѣвшимъ вопросамъ. Вслѣдствіе задержекъ въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства уже неоднократно бывали весьма неудобные примѣры проявленія этой иниціативы не сверху, какъ бы слѣдовало, а снизу.

«Нынѣ, съ учрежденіемъ Государственной Думы, продолжалъ г. Витте, положеніе вещей можетъ пріобрѣсти особую окраску. Поэтому вполнѣ благовременнымъ представлялось бы сообразить, что въ семъ отношеніи для фабрично-заводскаго насе-

ленія представилось бы возможнымъ сдѣлать, и разрѣшить сей вопросъ по иниціативѣ правительства, не ожидая поднятія его со стороны» (Тамъ же, стр. 42).

Мы не знаемъ, откуда статсъ-секретарь Витте узналъ, что германское правительство не только взяло рабочее движеніе въ свои руки, но и «удачно его (движеніе?) разрѣшило». Мы объ этомъ ничего не слыхали. И мы думаемъ, что если бы г. Витте во время своихъ свиданій съ императоромъ Вильгельмомъ или канцлеромъ Бюловымъ освѣдомился у нихъ, насколько удачно разрѣшенъ ими рабочій вопросъ, ихъ отвѣтъ заставилъ бы его измѣнить свой взглядъ на политическія отношенія въ Германіи. Германское правительство дѣлало не одну попытку взять рабочее движеніе въ свои руки, но каждый разъ оно только обжигало себѣ пальцы. На послѣднихъ выборахъ въ Германіи было подано три милліона голосовъ за 82 представителей соціалдемократической рабочей партіи,—и мы не думаемъ, чтобъ князь Бюловъ рѣшился сказать, будто этихъ представителей онъ держитъ «въ своихъ рукахъ». Но да простится русскому чиновнику его неосвѣдомленность въ политическомъ положеніи Германіи! Достаточно того, что г. Витте, какъ видно изъ его словъ, не дѣлаетъ себѣ никакихъ иллюзій относительно возможнаго вліянія цензовыхъ выборовъ на настроеніе пролетаріата. «Съ вѣроятностью, говоритъ онъ, можно ожидать обостренія рабочаго вопроса». Что же предлагаетъ статсъ-секретарь Витте? Это, какъ мы видѣли, не совсѣмъ ясно—повидимому, это не совсѣмъ ясно и самому Витте, несмотря на его отважную ссылку на опытъ Германіи.

Какъ видно изъ дальнѣйшаго, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ допустить, что г. Витте хочетъ допущенія представителей отъ рабочихъ въ Государственную Думу, но только затрудняется указать на какихъ началахъ.

Что же Совѣтъ министровъ? Обращаемся къ меморіи.

«Отнесясь къ вопросу сему съ полнымъ сочувствіемъ (sic!) говоритъ она, Совѣтъ министровъ, по обмѣнѣ выраженныхъ по существу его мнѣній, *не могъ притти по оному къ какому-либо окончательному заключенію*».

Очевидно, что даже при «полномъ сочувствіи» этотъ вопросъ не такъ легко взять въ свои руки. «Примѣненіе единообразнаго цензоваго начала для всего населенія имперіи дѣлаетъ, очевидно, невозможнымъ, поясняетъ меморія, параллельное допущеніе совсѣмъ иного начала для класса фабрично-заводскихъ рабочихъ... *Получить избирательныя права онъ могъ бы лишь при выборахъ всеобщихъ*, примѣнить которыя, какъ это было разъяснено выше, по условіямъ времени, представляется у насъ совершенно невозможнымъ». (Тамъ же, стр. 43). Вотъ къ

какому выводу пришелъ Совѣтъ министровъ, когда призракъ пролетаріата внезапно прервалъ его государственное творчество. Мы съ благодарностью принимаемъ этотъ давно знакомый намъ выводъ изъ рукъ Совѣта министровъ. Запомнимъ же разъ навсегда твердо: получить настоящее право голоса пролетарій можетъ лишь при всеобщемъ избирательномъ правѣ.

Классъ, лишенный собственности, классъ лишенный официальнаго образованія, классъ, лишенный осѣдлости, пролетаріатъ не мирится ни съ какимъ цензомъ. Всякое избирательное ограниченіе поражаетъ прежде всего пролетаріатъ. Классъ соціально однородный—пролетаріатъ не даетъ бюрократіи никакихъ зацѣпокъ для искусственнаго отбора. Объ эту соціальную однородность, какъ о каменную стѣну, разбилась даже испытанная благожелательность г. Витте къ рабочему классу. И Совѣту министровъ не оставалось ничего иного, какъ «съ симпатіей» повертѣться вокругъ вопроса о «многочисленномъ нынѣ классѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ» и... «не прійти по оному къ какому-либо окончательному заключенію».

---

9. Вопросъ объ евреяхъ.

Для того, чтобы отдать полную дань безкорыстнымъ симпатіямъ Совѣта министровъ къ «многочисленному нынѣ классу фабрично-заводскихъ рабочихъ», мы должны коснуться еще одного эпизода изъ работъ Совѣта.

По первоначальному проекту гофмейстера Булыгина евреи не допускались къ выборамъ «впредь до пересмотра дѣйствующихъ о нихъ узаконеній». Совѣтъ съ этимъ не согласился. «Какъ извѣстно, пересмотръ тѣхъ или другихъ сторонъ еврейскаго вопроса, не безъ юмора говоритъ Совѣтъ въ своей memoріи, тянется уже около столѣтія; когда представится возможнымъ прочно его разрѣшить—предсказать невозможно».

Поэтому иносказательная отписка гофмейстера Булыгина могла бы, по мнѣнію Совѣта, «подать поводъ (sic!) къ обвиненію Правительства въ отсутствіи рѣшимости ясно высказать принятое имъ по этому предмету отрицательное рѣшеніе». (Тамъ же стр. 26).

Что же касается существа вопроса, то Совѣтъ думаетъ, что лишеніе евреевъ избирательнаго права «несомнѣнно раздражитъ еще болѣе эту національность, и нынѣ уже, благодаря эко-

номическимъ и правовымъ условіямъ своимъ, находящуюся въ значительной своей части въ состояніи броженія... «Между тѣмъ, спрашиваетъ себя Совѣтъ, что повлечетъ за собою дарованіе евреямъ этого права?—И отвѣчаетъ: съ предположеннымъ гофмейстеромъ Булыгинымъ установленіемъ ценза отъ участія въ выборахъ будетъ фактически отстранена вся главная масса еврейства—его пролетаріатъ... А при такихъ условіяхъ, заключаетъ Совѣтъ, предполагаемое устраненіе евреевъ, представляясь по политическимъ и практическимъ соображеніямъ мѣрою неудобною, не обѣщаетъ и никакихъ полезныхъ результатовъ, слѣдовательно подлежитъ отклоненію, какъ по основаніямъ справедливости, такъ и по соображеніямъ политической осторожности». (Тамъ же, стр. 27).

Такимъ образомъ, считая, что еврейство находится «въ значительной своей части» въ состояніи броженія, благодаря своимъ экономическимъ и юридическимъ условіямъ, Совѣтъ находитъ, однако, невозможнымъ «предсказать», когда эти условія будутъ радикально измѣнены. Совѣтъ полагаетъ, что къ успокоенію возбужденной части евреевъ «надлежитъ стремиться всѣми возможными мѣрами», въ томъ числѣ и дарованіемъ избирательныхъ правъ,—и наряду съ этимъ Совѣтъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что фактически отъ выборовъ все равно будетъ отстраненъ пролетаріатъ, т. е. та именно «главная масса еврейства», которая находится въ броженіи и которую надлежитъ успокаивать всѣми возможными мѣрами. Таковы удивительные зигзаги, которые выписываетъ мысль законодательствующей бюрократіи!

Мы только что были свидѣтелями того, какъ чувства справедливости и симпатіи къ пролетаріату заставили ее искать (правда, безуспѣшно) путей къ допущенію рабочихъ представителей въ Государственную Думу,—и вотъ мы видимъ, какъ бюрократія подъ давленіемъ все того же чувства справедливости допускаетъ въ Думу еврейскую буржуазію, утѣшая себя тѣмъ, что изъ Думы начисто изгнанъ еврейскій пролетаріатъ.

Такъ бюрократическая справедливость дважды торжествуетъ,—и каждый разъ на особый ладъ!

---

10. «Общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ»...

Революція разрушаетъ много фикцій и много иллюзій. Она разъ навсегда уничтожила мистическую идею о нашей самобытности и заставила даже гофмейстера Булыгина заговорить объ «общемъ всѣмъ народамъ экономическомъ процессѣ». Въ то

время какъ г. Шиповъ подкрѣпляетъ свои самобытно-славянофильскія идеи цитатами изъ Дайси, революція вскрываетъ общечеловѣческіе законы классовыхъ отношеній. Во всей контръреволюціонной работѣ царскаго правительства, въ чередованіи страшныхъ репрессій съ либеральными заигрываніями, въ его усиліяхъ раздробить и обезсилить народное движеніе національной травлей, въ его попыткѣ усмирить и приручить имущую оппозицію призывомъ ея представителей въ совѣщательную Думу...— что во всемъ этомъ «самобытнаго»? Или въ поведеніи нашей либеральной земской и городской оппозиціи, въ ея тактикѣ, приноровленной къ бюрократическимъ вѣяніямъ, нерѣшительной, неспособной слить буржуазную оппозицію съ движеніемъ народныхъ низовъ, методически повторяющей всѣ ошибки и преступленія европейской буржуазіи,—что тутъ «самобытнаго»?

Все это уже было. Если что отличаетъ переживаемую нами эпоху революціонной ломки отъ соотвѣтственныхъ періодовъ европейской исторіи, такъ это большее развитіе у насъ капиталистическихъ отношеній, болѣе глубокая классовая дифференціація внутри освобождающейся буржуазной націи и, какъ результатъ этого, несравненно болѣе самостоятельная роль пролетаріата. Это, конечно, вовсе не опровергается тѣмъ фактомъ, что законодательствующій гофмейстеръ дѣлаетъ попытку лишить пролетаріатъ избирательныхъ правъ.

Гофмейстеръ уйдетъ такъ же внезапно, какъ внезапно онъ пришелъ. А пролетаріатъ разовьетъ еще всю ту революціонную энергію, которую вкладываетъ въ него «общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ».

Было бы слишкомъ плоско искать корней современнаго освободительнаго движенія «въ глубинѣ вѣковъ—въ Новгородѣ и Псковѣ, въ запорожскомъ казачествѣ, въ низовой вольницѣ Поволжья, въ церковномъ расколѣ, въ протестѣ противъ реформъ Петра, съ призывомъ къ идеализированной самобытной старинѣ» [1]) и пр. и пр., какъ это дѣлаетъ безпомощная либеральная мысль, живущая въ мірѣ формальныхъ аналогій, идеологическихъ тѣней и безжизненныхъ абстракцій.

Борьба за демократическое обновленіе Россіи коренится всецѣло въ условіяхъ новой соціально-исторической эпохи. Тѣ самыя товарно-капиталистическія отношенія, которыя окончательно уничтожили хозяйственную культуру «самобытной старины» создавшую въ свое время Новгородъ, запорожское казачество и расколъ, выдвинули современную революціонную борьбу. Она цѣликомъ выросла изъ капитализма, ведется силами, сложившимися на основѣ капитализма и непосредственно, въ первую очередь,

[1]) Ст. проф. Кузьмина-Караваева. «Русь», № 214, 1905 г.

направлена противъ феодально-крѣпостническихъ помѣхъ, стоявшихъ на пути развитія капиталистическаго общества. Искать предтечъ современнаго революціоннаго движенія въ Новгородѣ или въ Сѣчи можно развѣ съ такимъ же основаніемъ, съ какимъ революціонная англійская буржуазія временъ Кромвеля искала своихъ предтечъ въ библейскихъ преданіяхъ.

«Смута» старыхъ вѣковъ имѣла не только другіе лозунги, другія субъективныя цѣли, но и другую объективную природу. Она создавалась натурально-хозяйственной средой. Изолированные другъ отъ друга, хозяйственно независимые, себѣ довлѣющіе организмы боролись за свою независимость отъ слагавшейся на ихъ основѣ, ихъ соками питавшейся и насильственно соединявшей ихъ военно-государственной организаціи. Это не была борьба за извѣстныя гарантіи государственнаго существованія, но борьба разрозненныхъ ячеекъ за независимость отъ слагавшейся государственности.

Эта борьба не имѣла государственнаго размаха и политической оформленности, ибо не связанныя другъ съ другомъ органическою связью, охранявшія свою особность натурально-хозяйственныя ячейки могли вести лишь хаотическую партизанскую борьбу. Въ раздробленности этой борьбы и примитивности ея соціально-экономическихъ основаній и лежитъ причина ея пораженія.

Товарное хозяйство связало ячейки, столь дорожившія своей изолированностью, въ одно органическое цѣлое, и на этой новой хозяйственной основѣ создало современные города, какъ нервные центры экономической, политической и вообще культурной жизни.

Патріархально-азіатскій деспотизмъ и вся та соціально-правовая обстановка, которую онъ поддерживаетъ, давно уже стали помѣхой элементарному по своей природѣ процессу хозяйственнаго развитія страны. Тотъ же процессъ создалъ и силы, смертельно враждебныя абсолютизму, и толкнулъ враговъ на путь борьбы. Борьба прошла уже черезъ нѣсколько фазисовъ, но она еще далеко не развернулась во всей своей широтѣ.

Положеніе о Государственной Думѣ представляетъ собою бюрократически закрѣпленное отраженіе одного изъ фазисовъ въ процессѣ революціонной ликвидаціи устоевъ старой азіатской, варварской Россіи.

11. Слишкомъ поздно!

Государственная Дума пришла слишкомъ поздно. Если-бъ она явилась въ 60-ые годы, какъ увѣнчаніе такъ называемыхъ великихъ реформъ, правительство страшно усилило бы себя. Тогда цвѣтъ и краса либерализма были на побѣгушкахъ у абсолютизма, занявшагося государственнымъ ремонтомъ. Широкой оппозиціи, которая бы противопоставляла себя бюрократіи-преобразовательницѣ, не было. Парламентъ, самый узкій и ограниченный, явился бы плодомъ предусмотрительной инициативы правительства. Либеральная буржуазія развивалась бы въ легальной государственной ячейкѣ. Вмѣстѣ съ монархіей она отбивалась бы отъ массъ. Такое положеніе было бы крайне выгодно для монархіи и для цензовой буржуазіи, которая боится общественныхъ потрясеній. Было ли бы оно выгодно для дѣла демократіи, это большой вопросъ. Но развитіе не пошло по этому пути. У бюрократіи не хватило исторической инициативы, у либеральнаго общества—самостоятельной силы перетянуть правительство на конституціонный путь. Въ то время какъ буржуазный либерализмъ развивался и организовывался, пользуясь учрежденіями якобы-великихъ реформъ, какъ опорными пунктами, въ то время какъ невѣдомая еще новой русской исторіи активная масса показалась изъ-за спины либеральнаго «общества», бюрократія культивировала свою неизмѣнность, и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобъ общественное развитіе не испортило ея чертежей. Вмѣсто того, чтобы рука въ руку съ промышленнымъ капиталомъ и землевладѣніемъ итти впереди капиталистическаго процесса, умѣло сдерживая и «дисциплинируя» пролетаріатъ, бюрократія поставила себя противъ всего буржуазнаго развитія, обрекла себя на одиночество, превратила возможныхъ союзниковъ въ дѣйствительныхъ враговъ,—и въ критическую минуту съ горечью увидѣла, что все, что у нея остается—это военно-полицейскій аппаратъ ея господства.

Смущенная собственными самоубійственными побѣдами надъ первыми выступленіями націи, напуганная своимъ одиночествомъ, бюрократія пытается заднимъ числомъ исправить то, что по существу непоправимо. Она декретируетъ парламентъ «мнѣнія» и открываетъ его для тѣхъ, кого считаетъ наименѣе для себя опасными. Она этимъ еще болѣе возстановляетъ противъ себя тѣхъ, кто и безъ того стоялъ противъ нея непримиримымъ врагомъ. Она какъ бы забываетъ, что ей придется властвовать не въ парламентѣ, а надъ всей націей. Что же ей дастъ Государственная Дума?

Пролетаріатъ, который сумѣлъ уже показать, что онъ—сила, недоволенъ, потому что передъ нимъ дверь Думы заперта наглухо.

Сознательные элементы крестьянства, вліяніе которыхъ угрожающе растетъ, недовольны, потому что прежде чѣмъ войти въ Думу, крестьянство должно пройти сквозь такой фильтръ, который задержитъ всѣ лучшіе элементы. Демократическая интеллигенція недовольна, во-первыхъ, потому что реформа игнорируетъ ее, во-вторыхъ, потому что реформой недовольна масса. Наконецъ, представители земли и капитала недовольны разсчитанной на нихъ Думой, потому что они хотятъ государственной реформы во имя спокойнаго и ненарушимаго хода хозяйственной и политической жизни, а Дума, осужденная до своего рожденія, этого спокойствія, очевидно, дать не можетъ.

Такимъ образомъ, Дума ни на іоту не улучшаетъ положенія бюрократіи. Но она не оставляетъ его и безъ измѣненія. Она ухудшаетъ его. Ставъ на путь народнаго представительства и дѣлая видъ, что реформа дается по собственному почину, бюрократическій абсолютизмъ осуждаетъ лежащій въ основѣ его принципъ. Qui s'éxuse, s'accuse. (Кто извиняется, тотъ самъ обвиняетъ себя). Онъ собственной рукою осуждаетъ свою остервенѣлую борьбу за такъ называемыя историческія основы.

Но намѣренно превращая признанное ею народное представительство въ призракъ, бюрократія обнажаетъ предъ всей страной, что ею руководитъ ни что иное, какъ тупое своекорыстіе, жажда власти во что-бы то ни стало. И въ результатѣ никто не удовлетворенъ, но зато всѣ озлоблены.

На первый взглядъ можетъ показаться, что Государственная Дума удовлетворитъ такъ называемыхъ шиповцевъ, такъ какъ въ общемъ и цѣломъ она построена по ихъ чертежу. Тѣмъ не менѣе Государственная Дума—и въ этомъ ея трагедія!—не удовлетворитъ и ихъ. И не трудно понять, почему. Смѣшно было бы считать г. Шипова и его единомышленниковъ представителями какой-то политической системы славянофильства. Трезвые въ худшемъ смыслѣ слова политическіе эмпирики, они не только далеки отъ мечтательнаго славянофильства (эти «славянофилы» предлагаютъ намъ вмѣсто своего credo, цитаты изъ учебниковъ англійскихъ юридическихъ авторитетовъ!)—они и вообще чужды какой-бы то ни было цѣльной политической программы. Недоразвившіеся буржуазные либералы, отстаивающіе элементарныя потребности гражданскаго обихода, они боятся политической борьбы, боятся массы, боятся «анархіи»,—и этотъ свой страхъ и эту свою косность они дѣлаютъ принципомъ своей тактики, и этотъ свой принципъ они называютъ славянофильствомъ. Еще въ ноябрѣ они надѣялись полюбовно разрѣшить задачу, оставивъ въ прежнихъ рукахъ власть и получивъ въ обмѣнъ законность, неотчуждаемыя права и возможность организованнаго общенія съ властью.

Послѣднее требованіе теперь выполнено. Но то, чего они хотѣли достигнуть мирнымъ путемъ и ради умиротворенія, было дано лишь подъ вліяніемъ жестокой борьбы и внесло въ страну еще большій разладъ.

И вотъ тѣмъ группамъ, которыя, подъ разными именами, отстаивали одну и ту же самобытную идею законосовѣщательнаго собранія, теперь предстоитъ неизбѣжно расколоться. Худшіе паразитическіе элементы, связанные со старымъ режимомъ корнями своихъ интересовъ и принявшіе лозунгъ законосовѣщательнаго учрежденія такъ же, какъ приняла его власть, т. е. какъ вынужденную уступку и какъ гарантію противъ законодательнаго учрежденія, отойдутъ вправо, будутъ поддерживать реакцію вездѣ и во всемъ и завтра будутъ требовать распущенія Думы, о которой они такъ «мечтали». Другая, независимая отъ бюрократіи часть «славянофиловъ» должна будетъ неизбѣжно отодвинуться влѣво и требовать законодательныхъ правъ для народнаго представительства — въ тѣхъ же умиротворительныхъ цѣляхъ, въ какихъ она недавно требовала совѣщательнаго Земскаго Собора. Куда пойдетъ г. Шиповъ, для насъ, разумѣется, не представляетъ никакого интереса.

Государственная Дума никого не удовлетворяетъ. Она явилась слишкомъ поздно. Она предложила націи право совѣщательнаго голоса, о чемъ еще вчера мечтала земская оппозиція, — когда нація перешла уже къ требованію власти; она предложила націи цензовую систему 64 г., еще такъ недавно составлявшую предметъ вожделѣній либеральнаго общества,—когда выступившія на сцену пролетарскія массы вынудили всю жизнеспособную оппозицію принять требованіе всеобщаго избирательнаго права. Бюрократія упустила время,—и то «благодѣяніе», которое она несетъ отечеству, станетъ для нея гибелью. На воротахъ Государственной Думы бюрократія могла бы начертать слава великаго бюрократа-реформатора Петра: «Упущеніе времени смерти невозвратной подобно».

Сентябрь, 1905.

Открытое письмо профессору П. Н. Милюкову [1]).

Въ день опубликованія написанной съ соизволенія Константина Петровича Побѣдоносцева конституціи Вы, господинъ профессоръ, нашли необходимымъ выступить предъ лицомъ русскаго «общества». Газета, которая обслуживаетъ часть русской оппозиціонной интеллигенціи, доставила Вамъ трибуну. Я не считаю «Сынъ Отечества», несмотря на его популярность, политически вліятельной газетой, за которую отвѣтственна какая-либо реальная политическая сила. Я отнюдь не думаю также, что Вы являетесь офиціальнымъ выразителемъ какой-нибудь партіи, или что Вы можете давленіемъ Вашего голоса повернуть либеральную партію на угодный Вамъ путь. Другими словами, я не считаю Васъ вождемъ. Если, тѣмъ не менѣе, я нахожу необходимымъ обратиться къ Вамъ съ этимъ открытымъ письмомъ, то по той единственной причинѣ, что Ваша мысль, движущаяся по линіи наименьшаго сопротивленія, формулируетъ политическіе предразсудки, которые у Васъ нѣтъ права считать вашей личной собственностью. Если-бы не выступили Вы, выступилъ-бы другой. Ибо—и съ этимъ Вы не станете спорить—разъ въ обществѣ широко распространенъ какой-нибудь предразсудокъ, всегда отыщется профессоръ, способный его авторитетно формулировать, и всегда найдется либеральная редакція, готовая свою коллективную безпринципность укрыть за индивидуальный авторитетъ профессора. Это въ порядкѣ вещей, г. профессоръ!

Въ началѣ Вашего письма Вы разрѣшаете разно оцѣнивать актъ 6 августа, преуменьшать и преувеличивать его значеніе, но не разрѣшаете одного: отрицать, что этимъ актомъ «перейдена какая-то грань, что сегодня мы по другой сторонѣ того перевала, по которому шли вчера»—и что «назадъ, на ту сторону

---

[1]) Написанное въ августѣ 1905 г. письмо это было «нелегально» изданo нѣсколькими организаціями нашей партіи.

историческаго ската, на вчерашнюю, уже возврата быть не можетъ».

Вся либеральная и полулиберальная пресса вмѣстѣ съ Вами, утверждаетъ, что «Рубиконъ перейденъ».—«Свершилось!»—Что-же собственно «свершилось»? Кто перешелъ и какой Рубиконъ? Возвращеніе къ прошлому невозможно, говорите Вы. Почему невозможно?—И для кого невозможно?

Невозможенъ ли для реакціи возвратъ на путь чистаго абсолютизма? И если невозможенъ, то почему? По общимъ ли причинамъ:—нужны деньги, наростаетъ революціонная стихія—или же потому, что отнынѣ у насъ есть высочайшая бумага 6-го августа? Если вы имѣете въ виду общія причины, то онѣ существовали и до 6-го августа,—и ужъ, разумѣется, мы не станемъ спорить противъ того, что абсолютизмъ неизбѣжно долженъ пойти на сломъ. Но когда и какъ?

Общія причины этого не предрѣшаютъ. Онѣ предоставляютъ практическое рѣшеніе этого вопроса иниціативѣ, смыслу и отвагѣ живыхъ организованныхъ и сознательныхъ политическихъ силъ. Думаете ли Вы, что самъ манифестъ дѣлаетъ невозможнымъ возвратъ къ прошлому? Но какимъ образомъ? Что измѣняетъ онъ въ соотношеніи силъ реакціи и революціи? Передаетъ-ли онъ народу какую-либо матеріальную власть, которой онъ не владѣлъ бы раньше? Нѣтъ, не передаетъ. Связываетъ онъ руки бюрократіи? Нѣтъ, не связываетъ. Вы обнаруживаете лишь дурной умственный навыкъ, г. профессоръ, когда полагаете, что можно установить между двумя соціально-историческими эпохами водораздѣлъ изъ папье-маше. Абсолютизмъ опирается сегодня, какъ и до 6-го августа, на бюрократическій аппаратъ, на суды, на жандармерію, на армію. Пусть ему суждено погибнуть, но пока у него въ рукахъ эти орудія господства,—онъ хозяинъ. Онъ можетъ призвать и отослать, позволить высказаться и запретить.

Историческій Рубиконъ бываетъ дѣйствительно перейденъ лишь въ тотъ моментъ, когда матеріальныя орудія господства переходятъ изъ рукъ абсолютизма въ руки народа. Но такія вещи, г. профессоръ, никогда не совершаются посредствомъ подписанія пергамента. Такія вещи происходятъ на улицахъ. Онѣ осуществляются въ бою. Онѣ разрѣшаются путемъ побѣды въ столкновеніи народа съ бронированной реакціей.

Если мы попробуемъ понять Великую Французскую Революцію, г. профессоръ исторіи, мы признаемъ, что Франція перевалила черезъ рубежъ не 8-го августа, когда Людовикъ XVI подписалъ «манифестъ» о созваніи Генеральныхъ Штатовъ, а 14-го іюля, когда народъ Парижа вооружился и всталъ матеріальной силой на защиту своихъ правъ. И, наконецъ, полная и рѣшительная побѣда—это возстаніе 10-го августа, низвергшее монархію. 14-е

іюля, 10-е августа,—вотъ гдѣ дѣйствительныя, реальныя вѣхи французской свободы, а вовсе не декреты и пергаменты, которые бумажнымъ роемъ вились надъ ареной этихъ суровыхъ столкновеній.

Если мы обратимся къ событіямъ 48 года, то мы должны будемъ признать, что историческимъ водораздѣломъ былъ не манифестъ Фридриха Вильгельма IV прусскаго, созвавшій архаическій Соединенный Ландтагъ, но день побѣдоносной уличной революціи 18 марта. И память исторіи, отбросивъ всѣ канцелярскія даты, сохранила дни 14 іюля, 10 августа и 18 марта, какъ праздники торжествующей свободы.

Роковая грань перейдена, думаете Вы. Позиціи завоеваны. И «было бы непростительной политической ошибкой оставить эти позиціи безъ защиты—или даже очистить ихъ безъ боя, какъ, повидимому, хотѣли бы тѣ, кто разсчитываетъ занять главную позицію непосредственно».

«Въ Россіи сегодня родился «народный представитель», продолжаете Вы, и этого факта не уничтожатъ никакія толкованія ни справа, ни слѣва». И Вы предлагаете тѣмъ, которые съ Вами, отстоять представителя отъ ударовъ справа и слѣва. А г. Сыромятниковъ пишетъ въ одинъ день съ Вами въ «Словѣ»: «Двѣ крайнихъ партіи будутъ уничтожать его (государственное самоуправленіе), и намъ, прогрессивному центру, придется охранять послѣдовательность дѣйствій новаго законодательнаго аппарата отъ попытокъ дискредитировать его и уничтожить».

«Говорить, что мы ничего не пріобрѣли съ изданіемъ закона, пишете Вы, г. профессоръ, значило бы помогать его противникамъ справа». А г. Сыромятниковъ комментируетъ и дополняетъ: «Реакціонеры и соціалисты--республиканцы соединятся, можетъ быть, въ трогательномъ союзѣ противъ первыхъ попытокъ русскаго правового строя». Какъ всякій либеральный писатель, Вы, г. профессоръ, адресуетесь съ Вашимъ письмомъ къ такъ называемому «обществу» и говорите ему: Будь «на своемъ посту»! Выбирай представителей для охраны твоихъ правъ! Но обращаясь къ «обществу» Вы строите, Ваше письмо такъ, точно убѣждаете въ чемъ то весь народъ. На самомъ-же дѣлѣ Вы конспирируете на либерально-газетномъ жаргонѣ съ имущимъ обществомъ противъ народа. Это утвержденіе кажется Вамъ пристрастнымъ и несправедливымъ? Между тѣмъ оно точно формулируетъ смыслъ Вашей статьи. Минуту вниманія, г. профессоръ.

Вы убѣждаете не народныя массы, такъ какъ онѣ лишены избирательныхъ правъ. Онѣ не могутъ бойкотировать Думу, такъ какъ Дума бойкотируетъ ихъ. Дѣйствительные выразители народныхъ интересовъ, если бы и хотѣли, не могутъ попасть

въ Государственную Думу. Это Ваша Дума. Это учрежденіе господствующихъ имуществъ эксплуатирующихъ классовъ. Сознательный пролетаріатъ, который ясно и недвусмысленно выразилъ свое отношеніе къ Государственной Думѣ, когда она была еще проектомъ, слѣдующимъ образомъ формулировалъ въ «заявленіи представителямъ Земствъ и Думъ» свое отношеніе къ тѣмъ надѣленнымъ правами политическаго предательства гражданамъ, которые примутъ участіе въ выборахъ: «Принять участіе въ выборахъ гласныхъ (совѣщательной) Государственной Думы значитъ признать всевластіе царскаго правительства.

«Принять участіе въ выборахъ гласныхъ Государственной Думы, значитъ одобрить наглое лишеніе народа избирательныхъ правъ.

«Принять участіе въ выборахъ гласныхъ Государственной Думы, значитъ открыто перейти въ лагерь царскаго правительства.

«Мы, рабочіе, торжественно заявляемъ, что будемъ считать врагомъ народа всякаго, кто приметъ участіе въ постыдной комедіи выборовъ въ Государственную Думу».

Такъ говорятъ передовые рабочіе. Если Вы, г. профессоръ, имѣете хотя какое-нибудь понятіе о настроеніи народныхъ и особенно пролетарскихъ массъ, Вы согласитесь, что этотъ голосъ найдетъ въ нихъ самый широкій откликъ. Но если такъ, то Вы должны были десять разъ подумать прежде, чѣмъ выступить на политическій форумъ и сказать имущимъ эксплуатирующимъ классамъ: «Несмотря на то, что избирательный законъ отрѣзываетъ васъ отъ массъ; несмотря на то, что рабочія массы не только не склонны дать вамъ мандатъ нравственнаго довѣрія, но заранѣе объявляютъ предательствомъ самый актъ участія въ выборахъ; несмотря на то, что у васъ не можетъ быть опоры внѣ народа; несмотря на то, что разрывъ съ нимъ означаетъ для васъ политическую смерть,—выбирайте, выбирайте, чтобы быть на своемъ посту, выбирайте во имя пергамента 6-го августа, игнорируйте голосъ слѣва, который есть голосъ самого народа».

Государственная Дума составится изъ наиболѣе обезпеченныхъ элементовъ оппозиціи, отдѣленныхъ политическими привилегіями отъ народа и не заинтересованныхъ непосредственно въ уничтоженіи ценза. Въ то время, какъ правое крыло либеральной партіи, пріобщившись къ власти, начнетъ сплетать свои корни съ корнями царской бюрократіи, вы, конституціоналисты-демократы, гг. Петрункевичи, Родичевы и Милюковы, будете на лѣвомъ крылѣ—да, г. профессоръ, въ Думѣ Вы, къ Вашему ужасу, окажетесь на крайней лѣвой, потому что остальные будутъ еще болѣе косны, чѣмъ Вы — вы будете производить безсильный оппозиціонный шумъ, прикрывать сдѣлку реакціи съ либерализмомъ

патетической фразеологіей, обманывать народъ фиктивными перспективами безболѣзненнаго перехода черезъ бюрократію и плутократію къ демократіи.

Призывая теперь эксплуатирующіе классы использовать дарованныя имъ политическія привилегіи, открыто становясь на почву царскаго избирательнаго закона, этого юридически оформленнаго раскола между имущей оппозиціей и народной революціей, Вы въ то же время цинично призываете къ единенію и пугаете опасностью разброда.

Что это значитъ, милостивый государь?

Царское правительство вручаетъ вамъ конецъ петли, закинутой на шею народа, а другой конецъ оставляетъ въ своихъ кровавыхъ рукахъ. И вотъ выступаютъ профессора исторіи, которые должны бы знать, чѣмъ кончались для народа такіе эксперименты,—и направо призываютъ пріобщиться къ веревкѣ, а налѣво взываютъ къ единенію. Я назвалъ бы это политическимъ безстыдствомъ, еслибъ хотѣлъ быть рѣзкимъ, г. профессоръ!

Исторія ничему не научаетъ своихъ профессоровъ. Ошибки и преступленія либерализма интернаціональны. Вы повторяете то же, что ваши предшественники дѣлали въ вашемъ положеніи полвѣка назадъ. Вожди прусской буржуазіи думали, какъ и вы, что королевское слово составляетъ тотъ рубежъ, послѣ котораго невозможенъ возвратъ къ прошлому, и потому очень мало заботились о такихъ «вульгарныхъ» вещахъ, какъ вооруженіе побѣдившаго народа и разоруженіе побѣжденной реакціи. Они съ яснымъ лбомъ игнорировали голоса «слѣва». Вы, знаете къ чему это привело? Къ тому, что абсолютизмъ вернулъ себѣ львиную долю своей до-мартовской власти. Это обнаружилось очень скоро и очень явственно. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, чрезъ 10 лѣтъ послѣ 48 г., корона третировала палату съ величайшимъ презрѣніемъ. Палата отказывала въ деньгахъ, а корона, игнорируя постановленія палаты, распоряжалась народными средствами, какъ своимъ кошелькомъ. Либеральные мудрецы, профессора исторіи, морали и государственнаго права, громко и краснорѣчиво кричали, что это возвратъ къ прошлому, который совершенно и абсолютно невозможенъ за силою конституціонныхъ пергаментовъ. Рѣчь шла приэтомъ, разумѣется, о моральной или юридической «невозможности». Но абсолютизмъ смѣялся въ бороду, справедливо полагая, что для него довольно одной матеріальной возможности. И онъ былъ правъ.

Кроткіе старцы «Вѣстника Европы», выступившіе противъ тактики бойкота, привели въ примѣръ — о, глубокомысліе, это ты!—прусскій конституціонный конфликтъ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда либеральная партія не покидала своего безславнаго поста въ октроированной короной палатѣ.

Прусская либеральная партія, засѣдая въ своей Думѣ, постановляла резолюціи, многословно протестовала, демонстрировала свое безсиліе, компрометируя идею представительства и усыпляя массы фикціей парламентарнаго режима.

Абсолютизмъ взялъ все, что ему нужно было, и оставилъ на долю народнаго представительства то, что считалъ выгоднымъ оставить. А либеральная партія, стоявшая на своемъ парламентскомъ посту, лишь облегчала ему эту работу, прикрывая его ширмой якобы-конституціоннаго порядка.

Въ 62 году раздался голосъ мужественнаго протеста противъ конституціоннаго кретинизма либеральной партіи. Это былъ голосъ Фердинанда Лассаля. Чего онъ требовалъ? Бойкота палаты. Онъ сказалъ либераламъ: вы съ вашими лже-конституціонными бирюльками станóвитесь между народомъ и его врагами. Вы маскируете дѣйствительныя отношенія. Вы мѣшаете накопленію въ массахъ революціоннаго гнѣва. Вы тормозите рѣшительную ликвидацію абсолютизма.

Но либеральная буржуазія «мужественно» не внимала голосу слѣва (на это у нея всегда хватало мужества!)—она оставалась на своемъ посту, на посту предателя интересовъ свободы—и ей, либеральной буржуазіи, Пруссія и пруссифицированная Германія обязаны своими полуабсолютистскими порядками.

«Всякое великое политическое дѣло, сказалъ тогда Лассаль, состоитъ въ высказываніи того, что есть, и съ этого начинается.

«Всякое политическое малодушіе состоитъ въ замалчиваніи и затушевываніи того, что есть».

Теперь попробуйте, г. профессоръ, стать лицомъ къ народу и во всеуслышаніе сказать, что есть.

Государственная Дума есть предумышленное издѣвательство надъ народнымъ представительствомъ. Это народное представительство—безъ народа. Государственная Дума вводитъ представителей имущихъ классовъ въ переднюю Государственнаго Совѣта. Государственная Дума есть организованная сдѣлка реакціи съ имущей оппозиціей съ цѣлью задушить народную революцію. Дарованное верхушкѣ избирательное право есть право политическаго предательства народа. Вотъ краткое и точное выраженіе того, что есть.

Вы этого, конечно, не скажете народу. Но мы скажемъ. Если-же вы попытаетесь спорить съ нами—не на либеральныхъ банкетахъ, а предъ лицомъ массы—мы вамъ покажемъ, что мы на нашемъ грубомъ, рѣзкомъ революціонномъ языкѣ умѣемъ быть неотразимо убѣдительны и краснорѣчивы. Мы это покажемъ, г. профессоръ!

Послѣ того, какъ будетъ ясно высказано, что есть, вы мо-

жете сдѣлать, что найдете для себя болѣе выгоднымъ. Вы можете принять сдѣлку или отвергнуть ее, вступить въ переднюю или оставаться съ народомъ на улицѣ. Партія пролетаріата, партія революціи, не отвѣтственна предъ массами за поведеніе либераловъ. Вы боитесь порвать съ Думой, потому что для васъ этотъ конституціонный миражъ кажется реальностью въ той сухой безплодной пустынѣ, по которой русскій либерализмъ бродитъ вотъ уже не первый десятокъ лѣтъ. Если Дума не будетъ созвана, гдѣ-же путь къ конституціи?—Спрашиваете вы себя въ предсмертной тоскѣ. Для васъ вся великая тяжба народа съ абсолютизмомъ сводится къ земскимъ съѣздамъ, вѣрноподданническимъ депутаціямъ, конституціоннымъ адресамъ, рескриптамъ, совѣщаніямъ и манифестамъ. Вы ни словомъ не касаетесь въ вашей статьѣ того глубокаго процесса роста сплоченности и революціонной сознательности массъ, безъ котораго немыслимы были бы ни послѣдніе шаги либерализма, ни послѣдніе шаги монархіи. Вамъ кажется, что разъ у царизма исторгнутъ м а н и ф е с т ъ, этимъ самымъ вамъ дана возможность стать на почву э т о г о к а н ц е л я р с к а г о д о к у м е н т а, истолковывать его, дѣлать изъ него выводы и отстаивать ихъ собственными средствами. Вы призываете защитниковъ свободы быть «на своемъ посту»—и Вы думаете, что отнынѣ единственнымъ постомъ для защитниковъ свободы является Государственная Дума. Я не знаю, существовало ли для васъ революціонное движеніе до 6-го августа, но послѣ этого дня оно для васъ разъ навсегда перестаетъ существовать.

Революціонное движеніе массъ,—вотъ та мелочь, которую вы упустили въ вашемъ политическомъ счетѣ, г. профессоръ. А между тѣмъ и послѣ 6-го августа, какъ и до этого дня, революціонная масса была и остается единственной силой демократическаго переворота. Другой силы нѣтъ, г. профессоръ. Какъ бы вы, будущіе депутаты Государственной Думы, ни были искусны въ конституціонной казуистикѣ, стоитъ только стихнуть революціи, и—реакція прогонитъ васъ, четыреста двадцать «представителей народа», какъ она это въ свое время сдѣлала въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Франкфуртѣ,—потому что она призвала васъ не ради вашихъ прекрасныхъ глазъ. Если же революція не стихнетъ, бюрократія будетъ цѣпляться за васъ, какъ за опору,—и если вы дѣйствительно попробуете представить изъ себя такую опору,—а ваше положеніе в ы н у д и т ъ васъ къ этому,—побѣдоносная революція вышвырнетъ васъ на улицу, какъ она это сдѣлала въ 48 г. съ палатой Людовика-Филиппа.

Вы предлагаете не смущаться ни голосами с п р а в а, ни голосами с л ѣ в а. Къ счастью, г. профессоръ, вамъ и вашимъ единомышленникамъ грозитъ опасность и справа и слѣва.

Революціонная масса— единственная сила демократическаго переворота. Какую же роль можетъ сыграть въ ростѣ революціи Государственная Дума, избранная отъ верховъ при молчаливомъ попустительствѣ низовъ? Она немедленно-же станетъ тормазомъ революціи,—или попытается стать имъ. Цензовая партія буржуазнаго «порядка» постарается использовать эту организаціонную базу для того, чтобы раздавить рабочую революцію и—и подготовить почву для царистской контръ-революціи. Мы не думаемъ, чтобы вы, г. Милюковъ, способны были играть какую-нибудь руководящую роль въ дѣлѣ кроваваго подавленія царистско-буржуазнымъ блокомъ рабочей революціи; для этого найдутся другіе люди. Вы и Вамъ сродные подготовляете лишь необходимыя для этого условія.

Вы хотите добиться безмятежныхъ выборовъ, рисуя Государственную Думу, какъ переходный этапъ, тогда какъ тѣ соціальныя силы, изъ представителей которыхъ она составится, станутъ ее отстаивать вооруженной рукой, какъ конечный идеалъ.

Вы рисуете дальнѣйшую задачу, какъ логическое углубленіе и укрѣпленіе октроированной конституціи на данныхъ ею законныхъ основахъ, тогда какъ задача въ томъ, чтобы вырвать изъ рукъ абсолютизма матеріальныя условія власти революціонной побѣдой. Вы игнорируете массу, тогда какъ задача въ томъ, чтобы дать ей боевой лозунгъ. Вы игнорируете революцію, тогда какъ задача въ томъ, чтобы двинуть ее впередъ. Какъ несчастна была бы русская свобода, еслибы она зависѣла отъ васъ! Но, къ счастью, свобода есть дѣло революціи, революція есть дѣло массъ, а съ массами васъ связываетъ только чувство неопредѣленнаго, но томительнаго страха. Вы пытаетесь отвернуться отъ голосовъ слѣва. Но масса внимаетъ этимъ голосамъ. Это—наши голоса. Мы формируемъ здѣсь чувства и мысли, мы создаемъ здѣсь революціонные кадры, мы учимъ массу не вѣрить вамъ и не итти за вами. Если для васъ не убѣдительна сила нашей логики, то мы заставимъ васъ преклониться предъ логикой нашей силы. Наша опора—въ революціонной связи событій. Кромѣ вашихъ датъ: 6 ноября [1]) 6 іюня [2]), и 6-го августа [3]) существуютъ наши даты: 9 января и 14 іюня [4]). Революція еще не сказала своего послѣдняго слова. Могучими широкими размахами заноситъ она надъ абсолютизмомъ свой ножъ—все ниже и ниже. Пусть остерегутся мудрецы либерализма подстав-

---

[1]) Земскій съѣздъ.
[2]) Земская депутація у царя.
[3]) Опубликованіе булыгинской Думы.
[4]) Возстаніе «Потемкина Таврическаго».

лять свои руки подъ сверкающее стальное лезвіе. Пусть остерегутся: иначе они будутъ застигнуты послѣднимъ освободительнымъ ударомъ—«на своемъ посту»!

Post-scriptum.

Мы писали годъ тому назадъ, что не считаемъ г. Милюкова вождемъ. Теперь приходится поправиться: если въ рядахъ конституціонныхъ демократовъ на кого-нибудь можно указать, какъ на «вождя», такъ это на г. Милюкова. Это признается молчаливо его партіей. Соперниковъ у него нѣтъ.

Кн. Е. Трубецкой попытался было противопоставить свой авторитетъ авторитету г. Милюкова и потерпѣлъ пораженіе. Князь слишкомъ рано обнаружилъ свои реакціонныя симпатіи, слишкомъ грубо проявилъ суверенное презрѣніе философа-идеалиста ко всякимъ демократическимъ обязательствамъ, — и оказался вынужденнымъ уйти изъ партіи.

Г. И. Петрункевичъ, съ разсчетомъ или поневолѣ, все время держится въ тѣни, и выступаетъ изъ нея на свѣтъ вовсе не съ такимъ успѣхомъ, который давалъ бы ему право на роль лидера. Въ ноябрѣ прошлаго года, на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, г. Петрункевичъ объявилъ себя революціонеромъ и протягивалъ руку крайнимъ партіямъ. И неожиданнымъ образомъ оказалось, что именно въ это время гр. Витте, игнорируя съѣздъ, приватно сносился съ г. Петрункевичемъ по телеграфу. Земскій съѣздъ не шелъ достаточно торопливо навстрѣчу министерству, — и въ московской печати неожиданно появилась приватная телеграмма гр. Витте къ тверскому революціонеру. Не для того ли, чтобы подтолкнуть съѣздъ направо? Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагали. Но г. Петрункевичъ отстранилъ всякія подозрѣнія: въ появленіи телеграммы оказалась виновата нескромность одного изъ его политическихъ друзей. Извѣстно, что у глубокихъ дипломатовъ всегда бываютъ нескромные друзья, и что ихъ нескромность оказываетъ подчасъ совершенно неоцѣнимыя услуги.—Въ Государственной Думѣ г. Петрункевичъ дебютировалъ предложеніемъ высказаться за амнистію,—и закончилъ свою роль тѣмъ, что за нѣсколько дней до роспуска Думы внесъ отъ имени к.-д. партіи, противъ умѣреннаго проекта трудовой группой и умѣреннѣйшаго проекта аграрной комиссіи, третій, неумѣренный по трусливости проектъ обращенія къ крестьянству. При этомъ тверской «революціонеръ» неожиданно обрушился на трудовиковъ и далъ поводъ своимъ политическимъ противникамъ утверждать, что весь этотъ неблагодарный выходъ былъ предпринятъ г. Петрункевичемъ

исключительно для того, чтобъ зарекомендовать себя въ Петергофѣ съ лучшей стороны. Видѣть ли во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ стараго тверского лидера мелкую хитрость или крупную простоту, онъ въ обоихъ случаяхъ оказывается обреченнымъ на второстепенныя роли.

Г. Родичевъ? Но онъ, конечно, и самъ не считаетъ себя вождемъ. Это неутомимый ораторъ партіи. Въ его рѣчахъ не рѣдки счастливые обороты, даже паѳосъ. Чего въ нихъ, однако, нѣтъ совершенно нѣтъ, такъ это ясной политической мысли, ибо она достается въ удѣлъ лишь тому, кто твердо знаетъ, чего хочетъ. Конечно, г. Родичевъ — не вождь, и онъ, навѣрно, легко утѣшается въ этомъ тѣмъ соображеніемъ, что онъ—трибунъ.

Меньше всѣхъ на роль вождя своей партіи можетъ претендовать г. Струве. За послѣднее полугодіе онъ энергично, но безуспѣшно боролся съ равнодушіемъ читателей. Есть, очевидно, предѣлъ, за которымъ политическая безхарактерность и нравственная безпринципность уже не находятъ сочувственнаго отклика, — г. Струве переступилъ этотъ предѣлъ. Въ его политической психологіи не осталось ни одного живого мѣста: нѣтъ принципа, который былъ бы ему дорогъ, нѣтъ обязательства, которое имѣло бы надъ нимъ власть. Вотъ почему и самъ онъ никому не можетъ быть «дорогъ» и ни надъ кѣмъ не можетъ имѣть «власти».

Уже одинъ методъ исключенія приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ выводу, что дѣйствительный вождь—это г. Милюковъ. Онъ редакторъ центральнаго органа Партіи, вдохновитель Центральнаго Комитета, закулисный инструкторъ думской фракціи, словомъ—вождь...

Что же дѣлаетъ г. Милюкова вождемъ той разношерстной коалиціи, которая считала себя одно время, а можетъ быть, считаетъ себя и сегодня сильнѣйшей политической партіей Россіи? Что дѣлаетъ г. Милюкова вождемъ? У него нѣтъ ни яснаго представленія о путяхъ революціоннаго развитія, ни яснаго плана дѣйствій. Въ чемъ же его сила? Исключительно въ томъ, что онъ учитъ свою партію брать революцію изморомъ, отписываться отъ ея запросовъ и отсиживаться отъ ея событій. Парламентарный режимъ въ Россіи неизбѣженъ. Въ концѣ концовъ онъ установится. Вся задача лишь въ томъ, чтобы съ достоинствомъ выждать его установленія. Въ разрѣшеніи этой задачи г. Милюковъ незамѣнимъ.

То, что называется конституціонно-демократической партіей состоитъ изъ разныхъ соціальныхъ элементовъ, захваченныхъ въ разные моменты ихъ политическаго развитія. Такъ какъ дальнѣйшее самоопредѣленіе отдѣльныхъ слоевъ и группъ неизбѣжно вноситъ разложеніе въ партію, объединяющую земца, мѣщанина,

интеллигента и зажиточнаго крестьянина; такъ какъ вопросы тактики больше всего способствуютъ политическому самоопредѣленію,—то ужъ одно чувство партійнаго самосохраненія диктуетъ кадетамъ тактику воздержанія отъ тактики. Г. Милюковъ умѣетъ оформить это воздержаніе, какъ никто другой. Если такое умѣніе дѣлаетъ вождемъ, то г. Милюковъ—несомнѣнно политическій вождь.

Мѣсто вождей такого типа, какъ г. Милюковъ, преимущественно за кулисами политики: путемъ тонкой внутрипартійной дипломатіи, личныхъ комбинацій и шахматныхъ ходовъ они оформляютъ воздержаніе отъ дѣйствій. Ихъ задача не въ томъ, чтобы использовать революціонную ситуацію, а въ томъ, чтобы обезопасить свою партію отъ революціонной ситуаціи. Имъ кажется, что изъ всѣхъ противорѣчій можно найти выходъ, стоитъ только соотвѣтственнымъ образомъ формулировать вопросъ. Искусство охраненія единства партіи сводится для нихъ къ искусству составленія резолюцій, устраняющихъ разногласія; политическій вопросъ для нихъ рѣшается посредствомъ словеснаго оборота. Хотя они любятъ противопоставлять свою «практическую» политику революціонному доктринерству соціалдемократіи, но на самомъ дѣлѣ вербализмъ, «словесность», составляетъ сущность ихъ политическаго мышленія. Если возникъ конфликтъ по вопросу: Государственная Дума или Учредительное Собраніе, можно рѣшить такъ: Государственная Дума съ учредительными функціями. По вопросу объ одной или двухъ палатахъ можно дать всѣмъ членамъ партіи свободу исповѣданія. Г Милюковъ, вѣроятно, неистощимъ въ такого рода комбинаціяхъ,—и именно это дѣлаетъ его вождемъ.

Но политика была бы презрѣннымъ искусствомъ, еслибъ она могла быть сведена къ искусству словъ. Къ счастью, этого нѣтъ. Противъ такой политики составляютъ заговоръ самые страшные враги: ф а к т ы. Революціонныя событія гораздо нетерпимѣе революціонныхъ партій. Они въ день, въ часъ разрушаютъ кружевную работу, на которую ушли мѣсяцы. Они сшибаютъ лбами живыя тѣла, имена которыхъ искусно объединены въ программныхъ резолюціяхъ. Они ставятъ знакъ смерти на вчерашнихъ политическихъ вождяхъ.

Въ партіи г. Милюкова есть элементы, которые идутъ къ революціи, и есть элементы, которые уходятъ отъ нея,—не столько собственно в ъ партіи, сколько п о д ъ партіей. Г. Милюковъ главенствуетъ дотолѣ, доколѣ задача «вождя» сводится къ тому, чтобы скрывать отъ двухъ частей партіи противоположныя направленія ихъ развитія. Но теперь, послѣ краха тактики, разсчитанной на мирное обновленіе черезъ Думу, революція дол-

жна напречь это противорѣчіе до полнаго разрыва. Ждать этого придется уже не долго.

Выдающійся историкъ русской культуры въ своемъ очеркѣ развитія раскола слѣдующимъ образомъ характеризуетъ одну изъ его вѣтвей:

«Это направленіе (поповщина) раздѣлило обычную судьбу всѣхъ среднихъ направленій. Развиваться такое направленіе могло бы лишь въ сторону одной изъ примиренныхъ въ немъ крайностей. Будучи компромиссомъ между православіемъ и безпоповщиной, поповщина могла приблизиться либо къ государственной церкви, либо къ болѣе послѣдовательной партіи раскола. Но сближенію съ господствующей церковью препятствовало... прежде всего отношеніе къ расколу духовной и свѣтской власти. Примиреніе при данныхъ условіяхъ не могло состояться на условіяхъ, которыя бы удовлетворили обѣ стороны, и не могло быть поэтому искреннимъ,.. Что касается сближенія съ безпоповщиной, этотъ исходъ былъ доступенъ только для болѣе рѣшительныхъ. Такимъ образомъ, постоянно колеблясь между двумя крайностями и не рѣшаясь остановиться ни на одной изъ нихъ, поповщина была обречена вращаться въ одномъ и томъ же заколдованномъ кругѣ старыхъ идей. Сколько-нибудь серьезные признаки внутренняго развитія въ ней не могли привести ни къ какой значительной перемѣнѣ, потому что результаты такого развитія тотчасъ же выходили, въ ту или другую сторону, изъ рамокъ этого промежуточнаго направленія».

Эта характеристика поповщины, охватывающая, по указанію самого автора, всѣ среднія направленія, не представляетъ собою ничего оригинальнаго. И если мы находимъ интереснымъ привести ее, такъ это только потому, что авторомъ ея является никто иной, какъ г. Милюковъ. Мы не знаемъ, какіе выводы дѣлаетъ изъ нея г. Милюковъ для своей собственной политической позиціи. Но вся она цѣликомъ—и врядъ ли у г. Милюкова хватитъ рѣшимости опровергать это—покрывается его собственной безпощадной характеристикой «всѣхъ промежуточныхъ направленій».

Будучи компромиссомъ между монархіей и демократій, привилегированными классами и народомъ, партія г. Милюкова могла бы приблизиться либо къ государственной власти, либо къ болѣе послѣдовательной партіи революціи. Но сближенію съ государственной властью препятствуетъ прежде всего отношеніе къ оппозиціи самой государственной власти. Что касается сближенія

съ революціей, этотъ исходъ доступенъ только для болѣе рѣшительныхъ. Такимъ образомъ, постоянно вращаясь между двумя крайностями—между насиліемъ справа и «анархіей» слѣва—и не рѣшаясь примкнуть ни къ одной изъ нихъ, монархическій либерализмъ обреченъ вращаться въ кругу изжитыхъ политическихъ идей. Внутреннее развитіе невозможно для этой партіи,—ибо результаты такого развитія немедленно выходятъ, въ ту или другую сторону, за предѣлы промежуточной позиціи. А гдѣ невозможно внутреннее развитіе, тамъ неизбѣжно внутреннее разложеніе. Г. Милюковъ въ недалекомъ будущемъ будетъ имѣть удовольствіе убѣдиться въ правильности своего культурно-историческаго обобщенія на судьбѣ собственной партіи.—Что станется при этомъ съ нимъ самимъ, съ его искусствомъ вождя, съ его архивомъ резолюцій, означающихъ все и ничего, мы не осмѣливаемся предрекать.

Августъ, 1906 г.

Стачка въ октябрѣ.

— Такъ вы думаете, что революція идетъ?
— Идетъ.
(«Новое Время», 5 мая 1905 г.)
Вотъ *она!*
(«Новое Время», 14 окт. 1905 г.)

I.

Совершенно свободныя народныя собранія въ стѣнахъ университетовъ въ то время, какъ на улицѣ царитъ неограниченная треповщина, это—одинъ изъ самыхъ удивительныхъ парадоксовъ революціонно-политическаго развитія послѣднихъ мѣсяцевъ. Какой-то старый и невѣжественный генералъ Глазовъ, неизвѣстно почему оказавшійся министромъ просвѣщенія, создалъ, неожиданно для себя, убѣжища свободнаго слова. Либеральная профессура протестовала: университетъ—для науки; улицѣ не мѣсто въ академіи. Князь Сергѣй Трубецкой умеръ съ этой истиной на устахъ. Но дверь университета оставалась въ теченіе нѣсколькихъ недѣль широко раскрытой. «Народъ» заполнялъ коридоры, аудиторіи и залы. Рабочіе непосредственно изъ фабрикъ отправлялись въ университетъ. Власти растерялись. Онѣ могли давить, арестовывать, топтать и разстрѣливать рабочихъ, пока тѣ оставались на улицѣ или у себя на квартирѣ. Но чуть рабочій переступалъ порогъ университета, какъ немедленно становился неприкосновеннымъ. Массамъ давался предметный урокъ преимуществъ конституціоннаго права надъ правомъ самодержавнымъ.

30 сентября происходили первые свободные народные митинги въ университетахъ Петербурга и Кіева. Телеграфное агентство съ ужасомъ перечисляетъ публику, скопившуюся въ торжественномъ залѣ владимірскаго университета. Кромѣ студентовъ, толпу составляли, по словамъ телеграммы: множество «постороннихъ лицъ обоего пола, воспитанники средне-учебныхъ заведеній, подростки изъ городскихъ частныхъ училищъ, рабочіе, разнаго рода сбродъ и оборванцы».

Революціонное слово вырвалось изъ подполья и огласило университетскіе залы, аудиторіи, коридоры и дворы. Масса съ жадностью впитывала въ себя прекрасные въ своей простотѣ лозунги революціи. Неорганизованная случайная толпа, которая глупцамъ бюрократіи и проходимцамъ реакціонной журналистики, казалась «разнаго рода сбродомъ», проявляла нравственную дисциплину и политическую чуткость, исторгавшія крикъ удивленія даже у буржуазныхъ публицистовъ.

«Знаете, что больше всего меня поразило на университетскомъ митингѣ?—писалъ фельетонистъ «Руси». Необыкновенный, образцовый порядокъ! Въ актовой залѣ былъ вскорѣ объявленъ перерывъ, и я отправился бродить по коридору. Университетскій коридоръ, это—цѣлая улица. Всѣ аудиторіи, прилегающія къ коридору, были полны народа,—въ нихъ происходили самостоятельные митинги по фракціямъ. Самый коридоръ былъ переполненъ до послѣдней возможности, взадъ и впередъ двигалась толпа. Иные сидѣли на подоконникахъ, на скамьяхъ, на шкафахъ. Курили. Не громко разговаривали. Можно было подумать, что находишься на многочисленномъ раутѣ, только немножко болѣе серьезномъ, чѣмъ обыкновенно. А между тѣмъ это былъ народъ—самый настоящій, подлинный народъ, съ потрескавшимися отъ работы, красными руками, съ тѣмъ землистымъ цвѣтомъ лица, который является у людей, проводящихъ дни въ запертыхъ, нездоровыхъ помѣщеніяхъ. И у всѣхъ блестѣли глаза, глубоко ушедшіе въ орбиты... Для этихъ малорослыхъ, худыхъ, плохо упитанныхъ людей, пришедшихъ сюда съ фабрики или съ завода, изъ мастерской, гдѣ калятъ желѣзо, плавятъ чугунъ, гдѣ отъ жары и дыму захватываетъ дыханье, (университетъ) это—точно храмъ, высокій, просторный, сверкающій бѣлоснѣжными красками. И каждое слово, которое произносится здѣсь, звучитъ молитвой... Пробудившаяся любознательность, какъ губка, пьетъ всякое (?) ученіе».

Нѣтъ, не всякое ученье впитывала въ себя эта одухотворенная толпа. Пусть бы передъ ней попытались выступить тѣ реакціонные молодцы, которые лгутъ, будто между крайними партіями и массой нѣтъ политической солидарности. Они не смѣли! Они сидѣли по своимъ реакціоннымъ норамъ и ждали передышки, чтобъ клеветать на прошлое. Но не только они,—даже политики и ораторы либерализма не выступали передъ этой необозримой вѣчно мѣняющейся аудиторіей. Здѣсь безраздѣльно царили ораторы революціи. Здѣсь соціалдемократія связывала безчисленные атомы народа живой нерасторжимой политической связью. Великія соціальныя страсти массъ она переводила на языкъ законченныхъ революціонныхъ лозунговъ. Толпа, которая вышла изъ университета была уже не той толпой, которая вошла

въ университетъ... Митинги происходили каждый день. Настроеніе рабочихъ поднималось все выше, но партія не давала никакого призыва. Всеобщее выступленіе предполагалось значительно позже—къ годовщинѣ 9-го января и ко времени созыва Государственной Думы. Но событія сами надвинулись такъ скоро, какъ никто не ожидалъ.

II.

19-го сентября забастовали въ Москвѣ наборщики типографіи Сытина. Они потребовали сокращенія рабочаго дня и повышенія сдѣльной платы съ 1.000 буквъ, не исключая и знаковъ препинанія: это маленькое событіе открыло собой не болѣе и не менѣе, какъ всероссійскую политическую стачку, возникшую изъ-за знаковъ препинанія и сбившую съ ногъ абсолютизмъ.

Стачкой у Сытина воспользовалось, какъ жалуется въ своемъ сообщеніи департаментъ полиціи, неразрѣшеное правительствомъ сообщество, именующееся «Союзомъ московскихъ типо-литографскихъ рабочихъ». Къ вечеру 24-го бастовало уже 50 типографій. 25-го сентября на собраніи, разрѣшенномъ градоначальникомъ, была выработана программа требованій. Градоначальникъ усмотрѣлъ въ ней «произволъ совѣта депутатовъ отъ типографій» и во имя личной «независимости» рабочихъ, которой угрожалъ произволъ пролетарской самодѣятельности, полицейскій сатрапъ попытался задавить типографскую стачку кулакомъ.

Но стачка, возникшая изъ-за знаковъ препинанія, успѣла уже переброситься на другія отрасли. Забастовали московскіе хлѣбопеки, и при томъ такъ упорно, что двѣ сотни 1-го Донского казачьяго полка вынуждены были съ беззавѣтной храбростью, свойственной этому славному роду оружія, брать приступомъ булочную Филиппова. 1-го октября изъ Москвы телеграфировали, что забастовка на фабрикахъ и заводахъ начинаетъ сокращаться. Но это было только придыханіе.

2-го октября наборщики петербургскихъ типографій постановили демонстрировать свою солидарность съ московскими товарищами посредствомъ трехдневной забастовки. Изъ Москвы телеграфируютъ, что заводы «продолжаютъ бастовать». Уличныхъ недоразумѣній не было: лучшимъ союзникомъ порядка явился проливной дождь.

Желѣзныя дороги, которымъ суждено было сыграть такую огромную роль въ октябрьской борьбѣ, дѣлаютъ первое предостереже-

ніе. 29-го сентября началось броженіе въ мастерскихъ Московско-Курской и Московско-Казанской ж. д. Эти двѣ дороги готовы были открыть кампанію 1-го октября. Ихъ сдерживаетъ Желѣзнодорожный союзъ. Опираясь на опытъ февральскихъ, апрѣльскихъ и іюльскихъ забастовокъ отдѣльныхъ вѣтвей, онъ готовитъ всеобщую желѣзнодорожную стачку ко времени созыва Государственной Думы; сейчасъ онъ противъ частичныхъ выступленій. Но броженіе не унимается. Еще 20-го сентября въ Петербургѣ открылось офиціальное «Совѣщаніе» желѣзнодорожныхъ депутатовъ по поводу пенсіонныхъ кассъ. Совѣщаніе самочинно расширило свои полномочія и, при аплодисментахъ всего желѣзнодорожнаго міра, превратилось въ независимый профессіонально-политическій съѣздъ. Привѣтствія съѣзду шли со всѣхъ сторонъ. Броженіе росло. Мысль о немедленной всеобщей стачкѣ желѣзныхъ дорогъ начинаетъ пробиваться въ московскомъ узлѣ.

Третьяго октября телефонъ приноситъ намъ изъ Москвы вѣсть, что забастовка на фабрикахъ и заводахъ мало по малу уменьшается. На Московско-Бретской дорогѣ, гдѣ мастерскія бастовали, замѣтно движеніе въ пользу возобновленія работъ.

Забастовка еще не рѣшилась. Она размышляетъ и колеблется.

Собраніе депутатовъ отъ рабочихъ типографскаго цеха, механическаго, столярнаго, табачнаго и другихъ приняло рѣшеніе образовать, общій совѣтъ рабочихъ всей Москвы.

Въ ближайшіе дни все какъ бы направлялось къ умиротворенію. Стачка въ Ригѣ закончилась. Четвертаго и пятаго возобновились работы во многихъ московскихъ типографіяхъ. Вышли газеты. Черезъ день появились саратовскія изданія послѣ недѣльнаго перерыва: казалось, ничто не говоритъ о надвигающихся событіяхъ.

На университетскомъ митингѣ въ Петербургѣ, 5-го, выносится резолюція, призывающая закончить забастовки «по симпатіи» въ назначенный срокъ. Съ 6-го октября становятся на работу петербургскіе наборщики послѣ трехдневной стачечной манифестаціи. Въ тотъ же день петербургскій градоначальникъ уже оповѣщаетъ о полномъ порядкѣ на Шлиссельбургскомъ трактѣ и объ общемъ возобновленіи работъ, прерванныхъ московскими вѣстями. 7-го приступила къ работамъ половина рабочихъ Невскаго судостроительнаго завода. За Невской заставой работали всѣ заводы за исключеніемъ Обуховскаго, который объявилъ политическую забастовку до 10-го октября.

Повидимому, готовились наступить будни—конечно, революціонные будни. Казалась, стачка сдѣлала нѣсколько безпорядочныхъ опытовъ, бросила ихъ и ушла... Но это только казалось...

III.

На дѣлѣ она готовилась развернуться во всю. Она рѣшилась совершить свое дѣло въ кратчайшій срокъ—и сразу принялась за желѣзныя дороги.

Подъ вліяніемъ напряженнаго настроенія на всѣхъ линіяхъ, особенно въ московскомъ узлѣ, центральное бюро Желѣзнодорожнаго союза рѣшило объявить всеобщую забастовку. При этомъ имѣлась въ виду лишь повсемѣстная пробная мобилизація боевыхъ силъ; самый бой по прежнему откладывался до января.

7-ое октября было рѣшительнымъ днемъ. «Начались спазмы сердца», какъ писало «Новое Время»: московскія желѣзныя дороги отмирали одна за другой. Москва изолировалась отъ страны. По телеграфной проволокѣ помчались, обгоняя другъ друга, испуганныя телеграммы: Нижній, Арзамасъ, Кашира, Рязань, Веневъ на перебой жалуются на измѣну желѣзныхъ дорогъ.

7-го забастовала Московско-Казанская дорога. Въ Нижнемъ забастовала Ромодановская вѣтвь. На слѣдующій день забастовка распространилась на Московско-Ярославскую, Московско-Нижегородскую и Московско-Курскую линіи. Но другіе центральные пункты откликнулись не сразу.

8-го октября на совѣщаніи служащихъ петербургскаго узла рѣшено было дѣятельно приступить къ организаціи всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза, возникшаго на апрѣльскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобъ предъявить впослѣдствіи правительству ультиматумъ и поддержать свои требованія забастовкой всей желѣзнодорожной сѣти. О забастовкѣ здѣсь говорилось еще въ неопредѣленномъ будущемъ.

9-го октября забастовали Московско-Кіево-Воронежская, Московско-Брестская и другія линіи. Стачка овладѣваетъ положеніемъ и, чувствуя подъ собой твердую почву, она отмѣняетъ всѣ сдержанныя, выжидательныя и враждебныя ей рѣшенія.

9-го октября на экстренномъ собраніи петербургскаго делегатскаго съѣзда желѣзнодорожныхъ служащихъ формулируются и немедленно же разсылаются по телеграфу по всѣмъ линіямъ общіе лозунги желѣзнодорожной забастовки: 8-часовой рабочій день, гражданскія свободы, амнистія, учредительное собраніе.

Стачка начинаетъ увѣренно хозяйничать въ странѣ. Нерѣшительность покидаетъ ее. Вмѣстѣ съ ростомъ ихъ численности растетъ самоувѣренность ея участниковъ. Надъ экономическими нуждами профессій выдвигаются революціонныя требованія класса. Вырвавшись изъ профессіональныхъ и мѣстныхъ рамокъ, она начинаетъ чувствовать себя революціей,—и это придаетъ ей неслыханную отвагу.

Она мчится по рельсамъ и властно замыкаетъ за собой путь. Она предупреждаетъ о своемъ шествіи по проволокѣ желѣзнодорожнаго телеграфа. «Бастуйте!» приказываетъ она во всѣ концы.—9-го газеты сообщили всей Россіи, что на Казанской дорогѣ арестованъ съ прокламаціями какой-то электротехникъ Бѣдновъ. Они все еще надѣялись остановить ее, конфисковавъ пачку прокламацій. Безумцы! Она идетъ впередъ...

Она преслѣдуетъ колоссальный планъ—пріостановить промышленную и торговую жизнь во всей странѣ,—и она не упускаетъ при этомъ ни одной детали. Гдѣ телеграфъ отказывается ей служить, она съ военной рѣшительностью разрываетъ проволоку или опрокидываетъ столбы. Она задерживаетъ безпокойные паровозы и выпускаетъ изъ нихъ пары. Она пріостанавливаетъ электрическія станціи, а если это трудно—она портитъ электрическіе провода и погружаетъ вокзалы въ мракъ. Гдѣ упрямое противодѣйствіе мѣшаетъ ея планамъ, тамъ она не задумывается развести рельсы, испортить семафоръ, опрокинуть локомотивъ, загородить путь, поставить вагонъ поперекъ моста. Она проникаетъ на элеваторъ и прекращаетъ дѣйствіе подъемной машины. Товарные поѣзда она задерживаетъ тамъ, гдѣ настигаетъ ихъ, а пассажирскіе она нерѣдко доставляетъ до узловой станціи или до мѣста назначенія.

Только для своихъ собственныхъ цѣлей она разрѣшаетъ себѣ нарушить обѣтъ недѣланія. Она открываетъ типографію, когда ей нужны бюллетени революціи, она пользуется телеграфомъ для забастовочныхъ предписаній, она пропускаетъ поѣзда съ делегатами стачечниковъ.

Во всемъ остальномъ она не дѣлаетъ изъятій: она закрываетъ заводы, аптеки, лавки, суды.

Время отъ времени ея вниманіе утомляется и бдительность ослабѣваетъ то здѣсь, то тамъ. Иногда шальной поѣздъ прорывается сквозь стачечную заставу,—тогда она снаряжаетъ за нимъ погоню. Онъ бѣжитъ, какъ преступникъ, мимо темныхъ и пустыхъ вокзаловъ, безъ телеграфныхъ предупрежденій, сопровождаемый ужасомъ и неизвѣстностью. Но въ концѣ концовъ она настигаетъ его, останавливаетъ паровозъ, изгоняетъ машиниста и выпускаетъ пары.

Она пускаетъ въ ходъ всѣ средства: она призываетъ, убѣждаетъ, заклинаетъ, она умоляетъ на колѣняхъ—такъ поступила въ Москвѣ женщина-ораторъ на платформѣ Курскаго вокзала—она угрожаетъ, стращаетъ, забрасываетъ камнями, наконецъ, стрѣляетъ изъ браунинга. Она хочетъ добиться своей цѣли во что бы то ни стало. Она слишкомъ много ставитъ на карту: кровь отцовъ, хлѣбъ дѣтей, наконецъ, репутацію своей силы. Цѣлый классъ повинуется ей,—и если ничтожная частица его,

развращенная тѣми, противъ кого она борется, становится поперекъ ея пути, мудренно ли, если она грубымъ пинкомъ отбрасываетъ помѣху въ сторону?

IV.

Двигательные нервы страны замираютъ все больше и больше. Экономическій организмъ коченѣетъ. Смоленскъ, Кирсановъ, Тула, Лукояновъ безпомощно жалуются на полную желѣзнодорожную забастовку. Неуклюжіе желѣзнодорожные батальоны ничего не въ силахъ подѣлать, когда противъ нихъ вся линія, вся сѣть. Десятаго замерли почти всѣ дороги, примыкающія къ Москвѣ, въ томъ числѣ Николаевская (до Твери)—и Москва совершенно затерялась въ центрѣ необъятной территоріи. Послѣдняя дорога Московскаго узла, Савеловская, забастовала 16-го.

10-го вечеромъ въ залѣ московскаго университета собрались забастовавшіе желѣзнодорожные служащіе и постановили бастовать—до удовлетворенія всѣхъ требованій.

Желѣзнодорожная стачка отъ центра надвинулась на окраины. Восьмого забастовала Рязано-Уральская линія, девятаго—Брянская линія Полѣсской дороги и Смоленскъ—Данковъ; десятаго—Курско-Харьково-Севастопольская и Екатерининская ж. д., всѣ дороги Харьковскаго узла. Цѣны на продукты всюду стали быстро возрастать. 11-го Москва уже стала жаловаться на отсутствіе молока.

Въ этотъ день желѣзнодорожная стачка сдѣлала еще новыя завоеванія. Начало прекращаться движеніе на Самаро-Златоустовской дорогѣ. Сталъ Орловскій узелъ. На юго-западныхъ дорогахъ забастовали самыя крупныя станціи: Казатинъ, Бирзула и Одесса, на Харьково-Николаевской—Кременчугъ. Остановились Полѣсскія дороги. Въ Саратовъ въ теченіе дня прибыло три поѣзда исключительно съ делегатами, выбранными отъ забастовщиковъ. Делегатскіе поѣзда, какъ сообщаетъ телеграфъ, встрѣчались на всемъ пути слѣдованія восторженно.

Желѣзнодорожная забастовка распространяется неотвратимо, втягивая линію за линіей, поѣздъ за поѣздомъ. 11-го октября курляндскій генералъ-губернаторъ издалъ срочное постановленіе, карающее за прекращеніе работъ на дорогѣ заключеніемъ въ тюрьму на 3 мѣсяца. 12-го уже не было поѣздовъ между Москвой и Крейцбургомъ, линія забастовала, поѣзъ въ Виндаву не пришелъ. 15-го прекращена въ Виндавѣ работа на элеваторѣ и въ коммерческомъ желѣзно-дорожномъ агентствѣ.

Въ ночь съ 11-го на 12-ое пріостановилось движеніе на всѣхъ привислянскихъ вѣтвяхъ. Утромъ не вышли изъ Варшавы поѣзда въ Петербургъ. Въ тотъ же день, 12-го, забастовка оцѣпила Петербургъ. Революціонный инстинктъ подсказалъ ей правильную тактику: она сперва подняла на ноги всю провинцію, забросала правящій Петербургъ тысячами перепуганныхъ телеграмъ, создала, такимъ образомъ, «психологическій моментъ», терроризировала центральныя власти, и затѣмъ явилась сама, чтобы нанести послѣдній ударъ. Утромъ 12-го съ полнымъ единодушіемъ было проведено прекращеніе работъ во всемъ петербургскомъ узлѣ. Только Финляндская линія работала, поджидая революціонной мобилизаціи всей Финляндіи,—она стала только четыре дня спустя, 16-го. Тринадцатаго октября забастовка достигла Ревеля, Либавы, Риги и Бреста. Прекращены работы на ст. Пермь. Остановлено движеніе на части Ташкентской дороги. Четырнадцатаго забастовали Брестскій узелъ, Закавказская дорога и станціи Асхабадъ и Новая Бухара на Средне-Азіатской ж. д. Въ этотъ же день забастовка открылась на Сибирскомъ пути; начавъ съ Читы и Иркутска и передвигаясь съ востока на западъ, она 17 октября докатилась до Челябинска и Кургана. 15-го октября стала ст. Баку, 17-го забастовала ст. Одесса.

Къ параличу двигательныхъ нервовъ присоединился на время параличъ нервовъ чувствительныхъ,—телеграфное сообщеніе было прервано: 11-го окт.—въ Харьковѣ, 13-го—въ Челябинскѣ и Иркутскѣ, 14-го въ Москвѣ, 15-го—въ Петербургѣ.

Изъ-за забастовки дорогъ почта отказалась отъ пріема иногородней корреспонденціи.

На старомъ московскомъ тракту показалась тройка подъ кованной дугой.

Стали не только всѣ россійскія и польскія дороги, но также владикавказская, закавказская и сибирская.—Бастовала вся желѣзнодорожная армія: $^3/_4$ милліона человѣкъ!

V.

Появились озабоченные бюллетени хлѣбной, товарной, мясной, зеленной, рыбной и другихъ биржъ. Цѣны на съѣстные продукты, особенно на мясо, быстро крѣпчали. Денежная биржа трепетала. Революція всегда была ея смертельнымъ врагомъ. Какъ только

онѣ оказались лицомъ къ лицу, биржа заметалась безъ памяти. Она бросилась къ телеграфу, но телеграфъ враждебно молчалъ. Почта тоже отказывается служить. Биржа постучалась въ Государственный банкъ, но оказалось, что онъ не отвѣчаетъ за срочность переводовъ. Акціи желѣзнодорожныхъ и промышленныхъ предпріятій снялись съ мѣста, какъ стая испуганныхъ птицъ, и полетѣли—но не вверхъ, а внизъ. Въ темномъ царствѣ биржевой спекуляціи воцарилась паника и скрежетъ зубовный. Денежное обращеніе затруднилось. Платежи изъ провинціи въ столицы перестали поступать. Фирмы, производящія разсчетъ на наличныя, пріостановили платежи. Число опротестованныхъ векселей стало быстро возрастать. Векселедатели, бланкодатели, поручители, плательщики и поручатели засуетились, заметались и потребовали нарушенія созданныхъ на ихъ предметъ законовъ, потому что она—стачка, революція—нарушила всѣ законы хозяйственнаго оборота.

Стачка не ограничивается желѣзными дорогами. Она стремится стать всеобщей.

Выпустивъ пары и потушивъ вокзальные огни, она вмѣстѣ съ толпою желѣзнодорожныхъ рабочихъ уходитъ въ городъ. Она задерживаетъ трамвай, беретъ подъ уздцы лошадь извощика и сводитъ сѣдока, закрываетъ магазины, рестораны, кофейни, трактиры и увѣренно подходитъ къ воротамъ фабрики. Тамъ ее уже ждутъ. Дается тревожный свистокъ, работа прекращается, и толпа на улицѣ возрастаетъ. Она идетъ дальше и уже несетъ красное знамя. На знамени сказано, что она хочетъ учредительнаго собранія и республики, что она борется за соціализмъ. Она проходитъ мимо редакціи реакціонной газеты. Съ ненавистью оглядывается на этотъ очагъ идейной заразы, и, если подъ руку ей попадается камень, она запускаетъ его въ окно. Либеральная пресса, которая думаетъ, что служитъ народу, высылаетъ къ ней депутацію, обѣщаетъ вносить «примиреніе» въ эти страшные дни и проситъ пощады. Ея ходатайство оставляется безъ вниманія. Наборныя кассы задвигаются, наборщики выходятъ на улицу. Закрываются конторы, банки... Стачка царитъ.

Десятаго октября открывается всеобщая политическая стачка въ Москвѣ, Харьковѣ и Ревелѣ. Одиннадцатаго—въ Смоленскѣ, Козловѣ, Екатеринославѣ и Лодзи. Двѣнадцатаго — въ Курскѣ, Бѣлгородѣ, Самарѣ, Саратовѣ и Полтавѣ. Тринадцатаго—въ Петербургѣ, Оршѣ, Минскѣ, Кременчугѣ, Симферополѣ. Четырнадцатаго—въ Гомелѣ, Калишѣ, Ростовѣ на Дону, Тифлисѣ, Иркутскѣ. Пятнадцатаго—въ Вильнѣ, Одессѣ, Батумѣ. Шестнадцатаго — въ Оренбургѣ. Семнадцатаго—въ Юрьевѣ, Витебскѣ, Томскѣ. Бастовали также Рига, Либава, Варшава, Плоцкъ, Бѣлостокъ, Ковно, Двинскъ, Псковъ, Полтава ,Николаевъ, Маріуполь, Казань, Ченсто-

хово, Златоустъ и др. [1]) Всюду замираетъ промышленная, а во многихъ мѣстахъ и торговая жизнь. Учебныя заведенія закрываются. Къ стачкѣ пролетаріата присоединяются «союзы» интеллигенціи. Присяжные засѣдатели во многихъ случаяхъ отказываются судить, адвокаты—защищать, врачи—лѣчить. Мировые судьи закрываютъ свои камеры.

VI.

Стачка организуетъ колоссальные митинги. Напряженіе массы и растерянность власти растутъ параллельно, взаимно питая другъ друга. Улицы и площади заполняются конными и пѣшими патрулями. Казаки провоцируютъ стачку на отпоръ: они наскакиваютъ на толпу, хлещутъ плетьми, рубятъ шашками, стрѣляютъ безъ предупрежденія, изъ-за угла.

Тогда стачка показываетъ, гдѣ можетъ, что она вовсе не простое выжидательное прекращеніе работъ, не пассивный протестъ со скрещенными на груди руками. Она обороняется и въ своей оборонѣ переходитъ въ наступленіе.

Въ нѣсколькихъ южныхъ городахъ она строитъ баррикады, овладѣваетъ оружейными магазинами, вооружается и даетъ если не побѣдоносный, то героическій отпоръ.

Въ Харьковѣ, 10-го октября, послѣ митинга толпа овладѣла оружейнымъ магазиномъ. 11-го возлѣ университета были воздвигнуты рабочими и студентами баррикады. Поперекъ улицъ были уложены срубленные телеграфные столбы; къ нимъ присоединили: желѣзныя ворота, ставни, рѣшетки, упаковочные ящики, доски и бревна; все это было скрѣплено телеграфной проволокой. Нѣкоторыя баррикады были укрѣплены на фундаментѣ изъ камней; поверхъ бревенъ были навалены тяжелыя плиты, вывороченныя изъ троттуара. Къ часу дня при помощи этой простой, но благородной архитектуры было воздвигнуто десять баррикадъ. Забаррикадированы были также окна и проходы университета. «Районъ, гдѣ находится университетъ», былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Власть надъ нимъ вручена какому то, безъ сомнѣнія, доблестному генерелъ-лейтенанту Мау. Губернаторъ пошелъ, однако, на соглашеніе. При посредствѣ либераль-

---

[1]) Нашъ первоначальный перечень, составленный на основаніи газетнаго матеріала, мы пополнили по статьѣ г. Прокоповича: «Октябрьская забастовка» («Безъ заглавія», № 1, стр. 22 и 23).

ной буржуазіи были выработаны почетныя условія капитуляціи. Организована милиція, которую восторженно привѣтствуютъ граждане. Порядокъ возстановляется милиціей. Изъ Петербурга требуютъ, однако, раздавить порядокъ силой. Милиція разгоняется, городъ снова во власти конныхъ и пѣшихъ хулигановъ.

Въ Екатеринославѣ 11-го октября, послѣ предательскаго разстрѣла казаками мирной толпы, на улицахъ впервые появились баррикады. Ихъ было шесть. Самая большая изъ нихъ, баррикада-мать, стояла на Брянской площади. Возы, рельсы, столбы, десятки мелкихъ предметовъ—все то, чѣмъ революція, по выраженію Виктора Гюго, можетъ швырнуть въ голову старому порядку—пошли на ея постройку. Скелетъ баррикады покрытъ толстымъ слоемъ земли. По сторонамъ вырыты рвы, а передъ ними устроены проволочныя загражденія. На каждой баррикадѣ съ утра находилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Первый приступъ военныхъ силъ былъ неудаченъ, только въ $3^1/_2$ часа солдаты завладѣли первой баррикадой. Когда они наступали, съ крышъ были брошены двѣ бомбы, одна за другой; среди солдатъ убитые и раненые. Къ вечеру войска взяли всѣ баррикады. 12-го въ городѣ наступило спокойствіе кладбища. Армія чистила свои винтовки, а революція хоронила свои жертвы.

Шестнадцатое октября было днемъ баррикадъ въ Одессѣ. Съ утра на Преображенской и Ришельевской улицахъ опрокидывали вагоны трамвая, снимали вывѣски, рубили деревья, сносили въ кучу скамейки. Окруженныя загражденіями изъ колючей проволоки, четыре баррикады преграждали улицы во всю ширину. Онѣ были взяты солдатами послѣ боя и разметаны съ помощью дворниковъ.

Во многихъ другихъ городахъ были уличныя столкновенія съ войсками, были попытки строить баррикады. Но въ общемъ и цѣломъ октябрьскіе дни оставались политической стачкой, революціонными маневрами, единовременнымъ смотромъ всѣхъ боевыхъ силъ, во всякомъ случаѣ—не вооруженнымъ возстаніемъ.

VII.

И тѣмъ не менѣе абсолютизмъ уступилъ. Страшное напряженіе, охватившее всю страну, растерянныя провинціальныя донесенія, подавлявшія одной своей численностью, полная неизвѣстность относительно того, что готовитъ завтрашній день—все это создало невѣроятную панику въ правительственныхъ рядахъ.

Полной и безусловной увѣренности въ арміи не было: на митингахъ появлялись солдаты; ораторы—офицеры увѣряли, что треть арміи «съ народомъ». Забастовка желѣзныхъ дорогъ создавала къ тому же непреодолимыя препятствія дѣлу военныхъ усмиреній. И наконецъ—европейская биржа. Она поняла, что имѣетъ дѣло съ революціей, и заявила, что не хочетъ этого долѣе терпѣть. Она требуетъ порядка и конституціонныхъ гарантій.

Потерявшій голову и сбитый съ ногъ абсолютизмъ пошелъ на уступки. Былъ объявленъ манифестъ. Графъ Витте сдѣлался премьеромъ, и при томъ—пусть онъ попробуетъ это опровергнуть!—благодаря побѣдѣ революціонной стачки, точнѣе будетъ сказать: благодаря неполнотѣ этой побѣды. Въ ночь съ 17-го на 18-ое народъ ходилъ по улицамъ съ красными знаменами, требовалъ амнистіи, пѣлъ «вѣчную память» на мѣстахъ январскихъ убійствъ и возглашалъ «анаѳему» подъ окнами Побѣдоносцева «Новаго Времени»... 18-го утромъ начались первыя убійства конституціонной эры.

Врагъ не былъ задушенъ. Онъ только временно отступилъ предъ неожиданно развернувшейся силой. Октябрьская стачка показала, что революція можетъ теперь единовременно поставить на ноги всю городскую Россію. Это огромный шагъ впередъ,—и правящая реакція оцѣнила его, когда на октябрьскую пробу силъ отвѣтила, съ одной стороны, манифестомъ 17 октября, съ другой—призывомъ всѣхъ своихъ боевыхъ кадровъ для дѣла чернаго террора.

VIII.

Десять лѣтъ тому назадъ Плехановъ сказалъ на лондонскомъ соціалистическомъ конгрессѣ: русское революціонное движеніе восторжествуетъ, какъ рабочее движеніе, или вовсе не восторжествуетъ.

7-го января 1905-года г. Струве писалъ: «революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ».

17-го октября самодержавное правительство расписалось въ первой серьезной побѣдѣ революціи,—и эта побѣда была одержана пролетаріатомъ. Плехановъ былъ правъ: революціонное движеніе восторжествовало, какъ рабочее движеніе.

Правда, октябрьская стачка прошла не только при матеріальной помощи буржуазіи, но и при поддержкѣ стачкой либераль-

ныхъ профессій. Однако, это не мѣняетъ дѣла. Стачка инженеровъ, адвокатовъ и врачей никакого самостоятельнаго значенія имѣть не могла. Она въ очень малой степени увеличила политическое значеніе всеобщей стачки труда. Зато она подчеркнула неоспоримую неограниченную гегемонію пролетаріата въ революціонной борьбѣ: либеральныя профессіи, которыя послѣ 9-го января усвоили основные демократическіе лозунги, выдвинутые петербургскими рабочими, въ октябрѣ подчинились даже тому методу борьбы, который составляетъ специфическую силу пролетаріата: забастовкѣ. Наиболѣе революціонное крыло интеллигенціи, студенчество, уже давно перенесло, при торжественныхъ протестахъ всей либеральной профессуры, забастовочную борьбу изъ фабрикъ въ университеты. Дальнѣйшій ростъ революціонной гегемоніи пролетаріата распространилъ стачку на суды, аптеки, земскія управы и городскія думы.

Стачка въ октябрѣ была демонстраціей пролетарской гегемоніи въ буржуазной революціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, демонстраціей гегемоніи города въ деревенской странѣ.

Старая власть земли, обоготворенная народничествомъ, смѣнилась деспотіей капиталистическаго города.

Городъ сталъ хозяиномъ положенія. Онъ сосредоточилъ въ себѣ колоссальныя богатства, онъ прикрѣпилъ къ себѣ деревню желѣзомъ рельсовъ, по этимъ рельсамъ онъ стянулъ въ свои нѣдра лучшія силы иниціативы и творчества во всѣхъ областяхъ жизни, онъ матеріально и духовно закабалилъ себѣ всю страну. Тщетно реакція высчитываетъ процентъ городского населенія и утѣшаетъ себя тѣмъ, что Россія—все еще крестьянская страна. Политическая роль современнаго города такъ же мало измѣряется голой цифрой его обитателей, какъ и его экономическая роль. Отступленіе реакціи предъ стачкой города при молчаньи деревни—лучшее доказательство диктатуры города.

Октябрьскіе дни показали, что въ революціи гегемонія принадлежитъ городамъ, въ городахъ пролетаріату. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они обнаружили политическую отрѣзанность сознательно-революціоннаго города отъ стихійно-возбужденной деревни.

Октябрьскіе дни на практикѣ поставили въ колоссальномъ масштабѣ вопросъ: на чьей сторонѣ армія? Они показали, что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ судьба русской свободы.

Октябрьскіе дни революціи вызвали октябрьскую оргію реакціи. Черная сила воспользовалась моментомъ революціоннаго отлива и произвела кровавую атаку. Своимъ успѣхомъ она была обязана тому, что стачка—революція, выпустившая изъ рукъ молотъ, еще не взяла меча. Октябрьскіе дни со страшной силой показали революціи, что ей необходимо оружіе.

Организовать деревню и связать ее съ собою; тѣсно связаться съ арміей; вооружиться — вотъ простые и большіе выводы, продиктованные пролетаріату октябрьской борьбой и октябрьской побѣдой.

На эти выводы опирается революція.

Въ нашемъ очеркѣ «До 9-го января», написанномъ въ эпоху либеральной «весны», мы пытались намѣтить тѣ пути, которыми должно пойти дальнѣйшее развитіе революціонныхъ отношеній. Мы со всей энергіей выдвинули при этомъ массовую политическую стачку, какъ неизбѣжный методъ русской революціи. Нѣкоторые проницательные политики (впрочемъ, люди почтенные во всѣхъ отношеніяхъ) обвиняли насъ въ попыткѣ предписать для революціи рецептъ. Эти критики разъясняли намъ, что стачка, какъ специфическое средство классовой пролетарской борьбы, не можетъ играть въ условіяхъ національной буржуазной революціи ту роль, какую мы ей «навязываемъ». Событія, развивавшіяся наперекоръ многимъ глубокомысленнымъ шаблонамъ, давно ужъ избавили насъ отъ необходимости возражать этимъ почтеннымъ критикамъ. Всеобщая петербургская стачка, на почвѣ которой разыгралась драма 9-го января, разразилась, когда названный очеркъ не вышелъ еще изъ печати:— очевидно, нашъ «рецептъ» представлялъ собою простой плагіатъ у революціоннаго развитія.

Въ февралѣ 1905 года, во время хаотическихъ разрозненныхъ стачекъ, вызванныхъ непосредственно Кровавымъ Воскресеньемъ въ Петербургѣ, мы писали:

«Послѣ 9-го января революція уже не знаетъ остановки. Она уже не ограничивается подземной, скрытой для глазъ работой возбужденія все новыхъ народныхъ массъ,—она перешла къ открытой и спѣшной перекличкѣ своихъ боевыхъ ротъ, полковъ батальоновъ и корпусовъ. Главную силу ея арміи составляетъ пролетаріатъ, поэтому орудіемъ своей переклички революція дѣлаетъ стачку.

«Профессія за профессіей, фабрика за фабрикой, городъ за городомъ бросаютъ работу. Желѣзнодорожный персоналъ выступаетъ застрѣльщикомъ стачки, желѣзнодорожныя линіи являются путями стачечной эпидеміи. Предъявляются экономическія требованія, которыя почти сейчасъ же удовлетворяются, вполнѣ или отчасти. Но ни начало стачки, ни конецъ ея не обусловливаются въ полной мѣрѣ характеромъ предъявленныхъ требованій и формой ихъ удовлетворенія. Каждая отдѣльная стачка возникаетъ не потому, что повседневная экономическая борьба уперлась въ опредѣленныя требованія,—наоборотъ: требованія подбираются и формулируются потому, что нужна стачка. Нужно предъявить— самимъ себѣ, рабочимъ другихъ мѣстъ, всему народу—свои на-

копленныя силы, свою боевую отзывчивость и боевую готовность,—нуженъ всеобщій революціонный смотръ. И сами стачечники, и тѣ, которые ихъ поддерживаютъ, и тѣ, которые ихъ боятся, и тѣ, которые ихъ ненавидятъ,—всѣ понимаютъ или смутно чувствуютъ, что эта бѣшеная стачка, которая мечется съ мѣста на мѣсто, останавливается, кружится, снова снимается и возвращается на покинутое мѣсто, потомъ срывается и вихремъ мчится впередъ,—всѣ понимаютъ или чувствуютъ, что она—не отъ себя, что она творитъ лишь волю пославшей ее революціи» [1]).

Мы не ошиблись: на почвѣ, подготовленной девятимѣсячной забастовочной кампаніей, выросла великая стачка въ октябрѣ.

Для органически-поверхностнаго либерализма октябрьская стачка была такой же неожиданностью, какъ и 9-ое января. Въ его предварительную историческую схему эти событія не входили, они врѣзались въ нее клиномъ, и либеральная мысль мирилась съ ними, заднимъ числомъ. Мало того. Если до октябрьской стачки либерализмъ, опиравшійся на земскіе съѣзды, презрительно игнорировалъ идею всеобщей забастовки, то послѣ 17-го октября тотъ же либерализмъ, въ лицѣ своего лѣваго крыла, опираясь на фактъ побѣдоносной стачки, возсталъ противъ всякой другой формы революціонной борьбы.

«Эта мирная забастовка,—писалъ г. Прокоповичъ въ «Правѣ»,—забастовка, сопровождавшаяся гораздо меньшимъ числомъ жертвъ, чѣмъ январское движеніе, закончившаяся государственнымъ переворотомъ, была революціей, кореннымъ образомъ измѣнившей государственный строй Россіи».

«Исторія, продолжаетъ онъ, лишивъ пролетаріатъ одного изъ средствъ борьбы за народныя права,—уличное возстаніе и баррикады,—дала ему другое еще болѣе могучее средство,—всеобщую политическую забастовку» [2]).

Изъ приведенныхъ выше справокъ видно, какое огромное значеніе мы придавали массовой политической стачкѣ, какъ неизбѣжному методу русской революціи, въ то время, когда радикализмъ гг. Прокоповичей питался отраженными надеждами земской оппозиціи. Но мы никоимъ образомъ не можемъ признать, будто всеобщая стачка отмѣнила и замѣнила старые методы революціи. Она лишь видоизмѣнила и дополнила ихъ. И равнымъ образомъ, какъ ни высоко ставимъ мы значеніе октябрьской забастовки, мы никакъ, однако, не можемъ признать, будто она «кореннымъ образомъ измѣнила государственный строй Россіи». Наоборотъ, все послѣдующее политическое развитіе только тѣмъ

---

[1]) См. сборникъ: «Искра. За два года». С.-Петербургъ 1906 г., т. II, стр. 169.

[2]) «Право», 1905 г., № 41.

и объясняется, что октябрьская стачка оставила государственный строй неизмѣннымъ. Болѣе того, она и не могла совершить государственный переворотъ. Какъ политическая стачка, она исчерпала свою миссію тѣмъ, что поставила враговъ лицомъ къ лицу.

Безспорно, забастовка желѣзныхъ дорогъ и телеграфа вносила крайнюю дезорганизацію въ правительственный механизмъ. Эта дезорганизація становилась тѣмъ больше, чѣмъ дольше длилась забастовка. Но затяжная забастовка вносила разложеніе во всю хозяйственно-общественную жизнь и неизбѣжно ослабляла самихъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ стачка не могла не прекратиться. Но какъ только задымилась труба перваго паровоза и застучалъ первый аппаратъ Морза, удержавшаяся власть получала возможность замѣнить всѣ сломанные рычаги и вообще обновить негодныя части старой государственной машины.

Въ борьбѣ крайне важно ослабить врага; эту работу дѣлаетъ стачка. Она же ставитъ единовременно на ноги армію революціи. Но ни то, ни другое само по себѣ не создаетъ государственнаго переворота.

Остается еще вырвать власть изъ рукъ ея старыхъ носителей и передать ее въ руки революціи. Это-то и есть основная задача. Всеобщая стачка создаетъ для нея лишь необходимыя предпосылки, но для рѣшенія ея методъ стачки совершенно недостаточенъ.

Старая государственная власть опирается на свою матеріальную силу, прежде всего на армію. На пути къ дѣйствительному, а не бумажному «перевороту» стоитъ армія. Въ извѣстный моментъ революціи въ главу угла становится вопросъ: на чьей сторонѣ симпатіи и штыки солдатъ? Этотъ вопросъ не разрѣшается посредствомъ анкеты. Можно высказать много цѣнныхъ и мѣткихъ замѣчаній насчетъ широкихъ и прямыхъ улицъ современныхъ городовъ, насчетъ новѣйшихъ ружейныхъ образцовъ и пр. и пр., но всѣ эти техническія соображенія не устраняютъ вопроса о революціонномъ завоеваніи государственной власти. Косность арміи должна быть преодолѣна. Революція достигаетъ этого, сталкивая съ арміей народныя массы. Всеобщаи стачка создаетъ благопріятныя условія такого столкновенія. Это суровый методъ, но другого у исторіи нѣтъ.

Статьи изъ газеты „Начало“.

(Ноябрь 1905 г.)

I.

Или-или.

Революція въ самой категорической формѣ ставитъ сегодня вопросъ: съ нею или противъ нея?

Правда, этотъ вопросъ впервые поставленъ не сегодня. Въ сущности вся исторія демократіи за истекшій періодъ революціи есть рядъ растерянныхъ и неясныхъ для нея самой колебаній между противоположными отвѣтами на вопросъ: съ революціей или независимо отъ нея и, значитъ, противъ нея.

Въ моментъ прошлогодняго ноябрьскаго земскаго съѣзда либеральная демократія рѣшила, что «спокойное» и вмѣстѣ «отважное» выступленіе представителей земли и капитала уже само по себѣ рѣшаетъ вопросъ освобожденія,—и она рванулась за земцами, рѣшивъ, что единственное употребленіе, которое она можетъ изъ себя сдѣлать—это превратиться въ стоголосое эхо требованій земской программы. Съ добровольнымъ упорствомъ она закрывала при этомъ глаза на то, что ноябрьскіе тезисы не только принципіально рвали съ азіатскимъ деспотизмомъ, но и хоронили идею демократіи.

9-ое января выдвинуло предъ лѣвымъ флангомъ либерализма, уставшимъ отъ ожиданія правительственнаго отвѣта на земскую программу, другую, революціонную сторону политической проблемы. Подъ громъ ружейныхъ залповъ, отражавшихъ первый наивный натискъ массъ на монархію, революціонной молніей сверкнула идея, что проблема свободы есть проблема силы. Царскіе гвардейцы не только отбросили петербургскихъ рабочихъ отъ Зимняго Дворца, они отбросили влѣво русскій либерализмъ и еще лѣвѣе либерализма — русскую демократію. Она переняла отъ петербургскаго пролетаріата требованіе всенароднаго учредительнаго собранія, какъ лозунгъ, который могъ связать ее съ массой.

18 февраля, этотъ дополнительный отвѣтъ самодержавія на

январскій крестный ходъ революціи, снова выдвинулъ въ глазахъ демократіи земцевъ, какъ предопредѣленныхъ и отнынѣ призванныхъ представителей народа. Революціонная перспектива снова затмевается. Путь къ свободѣ снова становится простымъ и канцелярски яснымъ—черезъ комиссію гофмейстера Булыгина. Либеральное «общество» расходуетъ себя на то, чтобъ связать демократическій лозунгъ, навязанный либерализму пролетаріатомъ, съ земской тактикой канцелярскихъ соглашеній.

Но реализація туманныхъ обѣщаній февральскаго рескрипта откладывается на неопредѣленный срокъ. Демократія оглядывается на собственные ряды и дѣлаетъ попытку ихъ политическаго сплоченія. Она еще въ сущности сама не знаетъ—для чего?

И именно ея колебанія въ вопросѣ навстрѣчу революціи или навстрѣчу реформаторскому абсолютизму? Подсказываютъ ей форму профессіональныхъ организацій, которая объединяетъ всѣ оттѣнки, нейтрализуя ихъ.

Майская катастрофа у Цусимы и дополняющее ее провозглашеніе треповской диктатуры, аудіенція земскихъ паломниковъ въ Петергофѣ, какъ дополненіе треповской диктатуры, іюньское возстаніе на Черномъ морѣ, какъ отвѣтъ революціи на Цусиму, и, наконецъ, 6 августа, какъ отвѣтъ самодержавія на іюньское возстаніе—вотъ вѣхи, опредѣляющія ломанную линію надеждъ, плановъ, ожиданій и разочарованій либеральной демократіи. Надеждъ и плановъ но не дѣйствій, потому что ея промежуточное положеніе между путями правительственной реформы и народной революціи осуждало ее на политическую пассивность. Ея политики, ея публицисты, ея офиціальные вожди, которые возводили ея политическую растерянность въ руководящій принципъ, искали выхода изъ затруднительнаго положенія ничѣмъ не руководящихъ вождей, въ томъ, что послѣ реформаторскаго правительственнаго возвѣщенія провозглашали: главная работа нами совершена, главная позиція наша завоевана. 12 декабря, 18 февраля, 6 августа, и, наконецъ, 17 октября либеральные политики прокламировали совершившійся «государственный переворотъ» и, вмѣсто того, чтобы видѣть революцію впереди, заявляли, что оставили ее позади себя.

Гг. Струве, Милюковы, Родичевы, Петрункевичи и всѣ другіе сперва отстранили вопросъ о революціонной тактикѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ преждевременно можетъ прервать процессъ организаціи демократическихъ силъ, а затѣмъ когда возможная мобилизація демократіи была завершена, они отстраняли этотъ вопросъ, какъ запоздалый въ виду того, что переворотъ—уже совершившійся фактъ.

Такой тактикой они, разумѣется, меньше всего служили дѣлу свободы. Но они несомнѣнно и притомъ сознательно служили

дѣлу цензовой оппозиціи, — ибо демократія, практически не опредѣлившая своего отношенія къ революціи, обезличенная внутренней разнородностью, представляетъ собой не что иное, какъ безмолствующій «народъ» при контръ-революціонныхъ діалогахъ земцевъ съ властью.

Пока оппозиція помѣщичьяго землевладѣнія и промышленнаго капитала, подталкиваемая, съ одной стороны, напоромъ массъ, а съ другой—сопротивленіемъ абсолютизма, шла по восходящей кривой, демократія могла, скрывая отъ самой себя двойственность своей политики, отрицать самую наличность альтернативы: съ земской оппозиціей или съ народной революціей.

Далѣе такое состояніе уже абсолютно невозможно!

Стачка труда, показавшая себя могучимъ орудіемъ революціи, но внесшая «анархію» въ промышленность, заставила оппозиціонный капиталъ выше всѣхъ лозунговъ либерализма поставить лозунгъ государственнаго порядка и непрерывности капиталистической эксплуатаціи. Аграрная революція, сдѣлавшая своимъ лозунгомъ и введшая въ практику захватъ помѣщичьихъ земель заставила помѣщичій либерализмъ выше всякой идеи парламентаризма поставить потребность въ крѣпкой государственной власти, умѣющей встать на защиту собственности.

Либеральная земщина—болѣе робко—либеральный капиталъ—болѣе увѣренно, поставили своей задачей соглашеніе съ правительствомъ guand-même, во чтобы то ни стало. Формально-это соглашеніе должно состояться на почвѣ манифеста 17 октября; по существу —на почвѣ борьбы съ революціей во имя буржуазно-монархическаго правопорядка—съ императорской арміей въ основѣ.

Альтернатива, стоявшая предъ демократіей во все время ея политическаго существованія, раскрывается теперь съ невиданной остротой,—и даже тѣ либеральные вожди, репутація которыхъ спасалась до вчерашняго дня неопредѣленностью политическихъ отношеній, не видятъ сегодня возможности уйти отъ поставленнаго революціей вопроса.

«Передъ русскимъ обществомъ, пишетъ въ «Рус. Вѣд. князь Евгеній Трубецкой, въ настоящее время становится такая альтернатива: или итти тѣмъ насильственнымъ путемъ, коего неизбѣжный логическій конецъ—анархія, т. е. всеобщее уничтоженіе, или же пытаться мирнымъ путемъ пересоздать, улучшить и тѣмъ самымъ укрѣпить нынѣшнее слабое непослѣдовательное и постольку, разумѣется, плохое правительство.

«Средняго пути быть не можетъ. Сѣсть между двумя стульями въ настоящее время всего опаснѣе; ибо какъ разъ между двумя стульями находится тотъ провалъ, который грозитъ поглотить

сначала русскій либерализмъ, а затѣмъ всю русскую интеллигенцію и культуру.

«Занимая такое положеніе по отношенію къ правительству, мы тѣмъ самымъ разумѣется, проводимъ рѣзкую демаркаціонную линію между нами и крайними партіями. Но пора, наконецъ, признать, что, поскольку мы не жертвуемъ нашими принципами, эта демаркаціонная линія неизбѣжна. Пора перестать назойливо протягивать руку тѣмъ, кто ее отвергаетъ съ презрѣніемъ, и называть «нашими союзниками слѣва» тѣхъ кто не хочетъ слышать о какомъ бы то ни было союзѣ съ нами».

Къ этимъ словамъ намъ почти нечего прибавить. Князь Евгеній Трубецкой апплодировалъ недавно мужеству Гучкова, требовавшаго на либеральномъ съѣздѣ военнаго положенія для Польши. Мы готовы апплодировать князю Трубецкому, который съ превосходной ясностью высказываетъ то, что есть: контръ-революціонная сдѣлка или революціонная борьба; «союзъ 17 октября» или пролетаріатъ; палата соглашенія или учредительное собраніе; монархія или республика, дрессированная армія или народная милиція; министерская передняя или баррикада.

II.

Соціалдемократія и революція.

Русская соціалдемократія стоитъ сейчасъ въ центрѣ общаго вниманія. И она заняла это мѣсто по праву.

Либерализмъ видитъ въ ея дѣйствіяхъ опасность для «свободы» и «порядка». Реакція видитъ въ ней угрозу своему существованію. И оба правы. Вчера мы были подпольнымъ кружкомъ. Полиція удѣляла намъ, правда, гораздо больше вниманія, чѣмъ это было въ нашихъ интересахъ,—но работа полиціи по существу была направлена на то, чтобы истребить подпольныхъ «заговорщиковъ». Демократическая интеллигенція, не вѣрившая въ революціонное будущее пролетаріата, боролась съ нами только, какъ съ представителями враждебной ей идеологіи. Сегодня положеніе рѣзко измѣнилось. Соціалдемократія поднялась во весь свой ростъ. Она руководитъ пролетаріатомъ, который стоитъ въ центрѣ революціонныхъ событій. Это ставитъ соціалдемократію въ центрѣ враждебнаго вниманія всей прессы: реакціонной, консервативной и либеральной.

Еще вчера насъ упрекали съ разныхъ сторонъ въ томъ, что мы переносимъ европейскую доктрину и европейскую тактику

въ самобытныя русскія условія. Сегодня намъ кричатъ въ сто голосовъ, что мы не имѣемъ права на почетное имя, которое носимъ, потому что наша тактика не имѣетъ ничего общаго съ тактикой европейской соціалдемократіи.

Г. Струве, пользующійся по этимъ вопросамъ авторитетомъ въ буржуазныхъ рядахъ, какъ перебѣжчикъ изъ марксистскаго лагеря, категорически заявляетъ, что россійская соціалдемократія представляетъ собою простую «помѣсь анархизма съ якобинизмомъ».

Ссылаясь на г. Струве, «Новое Время», которое теперь солидарно съ нимъ по всѣмъ основнымъ вопросамъ политики, убѣжденно заявляетъ, что соціалдемократія «въ своемъ подлинномъ, нѣмецкомъ видѣ—это не только терпимая, но можетъ быть самая почтенная изъ германскихъ партій». По свѣдѣніямъ газеты и въ Россіи существуетъ группа этой «честной и мирной соціалдемократіи». Но ее оттираетъ группа анархистовъ, «натянувшихъ на себя честный нѣмецкій мундиръ».

Таинственные «марксисты», притаившееся на запяткахъ конституціонно-демократической газ. «Наша Жизнь» не отстаютъ отъ общаго хора и обвиняютъ насъ въ соціалъ-революціонномъ авантюризмѣ. Буржуазная газета считаетъ, что вся доктрина «эволюціоннаго» марксизма возстаетъ противъ нашего стремленія «однимъ ударомъ покончить и съ самодержавіемъ, и съ капитализмомъ». Соціалдемократія могла бы, по мнѣнію «Нашей Жизни», сыграть огромную роль. «Пролетаріатъ проникнутъ довѣріемъ къ ней и готовъ вручить ей свою судьбу». Интеллигенція сочувствуетъ соціалдемократическимъ идеаламъ. Демократическая буржуазія пошла бы за интеллигенціей. Соціалдемократія стала бы во главѣ и могла бы повести націю къ побѣдѣ. Но для этого необходима та тактика «концентраціи» всѣхъ демократическихъ силъ, какой якобы придерживается германская соціалдемократія. Вмѣсто этого русская соціалдемократія изолируетъ пролетаріатъ, дѣлаетъ его одинокимъ и тѣмъ роетъ могилу демократіи.

Для насъ нѣтъ ничего удивительнѣе въ томъ, что націоналистическое «Новое Время» возмущено нашимъ отступленіемъ отъ «честнаго» нѣмецкаго образца.

Реакціонное скудоуміе никогда не шло дальше противопоставленія «анархическихъ» соціалистовъ своей страны «патріотическимъ» соціалистамъ другихъ странъ. Когда правительству буржуазной республики нужно прибѣгнуть къ репрессіи противъ антимилитаристской агитаціи соціалистовъ, оно неизмѣнно ссылается въ свое оправданіе на «патріотическихъ» и преданныхъ родинѣ соціалистовъ Германіи.

Хотя князь Бюловъ запрещаетъ агитаціонную поѣздку Жо-

реса въ Берлинъ, онъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ для себя долгомъ канцлерской мудрости противопоставить Бебеля и другихъ «не вѣдающихъ отечества» соціалдемократовъ такимъ французскимъ соціалистамъ высшаго «государственнаго» стиля, какъ Жоресъ. Что же удивительнаго, если нововременская рептилія, которая десятки лѣтъ служила царскому правительству, не пропускавшему черезъ границу ни одного европейскаго соціалистическаго слова, теперь, чтобъ уничтожить нашу партію, противопоставляетъ нашему якобинству мудрость и политическое благочестіе нашихъ европейскихъ товарищей. Что же удивительнаго, если вся реакціонная пресса одновременно—и сочувствуетъ покаяннымъ псалмамъ Г. Гапона, который съ самоувѣренностью неуча обвиняетъ насъ въ перенесеніи европейскихъ теорій въ чуждыя имъ условія русской самобытности, и въ то же время апплодируетъ либерально-прокурорской рѣчи Струве о нашемъ анархическомъ отреченіи отъ европейскаго образца.

Вполнѣ понятно и то, что г. Струве, потерявшій всякое чувство приличія въ погонѣ за почетнымъ положеніемъ офиціоза, предусмотрительно развязываетъ себѣ руки для репрессій противъ соціалдемократіи,—и петербургскій прокуроръ только обнаруживаетъ служебный смыслъ, когда почтительно цитируетъ, въ обвинительной рѣчи по дѣлу «Боевой Организаціи», своего будущаго патрона.

Мы, поэтому, пройдемъ мимо площадныхъ вылазокъ реакціи, и остановимся лишь на недоумѣніяхъ «эволюціонныхъ» марксистовъ изъ «Нашей Жизни».

Конечная цѣль, которая стоитъ предъ германской соціалдемократіей — завоеваніе государственной власти пролетаріатомъ. Такова же и наша конечная цѣль. Путь, по которому идетъ братская партія въ Германіи,—развитіе классового сознанія рабочихъ массъ, ихъ объединеніе въ одну соціально-революціонную силу. Точно таковъ же и нашъ путь. Какъ партія пролетаріата, борющагося за классовую диктатуру, мы совершенно не сходны и несродны со всѣми буржуазными партіями, отъ правыхъ и до самыхъ лѣвыхъ,—и въ то же время мы плоть отъ плоти международной соціалдемократіи и кость отъ ея костей. И тѣмъ не менѣе наша тактика такъ же отличается отъ тактики германской соціалдемократіи, какъ періодъ революціи отличается, отъ періода реакціи. Сорокъ лѣтъ развитія пролетарской партіи въ Германіи были эпохой напряженной буржуазной реакціи. Въ 71 году была разгромлена пролетарская коммуна въ Парижѣ, красное знамя было сорвано буржуазными вандалами, прусская каска, символъ тупого и чваннаго милитаризма, воцарилась безраздѣльно, окропленная кровью коммунаровъ,—и униженная Пруссіей. Третья Республика Франціи вступила въ союзъ съ царской Россіей.

Буржуазія, имѣющая въ своемъ прошломъ Великую Революцію, взяла на содержаніе азіатскій абсолютизмъ, въ которомъ она съ полнымъ правомъ видѣла подходящую фигуру на роль будочника міровой реакціи. Капитализмъ дѣлалъ свои «мирныя» завоеванія—на костяхъ несчетныхъ безшумно гибнущихъ жертвъ: буржуазная демократія сама перестала интересоваться своимъ существованіемъ; революціонныя традиціи, завѣщанныя безвременно погибшимъ 48 годомъ, были предательски забыты, — угаръ капиталистической наживы и буржуазнаго шовинизма густыми клубами заполнялъ политическую атмосферу Европы.

Въ этой удушливой непроницаемой атмосферѣ реакціи слагалась и росла германская соціалдемократія. Безъ опыта политически-организованной классовой борьбы пролетаріата въ прошломъ, безъ прямыхъ революціонныхъ традицій, она съ изумительной настойчивостью подвигалась впередъ, камень за камнемъ складывая то превосходное зданіе партійной демократіи, которымъ нынѣ такъ гордится международный соціализмъ.

Русскій пролетаріатъ всѣ свои политическіе шаги дѣлалъ «сверхъ-правовымъ» путемъ. Фетишизмъ «законности» меньше всего могъ завладѣть его душою въ пройденной имъ политической школѣ.

Наоборотъ, самодержавіе, представъ предъ пролетаріатомъ, какъ воплощеніе тупой, откровенно-насильнической государственности, сразу внѣдрило въ него убѣжденіе въ томъ, что кодифицированное «право»— это оковы, которыя господствующая сила налагаетъ на силу, стремящуюся къ господству. Революціонные методы борьбы показали пролетаріату всѣ преимущества непосредственнаго «сверхъ-правового», революціоннаго соразмѣренія силъ.

Въ то время, какъ соціалдемократія красной, пролетарской Саксоніи тщетно протестуетъ изъ года въ годъ въ рамкахъ парламентской тактики противъ трехклассовой системы выборовъ, пролетаріатъ «крестьянской» Россіи однимъ революціоннымъ ударомъ отбрасываетъ въ мусорную кучу основной законъ о Государственной Думѣ. Благодаря революціонному характеру періода, пролетаріатъ Россіи, можетъ быть, сейчасъ ближе къ осуществленію восьмичасового рабочаго дня, чѣмъ пролетаріатъ Англіи съ ея могучими трэдъ-юніонами.

Рабочіе овладѣли методомъ революціи, и они добровольно не выпустятъ его изъ своихъ рукъ. Коренныя требованія рабочаго класса соціалдемократія сдѣлала лозунгомъ революціи,—и этимъ она обогатила революцію всей классовой энергіей пролетаріата.

Въ чемъ могла бы выразиться при такихъ условіяхъ тактика «концентраціи демократическихъ силъ? Либо пролетаріатъ долженъ отказаться отъ своихъ классовыхъ требованій, либо—что

по существу одно и тоже—отъ самостоятельной тактики. Если демократическая «концентрація» не простой оборотъ рѣчи, то она означаетъ приспособленіе тактики пролетаріата къ поведенію буржуазной демократіи. Но это вернуло бы насъ на полстолѣтія назадъ.

Въ прусской и въ австрійской революціяхъ имѣла мѣсто политическая «концентрація» въ духѣ демократовъ изъ «Нашей Жизни». Наперекоръ логикѣ классовой борьбы, революціонная демократія стремилась объединить пролетаріатъ и буржуазію. Лассаль призывалъ рабочихъ во имя единства отказаться отъ республиканскихъ требованій. Но демократія, пытавшаяся связать расколотую націю демократической идеологіей, оказалась неспособной—ни тащить впередъ либеральную буржуазію, ни наложить запретъ на классовой инстинктъ пролетаріата. Неоформленныя классовыя тренія обезсиливали тактику «концентраціи», въ тоже время политическая зависимость пролетаріата лишала его возможности использовать свою классовую силу для самостоятельной организаціи революціи. Героическій пролетаріатъ Вѣны разбилъ монархію въ открытомъ бою. Но буржуазія не хотѣла республиканскихъ плодовъ этой побѣды, демократіи они были не по плечу, а пролетаріатъ не былъ достаточно подготовленъ, чтобъ самостоятельно протянуть за ними руку.

Классовое расчлененіе буржуазной націи зашло у насъ неизмѣримо дальше, чѣмъ въ Пруссіи и въ Австріи въ 1848 г. Наша либеральная буржуазія выступаетъ контръ-революціонно еще до революціонной кульминаціи. Наша интеллигентная демократія каждый разъ въ критическіе моменты только демонстрируетъ свое безсиліе. Крестьянство представляетъ собою въ цѣломъ мятежную стихію,—оно сможетъ быть поставлено на службу революціи лишь той силой, которая возметъ въ свои руки государственную власть.

Остается пролетаріатъ.

Страшная сила сопротивленія, проявленная абсолютизмомъ, еще болѣе усиливаетъ развитую нашей революціей, доселѣ невиданную въ исторіи планомѣрность. Преодолѣвая могучее сопротивленіе самодержавнаго государства и сознательную косность буржуазіи, рабочій классъ Россіи развился въ организованную боевую силу, какихъ еще не знало прошлое. Нѣтъ такого этапа въ буржуазной революціи, на которомъ могла бы успокоиться эта боевая сила, гонимая впередъ стальной логикой классовыхъ интересовъ. Непрерывная революція становится для пролетаріата закономъ классового самосохраненія.

Авангардное положеніе рабочаго класса въ революціонной борьбѣ; связь, которая устанавливается непосредственно между

нимъ и революціонной деревней; обаяніе, которымъ онъ подчиняетъ себѣ армію,—все это неизбѣжно толкаетъ его къ власти. Полная побѣда революціи означаетъ побѣду пролетаріата.

Эта послѣдняя, въ свою очередь, означаетъ дальнѣйшую непрерывность революціи. Пролетаріатъ осуществляетъ основныя задачи демократіи,—и логика его непосредственной борьбы за упроченіе политическаго господства ставитъ передъ нимъ въ извѣстный моментъ чисто-соціалистическія проблемы. Между минимальной и максимальной программой устанавливается революціонная непрерывность. Это не одинъ «ударъ», это не день и не мѣсяцъ, это цѣлая историческая эпоха. Было бы нелѣпостью заранѣе учитывать ея продолжительность.

III.

Нужно строить партію.

Да, нужно строить партію.

Пролетаріатъ приведенъ революціей въ движеніе сверху до низу. Его политическое вниманіе возбуждено, его воспріимчивость—колоссальна, революціонная энергія такова, что руководящимъ организаціямъ гораздо чаще приходится сдерживать массы, чѣмъ толкать ихъ на какіе-нибудь активные шаги. Самыя радикальныя требованія нашей минимальной программы: республика, 8 часовой рабочій день, милиція, воспринимаются пролетарской массой такъ, точно она съ ними родилась. Въ рабочихъ кварталахъ—на собраніяхъ, на митингахъ—мы царимъ безраздѣльно. Наша пресса пользуется огромнымъ успѣхомъ.

Все это налагаетъ на насъ великое обязательство: окончательно объединившись, совмѣстными усиліями строить партію массъ. Объединеніе—полное, безусловное, сверху до низу—сейчасъ только вопросъ техники. Партія громко и отчетливо заявила, что хочетъ единства во чтобы то ни стало, и приступила на мѣстахъ и въ центрѣ къ его осуществленію.

Передъ объединенной партіей стоитъ во всемъ своемъ объемѣ задача: стать организаціей рабочихъ массъ.

Пролетаріатъ выступаетъ, какъ одно классовое цѣлое, въ своей политической и экономической борьбѣ: необходимая для этого связь создается соціалдемократической печатью и агитаціей на народныхъ собраніяхъ. Пресса должна стоять подъ контролемъ партіи. Клубы и народныя собранія должны быть въ вѣ-

дѣніи партійныхъ организацій. Всѣ уполномоченныя лица, въ центрѣ и на мѣстахъ, обязаны отчетомъ предъ партіей. Все это приводитъ насъ къ вопросу объ организаціонныхъ связяхъ и отношеніяхъ.

Партія опирается на политическіе и профессіональные союзы, но въ выработкѣ партійной программы и тактики могутъ, по общему правилу, принимать участіе только политическія организаціи.

Всякій членъ профессіональнаго союза, если онъ хочетъ вліять на направленіе партіи, долженъ стать членомъ одного изъ политическихъ союзовъ.

Условія принадлежности къ партіи: 1) признаніе программы, 2) принадлежность къ политической организаціи и 3) регулярные денежные взносы.

Относительно этихъ трехъ пунктовъ нѣтъ и не можетъ быть разногласій. Въ сущности всѣ сомнѣнія насчетъ возможнаго «объема» партіи сводятся къ вопросу: что понимать подъ признаніемъ программы?

Революція толкаетъ пролетаріатъ къ организаціи, политическое руководство онъ находитъ у насъ, газеты онъ читаетъ наши, естественно если онъ всей своей массой напираетъ на наши организаціи. Стоитъ въ какомъ-нибудь городѣ сдѣлать къ рабочимъ призывъ вступать въ Партію, какъ тысячи революціонныхъ рабочихъ сейчасъ же записываютъ свои имена въ партійные списки. Это можетъ возбудить и подчасъ возбуждаетъ опасеніе за дальнѣйшую судьбу партіи: не растворится ли она въ стихіи?

Возникаетъ вопросъ: какъ отмежеваться отъ этой стихіи, не теряя съ ней связи? Какіе признаки характеризуютъ дѣйствительнаго члена партіи?

Партійный взносъ? Но самъ по себѣ онъ не даетъ никакихъ гарантій. Принадлежность къ организаціи? Но вѣдь весь вопросъ и вызванъ стремленіемъ массовыхъ рабочихъ вступить въ организацію.

Остается признаніе программы. Но дѣло въ томъ, что огромное большинство идущихъ къ намъ рабочихъ совершенно не знаютъ нашей программы. Поставить партійную волю въ зависимость отъ нихъ, не значитъ ли въ такомъ случаѣ подвергнуть опасности все политическое бытіе партіи? Необходимо установить извѣстный критерій з н а н і я программы, по крайней мѣрѣ, ея основныхъ принциповъ и требованій. Если итти дальше по этому пути, придется притти къ выводу, что нужно установить нѣкоторый экзаменъ для всѣхъ, желающихъ вступить въ партію.

Но существуетъ, указываютъ другіе товарищи, противоположная и притомъ не меньшая опасность.

Партія, въ стремленіи охранить свою принципіальную чистоту, рѣзко отмежевывается отъ революціонной пролетарской массы. Но рабочіе хотятъ организаціи, и, если ихъ не вмѣщаетъ наша Партія, они организуются внѣ ея. Наша чрезмѣрная забота о принципіальной чистотѣ Партіи толкаетъ массу къ образованію независимой т. е. безпрограммной, безпринципной рабочей партіи. Нужно какъ можно шире распахнуть ворота Партіи, не пугаясь пролетарской стихіи!

Еслибы передъ Партіей стояла альтернатива: раствориться въ массахъ, сдѣлавъ среди нихъ популярными наши основныя требованія и самое имя международной соціалдемократіи, но утративъ при этомъ характеръ централизованной политической организаціи,—или обособиться отъ массы, оставивъ за собой «верховный» политическій контроль надъ ея лозунгами; еслибъ предъ нами стояла только эта альтернатива, мы сказали бы, что оба пути одинаково рискованы и въ сущности ведутъ къ одному и тому же результату: уничтоженію дѣйствительной пролетарской Партіи, ставящей себѣ опредѣленныя задачи и развивающей самостоятельную тактику для ихъ разрѣшенія.

Но такой жестокой альтернативы нѣтъ,—и это косвенно подтверждается самимъ фактомъ повсемѣстнаго сліянія обѣихъ соціалдемократическихъ фракцій, которыя въ своихъ разногласіяхъ стояли до сихъ поръ подъ знаменемъ указанныхъ противоположныхъ тенденцій революціоннаго развитія.

Внѣ всякаго сомнѣнія, партія должна быть какъ можно шире, но въ то же время она должна быть оформлена, она должна состоять изъ опредѣленныхъ организацій, организаціи должны осуществить контроль надъ своими членами. Партія состоитъ изъ мѣстныхъ политическихъ союзовъ. Постоянная живая связь ея съ революціонной массой, стоящей внѣ организацій, создается черезъ посредство неоформленныхъ соціалдемократическихъ клубовъ и соціалдемократической прессы.

Не можетъ быть и рѣчи о политическомъ «экзаменѣ» при зачисленіи въ партію; такой экзаменъ ничего не дастъ, способность формулировать основные принципы и требованія программы вовсе не опредѣляетъ степень политической зрѣлости. Единственная гарантія, которую должно отстаивать при зачисленіи въ партійные союзы, это рекомендація опредѣленнаго числа членовъ организаціи двухъ или трехъ. Въ остальномъ—достаточно желанія вступить въ партію и готовности подчиняться ея рѣшеніямъ и дѣлать правильные взносы въ партійную кассу.

Несомнѣнно, на первыхъ порахъ возможны хаотическія вступленія въ организацію. Но дѣйствительный составъ ея опредѣляется посредствомъ контроля надъ правильностью денежныхъ взносовъ. Всякій, кто въ теченіе опредѣленнаго времени не дѣ-

лаетъ взносовъ—если неаккуратность не вызывается безработицей—вычеркивается изъ списка членовъ.

Партійные союзы питаются изъ соціалдемократическихъ клубовъ. Эти клубы—нѣчто меньшее, чѣмъ политическая организація, но нѣчто большее, чѣмъ простыя народныя собранія. Въ клубахъ не только ведется соціалистическая агитація, но черезъ нихъ проводятся всѣ очередные политическіе лозунги партіи, всѣ ея боевые призывы. Въ періоды относительнаго затишья клубы фактически превращаются въ аудиторіи соціализма; въ боевые моменты клубы выростаютъ въ революціонные очаги и неизбѣжно оттираютъ на второй планъ наши болѣе узкія партійныя организаціи.

Соціалдемократическая пресса, боевая, развѣтвленная, многообразная, охватываетъ рабочій классъ со всѣхъ сторонъ; она обслуживаетъ его политическую и экономическую борьбу, она изо дня въ день формируетъ его соціалистическое сознаніе, она отвѣчаетъ, наконецъ, на его литературные, научные и философскіе запросы и связываетъ пролетаріатъ всей страны невидимой, но могучей связью.

Нужно организовать Партію. Время не терпитъ. Задачи громадны. Перспективы, которыя открываются передъ нами, имѣютъ всемірно-историческій характеръ. Наша революція, во главѣ которой идетъ пролетаріатъ, разрубаетъ узелъ міровой реакціи.

Наша Партія должна быть достойна того класса, которому она служитъ, и той роли, которая выпадаетъ ему на долю!

Господинъ Петръ Струве въ политикѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Этотъ памфлетъ направленъ противъ *лица*; но это ни въ коемъ случаѣ не *личный* памфлетъ.

Мы взяли г. Петра Струве, какъ олицетворенную безпринципность въ политикѣ. Если-бъ мы стали искать для нашей цѣли другой фигуры, мы бы нашли ихъ много,—но болѣе законченной, болѣе стильной, болѣе принципіально-выдержанной безпринципности мы бы не нашли.

Политическая психологія г. Струве—какъ она вырисовывается изъ его литературной дѣятельности—какъ бы персонифицируетъ безпринципность той политической идеи, которой онъ служитъ, и такимъ образомъ возводитъ эту послѣднюю въ перлъ созданія.

Теоретическое міросозерцаніе г. Струве всегда находится въ процессѣ непрерывнаго линянія, такъ что нерѣдко начало статьи и конецъ ея относятся уже къ двумъ философскимъ формаціямъ.

Г. Струве совершенно лишенъ *физической силы мысли*, которая, даже при недостаткѣ нравственной силы, гонитъ политическаго дѣятеля по опредѣленному пути.

Съ другой стороны, г. Струве не обладаетъ и той нравственной упругостью, которая придаетъ устойчивость общественной дѣятельности лица, наперекоръ шатаніямъ его мысли, гибкой, но неувѣренной.

При такихъ данныхъ г. Струве избралъ своей сферой политику.

Сперва онъ вошелъ въ соціалдемократію. Но здѣсь все: верховенство одного и того же принципа классовой борьбы надъ теоріей и практикой, рѣзкая постановка политическихъ вопросовъ, контроль международной соціалистической мысли,—рѣшительно все было для него невозможнымъ и дѣлало его невозможнымъ. Отсюда онъ ходомъ вещей оказался извергнутъ.

Онъ ушелъ въ либерализмъ. Исторически-выморочный характеръ русскаго либерализма, его безпредметная тоска по теоретическому обоснованію, его безпредметная тоска по поступкамъ, его неспособность на инициативу, его отчужденность отъ рабочихъ массъ, его трусливое стремленіе овладѣть ими и его стремительная трусость передъ ними,—все это создавало настоящую атмосферу для расцвѣта политической личности г. Струве.

Но онъ бы не былъ самимъ собою, если-бъ въ его политическихъ передвиженіяхъ можно было указать моментъ мужественной ликвидаціи прошлаго. Г. Струве всегда *примиряетъ* что-нибудь съ чѣмъ-нибудь: марксизмъ—съ мальтузіанствомъ и критической философіей, соціализмъ—съ либерализмомъ, либерализмъ—съ самодержавіемъ, либерализмъ—съ соціализмомъ, либерализмъ—съ революціей и, наконецъ, революцію—съ монархіей. Аргументація его при этомъ всегда такова, что онъ самъ забываетъ ее черезъ два дня.

Житейская мудрость говоритъ, что лжецъ долженъ обладать хорошей памятью, чтобы не попадаться въ противорѣчіяхъ. Въ еще большей мѣрѣ это относится къ безпринципному политику. Если прочитать подрядъ то, что г. Струве говоритъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, даже нѣсколькихъ недѣль, можно подумать, что онъ издѣвается надъ читателями. А между тѣмъ, это только его безпринципность издѣвается надъ нимъ самимъ.

Моментъ, когда пишутся эти строки [1])—отливъ революціи и торжество реакціи—создаетъ благопріятную политическую акустику для либеральныхъ Кассандръ. Мы не сомнѣваемся, что событія безпощадно раздавятъ эти голоса, какъ это ужъ было не разъ,—и тѣ группы демократической интеллигенціи, которыя какъ будто прислушиваются къ нимъ сегодня, завтра просто забудутъ ихъ, не утруждая себя надъ ихъ опроверженіемъ. Это основное психологическое свойство широкихъ круговъ интеллигенціи, лишенной объективной соціальной связанности, общаго теоретическаго критерія и... хорошей политической памяти: ея надежды качаются на волнахъ событій. Во время прилива «крайнія» партіи являются органомъ ея помысловъ, во время отлива либеральные скептики формулируютъ ея разочарованіе. Сейчасъ она переживаетъ періодъ увяданія.

Вѣрные нашему общему міросозерцанію, мы гораздо больше надѣемся на дальнѣйшую критическую логику событій, чѣмъ на логическую критику нашего памфлета. Мы хотимъ лишь оказать этой надвигающейся объективной критикѣ посильное содѣйствіе въ дѣлѣ закрѣпленія ея уроковъ.

---

[1]) Начало февраля 1906 г.

Условія, при которыхъ мы писали нашу работу, не позволяли намъ располагать необходимымъ матеріаломъ: реставрацію недавняго прошлаго приходилось воспроизводить по памяти. Это могло имѣть только одно послѣдствіе: мы упустили цѣлый рядъ эпизодовъ, которые помогли бы намъ несравненно ярче и детальнѣе охарактеризировать несравненную фигуру бывшаго редактора «Освобожденія», нынѣ редактора «Полярной Звѣзды», одного изъ лидеровъ конституціонно-демократической партіи, совѣтника министровъ, друга монархіи,—*господина Петра Струве въ политикѣ*.

I.—На разъ избранномъ пути.

> «Твердо держаться *разъ избраннаго* пути невозможно безъ незыблемыхъ началъ нравственнаго и политическаго міросозерцанія. Въ борьбѣ за нашу духовную самобытность и въ борьбѣ за политическое освобожденіе родины мы выработали себѣ такія начала». («Полярная Звѣзда», № 1, отъ редакціи).
>
> «... И кожа та сидитъ на немъ такъ славно,
> Какъ башмаки Алкида на ослѣ...»

Слава тому, кто въ вихрѣ политическихъ событій мужественно держится *разъ избраннаго* пути!..

Г. Струве получилъ литературное имя, какъ писатель, одинъ изъ первыхъ вступившій съ марксистскимъ багажемъ на ледъ русской цензуры. Это была несомнѣнная заслуга. Теоретическая цѣнность его книжки («Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи») насъ здѣсь не занимаетъ. Отмѣтимъ только, что это—эклектическое соединеніе «критической» философіи, вульгаризованнаго марксизма и подправленнаго марксизмомъ мальтузіанства. Общественное значеніе книжки опредѣлилось исключительно идеями марксизма, которыя г. Струве отчасти перевелъ съ нѣмецкаго языка, отчасти перенесъ изъ «нелегальныхъ» произведеній группы «Освобожденіе Труда» въ легальную литературу. Въ «Новомъ Словѣ», журналъ 1897 г., г. Струве дѣлаетъ рѣшительный шагъ влѣво и пишетъ публицистическія статьи въ марксистскомъ тонѣ, насколько это допускали условія тогдашней цензуры. Въ подпольѣ въ это время идетъ дѣятельная кружковая пропаганда среди рабочихъ. Открывается эпопея экономическихъ стачекъ. Въ мартѣ 98 г.

происходитъ первый съѣздъ соціалдемократическихъ организацій, который провозглашаетъ единство партіи и издаетъ революціонный манифестъ. Въ этомъ документѣ соціалдемократія устанавливаетъ свое духовное родство и политическую преемственность съ революціоннымъ движеніемъ 70-хъ годовъ, констатируетъ политическое ничтожество русской буржуазіи и русскаго либерализма, какъ выраженія ея историческо-запоздалыхъ интересовъ, выдвигаетъ на этомъ фонѣ освободительную миссію пролетаріата и провозглашаетъ его конечной цѣлью завоеваніе государственной власти въ цѣляхъ экспропріаціи экспропріаторовъ и организаціи соціалистическаго хозяйства.

Этотъ рѣшительно-революціонный («ортодоксальный») манифестъ соціалдемократической партіи былъ написанъ не кѣмъ другимъ, какъ г. Петромъ Струве. Октябрьская стачка 1905 г. смыла съ него это преступленіе и нашимъ сообщеніемъ мы ему не повредимъ въ глазахъ властей. Что же касается его либеральной карьеры, то этотъ фактъ можетъ только придать ей блеску...

Такимъ образомъ отъ «Критическихъ замѣтокъ» черезъ «Новое Слово» къ «Манифесту» г. Струве непрерывно шелъ по «разъ избранному пути». Увы, этотъ первый періодъ осложненъ, однако, однимъ поразительнымъ обстоятельствомъ почти провиденціальнаго характера. Въ 94 году, готовясь выпустить «Критическія замѣтки», въ которыхъ онъ рѣшительно высказывался вмѣстѣ съ Энгельсомъ за соціалистическій «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы», въ это самое время г. Струве выступилъ въ политикѣ, какъ авторъ «Открытаго письма Николаю II».

Солидаризируясь съ тѣми земскими ходатайствами 94 г., которыя перешли въ исторію подъ названіемъ «безсмысленныхъ мечтаній», г. Струве заявлялъ: мы просили немногаго, вы отказали; вы хотите войны—будетъ война. Такимъ образомъ, это былъ своего рода манифестъ земцевъ, становящихся на путь политической оппозиціи.

Г. Струве былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ писателемъ. Но онъ подавалъ уже большія надежды. Въ 1894 г. онъ вступалъ въ діалогъ съ монархомъ отъ имени разочаровавшихся земцевъ, въ 1898 г. онъ отъ имени соціалистическаго пролетаріата клеймилъ ничтожество русскаго либерализма.

Этотъ крутой подъемъ на «разъ избранномъ пути» утомилъ г. Струве. Для него начинается (?) эпоха сомнѣнія, колебаній, критики. Въ сферѣ критики марксизма, какъ раньше въ сферѣ его популяризаціи, какъ позже въ сферѣ идеалистической философіи. г. Струве не далъ ни одной широкой самостоятельной мысли. Врядъ ли есть сейчасъ въ Россіи десятокъ образован-

ныхъ людей, которые могли бы изложить критическія идеи г. Струве въ области соціологіи и политической экономіи. Все это безслѣдно забыто. Но мы занимаемся здѣсь не оцѣнкой научныхъ опытовъ г. Струве,—насъ интересуетъ физіономія политика. Поэтому достаточно будетъ сказать, что посредствомъ критики марксизма г. Струве во всякомъ случаѣ благополучно ликвидировалъ свою связь съ рабочимъ движеніемъ, которому онъ — худо ли, хорошо ли — началъ было служить, и помогъ ликвидировать эту связь значительной группѣ интеллигенціи.

Соціалдемократія такъ и поняла критическую эволюцію Струве. Въ 1900 г. одинъ изъ писателей-марксистовъ, остановившись на послѣдней фазѣ развитія Струве, сказалъ ему словами шиллеровскаго Фіеско: Der Mohr hat seine Arbeit gethan, der Mohr kann gehen («Мавръ выполнилъ свою работу,—мавръ можетъ уходить»).—Не торопитесь давать мнѣ увольнительный билетъ! Подождите,—и вы увидите, что, несмотря на мои теоретическія отклоненія отъ васъ, я буду дѣлать съ вами одно и то же дѣло!—Таковъ былъ смыслъ отвѣта г. Струве.

И, дѣйствительно, послѣ этого обѣщанія г. Струве сотрудничалъ во вновь открытой тогда (въ декабрѣ 1900 г.) зарубежной соціалдемократической газетѣ «Искра»,—кажется, только въ двухъ номерахъ: но это, конечно, ничего не мѣняетъ. Въ одной изъ своихъ статей г. Струве призывалъ земцевъ къ активности, прибавляя: «а ужъ за *нами* (т. е. соціалдемократіей) дѣло не станетъ»... (цитируемъ на память).

Однако, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого г. Струве, эмигрировавшій въ Германію, приступилъ къ изданію «Освобожденія» и, по собственному опредѣленію, сдѣлался «регистраторомъ» земской мысли. Въ первомъ выпускѣ своего журнала — у насъ нѣтъ его, къ сожалѣнію, подъ руками — этотъ земскій регистраторъ-рецидивистъ (вспомните 94 годъ!) подписался подъ программой «русскихъ конституціоналистовъ», которая откровенно отклоняетъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, какъ «скачокъ въ неизвѣстное», и высказывается за созывъ представителей отъ нынѣшнихъ сословно-владѣльческихъ земствъ и думъ. Съ этого славнаго дѣла начался новый фазисъ въ шествованіи г. Петра Струве по «разъ избранному пути».—Кстати, спросимъ мы, кто они, эти «русскіе конституціоналисты», авторы программы? Теперь ничто, кромѣ стыда за свой вчерашній день, не мѣшаетъ имъ выступить открыто, чтобы по праву раздѣлить съ г. Струве честь или безчестіе этого программнаго выступленія освобожденцевъ. Ваши имена, господа! Вы такъ рѣшительно отрицаете, что передовой пролетаріатъ навязалъ вамъ своимъ давленіемъ «скачокъ» въ область всеобщаго избирательнаго права, вы такъ гордо заявляете себя су-

ровыми и непреклонными Аннибалами демократіи отъ вашихъ молодыхъ ногтей... Ваши имена, господа!

Но г. Струве не считаетъ для себя обязательной, *въ качествѣ minimum'a* даже и той программы, подъ которой онъ подписался въ первомъ № «Освобожденія». Это все же была *конституціонная* программа, хотя бы и на сословно-плутократической основѣ, и въ силу этой своей конституціонности она скоро оказывается стѣснительной для вчерашняго соціалиста.

Г. Струве въ первыхъ же номерахъ «Освобожденія» съ особенной настойчивостью выдвигаетъ лозунгъ Земскаго Собора и подчеркиваетъ, что этотъ «цѣнный своею *не*опредѣленностью» лозунгъ можетъ объединить славянофиловъ, сторонниковъ неприкосновенности абсолютизма, съ цензовыми конституціоналистами.

Такимъ образомъ, г. Струве какъ бы вернулся къ станціи отправленія. Въ 94 г. онъ писалъ земское «письмо» и марксистскую книгу. Въ 98 г. онъ писалъ соціалдемократическій манифестъ. Въ 1901—2 гг. онъ въ «Искрѣ» взывалъ къ земцамъ отъ «нашего», т.-е. соціалдемократическаго имени, а въ «Освобожденіи» обращался къ «націи» отъ имени либеральныхъ и славянофильскихъ земцевъ...

Мы бы затруднились хронологически изобразить на память ту линію капризныхъ зигзаговъ, которую г. Струве начерталъ, какъ регистраторъ либеральныхъ мечтаній, шатаній и надеждъ. Возстановимъ лишь нѣкоторые выдающіеся моменты.

Г. Струве пытался было сыграть роль земскаго Гапона (*до* Гапона). Онъ началъ повторять, что нужно «довести правду до царя».—Еще никогда,—говорилъ онъ вдохновенно, этого въ сущности не дѣлали... Если правда будетъ доведена, тогда... тогда... «Даже Павелъ I ужаснулся бы»,—увѣрялъ г. Струве. А нѣсколько позже онъ отзывался о намѣреніи «доводить правду», какъ о чьемъ-то постороннемъ и «наивномъ» планѣ. Проѣхалъ ли черезъ Штутгардъ вліятельный конституціоналистъ послѣ славянофила, или что другое было причиной, рѣшать не беремся. 6-го іюня 1905 г. этотъ планъ былъ въ сущности выполненъ... Г-ну Струве онъ тогда, конечно, ужъ не показался наивнымъ.

Струве спекулировалъ одно время на вѣдомственную борьбу Плеве съ Витте и тонко давалъ понять Витте, какую роль онъ могъ бы сыграть, если бы... если бы онъ захотѣлъ проникнуться «государственнымъ разумомъ». А черезъ нѣсколько недѣль, какъ будто самъ онъ никогда и не питалъ этихъ мечтаній, г. Струве заявилъ: Кто же можетъ надѣяться на распри Сергѣй Юльевича съ Вячеславъ Константиновичемъ? Свои люди—сочтутся... Замѣтимъ тутъ же, что эту удивительную способность презрительно пожимать плечами по поводу собственныхъ вчерашнихъ сужденій, эту удивительную безмятежность памяти или эту способ-

ность разсчитывать на безмятежную память читателя г. Струве сохранилъ въ неприкосновенности до настоящаго дня. Послѣ скверной исторіи съ сельско-хозяйственными комитетами г. Струве объявилъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія, г. Витте, провокаторомъ. А когда либеральная звѣзда г. Витте высоко поднялась, г. Струве вступилъ съ нимъ въ закулисные переговоры. Онъ «открыто» заявилъ объ этомъ, когда «Начало» прижало его къ стѣнѣ, но онъ забылъ сказать, отъ чьего имени и на какихъ началахъ велъ онъ конспиративные переговоры съ лицомъ, затѣвавшимъ новую, болѣе колоссальную провокацію...

Подталкиваемый первыми волнами великаго прибоя, отражавшимися на немъ черезъ его сотрудниковъ изъ Россіи, г. Струве началъ отъ «цѣннаго своею неопредѣленностью» лозунга Земскаго Собора все больше и больше передвигаться къ Учредительному Собранію и всеобщему избирательному праву. Но онъ дѣлалъ это съ такимъ разсчетомъ и осторожностью, чтобы отнюдь не бить земской посуды.

Къ началу 1904 года г. Струве уже готовъ былъ блистать непреклонностью демократизма. Какъ вдругъ ударила война! Ничтожный подъемъ шовинизма испугалъ либераловъ, и они со страху начали опустошать земскія и думскія кассы въ цѣляхъ своего патріотическаго самоопредѣленія;—г. Струве сдѣлалъ рѣшительный поворотъ: не должно забывать, что онъ былъ только земскимъ титулярнымъ регистраторомъ. Онъ сурово заявилъ: «Армія исполнитъ свой долгъ». Студентамъ онъ предложилъ кричать не только «да здравствуетъ свобода!», но также: «да здравствуетъ Россія!» (какая?) и «да здравствуетъ армія!» (какая!). Боевой кличъ «долой самодержавіе!» онъ предложилъ замѣнить возгласомъ «долой Плеве!». Этого будетъ достаточно, увѣрялъ онъ.—Напомнимъ кстати: тогда же другой воитель демократіи, И. И. Петрункевичъ, писалъ въ «Правѣ», что до возстановленія нашей національной чести о прекращеніи войны не можетъ быть и рѣчи... Мы ничего не забываемъ, господа! И этому искусству: не забывать прошлаго, чтобы не обманываться въ будущемъ, му учимъ народныя массы. Ибо, поистинѣ,—

«Тотъ, кто вѣритъ вамъ
И дружбѣ вашей—плаваетъ въ водѣ
Съ свинцомъ на шеѣ!».

Но студенты не переняли тріединаго лозунга, война тянулась безъ конца, отъ «патріотизма» не осталось и слѣда, пораженіе шло за пораженіемъ, національная честь не возстановлялась, земщина безмолвствовала, какъ утопленникъ,—и вотъ г. Струве, этотъ проницательный и умѣренный политикъ, который соби-

рался »доводить правду», который правую руку протягивалъ гг. Шипову и М. Стаховичу (NB—для насъ такъ и неясно, что сдѣлалъ съ рукой Струве г. Шиповъ; что касается Стаховича, то онъ обвинилъ кн. Мещерскаго въ клеветѣ за выраженное имъ соображеніе, что Стаховичъ сотрудничаетъ въ «Освобожденіи»), этотъ, говоримъ, проницательный политикъ сталъ искать употребленіе для своей лѣвой руки. Осенью 1904 г. Струве отправился изъ Штутгарта въ Парижъ и протянулъ эту свободную руку финляндской партіи «активнаго сопротивленія», польской соціалистической партіи, на знамени которой значится независимость Польши, и партіи соціалистовъ-революціонеровъ, которая какъ разъ въ это время отказывалась отъ буржуазной революціи и требовала революціи почти-соціалистической. Г. Струне вступилъ съ ними въ коалицію. Вы понимаете это? Это былъ героизмъ отчаянія. Казалось, г. Струве сжегъ за собой всѣ земскіе мосты.—На это парижское лобызаніе оппозиціи и революціи была приглашена и соціалдемократія. Но она осталась дома. Надѣемся, теперь всѣ лобызавшіяся стороны признаютъ, что она поступила разумно.

Казалось, повторяемъ, г. Струве уничтожилъ за собой всѣ земскіе мосты. Но это ошибка. Вспомнимъ, что «незыблемыя основы политическаго міросозерцанія» всегда охраняли для него мосты отступленія на «разъ избранномъ пути».

6—9 ноября 1904 г. состоялся историческій московскій съѣздъ, отъ котораго всѣ Кузьмины-Караваевы ведутъ лѣтосчисленіе,—и г. Струве рѣшительно отдалъ обѣ руки земцамъ, безцеремонно выдернувъ лѣвую у своихъ новыхъ союзниковъ и даже не извинившись передъ ними. О коалиціонномъ лобызаніи забыли, какъ будто его и не было.

Отнынѣ г. Струве какъ бы снова укрѣпился въ томъ убѣжденіи, что «революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ» и что рѣшающее слово принадлежитъ поэтому земцамъ. Правда въ 98 г. Струве отказывалъ русскому либерализму въ будущности. Правда, въ 1901 г. онъ гордо говорилъ земцамъ, что за «нами» дѣло не станетъ. Правда, въ маѣ 1904 г., т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, г. Струве заключалъ для чего-то соглашеніе съ революціонными организаціями,—но въ ноябрѣ уже все было забыто, а 7 января 1905 г. Струве писалъ: «Революціоннаго народа въ Россіи нѣтъ»,—особенно же его нѣтъ... въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

7 января 1905 г.! Моментъ былъ выбранъ необыкновенно удачно! Редактору «Освобожденія» пришлось въ № отъ 7 января вкладывать воззваніе о пожертвованіяхъ въ пользу жертвъ 9-го января. У г. Струве все-таки хватило мужества или... безмятежности распространять этотъ номеръ.

Послѣ кроваваго воскресенья земцы были отброшены, съ рабочими интеллигенція восторженно носилась («какая прелесть— эти рабочіе!»—писали г. Струве изъ столицы), требованія рабочей петиціи оттерли на задній планъ ноябрьскіе «пункты» земцевъ. Г. Струве нимало, повидимому, не поразился, что между 7 и 9 января народился въ Россіи революціонный народъ, и въ оцѣнкѣ петербургскихъ событій далъ косвеннымъ образомъ понять, что въ его душѣ воскресъ республиканецъ. «Съ этимъ царемъ мы больше не разговариваемъ!» писалъ онъ тогда. Ахъ, зачѣмъ онъ это писалъ... Черезъ 11 мѣсяцевъ, 6 декабря, онъ обвинялъ Витте въ томъ, что графъ сталъ между общественными дѣятелями и Царскимъ Селомъ: все рушилось оттого, что имъ приходилось разговаривать съ министромъ, а не съ самимъ монархомъ. («Пол. Звѣзда», № 1, стр. 9).

Съ 9-го января началась, очевидно для всѣхъ, русская революція. Отношеніе г. Струве къ революціи должно быть разсмотрѣно болѣе обстоятельно. Мы это сдѣлаемъ ниже. Сейчасъ— только два слова о проницательности г. Струве.

Еще до январскихъ событій, съ начала банкетной полосы, рабочіе появлялись изъ своего соціальнаго подполья на собраніяхъ различныхъ либеральныхъ «обществъ», въ думахъ, на земскихъ засѣданіяхъ и пытались вступать въ діалогъ съ земскими либералами и освобожденцами. Рабочіе нарушали этимъ уставы обществъ и собраній, безпомощные и боязливые либеральные предсѣдатели обыкновенно закрывали собранія, которыя иногда превращались въ митинги, иногда расходились. Г. Струве рѣшительно выступилъ противъ этой «дезорганизаторской» тактики. Если-бъ это была революція, писалъ онъ, другое дѣло,—передъ революціей мы бы преклонились. Но это не революція. Это простое срываніе собраній.

Безпорядочныя появленія на либеральной территоріи передовыхъ отрядовъ пролетаріата вносили, конечно, дезорганизацію въ распорядокъ либеральныхъ разговоровъ. Но изъ этой «дезорганизаціи», въ значительной мѣрѣ, выростало то настроеніе, которое создало 9-е января. Г. Струве «принялъ» 9-е января,— и, разумѣется, не вспомнилъ, какъ старательно онъ подрывалъ, по мѣрѣ силъ, политическіе корни этого событія.

Когда началась полоса хаотическихъ стачекъ, охватывавшихъ профессіи, города, порты, желѣзныя дороги, области, г. Струве, какъ проницательный политикъ возсталъ противъ этой дезорганизаціи національнаго хозяйства: въ безплодности этихъ стачекъ для него не было сомнѣнія.

Разразилась всеобщая стачка въ октябрѣ, которая заставила реакцію взять подъ козырекъ предъ революціей. Когда г. Струве увидѣлъ бумагу, онъ немедленно призналъ октябрьскую стачку

«славной», а въ «Пол. Зв.» даже—«достославной». Только тѣ безчисленныя частныя, мѣстныя, районныя, областныя стачки, которыя подняли на ноги весь наемный людъ, пропитали его чувствомъ солидарности, заставили каждую часть его сознавать свою связь съ цѣлымъ, научили его перекликаться изъ конца въ конецъ,—только эти необходимыя подготовительныя стачки г. Струве объявилъ безплодной дезорганизаціей національнаго хозяйства!—Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, считалъ г. Струве октябрьскую стачку достославной, когда она начиналась? И мы не знаемъ также, считалъ ли бы онъ ее достославной, еслибъ она непосредственно не привела къ манифесту 17 октября?

Когда рабочіе вторгались въ сферу банкетной компетенціи освобожденцевъ, г. Струве говорилъ: будь это революція, другое дѣло; но это простая дезорганизація. Онъ не видѣлъ одного: то что онъ отвергалъ, якобы во имя революціи, было ничѣмъ инымъ, какъ пророѣзываніемъ самой революціи. Тоже самое со стачками. Возбужденная рабочая масса и разъ, и другой, и третій, и десятый напирала на ограниченныя рамки городовъ, районовъ, профессій, отступала, снова напирала, билась локтями о стѣны, падала, снова и снова наступала,—пока не рванулась, наконецъ, впередъ, какъ одно революціонное цѣлое въ октябрьскіе дни. Соціалдемократія по мѣрѣ силъ облегчала этотъ мучительный процессъ. Когда разрозненныя, «безрезультатныя» стачки сотрясали тѣло пролетаріата, г. Струве видѣлъ въ нихъ только дезорганизацію хозяйства, но онъ одобрилъ октябрьскую стачку заднимъ числомъ за ея полупобѣду. А между тѣмъ эта «славная» стачка относится къ предшествовавшимъ ей «безплоднымъ» стачкамъ, какъ къ неизбѣжнымъ и объективно-цѣлесообразнымъ схваткамъ родового процесса...

Въ послѣднемъ номерѣ «Освобожденія», чтобы закончить этотъ журналъ такъ же достойно, какъ онъ его началъ, г. Струве обрушился на соціалдемократію за университетскіе митинги и за ея стачечную тактику, преслѣдующую не благо рабочихъ, но лишь выгоды политической пропаганды.—Станетъ ли теперь самъ г. Струве отрицать, что если частныя стачки подготовили славную общую стачку, то университетскіе митинги дали ей объединяющій политическій лозунгъ.

Октябрьская стачка амнистировала г. Струве. Онъ вернулся въ Россію, и на земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ нашъ непреклонный демократъ оказался не на лѣвомъ крылѣ, съ г. Петрункевичемъ, даже не въ центрѣ, съ г. Милюковымъ, а на правомъ крылѣ, съ г. Шиповымъ,—и это не по нашей придирчивой оцѣнкѣ, но по опредѣленію освобожденцевъ изъ «Нашей Жизни».—Выждавъ паденія революціонной волны, г. Струве принялся за

изданіе конституціоннаго органа на почвѣ, созданной манифестомъ 17 октября. Для того, чтобы его прошлое не питало ничьихъ опасеній за его будущее, г. Струве въ публикаціяхъ объ изданіи «Полярной Звѣзды» объявилъ о своей искренности. Каемся, мы никогда не питали довѣрія къ тому цѣломудрію, которое боится, что его не оцѣнятъ и потому демонстрируетъ себя на площади,—при чтеніи объявленія мы покачали головой. И мы не ошиблись.

«Часто приходится слышать,—писалъ г. Струве въ № 4,—что всю правду нельзя говорить въ пылу борьбы; но намъ кажется, правильно возражаетъ онъ, что въ этомъ отводѣ предъявляемомъ правдѣ, звучитъ не увлеченіе борьбой, а совсѣмъ другія чувства: неувѣренность въ себѣ, сознаніе своего собственнаго безсилія и—какъ естественное завершеніе всего этого—политическая трусость, трусость за себя и за любимое дѣло освобожденія». (№ 4, стр. 278). А черезъ три недѣли—онъ же пишетъ: «Кому не чужда политическая отвѣтственность, тотъ не станетъ выкладывать все, что онъ считаетъ правильнымъ. (т. е. «всю правду», какъ онъ ее понимаетъ, Л. Т.), независимо отъ того, какой эффектъ въ умахъ слушателей или читателей будетъ имѣть такая проповѣдь и какіе реальные плоды она можетъ дать» (№ 7, стр. 443, курсивы наши).

Вы видите, что тутъ два прямо противоположныхъ принципа: говорить всю правду aussprechen was ist, по слову Лассаля, есть принципъ мужественной революціонной политики, которая живетъ увѣренностью, что въ конечномъ счетѣ «эффектъ» правды и ея «плодъ» всегда благотворны: говорить полъ-правды, т. е. неправду, изъ страха за эффектъ полной правды и за ея плоды, это—политика либеральной трусости, «трусости за себя и за свое дѣло». Но г. Струве, искренность котораго удостовѣрена объявленіями, дѣйствуетъ одновременно на основаніи этихъ обоихъ принциповъ. Въ какихъ же обстоятельствахъ?

Въ первомъ случаѣ, именно, когда г. Струве нападаетъ на «безумство» московскаго возстанія, на стачки, на аграрное движеніе, онъ отстаиваетъ свое право говорить всю правду, хотя бы она сейчасъ и не находила доступа къ «умамъ и сердцамъ массъ». Во второмъ случаѣ, нападая на «опасную» проповѣдь классовой борьбы и на республиканскую агитацію крайнихъ партій, «стоящую въ рѣжущемъ противорѣчіи съ наивнымъ монархизмомъ массъ» (№ 7, стр. 444), г. Струве требуетъ, чтобъ говорили только полъ-правды, т. е. неправду.

Онъ требуетъ мужества лишь въ борьбѣ съ тѣмъ, что онъ считаетъ революціонными предразсудками «безумствующихъ» массъ. Но онъ считаетъ доблестью политическую трусость по отношенію къ реакціоннымъ предразсудкамъ этихъ массъ. Та-

ковъ этотъ мужественный правдолюбецъ Петръ Львиное Сердце!..

Ткачъ Основа, собираясь играть передъ герцогомъ льва, сперва обѣщалъ рычать по всей правдѣ, какъ льву подобаетъ. Но...

Пигва (столяръ): Если вы будете рычать слишкомъ страшно, то испугаете герцогиню и дамъ (непріятный «эффектъ»); вы рычать, а онѣ—кричать, а этого достаточно, чтобы насъ повѣсили (непріятные «плоды» львиной правды).

Основа: Я согласенъ съ вами друзья... Но я только до такой степени возвышу мой голосъ, что буду рычать, какъ милая горлица... Я просто буду рычать, какъ соловей.

Славный шекспировскій ткачъ Основа! Ему безспорно не чуждо было чувство отвѣтственности. Но при всемъ томъ необходимо признать, что львиная кожа сидитъ на немъ, какъ башмаки Алкида на ослѣ!

II.—Революція предъ судомъ «Полярной Звѣзды».

1. «Бунты» или революція?

— Но вѣдь это бунтъ!
— Нѣтъ, это—революція!
(Извѣстный діалогъ).

Революція не остановилась ни на 9 января, ни на 17 октября. Въ формѣ стачекъ и частичныхъ возстаній, военныхъ, національно-окраинныхъ, городскихъ, она начала дальше пробивать себѣ дорогу. Г. Струве, повидимому, такъ же мало ожидалъ этого, какъ и г. Витте. «Полярной Звѣздѣ» пришлось устанавливать свое отношеніе къ революціи.

Г. Струве заявилъ, что онъ за революцію, но противъ революцій, т. е. противъ «бунтовъ». Свободѣ не нужны революціи (уличныя манифестаціи, стачки, возстанія, аграрныя волненія), онѣ нужны реакціи, какъ поводы (!) для ея выступленій,—какъ будто у реакціи недостаточно причинъ для борьбы съ революціей, чтобы она могла затрудняться отсутствіемъ поводовъ! Какъ будто военное положеніе въ Польшѣ не было объявлено сейчасъ же вслѣдъ за манифестомъ 17 октября—не только безъ всякаго повода, но и безъ всякой попытки найти приличный поводъ!

Итакъ, лозунгъ: революція безъ революцій!

Г. Струве боролся противъ тѣхъ рабочихъ выступленій, безъ которыхъ невозможно было бы 9-е января. Но онъ «принялъ» 9-е января. Струве боролся противъ тѣхъ стачекъ и митинговъ, которые подготовили октябрьское выступленіе. Но онъ «принялъ» достославную октябрьскую стачку. Теперь онъ обобщаетъ эту глубокомысленную тактику: онъ противъ революцій, но онъ за революцію. Эта точка зрѣнія должна показаться удивительно счастливой «революціонерамъ» земскихъ съѣздовъ и либеральныхъ салоновъ. Онъ позволяетъ бороться противъ дѣйствительной, въ массахъ и черезъ массы совершающейся, но еще не объединившейся въ государственной власти р е в о л ю ц і и—во имя ея объединяющаго и м е н и. Она позволяетъ быть контръ-революціонеромъ во имя революціи.

«Пол. Звѣзда» противъ революцій, поэтому она противъ крайнихъ партій, которыя одобряютъ и вызываютъ эти революціи,—и она требуетъ, чтобы конституціоналисты-демократы рѣшительно отмежевались отъ крайнихъ партій. Но развѣ центръ тяжести въ крайнихъ партіяхъ самихъ по себѣ? Жизнь народныхъ массъ за этотъ послѣдній годъ состоитъ изъ стачекъ, безоружныхъ, но кровавыхъ демонстрацій, митинговъ съ кровавымъ финаломъ, партизанскихъ схватокъ съ полиціей и войсками, военныхъ возстаній, сперва морскихъ, затѣмъ сухопутныхъ, новыхъ болѣе активныхъ стачекъ и, наконецъ, грандіозныхъ возстаній въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Москвѣ; на ряду со всѣмъ этимъ идутъ аграрныя волненія: захватъ земель, изгнаніе помѣщиковъ и администраціи, наконецъ, податная забастовка... И все это прибываетъ, поднимаются все новые и новые слои народа, каждая волна превосходитъ предыдущую либо широтой захвата, либо высотой гребня, либо тѣмъ и другимъ. Таковъ дѣйствительный процессъ революціи. Кромѣ «безплодныхъ» р е в о л ю ц і й (если употреблять это глупое слово), составлявшихъ содержаніе жизни громадныхъ народныхъ массъ, была на сценѣ только реакція. Тѣ моменты, которые либералы выдѣляютъ (9 января, 17 октября), были лишь комбинаціями все тѣхъ же «революцій» съ реакціей. А сверхъ революцій и реакціи имѣлось на лицо еще либеральное недовольство той и другой.

Мы спросимъ: считаете ли вы, вмѣстѣ съ г. Дурново, что «революціи» совершаются крайними партіями? Думаете ли вы, что все дѣло въ зачинщикахъ и агитаторахъ? Вы, конечно, отвѣтите, что вы этого не думаете. Но тогда спросите себя: чѣмъ вы въ сущности недовольны?—содержаніемъ соціалдемократической публицистики? или дѣйствіями рабочихъ, крестьянъ, студенчества, революціонной интеллигенціи? Допустимъ, что русская соціалдемократія — дѣйствительно «помѣсь анархизма съ

якобинизмомъ», — развѣ это мѣняетъ дѣло? Допустимъ на минуту, что соціалдемократическая и вообще революціонная интеллигенція, которую вы въ сущности только и имѣете въ виду въ вашихъ нападкахъ, сдѣлается такою именно, чтобы отвѣчать вашему вкусу. Вы согласитесь, что она тѣмъ болѣе приблизится къ цѣли, чѣмъ ближе станетъ къ партіи конституціоналистовъ-демократовъ. Наконецъ, она совершенно слилась съ ними.—Что же, стачки прекратились бы отъ этого? Прекратились бы кровавыя возстанія солдатъ и матросовъ? Захватъ земель? Нѣтъ, все это происходило бы, но только гораздо болѣе стихійно и хаотично, чѣмъ теперь.

У революціи есть свои органическіе запросы и неотвратимыя потребности, своя внутренняя логика. Тактика крайнихъ партій учитывается объективнымъ ходомъ революціи лишь постольку, поскольку она вноситъ возможно большее единство, планомѣрность, сознательность въ стихійно развивающуюся борьбу народныхъ массъ, въ эти непрерывныя «революціи», внѣ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть революціи. И именно исходя изъ этихъ соображеній, соціалдемократія сознательно строитъ свою тактику въ направленіи объективнаго развитія революціоннаго процесса.

Конечно, можно упрекать ее за то, что она *приспособляетъ* свою тактику къ революціонной стихіи. Но тогда ужъ заодно нужно обвинять ученаго агронома, который приспособляется къ свойствамъ климата и почвы. Одно изъ двухъ: либо отступиться отъ массы, предоставивъ ее собственной судьбѣ и педагогикѣ пулеметовъ, либо приспособлять свою тактику къ стихійному развитію массы. К.-д. сами очень хорошо сознаютъ свое полное безсиліе руководить жизнью революціоннаго народа посредствомъ своихъ общихъ нравственныхъ и юридическихъ теоремъ, но считаютъ себя въ правѣ набрасываться на соціалдемократію за то, что *она* этого не дѣлаетъ. А она, если-бъ и хотѣла, такъ же мало имѣла успѣха въ этомъ, какъ и они сами.

Если-бъ соціалдемократическая интеллигенція устранилась, еслибъ устранились многія тысячи сознательныхъ соціалдемократовъ—рабочихъ, поле заняли бы соціалисты - революціонеры. Еслибъ не было с.-р. (наприм., еслибъ они вмѣстѣ съ с.-д. перешли въ лагерь к.-д.). тогда изъ рядовъ интеллигенціи выдѣлились бы другія революціонныя группы, которыя, во взаимодѣйствіи съ верхнимъ слоемъ пролетаріата и въ противодѣйствіи съ либеральной буржуазіей формулировали бы объективные запросы борьбы рабочихъ массъ. Если русская соціалдемократія, несмотря на гарантіи интернаціональнаго опыта, выполняетъ эту работу, на взглядъ «Пол. Звѣзды», плохо, то другіе сдѣлали бы ее еще хуже. «Революціи» все равно происходили бы, только съ боль-

шей смутой въ умахъ массъ и ихъ «вождей». Реакція все равно развивала бы тактику наступленій и отступленій. И либеральные мудрецы все равно были бы недовольны революціями Революціи и реакціями Реакціи. Мы имѣли бы 48 годъ!

Нападки «Пол. Звѣзды», какъ и либераловъ вообще, на тактику соціалдемократіи, если ихъ развить и углубить, представляютъ собою не что иное, какъ замаскированные нападки на нецѣлесообразную структуру современнаго общества: на нищету народныхъ массъ, на остроту ихъ соціальныхъ интересовъ, на хищническій эгоизмъ господствующихъ классовъ, на непреодолимость классовыхъ страстей—словомъ на суровую логику исторіи.

Не крайнія партіи создали классовыя противорѣчія, но классовыя противорѣчія создали крайнія партіи.

Лассаль когда то сказалъ прусскимъ либеральнымъ идеалистамъ, что, если-бъ онъ создавалъ міръ, онъ поставилъ бы право выше силы, — но, къ сожалѣнію, ему не пришлось создавать этотъ міръ.

Тамъ, гдѣ виновата объективная жестокость исторіи, либерализмъ видитъ только субъективныя ошибки мысли. «Главнѣйшая ошибка, повторенная нами вслѣдъ за дѣятелями всѣхъ почти революцій, пишетъ г. Штильманъ въ «Пол. Зв.», заключается въ томъ, что едва успѣвъ нанести общему врагу первый сильный ударъ, мы сейчасъ же о немъ позабыли и подняли жестокую междоусобную ссору» (№ 7, 501, курс. нашъ).

«Мы» сдѣлали ту же ошибку, въ какой повинны дѣятели всѣхъ почти (почему почти? именно всѣхъ) революцій. Кто эти «мы»? Очевидно, авторъ представляетъ себѣ при этомъ литераторовъ «Начала» и «Полярной Звѣзды», или, въ лучшемъ случаѣ, сотню—другую дѣятелей земскаго съѣзда и Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. И въ ихъ междоусобной ссорѣ (!) «главнѣйшая ошибка» революціи! Г. Штильманъ своимъ дѣтскимъ языкомъ даетъ выраженіе тѣмъ обычнымъ представленіямъ о ходѣ и исходѣ революціи, какія свойственны людямъ его лагеря. Не классовыя противорѣчія, которыя обостряются съ каждымъ шагомъ революціи, не объективныя отношенія, которымъ дѣятели даютъ лишь болѣе или менѣе несовершенную формулировку, а субъективныя ошибки этихъ дѣятелей, т. е. собственно господъ литераторовъ и господъ депутатовъ, рѣшаютъ судьбы революцій. И тотъ фактъ, что «главнѣйшая ошибка» повторялась въ каждой революціи, имѣвшей мѣсто въ классовомъ обществѣ,—а иныхъ революцій не бываетъ!—нисколько не мѣшаетъ идеалистамъ исправлять посредствомъ нравоученій эту ошибку исторической природы общества.

Но пусть виноваты дѣятели. Какого же именно лагеря? Авторъ, открывшій «главнѣйшую ошибку», даетъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Наша «буржуазія»,—пишенъ онъ, (почему буржуазія въ ковычкахъ—неизвѣстно)—уже политически дифференцировалась. «И пролетаріату слѣдуетъ, конечно, примкнуть къ наиболѣе лѣвымъ ея элементамъ», онъ «не имѣетъ никакихъ основаній расходиться даже съ «буржуазными» элементами конституціонно-демократической и другихъ «несоціалистическихъ» [1]) партій» (№ 7, стр. 502 курсивъ нашъ).

Пролетаріатъ не долженъ расходиться съ конституціонно-демократической буржуазіей, онъ долженъ къ ней примкнуть. Вотъ средство противъ главнѣйшей ошибки.

Но почему же не наоборотъ? Не лучше ли буржуазной демократіи примкнуть къ пролетаріату, разъ что она открыла секретъ главнѣйшей ошибки? Г. Штильманъ можетъ быть увѣренъ: отъ тѣхъ элементовъ буржуазіи, которые «не расходятся» съ пролетаріатомъ, онъ никогда не отдѣляется; да и невозможно отъ нихъ отдѣлиться. Но г. Штильману кажется, что «расходится» съ нимъ пролетаріатъ, что «ссору» затѣваютъ публицисты покойнаго «Начала», что «главнѣйшую ошибку» совершаетъ соціалдемократія. Откуда такая односторонность?

Дѣло въ томъ, что политическую ограниченность своего класса буржуазные политики всегда и вездѣ считаютъ такимъ же естественнымъ закономъ, какъ тяготѣніе, тогда какъ общественная природа антагонистическаго класса кажется имъ случайностью, предразсудкомъ, ошибкой вождей. Поэтому свою ограниченную политическую программу они считаютъ нормальной человѣческой программой, дѣлаютъ ее мѣриломъ и требуютъ, чтобы дѣятели противнаго лагеря подчиняли интересы своего класса этому «естественному» мѣрилу.

Вниманію пролетаріата предъявляются многія тактики: и зубатовская, и гапоновская, и либеральная, и соціалдемократическая... Но рабочій классъ одни пріемы и методы отбрасываетъ, другими пользуется временно, третьи передѣлываетъ, приспособляя ихъ къ своей природѣ, четвертые ассимилируетъ цѣликомъ. Рабочій классъ это не глина, изъ которой можно лѣпить, что угодно.

---

[1]) Что означаютъ эти ковычки, совсѣмъ ужъ нельзя понять. Развѣ лишь то, что въ сущности всѣ „мы“—соціалисты, но что авторъ лишь условно, въ угоду предразсудкамъ соціалдемократіи, готовъ назвать несоціалистической партію гг. Петрункевичей, Родичевыхъ, Струве и пр. и пр.? Такъ что-ли, господинъ хорошій? За всѣми этими ковычками сквозитъ какое то циничное кокетничанье: вотъ, молъ, хоть я и буржуазный либералъ и отлично сознаю это, а все же говорю о себѣ въ третьемъ лицѣ, кому-то подмигиваю и шучу надъ этимъ: что взяли?

Когда въ петербургскихъ массахъ, въ результатѣ длительнаго періода накопленія политическихъ страстей и мыслей, назрѣла потребность выступленія, онѣ заставили служить себѣ зубатовскую организацію и подчинили своимъ цѣлямъ невѣжественнаго священника, ставленника полиціи, вдохнувъ въ него на день революціонный энтузіазмъ. Девятаго января петербургскій пролетаріатъ впервые выноситъ на улицу свою массовую силу. Въ немъ пробуждается съ этого времени страстное стремленіе политически реализовать свою силу, а для этого—дать ей не случайную, а постоянную цѣлесообразную организацію. Отсюда—вовсе не изъ чьихъ-то анархическихъ заблужденій—громадная масса стачекъ. Соціалдемократія лишь вноситъ въ нихъ организаціонное единство и пользуется ими, какъ ареной агитаціи. Революціонныя эпохи тѣмъ и замѣчательны, что даже крайнія партіи едва поспѣваютъ приспособлять свою тактику къ стихійнымъ движеніямъ народныхъ массъ! Развитіе своихъ силъ и организаціонныхъ связей приводитъ пролетаріатъ, съ одной стороны, ко всеобщей октябрьской стачкѣ, съ другой—къ колоссальной самоорганизаціи пролетаріата въ формѣ Рабочихъ Совѣтовъ. Тотъ этапъ, когда случайный священникъ могъ оказаться вождемъ, оставленъ далеко позади. Еслибъ соціалдемократія попыталась заняться прекращеніемъ рабочихъ «революцій», она немедленно была бы отброшена отъ массы и обречена на ничтожество. Вѣдь пробовали же гапоновцы во главѣ съ Гапономъ противопоставить себя Совѣту Рабочихъ Депутатовъ!..

Конституціоналисты «Полярной Звѣзды», когда они послѣдовательны, говорятъ въ сущности слѣдующее: «Въ предѣлахъ тѣхъ интересовъ, которые мы отстаиваемъ и дальше которыхъ не можемъ и не хотимъ итти, мы не способны руководить «революціями». Но, къ несчастью, внѣ этихъ революцій сейчасъ нѣтъ ни политической жизни, ни путей къ массамъ. Остановить революцію мы не можемъ, какъ не можетъ и реакція, въ распоряженіи которой имѣются малюты-дубасовы и флигель-мины. Но мы надѣемся, что въ концѣ концовъ революція искалѣчитъ реакцію, а реакція искалѣчитъ революцію; тогда уставшій и ослабѣвшій народъ разочаруется въ революціи, а въ конецъ истощившаяся реакція захочетъ нашей поддержки. И вотъ тогда придетъ наше время».

Какая-то газета сообщала, отнюдь не въ осужденіе, что г. Набоковъ во время ноябрьской стачки уѣхалъ за границу, заявивъ своимъ друзьямъ: «Революція вступаетъ въ свои права,—и к.-демократу теперь нечего дѣлать». Это поистинѣ превосходно! Конечно, можетъ быть, это газетная выдумка, но это въ сущности не мѣняетъ дѣла. Если г. Набоковъ этого не говорилъ, онъ долженъ былъ это сказать.—На съѣздѣ конституціона-

листовъ-демократовъ г. Милюковъ сказалъ: «Мы—партія по-преимуществу конституціонная» (т. е. парламентская). А это значитъ, что пока парламента нѣтъ, а есть революціонная борьба за парламентъ, к.-демократы обречены на бездѣйствіе. Тоже самое говоритъ и Кауфманъ. Онъ очень здраво рекомендуетъ своей партіи «познать себя» и не только отмежеваться отъ крайнихъ партій, но и отказаться отъ конкуренціи съ ними въ массахъ, пока «революціи» не потерпятъ окончательнаго краха, т. е. другими словами, пока массы не будутъ раздавлены. Только пройдя черезъ эту школу, народъ придетъ къ к.-демократамъ. А пока—будемъ заниматься самоопредѣленіемъ, въ формѣ нападокъ на крайнія партіи, и этимъ способомъ подготовлять себя къ господству на полѣ ихъ дѣятельности, когда революція покроетъ это поле своими костями. Такимъ образомъ, какъ бы себя ни убаюкивали к.-д. надеждами на прекрасное будущее (судьбы германскаго и австрійскаго либерализма должны сильно укрѣплять эти надежды!), фактически ихъ отмежевыванье отъ крайнихъ партій, по крайней мѣрѣ, на весь революціонный періодъ, есть отмежевываніе отъ народныхъ массъ. Партія, которая такъ начинаетъ, не можетъ имѣть будущаго.

Отвлекаясь отъ объективной политической цѣнности этой тактики, мы скажемъ: каково должно быть нравственное самочувствіе той идейной интеллигенціи, которая обречена на роль брюзжащаго зрителя, при историческомъ крещеніи націи, при суровыхъ столкновеніяхъ народа съ его врагами, при его первыхъ шагахъ, исполненныхъ анонимнаго героизма, великаго упорства и великихъ жертвъ! Трижды лучше не родиться, чѣмъ принадлежать къ партіи, которая готовится къ своему вліянію посредствомъ отреченія отъ собственнаго народа, переживающаго революціонную страду.

Такое настоящее постыдно! У нихъ не можетъ быть будущаго!

---

2. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Декабрьская работа реакціи смела съ поля зрѣнія «общества» крайнія партіи и такимъ путемъ превратила конституціонную демократію въ корифея оппозиціи. Либеральная печать вообще, а «Полярная Звѣзда» въ особенности, использовала свое положеніе лидера не столько для атаки на абсолютизмъ, сколько для суроваго осужденія тактики революціонныхъ организацій. Центромъ обвиненій явился Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ. Но

чѣмъ энергичнѣе и рѣшительнѣе эти обвиненія, тѣмъ чаще они противорѣчатъ другъ другу.

Г. Струве обвиняетъ Совѣтъ въ томъ, что тотъ командовалъ рабочими, и считалъ себя «хозяиномъ петербургскаго рабочаго народа» и писалъ «приказы по пролетаріату». И въ то же время онъ обвиняетъ его въ томъ, что «содержаніе своихъ приказовъ онъ черпалъ не въ своемъ собственномъ пониманіи (!?) того, что нужно и возможно для «подданныхъ» [1]), а въ мѣняющихся настроеніяхъ этихъ подданныхъ, возвращая эти настроенія въ видѣ краткихъ электризующихъ лозунговъ», (№ 1, стр 11). Мы не знаемъ, какимъ путемъ могъ командовать С. Р. Д.— организація, созданная самими рабочими выборнымъ путемъ и не располагавшая никакимъ механизмомъ репрессіи. Революціонная организація, имѣя противъ себя весь полицейскій аппаратъ и военную силу, могла развить столь широкую дѣятельность (лишь ничтожная доля ея была видна либеральному обществу!), только опираясь на добровольную и сознательную дисциплину самихъ массъ.—Что касается второго, прямо-противоположнаго обвиненія, будто Совѣтъ, вмѣсто того, чтобы «командовать» массами, сообразно «собственному пониманію», только возвращалъ рабочимъ ихъ «мѣняющіяся» настроенія въ видѣ электризующихъ формулъ, то это обвиненіе г. регистратора земской мысли вѣрно въ томъ общемъ смыслѣ, что Совѣтъ формулировалъ и обобщалъ логически вытекавшіе другъ изъ друга запросы борьбы рабочихъ на фабрикахъ и на улицѣ. Въ чемъ же другомъ и можетъ состоять руководство?

Когда буржуазные политики, которые, разумѣется, не посѣщали ни заводскихъ митинговъ, ни районныхъ собраній, чтобъ тамъ разоблачать ошибки соціалдемократіи, читаютъ «электризующія» формулы Совѣта, по которымъ они пытаются установить его шатанія и отступленія, то они совершенно не отдаютъ себѣ отчета въ совершающемся за этими формулами живомъ и непрерывномъ процессѣ роста массы, который во многихъ случаяхъ столько же питался отступленіями, сколько и наступленіями, и въ цѣпи котораго тѣ и другія составляли необходимыя звенья.

---

[1]) Приказы по пролетаріату... подданные... Мы не останавливаемся въ текстѣ надъ этими пріемами, которые не пріобрѣтаютъ, конечно, лучшаго запаха только оттого, что перенесены въ либеральную газету съ заборной литературы г. Дедюлина о терроризированіи рабочихъ «кучкой такъ называемыхъ депутатовъ».—Г. Струве говоритъ о краткихъ электризующихъ формулахъ. Это показываетъ, что г. Струве не только не читалъ, но даже не видалъ ихъ. Всѣ резолюціи Совѣта, кромѣ двухъ или трехъ, были очень длинны, такъ какъ снабжались подробной мотивировкой въ цѣляхъ направленія и объединенія агитаціи.

Сколько, напримѣръ, глубокихъ критическихъ соображеній высказано въ либеральной литературѣ по поводу попытки введенія 8-часового рабочаго дня революціоннымъ путемъ. Сколько проницательныхъ замѣчаній относительно наивности, проявленной Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ! Но каковъ на самомъ дѣлѣ былъ смыслъ кампаніи за 8-часовой рабочій день?

Рабочая масса, страшно выросшая и возмужавшая, естественно стремилась увеличивать свои завоеванія. Вовлеченная въ водоворотъ новыхъ громадныхъ вопросовъ и интересовъ, захваченная газетами, листками, ораторами, она хотѣла во что бы то ни стало создать для себя физическую возможность пользоваться всѣми завоеванными ею свободами. Отсюда это могучее стремленіе ограничить фабричную каторгу восемью часами. Если-бъ Совѣтъ даже думалъ, что русская промышленность не выдержитъ 8-часового рабочаго дня и началъ бы на этомъ основаніи просто кричать рабочимъ: назадъ! они бы не подчинились ему, стачки вспыхнули бы разрозненно, заводъ вовлекался бы въ борьбу за заводомъ и неуспѣхъ привелъ бы къ временной деморализаціи. С. Р. Д. поступилъ иначе. Руководящіе элементы его вовсе не разсчитывали на непосредственный и полный практическій успѣхъ кампаніи, но они считались съ могучимъ революціонно-культурнымъ стремленіемъ, какъ съ фактомъ, и рѣшились претворить его во внушительную демонстрацію въ пользу 8-ми часового рабочаго дня.—Практическій успѣхъ «самовольнаго» прекращенія работы послѣ 8 часовъ труда состоялъ въ томъ, что на нѣкоторыхъ заводахъ было достигнуто путемъ соглашенія сокращеніе рабочаго дня.—Моральный результатъ, гораздо болѣе серьезный, былъ двойной. Во-первыхъ, идея восьмичасового рабочаго дня получила такую колоссальную и незыблемую популярность въ самыхъ отсталыхъ рабочихъ слояхъ, какой не дали бы десять лѣтъ трудолюбивой пропаганды. Во-вторыхъ, упершись въ организованное сопротивленіе капитала, за которымъ стояла «братская» рука графа, грозившая локаутомъ, рабочая масса впервые стала лицомъ къ лицу съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, какъ съ вопросомъ государственнымъ. На всѣхъ собраніяхъ и митингахъ—на многихъ противъ стихійнаго настроенія рабочихъ—была проведена резолюція «отступленія», въ которой выяснялась невозможность проведенія восьмичасового рабочаго дня въ одномъ Петербургѣ,—и изъ этого дѣлались два вывода: 1) о необходимости общегосударственной профессіональной организаціи рабочихъ для борьбы за 8-ч. рабочій день въ государственномъ масштабѣ, 2) о необходимости всероссійской политической организаціи рабочихъ—для проведенія 8-ч. рабочаго дня чрезъ Учредительное Собраніе законодательнымъ путемъ. Такимъ образомъ, Совѣтъ не «командовалъ»

рабочими, но и не являлся простымъ регистраторомъ ихъ требованій и иллюзій: онъ дѣйствительно осуществлялъ руководство. Очерченная тактика позволила Совѣту удержать большинство заводовъ отъ изнурительной и заранѣе обреченной на неудачу стачки за 8 ч. рабочій день, и не только не вызвать при этомъ нравственнаго упадка, но, наоборотъ, дать новый толчокъ ихъ энергіи и завязать новый тактическій узелъ: всероссійскій рабочій съѣздъ.

На все это Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ тратилъ много труда и вниманія, депутаты въ обсужденіи вопроса проявляли много прозорливости и предусмотрительности. А буржуазные тупицы и верхогляды, просмотрѣвши подрядъ двѣ резолюціи Совѣта и узнавъ изъ газетной хроники, что рабочіе хотятъ «явочнымъ путемъ» ввести нормальный рабочій день, пожимали плечами по поводу темноты массъ и сумасбродства вожаковъ.

Достойно при этомъ всяческаго вниманія слѣдующее сопоставленіе: не такъ давно у насъ въ либеральной печати было очень въ модѣ доказывать, что восьмичасовой рабочій день не только не уменьшаетъ, но, напротивъ, увеличиваетъ доходность предпріятій; когда же рабочіе сами взялись за проведеніе восьмичасового рабочаго дня, либеральные публицисты отшатнулись отъ нихъ въ священномъ страхѣ за судьбы русской промышленности и національной культуры.

О, книжники и фарисеи!

Буржуазная критика незамѣтно переходитъ въ буржуазную клевету. Либеральная пресса не разъ говорила о цензурѣ Совѣта и о насиліяхъ наборщиковъ надъ свободой печати. Г. Струве, не обинуясь, говоритъ о правительственномъ насиліи, которое торжествуетъ, и о революціонномъ насиліи, которое «еще только замышляетъ торжествовать».

Если въ вопросѣ о свободѣ печати были насилія, то они состояли: 1) въ томъ, что союзъ наборщиковъ, въ согласіи съ Совѣтомъ, постановилъ не печатать произведеній, которыя будутъ представляться въ цензуру—и тѣмъ вынудилъ всѣхъ издателей стать въ этой области на почву «захватнаго права», 2) въ томъ, что наборщики отказывались неоднократно набирать черносотенныя изданія, призывающія къ избіенію передовыхъ общественныхъ группъ, обвиняющія Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ и революціонеровъ вообще въ кражѣ общественныхъ денегъ (разумѣется, безъ подписи обвинителей) и пр. Рабочіе въ такихъ случаяхъ обращались къ Совѣту и, если послѣдній не находилъ прямого натравливанія и призыва къ бойнѣ, онъ совѣтовалъ наборщикамъ не препятствовать печатанію. Реакціонная пресса выходила вообще безпрепятственно. Но если-бъ даже наборщики, стоящіе на революціонной точкѣ зрѣнія, не соглашались печатать

извѣстныя статьи за ихъ общее направленіе, не только за призывъ къ насилію,—развѣ это, спросимъ, юридически или нравственно недопустимо? Наборщикъ, разумѣется, не отвѣтственъ за то, что онъ набираетъ. Но если политическая борьба обострилась до такой степени, что наборщикъ и въ сферѣ своей профессіи не перестаетъ чувствовать себя отвѣтственнымъ гражданиномъ, онъ, разумѣется, нимало не нарушитъ свободы печати (какой вздоръ!), если откажется набирать, напр., «Полярную Звѣзду». Его могутъ при этомъ активно поддержать и всѣ наборщики данной типографіи и весь союзъ работниковъ печатнаго дѣла,—и тѣмъ не менѣе здѣсь будетъ такъ же мало нарушена «свобода печати», какъ мало нарушается неприкосновенность жилища или свобода торговли отказомъ сдать квартиру или продать товаръ завѣдомому предателю, провокатору или просто врагу свободы.

Капиталъ до такой степени привыкъ пользоваться экономическимъ насиліемъ, въ формѣ «свободнаго найма», вынуждающаго рабочаго выполнять всякую работу, независимо отъ ея общественнаго значенія (строить тюрьмы, ковать кандалы, печатать реакціонныя и либеральныя клеветы на пролетаріатъ), что онъ искренно возмущается отказомъ профессіональной корпораціи отъ выполненія противныхъ ей работъ и считаетъ этотъ отказъ «насиліемъ»—въ одномъ случаѣ, надъ свободой труда, въ другомъ—надъ свободой печати.

Гораздо правильнѣе было бы сдѣлать другой выводъ. Для того, чтобы все шло гладко, буржуазнымъ писателямъ необходимо имѣть обширный и стойкій штабъ преданныхъ наборщиковъ. Къ сожалѣнію, это не легко: прививать рабочимъ буржуазныя идеи не такъ просто, какъ клеветать на пролетаріатъ.

Очень поучительно сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. Опубликованный г. Струве проектъ конституціи [1]), за которымъ стоятъ видные освобожденцы, предусматриваетъ, для счастія новой Россіи, военное положеніе—съ упраздненіемъ всѣхъ публичныхъ свободъ. Таково необходимое орудіе ихъ будущаго «демократическаго» государства. Люди, которые заявляютъ это такъ откровенно, еще не вылѣзши изъ военныхъ положеній абсолютизма, забываютъ, замѣтимъ мимоходомъ, очень разумное правило, которое римская матрона преподаетъ своему сыну: «Ты прежде облекись во власть, а тамъ уже изнашивай ее!» Но замѣчательно, что эти же люди съ паѳосомъ Тартюфа клеймятъ, какъ насиліе надъ свободой, борьбу рабочихъ съ хулиганской литературой при помощи средствъ профессіональной стачки и бойкота—и когда? въ періодъ ожесточенной гражданской войны,

[1]) О немъ см. выше: «Конституція освобожденцевъ».

когда рабочихъ травятъ организованныя шайки реакціи подъ покровительствомъ полиціи, и когда существующая «конституція» распространяетъ на эту «гонимую» хулиганскую литературу уголовнаго характера не только полную и безусловную свободу, но и матеріальное покровительство.

Таковы обвиненія.

Буржуазной прессѣ, которая чувствовала въ рабочемъ Совѣтѣ присутствіе внутренней увѣренности и силы, видѣла въ его дѣйствіяхъ—прямые выводы изъ его сужденій, въ его сужденіяхъ—смѣлое отраженіе того, что есть, этой бѣдной буржуазной прессѣ было не по себѣ. Она со своими планами и надеждами оставалась совершенно въ сторонѣ, политическая жизнь концентрировалась вокругъ рабочаго Совѣта. Отношеніе обывательской массы къ Совѣту было явно сочувственное, хотя и малосознательное. У него искали защиты всѣ угнетенные и обиженные. Популярность Совѣта росла далеко за предѣлами города. Онъ получалъ «прошенія» отъ обиженныхъ крестьянъ, черезъ Совѣтъ проходили крестьянскія резолюціи, въ Совѣтъ являлись депутаціи сельскихъ обществъ. Здѣсь, именно здѣсь концентрировалось вниманіе и сочувствіе нація, подлинной, не фальсифицированной, демократической націи. Либерализмъ сидѣлъ, какъ на угольяхъ.—Вздохъ облегченія вырвался изъ груди буржуазной прессы, когда въ этомъ процессѣ сплоченія демократическихъ силъ вокругъ Совѣта наступилъ интервалъ, который ей кажется финаломъ. Съ лицемѣрными словами протеста противъ правительственнаго насилія она хитро переплетаетъ сокрушенные вздохи по поводу «ошибокъ» и «промаховъ» Совѣта, чтобы сдѣлать по возможности ясной для обывателя неизбѣжность [1]) репрессивныхъ мѣръ.

Эта тактика не нова. Буржуазная литература о дѣятельности рабочаго правительства въ Парижѣ, въ 1871 г., представляетъ собою нагроможденіе инсинуацій, лжи и клеветъ. Задача такой тактики: возстановить общественное мнѣніе промежуточныхъ слоевъ противъ «неистовствъ» пролетаріата. Наша либеральная пресса не выдумала въ этомъ отношеніи ничего новаго. Безспорно сочувственное отношеніе къ Совѣту массы населенія, въ томъ числѣ демократической интеллигенціи, не позволяетъ официальнымъ вождямъ либеральнаго общества травить Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ, какъ врага націи, но они дѣлаютъ, что могутъ, чтобы подорвать его популярность. Рессурсы ихъ критики такъ же ничтожны, какъ ихъ цѣль.

---

[1]) Г. Струве и тутъ впереди другихъ. Онъ пишетъ: «С. Р. Д. заготовилъ (на словахъ) вооруженное возстаніе и тѣмъ приготовилъ свой собственный арестъ» (№ 1, стр. 11).

3. Возстаніе въ Москвѣ.

Девятое января въ Петербургѣ, октябрьская стачка во всей Россіи и декабрьское возстаніе въ Москвѣ—вотъ три вѣхи, отмѣчающія поступательное движеніе русской революціи. Мы уже знаемъ, какъ г. Струве заднимъ числомъ «одобрилъ» 9-ое января и стачку въ октябрѣ. Къ послѣднему событію, къ возстанію въ Москвѣ, онъ отнесся совсѣмъ иначе.

Въ первую минуту онъ признался, что для него «смыслъ этого явленія загадочный». Для г. Струве было загадочно, что тотъ самый народъ, который 9-го января выдвинулъ свои требованія, который въ октябрѣ добился уступокъ безоружнымъ, но не безкровнымъ возстаніемъ, народъ, у котораго уступки были тотчасъ-же отняты, какъ только убыла волна, что этотъ народъ сдѣлалъ то, что онъ дѣлалъ во всѣхъ мѣстахъ въ такіе моменты своей исторіи: вышелъ на улицы и началъ строить баррикады. Поистинѣ загадочно!..

Г. Струве надоѣло быть непроницательнымъ. Онъ не предвидѣлъ возстанія, и оно не входило въ его планы. Если, тѣмъ не менѣе, возстаніе случилось, тѣмъ хуже для... возстанія. И, подумавъ, Струве рѣшилъ, что въ Москвѣ не было возстанія. «Quasi-возстаніе въ Москвѣ»—вотъ какое опредѣленіе даетъ онъ московскимъ событіямъ.

«Въ Москвѣ не было вооруженнаго возстанія населенія, пишетъ онъ, были столкновенія отдѣльныхъ, относительно весьма немногочисленныхъ группъ населенія съ полиціей и войсками, были бутафорскія (!) баррикады, воздвигнутыя «революціонной» интеллигенціей въ союзѣ съ терроризированными дворниками (курс. н.) и увлеченными уличными мальчишками; была отчаянно храбрая, геройская борьба нафанатизированныхъ, обрекшихъ себя гибели рабочихъ». (№ 3.225).

Итакъ, обстановка возстанія: бутафорскія баррикады; персоналъ его: 1) «революціонная» (не революціонная) интеллигенція, 2) терроризированные (ею?) дворники, 3) увлеченные (ею?) мальчишки, 4) нафанатизированные (ею?) рабочіе. И вотъ эта поистинѣ «весьма немногочисленная группа населенія» держалась на бутафорскихъ баррикадахъ чуть не двѣ недѣли. Смыслъ этого явленія, дѣйствительно, «загадочный».

Въ слѣдующей статьѣ г. Струве еще энергичнѣе подчеркиваетъ главную черту этой картины: московское населеніе вмѣстѣ съ «широкой или большой интеллигенціей» испугалось возстанія и было совершенно пассивно. Итакъ, малая» или «узкая» интеллигенція и фанатики—рабочіе, обрекшіе себя смерти (сколько такихъ могло быть?—горсть!) не только успѣвали, при испуган-

ной пассивности всего населенія, терроризировать дворниковъ и при ихъ помощи строить баррикады, но и умудрялись держаться на этихъ бутафорскихъ баррикадахъ—безъ поддержки, при полной пассивности перепуганнаго населенія! — двѣ недѣли противъ кавалеріи, артиллеріи и пѣхоты!

Если на первый взглядъ живописаніе г. Струве являло видъ «загадочный», то при дальнѣйшемъ разслѣдованіи оно становится невѣроятнымъ, а при окончательномъ разсмотрѣніи оказывается, какъ увидимъ, завѣдомо-ложнымъ.

Г. Струве приводитъ въ своей статьѣ письмо москвича, «вся жизнь котораго прошла и проходитъ въ служеніи русскому освобожденію». Что же пишетъ этотъ почтенный москвичъ? Онъ жалуется на то, что со стороны вліятельныхъ учрежденій не было ничего предпринято для прекращенія кровопролитія. «Дума, пишетъ онъ, въ теченіе трехъ первыхъ дней возстанія даже не собиралась». Другая корпорація гражданъ «съ значеніемъ и вѣсомъ», московскій университетъ, тоже не сдѣлалъ «ничего утѣшительнаго». Интеллигенція опять-таки ничего не предприняла, «чтобы прекратить бойню въ самомъ началѣ». «Въ этотъ историческій моментъ, жалуется московскій корреспондентъ, она показала себя безсильной». И въ заключеніе онъ спрашиваетъ: «Кто же дѣйствовалъ?» и отвѣчаетъ: «Народныя массы. Эти дѣйствовали, дѣйствовали стихійно, безъ плана, ощупью. Вотъ почему событія приняли такіе размѣры и были такъ полны ужаса и дикости» (№ 4.281).

Что-же сказать послѣ этого? Какъ назвать незыблемость г. Струве, который привелъ письмо и глазомъ не моргнулъ. Мы не станемъ цитировать десятки свидѣтельствъ, которыя всѣ показываютъ, какъ полицейски-вздорна выдумка г. Струве. Ограничимся ссылкой на реакціоннаго разслѣдователя московскихъ событій, корреспондента «Слова», который тоже останавливается передъ «загадочнымъ смысломъ» двухнедѣльнаго возстанія въ такомъ «истинно-русскомъ» городѣ, какъ Москва. И онъ также искушается мыслью выдвинуть на передовые посты дворниковъ, которыхъ револьверами склоняли къ революціи, но, вспомнивъ, что существуетъ на свѣтѣ стыдъ онъ прибавляетъ: всѣ эти частности, конечно, не мѣняютъ общаго положенія: революція все же нашла много вѣрныхъ слугъ въ Москвѣ среди мѣстнаго населенія». Размышляя надъ этой загадкой, остроумный корреспондентъ приходитъ къ такому объясненію: «Населеніе было несомнѣнно, терроризировано (не одни дворники, но все населеніе! Н. Т.) и главное, прибавляетъ онъ, населеніе поддавалось этому террору довольно охотно».

Реакціонный корреспондентъ, какъ видимъ, не безъ блеска

вышелъ изъ затрудненія, тогда какъ г, Струве, не пытаясь свести концы съ концами, просто и явно оболгалъ московскую трагедію [1]).

Можно, правда, сослаться на то, что стрѣляла на баррикадахъ незначительная часть населенія. И это будетъ вѣрно... Но вѣдь это уже армія въ узкомъ смыслѣ слова. Вопросъ же заключается въ томъ: была ли Москва территоріей революціоной арміи, нейтральной территоріей или территоріей правительственной арміи?—Во всѣхъ возстаніяхъ боевую роль играетъ сравнительно незначительная часть населенія. Роль всей массы опредѣляется ея отношеніемъ къ этой части. При взятіи Бастиліи военную роль играло нѣсколько тысячъ человѣкъ; но это была армія Парижа.—Корреспондентъ «Слова» вмѣстѣ съ московскимъ корресподентомъ г. Струве говорятъ намъ, что въ возстаніи участвовала масса населенія. И это несомнѣнно: безъ активной поддержки со стороны этой массы длительное возстаніе было и психологически и физически невозможно.

«Населеніе» г. Струве, испуганное и пассивное, это какъ мы видѣли изъ московскаго письма: 1) московская дума, 2) московское земство, 3) московская профессура и 4) московская «большая интеллигенція,—т.-е. то самое «общество» политическимъ регистраторомъ котораго г. Струве состоитъ; это квалифицированное «населеніе» есть московская доля той «націи», именемъ которой г. Петръ Струве клянется.

Къ чести г. Струве нужно отмѣтить, что онъ не одобряетъ испуга своего «населенія». Испугъ передъ московской «революціей», есть одно изъ тѣхъ проявленій общественной глупости (отлично сказано!), за которыя страна платится невознаградимыми нравственными и матеріальными потерями» (№ 4, стр. 284). Отлично сказано! И тѣмъ болѣе умѣстно, что многіе публицисты искусственно культивируютъ эту общественную глупость и усердно питаютъ ея склонность къ испугамъ. Одинъ изъ такихъ литературныхъ поденщиковъ общественной глупости за нѣсколько дней до московскаго возстанія, предостерегая отъ послѣдствій проповѣди классовой борьбы, «пужалъ» россійскую глупость: «народныя массы, писалъ онъ, могутъ увлекаемыя темнымъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго инстинктомъ, ринуться на интеллигенцію, какъ на господъ».

— Да будетъ стыдно, воскликнемъ мы на этотъ разъ вмѣстѣ

---

[1]) Струве говоритъ: «Quasi-возстаніе въ Москвѣ и подлинное возстаніе въ Прибалтійскомъ краѣ». А «Новое Время» сообщаетъ, что Прибалтійское возстаніе производится молодежью,терроризирующей взрослыхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, если «Полярная Звѣзда» оставила позади себя «Слово», то съ другой стороны, «Новое Время» рѣшительно обошло «Полярную Звѣзду».

съ г. Струве, да будетъ же стыдно литературнымъ прихвостнямъ гучковской думы, которую «испугъ» вогналъ въ переднюю г. Дубасова, да будетъ стыдно публицистамъ, играющимъ на дрянныхъ струнахъ обывательскихъ предразсудковъ и щекочущимъ пятки общественной глупости!

Позорныя строки взяты нами изъ статьи «Революція», напечатанной въ журналѣ «Полярная Звѣзда». Подъ статьей подписано: 6 декабря 1905 г.—Петръ Струве.

...Будучи «противникомъ» вооруженнаго возстанія, г. Струве, когда оно вспыхнуло, ссылаясь и опираясь на него, выдвинулъ свои требованія: Россіи, писалъ онъ, необходимо правительство, облеченное довѣріемъ «хотя бы части общества». «Почему, напримѣръ, такіе умѣренные и даже консервативные люди, какъ дѣятели Союза 17 октября, въ числѣ которыхъ есть люди умные, энергичные и безусловно честные, не заслуживаютъ того довѣрія Монарха, которымъ до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться гг. Витте, Дурново и прочіе чиновники» (№ 1, стр. 86)... Въ самомъ дѣлѣ, если г. Витте получилъ власть милостью октябрьской стачки, почему г. Шипову не взойти наверхъ по трупамъ московскаго возстанія?—Негодуя на «революціи», въ которыхъ они не участвуютъ, эти господа, тѣмъ не менѣе, стремятся использовать для себя каждый успѣхъ этихъ «революцій» за который они ничѣмъ не заплатили.

Въ самый разгаръ возстанія г. Струве даже не ставитъ вопроса ни предъ собой, ни предъ своей партіей, что можно и должно сдѣлать по отношенію къ этому еще происходящему, еще живому, еще не убитому возстанію. Для него это—только благопріятный внѣшній моментъ, чтобы вплотную поставить вопросъ о министерскихъ кандидатурахъ консерваторовъ союза 17 октября—программа, позорная сама по себѣ, и вдвойне позорная, какъ прямое издѣвательство надъ требованіями возставшихъ. Сурово правъ г. М. Чеченинъ, который въ своей статьѣ о «Стихіи смерти» (и какъ только эта дѣйствительно искренная статья попала въ офиціальный органъ освобожденской искренности!) говоритъ: «убиваютъ не только тѣ, что стрѣляютъ изъ пушекъ, ружей и револьверовъ, колютъ штыками... убиваютъ и тѣ, кто, будучи противникомъ вооруженнаго возстанія, съ легкимъ сердцемъ построили бы на немъ свое благополучіе, если бы оно оказалось удачнымъ» («П. Зв.», № 4, стр. 306).

Но и это еще не все. Проходятъ двѣ недѣли и въ статьѣ, посвященной тому же возстанію г. Струве противопоставляетъ народной Россіи—«всѣхъ Витте, Дурново, Дубасовыхъ, а кстати (!) и ихъ прислужниковъ, т. е. весь Союзъ 17 октября»

(№ 6, стр. 381, курсивъ нашъ). Вы обратите, пожалуйста, вниманіе на это словечко к с т а т и!

Мы не знаемъ, что за эти четырнадцать дней произошло за тѣми кулисами, гдѣ шушукаются о министерскихъ портфеляхъ и о ризахъ распятаго народа мечутъ жребій. И мы не хотимъ этого знать!—Мы знаемъ одно: либеральный писатель, который думаетъ вести за собой идейную интеллигенцію, играетъ кровью народа, какъ послѣдній изъ послѣднихъ политическихъ торгашей. Кровью московскаго возстанія, говоритъ Струве, страна должна купить себѣ смѣну правительства Витте, Дурново, и Дубасова правительствомъ Союза 17 октября,—того Союза 17 октября, который в е с ь, замѣтьте, в е с ь является, по словамъ самого же Струве,простымъ п р и с л у ж н и к о м ъ правительства Витте, Дурново и Дубасова!

Когда г. Струве развивалъ въ «Рус. Вѣд.» комментаріи къ извѣстному обращенію графа Витте къ «братцамъ-рабочимъ», мы заявили, что г. Струве—политическій агентъ Витте. Сантиментальныя души возстали противъ насъ. Теперь мы готовы внести въ нашу формулу поправку. Если въ ноябрѣ г. Струве выступалъ, какъ агентъ Витте, то въ декабрѣ онъ выступилъ, какъ п р и с л у ж н и к ъ е г о п р и с л у ж н и к о в ъ...

...Чтобъ закончить эту картину, которую можно бы назвать: «пляска либеральныхъ папуасовъ вокругъ поверженныхъ враговъ», прибавимъ еще одинъ выразительный штрихъ.

Въ № 2 «Полярной Звѣзды» напечатана корреспонденція князя Гр. Трубецкого о «московскихъ декабрьскихъ дняхъ». Вспоминая о митингахъ и собраніяхъ, происходившихъ послѣ 17 октября, авторъ находитъ, разумѣется, что «свободы» были использованы не такъ, какъ надлежало. «Правда, говоритъ онъ, въ критикѣ и осужденіи правительственныхъ дѣйствій никто не стѣснялся. Заслуга ораторовъ и публицистовъ въ этомъ отношеніи была, однако, невелика, потому что п р о т и в ъ п о в е р ж е н н а г о л ь в а о т в а ж и в а ю т с я, к а к ъ и з в ѣ с т н о, д а ж е и н е о ч е н ь х р а б р ы я ж и в о т н ы я» (№ 2, стр. 158, курсивъ нашъ). Г. корреспондентъ забываетъ, что митинги начались д о 17 октября, такъ что не требовалось вовсе манифеста, чтобъ революціонные ораторы и публицисты «отважились». Дѣло, однако, не въ этомъ. Кн. Гр. Трубецкой писалъ свою корреспонденцію п о с л ѣ московскаго возстанія, а г. Струве напечаталъ ее 22 декабря. Сопоставьте теперь эти даты съ тѣми соображеніями, которыя позволяютъ г. корреспонденту сравнивать революціонеровъ съ «не очень храбрыми животными». Ораторы и публицисты, выступавшіе послѣ 17 октября, ясно видѣли и твердо знали, что «левъ» еще не поверженъ. Къ пропагандѣ этого именно ихъ убѣжденія сводилось содержаніе значительной части

ихъ статей и ихъ рѣчей. Они знали, ни минуты не сомнѣвались, что въ извѣстный моментъ чаша «конституціоннаго» терпѣнія неповерженнаго льва переполнится, что они первые падутъ жертвой его мстительной ярости, и что месть будетъ тѣмъ жесточе, чѣмъ энергичнѣе были ихъ нападенія. Они знали это. И такой моментъ дѣйствительно наступилъ. И вотъ, когда вся революціонная пресса была задушена, ораторы и публицисты перебиты или заточены, когда въ Москвѣ еще не закончилась недѣля о семеновцахъ, либеральный публицистъ на страницахъ либеральнаго органа издѣвается — не надъ планами, тактикой или взглядами, но надъ мужествомъ революціонеровъ, сравнивая ихъ съ не-храбрыми животными, лягающими льва...

Если въ ту минуту, когда писались цитированныя княжескія строки, какой-нибудь левъ былъ поверженъ, такъ это левъ революціи. И—простите, господа!—если какой-нибудь оселъ лягалъ поверженнаго льва, такъ это оселъ либерализма.

Мы говоримъ въ этой главѣ о судѣ либерализма и, въ особенности, «Полярной Звѣзды», надъ революціей. Но въ сущности, газета Струве не судитъ революцію, а обвиняетъ ее. Это не голосъ судьи, который взвѣшиваетъ доводы за и противъ—да такихъ безпристрастныхъ судей въ политикѣ и не бываетъ; еще менѣе это—голосъ защитника, который отстаиваетъ свое дѣло, несмотря на всѣ его изъяны. Это голосъ прокурора по политическимъ преступленіямъ революціоннаго народа. И чѣмъ далѣе, тѣмъ пристрастнѣе и ожесточеннѣе становится обвинительный актъ.

«Освобожденіе» ставило въ высшую себѣ заслугу свою терпимость по отношенію къ революціонерамъ. «Полярная Звѣзда» каждой статьей, если не каждой буквой открыто борется со всѣмъ, что связано съ революціей. Въ «Освобожденіи» г. Струве защищалъ революціонеровъ отъ нападеній покойнаго Евреинова и князя Е. Трубецкого; онъ выступалъ противъ либеральныхъ жалобъ на анархію справа и анархію слѣва;—въ «Пол. Звѣздѣ» онъ съ самаго начала заявляетъ себя заклятымъ врагомъ насилія, исходитъ ли оно «отъ власти или отъ анархіи» (№ 1, «Отъ редакціи»).

За этимъ поворотомъ фронта скрывается измѣненіе политическихъ отношеній.

Въ первую эпоху революціи либералы терпѣли ее. Они ясно видѣли, что революціонное движеніе, несмотря на свою молодую хаотичность и стихійность, расшатываетъ абсолютизмъ и толкаетъ его на путь конституціоннаго соглашенія съ господ-

ствующими классами. Они держали руки на готовѣ, относились къ революціонерамъ дружелюбно, критиковали ихъ мягко и осторожно.—Теперь, когда условія конституціоннаго соглашенія уже написаны и, казалось бы, остается лишь выполнить ихъ, дальнѣйшая работа революціи явно подкапывается подъ самую возможность сдѣлки земскаго большинства и меньшинства съ властью. Революція сознательно ставитъ себѣ гораздо большія цѣли и тѣмъ возстановляетъ противъ себя либерализмъ.

Вопрекис офистическому противопоставленію революціи--«революціямъ», г. Струве гораздо «терпимѣе» относился къ революціи въ первый ея періодъ, когда она представляла наиболѣе анархическую картину разрозненныхъ, неоформленныхъ, стихійныхъ «революцій» (ростовская стачка 1902 г., іюльскіе дни 1903 г. на югѣ, 9 января, террористическіе акты), ибо такія вспышки не могли претендовать на самостоятельную творческую роль; онѣ лишь обезсиливали и компроментировали абсолютизмъ, подталкивая его въ объятія земцевъ.

Именно потому, что разрозненныя движенія съ каждымъ разомъ все болѣе превращаются въ организованную революцію, руководимую извнутри; именно потому, что эта сознавшая себя революція уже не хочетъ быть простымъ тараномъ на службѣ конституціонно-буржуазныхъ плановъ, а грозитъ этимъ планамъ гибелью,—именно поэтому г. Струве проявляетъ столько озлобленія, такъ рветъ и мечетъ противъ революціи. Чѣмъ яснѣе онъ видитъ себя висящимъ въ воздухѣ, тѣмъ болѣе виновата революція.

III.—«Полярная Звѣзда» предъ судомъ революціи.

So klein du bist, so gross bist du Fantast—фантазеръ то ты большой, да фантазія твоя маленькая.
(Изъ старой статьи г. Струве).

Мы видѣли революцію предъ судомъ идеалистическаго либерализма. Теперь посмотримъ, какіе же отвѣты даетъ либерализмъ на вопросы революціи.

Что дѣлать? Гдѣ выходъ?

Правда, г. Нечаевъ, «извѣстный юристъ», уже доказалъ въ «Полярной Звѣздѣ» «чисто дѣловымъ образомъ и весьма тонко», по аттестаціи Струве, что манифестъ 17 октября есть

актъ конституціонный. Послѣ этого, несомнѣнно, всѣмъ должно стать ясно, что арестъ 100.000 человѣкъ, нѣсколько тысячъ убійствъ, свыше ста городовъ и мѣстностей, брошенныхъ въ пекло всевозможныхъ видовъ охраны—что все это не правомѣрныя проявленія еще существующаго самодержавнаго строя, но противузаконныя нарушенія уже существующей конституціи. Но это почему-то мало успокаиваетъ. «Новости» прямо кричатъ: «Прочь отъ такой свободы»!.. Не надо намъ такой «конституціи»!.. Крѣпкая заднимъ умомъ «Русь» убѣдилась на «исторіи нашихъ дней», что если средства, выбранныя революціонными партіями были невѣрны, то «оцѣнка положенія и правительственныхъ нашихъ дѣятелей была вѣрная» (№ отъ 28 янв.). Но каковы эти настоящія вѣрныя средства? Гдѣ выходъ изъ конституціонной дубасовщины?

У либеральныхъ политиковъ отвѣта нѣтъ, «Новости» откровенно выражаютъ безсильную растерянность либерализма. «Какая работа, какая Дума, пишетъ эта газета. можетъ быть при такихъ условіяхъ... Какъ можно итти съ такимъ правительствомъ!..»

Венеціанецъ Манинъ хорошо сказалъ въ 48 г., что «нація никогда не имѣетъ права мириться со своимъ несчастіемъ». Выходъ долженъ быть найденъ. У либеральной мысли его нѣтъ. Она растерянна, уклоняется отъ отвѣта или откровенно сознается въ своей политической прострації.

Что же говоритъ г. Струве? Г. Струве дѣлаетъ гримасу мудрости и притворяется, что знаетъ спасеніе.

«Страна должна, пишетъ онъ, своими избирательными бюллетенями стереть главу (бюрократическаго) змія» (№ 4, стр. 287). «Государственная Дума, по законамъ 6 авг.—11 окт. «сниметъ» бюрократію съ легкостью, которая всѣхъ поразитъ» (№ 6, стр. 381, курс. н.).

Всѣхъ, кромѣ г. Струве, который это знаетъ напередъ.

Вся задача въ томъ, чтобы революція не нарушала «порядка» и дожидалась созыва Государственной Думы. Мы уже старались раньше выяснить, что тактика успокоенія есть верхъ утопизма: ибо кто и какъ удержитъ массы, если ихъ надолго не способенъ сдержать и абсолютизмъ? Мы не станемъ говорить сейчасъ и о томъ, что такая тактика враждебна интересамъ народныхъ массъ: для нихъ гораздо выгоднѣе поставить буржуазную Думу лицомъ къ лицу съ совершившимися измѣненіями, чѣмъ, сложа руки, ждать ея пришествія. Пройдемъ мимо всѣхъ этихъ соображеній и допустимъ, что программа «Пол. Зв.» выполнена. Рабочіе и крестьяне молчатъ и заучиваютъ невѣдомыя имъ имена либеральныхъ кандидатовъ. Допустимъ даже, что при такомъ полномъ успокоеніи выборы будутъ произведены. Хотя, должны

признаться, мы не можемъ понять, зачѣмъ тогда правительству выборы? Исторія послѣдняго года показала, что именно революціонные «безпорядки», «дезорганизація», «анархія» толкаютъ абсолютизмъ на путь конституціоннаго соглашенія съ буржуазіей. Но допустимъ, что подъ вліяніемъ чего угодно: уроковъ прошлаго, увѣщеваній новыхъ земскихъ депутацій, наконецъ, неотразимой пропаганды «Пол. Звѣзды», самодержавіе (оно все-таки существуетъ!) созоветъ Государственную Думу.

Крайнія партіи не мѣшаютъ; «революціи» прекратились. Дума уже въ Таврическомъ дворцѣ, уже выбранъ предсѣдатель, уже выслушана тронная рѣчь. Съ чего начнетъ свою дѣятельность Дума? Что, если созванная безъ «революцій», но подъ прессомъ дубасовщины, Государственная Дума начнетъ съ того, что ассигнуетъ необходимыя средства, дастъ свою подпись подъ новыми займами, словомъ составитъ національный хоръ при г. Витте? Въ самой «Полярной Звѣздѣ» слышатся опасенія со стороны нѣкоторыхъ сотрудниковъ насчетъ политическаго состава будущей Думы. Какъ быть съ тѣми порядками, какіе насадитъ гучковскій парламентъ? Что дѣлать противъ союза бюрократіи съ набранными ею въ Думу молодцами-правопорядцами? Какія средства предложитъ тогда г. Струве?

П. Струве скажетъ, что такая Дума невозможна, что «національная совѣсть» или «духъ націи» подчинитъ себѣ составъ и настроеніе Думы. Мы нашли, кажется, довольно счастливую формулу въ стилѣ приподнятой фразеологіи г. Струве, которая составляетъ помѣсь изъ Герцена и «Русскихъ Вѣдомостей». Мы могли бы отвѣтить, что это—непозволительный оптимизмъ, что у серьезнаго политика долженъ быть отвѣтъ на худшій случай. Но мы снова пойдемъ навстрѣчу г. Струве и допустимъ, что въ парламентѣ составится конституціонно-демократическое большинство. Ничего лучшаго г. Струве не можетъ требовать.

Мы полагаемъ, что такая Дума съ самаго начала должна будетъ: 1) дать отставку Витте, Дурново и К°, 2) призвать къ власти Петрункевича, Милюкова и Струве, 3) организовать выборы Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго равнаго прямого и тайнаго избирательнаго права, 4) замѣнить въ провинціи флигель-адъютантовъ конституціонными чиновниками, 5) нарядить слѣдствіе надъ преступленіями отставленныхъ министровъ и ихъ агентовъ, и пр. и пр.

Мы, разумѣется, не рисуемъ нашей программы. Мы только называемъ тѣ простѣйшіе и первѣйшіе акты, которые должна будетъ совершить конституціонно-демократическая Дума, если она сохранитъ — что предполагается—уваженіе къ тѣмъ обязательствамъ, какія дастъ странѣ во время выборовъ. Если она этого не сдѣлаетъ, а начнетъ упорядочивать хозяйство черезъ

правительство Витте-Дурново-Дубасовъ-Минъ, тогда мы получимъ первый уже отмѣченный случай со всѣми вытекающими изъ него тактическими вопросами.

Считаемъ нужнымъ оговориться, что мы нисколько не сомнѣваемся—на основаніи общихъ соображеній и примѣровъ исторіи—въ томъ, что либеральная Дума, увидѣвъ себя ущемленной, готова будетъ примириться съ графомъ Витте и отказаться («временно»!) отъ всеобщаго избирательнаго права. Но бѣда въ томъ, что и въ этомъ случаѣ конфликтъ будетъ все-таки неизбѣженъ. Есть вопросъ, о который примиреніе неизбѣжно разобьется, если только Дума не будетъ простымъ сбродомъ ставленниковъ бюрократіи: это вопросъ о государственномъ кошелькѣ, главномъ источникѣ всѣхъ конституціонныхъ конфликтовъ,—тѣмъ болѣе у насъ, при нашемъ разстроенномъ хозяйствѣ, при нашихъ чудовищныхъ государственныхъ долгахъ, непомѣрномъ бюджетѣ и его хищническомъ распредѣленіи. Либеральная буржуазія готова будетъ многое уступить по части свободъ, хотя онѣ, по мнѣнію ея идеологовъ, имѣютъ абсолютную цѣнность. Но когда рѣчь пойдетъ о бюджетѣ, тутъ она «готова торговаться и о восьмой частичкѣ волоска». Пріучить же монархію къ парламентарной бюджетной практикѣ вовсе не такъ легко. Наши традиціи на этотъ счетъ очень прочны. Онѣ нисколько не измѣнились со временъ Грознаго Царя, который ни за что не хотѣлъ понять выгодъ польской системы вотированья бюджета:

«На сеймѣ ихнемъ королю въ пособьи
Отказано! Достойно, право, смѣху!
Свои же люди своему владыкѣ
Да денегъ не даютъ!»
На что шутъ не плохо замѣчаетъ;
«У насъ не такъ!
Понадобилось что—хапъ, хапъ!—и есть!»

Вотъ на почвѣ этого очень хорошо извѣстнаго г. Витте принципа: «хапъ, хапъ,—и есть»! конфликтъ совершенно неизбѣженъ. Конституціонная исторія Россіи съ него именно и начнется.

Но г. Струве оцѣниваетъ свою партію выше, чѣмъ мы [1]). Примемъ его оцѣнку. Допустимъ, что Дума начнетъ съ того, съ

[1]) Мы ошиблись. Въ № 9 «Пол. Зв.» г. Струве, примиряя двѣ резолюціи к.-д., изъ которыхъ одна отвергаетъ, а другая какъ бы признаетъ «органическую работу» въ Думѣ, говоритъ противъ лѣваго крыла своей партіи: «что такое есть органическая работа—я никогда не понималъ», и на основаніи этого своего непониманія хочетъ сохранить за Думой право представительствовать націю. Мы, конечно, не станемъ искать формальныхъ признаковъ «органической работы». Но кто не хочетъ заниматься софистикой, тотъ признаетъ, что к.-д., высказавшись противъ «органической работы», тѣмъ самымъ обязались:

чего слѣдуетъ начать: увольняетъ министерство. А министерство отвѣтитъ такъ, какъ ему слѣдуетъ отвѣтить: не захочетъ выйти въ отставку. Мы очень боимся, что г. Струве воскликнетъ: министерство падетъ подъ гнетомъ общественнаго негодованія! На это можно лишь отвѣтить базаровской фразой: «Другъ мой, Аркадій Николаевичъ, пожалуйста, не говори красиво!» Развѣ этого негодованія мало теперь? Правительство, которое прошло чрезъ дубасовщину, не падаетъ ни отъ вотума Думы, ни отъ общественнаго негодованія. У него есть на негодованіе націи два короткихъ отвѣта: первый отвѣтъ: наплевать! второй отвѣтъ: пли!

Конечно, нація сможетъ поддержать вотумъ Думы своимъ единодушнымъ сочувствіемъ; отовсюду идутъ телеграммы, адреса, депутаціи. Г. Витте говоритъ: Наплевать! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и прежде всего въ столицѣ, болѣе радикальные элементы («крайнихъ» нѣтъ!) пробуютъ устроить мирную уличную манифестацію протеста. Г. Дурново готовится сказать «пли». Улицы немедленно покрываются войсками, на перекресткахъ устанавливаются пулеметы, въ столицѣ вводится (вѣрнѣе: остается) военное положеніе. «Патроновъ не жалѣть»! Мы все это знаемъ, мы черезъ это прошли. Встревоженная Государственная Дума призываетъ столицу къ спокойствію.

Что дѣлаетъ правительство? Чтобъ избавить Думу отъ моральной поддержки, а себя отъ надоѣвшихъ протестовъ Думы, оно заявляетъ, что въ виду возбужденнаго состоянія умовъ Дума не можетъ чувствовать себя въ столицѣ въ такомъ спокойствіи, какое требуется серьезностью ея занятій; поэтому ей предлагается въ такой-то срокъ перенести свои занятія въ Новгородъ, тихую колыбель русскаго государства. Что въ этомъ случаѣ сдѣлаетъ Государственная Дума? Струве какъ бы предусматриваетъ такой вопросъ и говоритъ: «...Дума въ грозномъ спокойствіи противопоставитъ себя бюрократіи» (№ 6, стр. 381). «Другъ мой, Аркадій Николаевичъ»... «Грозное спокойствіе» превосходная вещь, если только оно не похоже на театральную позу, прикрывающую растерянное безсиліе. На самомъ дѣлѣ у Думы не будетъ никакого выхода. Если она не захочетъ призывать населеніе къ «безумствамъ» (а она не захочетъ), ей придется открыто признать, что у нея нѣтъ силъ, которыя она могла бы

1) если большинство Думы будетъ противъ созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія — выступить изъ состава Думы и сдать свои полномочія избирателямъ;

2) если большинство будетъ изъ к.-д.—отставить министерство, декретировать созывъ Учредительнаго Собранія; назначить для этого ближайшій срокъ и организовать выборы.

Г. Струве скажетъ: доктринерство! А если корона не согласится?

— Вотъ именно! Про это-то мы и говоримъ!

противопоставить семеновцамъ, что она слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за политику правительства и спѣшитъ распустить себя, чтобы черезъ два дня не быть распущенной въ Новгородѣ военной силой.

Что же оказывается? Оказывается, что мы возвращаемся назадъ. Думы нѣтъ. «Революціи» нѣтъ. Есть одно лишь «спокойствіе», ни для кого не грозное. Какъ угодно, это будетъ больше напоминать Россію Александра III, чѣмъ конституціонную Россію. А дальше? Снова земскій съѣздъ? Но земскій съѣздъ послѣ Государственной Думы, это—пустяки. Что же оказывается? Нашей апеляціей къ грозному спокойствію Думы мы не разрѣшили вопроса, но лишь отодвинули его разрѣшеніе. Нація, конечно, не примирится со своимъ несчастіемъ. Она пойдетъ дальше тѣмъ самымъ путемъ, на которомъ мы ее остановили у порога этого разсужденія—путемъ революціонной борьбы, которая въ своихъ удачахъ и неудачахъ организуетъ народную массу, единственный оплотъ демократіи. Тактика, которую мы мысленно развили, остановила насъ, говоря словами того же Манина, на «полуреволюціи, нуждающейся въ другой, чтобы ее дополнить».

Нѣмецкая поговорка учитъ, что самые дешевые товары суть вмѣстѣ съ тѣмъ и самые дорогіе. Также и въ политикѣ. Самые дешевые либеральные рецепты въ концѣ концовъ дороже всего обходятся народу.

Можетъ быть, намъ скажутъ, что та перспектива, которую мы выше представили, невѣроподобна, неисторична. Мы бы очень хотѣли, чтобы г. Струве указалъ намъ другую перспективу, т. е. разсказалъ намъ болѣе обстоятельно, какъ онъ собирается «снимать» бюрократію.

Мы, съ своей стороны, попробуемъ сослаться на исторію: не мы же первые, наконецъ, «снимаемъ» бюрократію».

Всѣ знаютъ, что états généraux были организованы еще на болѣе архаическихъ началахъ, чѣмъ наша Государственная Дума, и знаютъ, что собраніе сословій превратилось въ Національное Собраніе, которое «сняло» бюрократію и созвало Законодательное Собраніе; что это послѣднее «сняло» короля и созвало Конвентъ, а Конвентъ «снялъ» голову короля.

Но какъ произошло превращеніе сословій въ могущественное Національное Собраніе? Первый конфликтъ съ короной произошелъ по вопросу о способѣ голосованія: поголовно или посословно? Въ этомъ вопросѣ король уступилъ третьему сословію. Но эта уступка только отодвинула конфликтъ.—Дабы не казалось, что мы подгоняемъ разсказъ подъ политическую мораль, мы изложимъ ходъ дальнѣйшихъ событій текстуально по Олару.

«Дѣлая видъ, что уступаетъ, король велѣлъ придвинуть съ границъ войска.—Депутаты поспѣшили дѣйствовать, какъ члены

Учредительнаго Собранія.—По ихъ мнѣнію, они получили отъ своихъ довѣрителей повелительный мандатъ не соглашаться ни на какую субсидію ранѣе установленія конституціи...—Дворъ, съ своей стороны, спѣшилъ съ приготовленіями къ государственному перевороту, имѣвшему цѣлью распущеніе Національнаго Собранія. Армія чужеземныхъ наемниковъ, съ многочисленной артиллеріей, блокируетъ Собраніе (засѣдавшее въ Версалѣ) и прерываетъ его сообщеніе съ Парижемъ. Собраніе требуетъ у короля удаленія войскъ (8 и 9 іюля).—Король надменно отказываетъ въ этомъ (11 іюля), предлагаетъ иронически Собранію перевести его въ Нуайонъ или Суассонъ; наконецъ, сбрасываетъ маску, удаляетъ Неккера и составляетъ министерство государственнаго переворота.—Собраніе прекрасно держитъ себя, объявляетъ, что удаленные министры уносятъ съ собой его уваженіе и его сожалѣніе, что «министры», а также всѣ гражданскіе и военные агенты власти отвѣтственны за всѣ акты, нарушающіе права націи и декреты этого Собранія», дѣлаетъ лично отвѣтственными новыхъ министровъ и совѣтниковъ короля, «къ какому бы званію и сословію они не принадлежали», декретируетъ, что оно настаиваетъ на своихъ постановленіяхъ 17, 20 и 23 іюня и снова требуетъ удаленія войскъ.

«Война объявлена. Съ одной стороны, стоитъ король, опирающійся на свои привиллегіи; съ другой — Національное Собраніе, представляющее собою націю. Въ этой борьбѣ между силой и правомъ или, если хотите, между прошлымъ и настоящимъ, политикой statu quo и политикой эволюціи, дѣло права казалось заранѣе проиграннымъ. Стоило только двинуть эти полки чужестранныхъ наемниковъ, заключить въ тюрьму вождей Собранія, а остальныхъ разослать по ихъ провинціямъ. Какое сопротивленіе могли бы оказать депутаты? Римскія позы, историческія фразы не отклонили бы штыковъ. Безъ сомнѣнія, распущеніе Собранія не встрѣтило бы одобренія со стороны Франціи, а это одобреніе было необходимо королевской власти, чтобы получить деньги, которыхъ она не имѣла и безъ которыхъ не могла обойтись; безъ сомнѣнія, король былъ бы вынужденъ послѣ созвать другіе генеральные штаты; но все же старый порядокъ продолжалъ бы пока существовать, и революція была бы отсрочена. — Чтобы Національное Собраніе вышло изъ этого опаснаго положенія, необходимо было своего рода чудо: необходимо было, чтобы у него оказалась своя армія, которую оно могло бы противопоставить арміи короля. Извѣстно, что такое чудо дѣйствительно совершилось въ видѣ самопроизвольнаго вмѣшательства Парижа...—Парижъ возсталъ, какъ одинъ человѣкъ, вооружился, овладѣлъ Бастиліей, организовался въ настоящій укрѣп-

ленный лагерь, составилъ инсуррекціонную коммуну, и король былъ побѣжденъ; ему пришлось покориться, если не искренно, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ; государственный переворотъ не удался. Вся французская исторія измѣнилась вслѣдствіе этого вмѣшательства Парижа, за которымъ послѣдовала вся Франція. Я не буду разсказывать здѣсь, продолжаетъ Оларъ, ту муниципальную революцію, которую вызвало взятіе Бастиліи во Франціи, въ іюлѣ и августѣ 1789 г., сначала въ городахъ, а потомъ и въ деревняхъ. Я замѣчу только, что это былъ капитальный фактъ среди всѣхъ другихъ, подготовившихъ торжество демократіи и провозглашеніе республики во Франціи».

«Положеніе измѣнилось. Вмѣсто Собранія, блокированнаго арміею наемниковъ, явилось Собраніе, защищаемое нѣсколькими милліонами вооруженныхъ французовъ. Вчера оно говорило печальнымъ тономъ оскорбленнаго достоинства и было одушевлено своего рода мужествомъ отчаянія; сегодня оно говоритъ и дѣйствуетъ, какъ верховный повелитель»... («Политическая исторія французской революціи», рус. пер., стр. 44, 45, 46 и 47).

Разогнать Національное Собраніе не значило бы, конечно, уничтожить революцію; это значило бы только отсрочить ее. Она бы неизбѣжно пришла въ концѣ концовъ къ побѣдѣ. Гарантіи этого были въ «общественномъ мнѣніи», за которымъ стояли непреоборимые классовые интересы. Но общественное мнѣніе для своей побѣды нуждается въ извѣстный моментъ въ организованной силѣ, въ вооруженной рукѣ, — точно такъ же, какъ современное «правосознаніе» не удовлетворяется собственнымъ внутреннимъ созерцаніемъ, но требуетъ полиціи, жандармеріи и военной силы. Если общественное мнѣніе непосредственно способно осуществлять государственные перевороты, тогда непонятно, зачѣмъ велась борьба со славянофилами, которые именно хотѣли править страной одной силой мнѣнія. Между мнѣніемъ и властью стоитъ сила. Обычныя либеральныя ссылки на рѣшающую роль общественнаго мнѣнія или слишкомъ много значатъ или ничего не значатъ. Совершенно несомнѣнно, что революціи подготовляются долгимъ процессомъ, въ результатѣ котораго создается революціонное общественное мнѣніе. Но когда необходимыя предварительныя условія имѣются на лицо, общественное мнѣніе должно найти практическій способъ вырвать власть изъ рукъ того правительства, котораго оно уже не признаетъ: общественное мнѣніе должно показать, что оно не безплотно, что у него есть мускулатура. — Говорятъ, что подъ Садовой побѣдилъ прусскій народный учитель, а подъ Мукденомъ — японская конституція. И въ томъ и въ другомъ утвержденіи есть нѣкоторая доля правды. Но еслибъ у солдатъ конституціонной Японіи не было прекраснаго снаряженія и вооруженія, а у ихъ

полководцевъ—плана кампаніи, побѣдить могла бы даже и русская армія.

Въ революціяхъ 48 г.—въ Австріи, Пруссіи, Италіи—мы видимъ дѣйствіе тѣхъ же факторовъ, только въ другихъ комбинаціяхъ.

Въ Берлинѣ послѣ побѣдоносной для народа уличной борьбы организовалась милиція, войска были удалены королемъ изъ города. Къ власти былъ призванъ либералъ Кампгаузенъ, который превратилъ учредительное собраніе въ палату соглашенія, заранѣе поставивъ ея рѣшенія въ зависимость отъ согласія короля. Камарилья между тѣмъ дѣятельно готовила государственный переворотъ. Министерства по назначенію короны быстро смѣняли другъ друга въ замѣчательной послѣдовательности: чѣмъ оппозиціоннѣе становилось настроеніе палаты, тѣмъ болѣе реакціонныхъ министровъ назначалъ король. Кампгаузенъ и за нимъ Ганземанъ были либеральные бюргеры; третьимъ премьеромъ былъ «честный» генералъ Пфуль, четвертымъ—графъ Бранденбургъ, тупой придворный реакціонеръ, въ стилѣ г. Дурново. Бранденбургъ предложилъ собранію, въ интересахъ спокойствія, переѣхать въ городъ Бранденбургъ. Собраніе сперва не согласилось, но ему не давали собираться, и оно переѣхало. Черезъ нѣсколько дней его распустили. Оно декретировало «пассивное сопротивленіе», что-то въ родѣ «грознаго спокойствія» г. Струве. Но это ничему не помогло. Созвали новую палату, тоже оппозиціонную, и тоже распустили. Наконецъ, былъ октроированъ безобразный избирательный законъ, существующій въ Пруссіи и по сей день. Побѣды «общественнаго мнѣнія», какъ видимъ, не такъ просты и не такъ обезпечены.—Тѣ же моменты выступаютъ въ исторіи Австріи.—Общенаціональный парламентъ во Франкфуртѣ войска разогнали, какъ нелегальную сходку школьниковъ.

Какое это, въ самомъ дѣлѣ, жалкое представленіе о революціи — будто содержаніе ея состоитъ въ томъ, что съ разныхъ мѣстъ съѣзжаются 400 человѣкъ, «снимаютъ» бюрократію и организуютъ новый государственный строй! Такихъ революцій исторія еще не видала. Революціонный парламентъ дѣйствуетъ успѣшно въ той мѣрѣ, въ какой населеніе на мѣстахъ осуществляетъ «захватнымъ путемъ» новое гражданское устройство и тѣмъ фактически измѣняетъ соотношеніе силъ. Эта тактика революцій, почти инстинктивная, такъ же стара, какъ классовая природа общества. Флоберъ, описывая въ своемъ романѣ «Саламбо» возстаніе провинцій противъ Карѳагена, кратко, но живописно изображаетъ, какъ граждане, не дожидаясь дальнѣйшаго хода событій, передушили въ баняхъ правителей и чиновниковъ республики, вытащили изъ пещеръ заржавленное оружіе, пере-

ковали сошники на мечи. Это было очень давно. Въ тѣ времена пулеметовъ еще не было, а сановники безъ казаковъ ходили въ общественныя бани.

Самопроизвольное вмѣшательство Парижа и муниципальные перевороты во всей Франціи создали почву для реформаторскихъ работъ Національнаго Собранія; аграрная революція точно такъ же подготовила законодательную отмѣну феодальныхъ отношеній.

«...Рѣшилось ли бы Собраніе, спрашиваетъ Оларъ, захотѣло ли бы оно стереть съ лица земли старый порядокъ?—и отвѣчаетъ: «Это противорѣчило взглядамъ философовъ, которые всѣ высказывались противъ радикальной революціи.

«Оно даже думало принять мѣры для подавленія частичныхъ возстаній, которыя, какъ доносили ему, вспыхивали тамъ и сямъ; когда узнало затѣмъ, что эти возстанія оказались повсюду побѣдоносными, и что феодальный строй былъ низвергнутъ.

«Тогда это дуновеніе энтузіазма и возмущенія, вышедшее изъ Парижа и поднявшее всю Францію, подняло въ свою очередь и Собраніе. Въ ночь 4 августа 1789 г., санкціонируя совершившійся фактъ, оно провозгласило отмѣну феодальнаго порядка» («Пол. ист...», стр. 47).

Величайшая реформа была, такимъ образомъ, фактически проведена захватнымъ путемъ. Политики «Полярной Звѣзды» считаютъ такой методъ недопустимымъ. «Захватное право, вопитъ г. Кауфманъ, есть грабежъ». Онъ думаетъ, что испугаетъ революцію или осрамитъ ее, если подыщетъ для ея методовъ имя въ уголовномъ уложеніи.

Стоитъ оглянуться на пройденный нашей революціей короткій путь, чтобы увидѣть, что все, чѣмъ мы пользовались, хотя бы временно, по части свободъ, и остатками чего пользуемся сейчасъ—свобода слова, собраній, союзовъ—осуществлялось не иначе, какъ захватнымъ путемъ. Правительство совершенно такъ же, какъ и г. Кауфманъ, находило для этихъ дѣйствій уголовную квалификацію. Но никого не смущалъ позоръ уголовщины, наоборотъ, этотъ «грабежъ» публичныхъ правъ казался и кажется всей націи гражданскимъ долгомъ.—Мѣрило, однако, совершенно измѣняется, когда крестьяне, не дожидаясь Государственной Думы, начинаютъ ликвидировать тѣ кабально-крѣпостническія отношенія, въ которыхъ ихъ держатъ помѣщики, опираясь на свое наслѣдственное владѣніе землею, значительная часть которой, къ тому же, насильственно исторгнута изъ живого тѣла крестьянскихъ хозяйствъ при проведеніи такъ называемой освободительной реформы — не захватнымъ, но строго «легальнымъ» путемъ. Можно еще оспаривать политическую

цѣлесообразность тѣхъ методовъ фактической ликвидаціи крѣпостничества, какими пользуются крестьяне,—но просто вопить: грабежъ! значить лишь обнаруживать полную нищету либеральной мысли, насквозь пропитанной духомъ полицейщины.

Безсиліе откровенное, которое не ищетъ выхода, или безсиліе лицемѣрное, которое пыжится, чтобы явить видъ «грознаго спокойствія»—вотъ чѣмъ оказывается либерализмъ предъ судомъ революціи.

«Новости» прямо говорятъ: некуда итти! ничего не видно! никакая Дума невозможна!—«Русь» говоритъ о невѣрныхъ методахъ «забастовщиковъ», забывая, что до декабрьскихъ событій она сама предлагала организовать общій совѣтъ депутатовъ, въ распоряженіи котораго была бы... угроза забастовкой. Но если «не «помогла» забастовка, то еще меньше могла бы помочь угроза забастовкой. —«Полярная Звѣзда» говоритъ, что нужны спокойствіе и порядокъ, чтобъ дать собраться Думѣ. А дальше? А дальше: если они хотятъ стрѣлять, «то необходимо заставить ихъ стрѣлять по Таврическому Дворцу. Въ такомъ случаѣ все будетъ ясно». (№ 6, стр. 382). Какъ будто и такъ не все уже ясно!.. По Таврическому дворцу стрѣлять не къ чему: просто семеновцы займутъ залъ засѣданій, и барабанный бой не дастъ даже стенографамъ записать превосходные протесты во имя права и верховныхъ правъ націи.

Отказываясь отъ революціонныхъ методовъ, либерализмъ вспариваетъ себѣ животъ у порога своего врага. Тактика, которую онъ навязываетъ націи, это—харакири.

IV—Интеллигенція и революція.

Прошло больше года, какъ мы несомнѣнно вступили въ революцію. За это время лозунги неизмѣнно передвигались справа налѣво. Буржуазная оппозиція подбирала лозунги, отброшенные демократіей, правящая реакція поднимала лозунги, покинутые буржуазной оппозиціей. Всеобщее избирательное право отъ пролетаріата черезъ интеллигенцію всѣхъ оттѣнковъ перешло къ лѣвому крылу земцевъ. Цензовая Государственная Дума перешла къ правительству отъ земцевъ. Но это передвиженіе не является безграничнымъ. Можно сказать, что для всякой изъ группъ,

входящихъ въ общественное цѣлое, есть свой предѣлъ, который въ своей основѣ опредѣляется ея классовой природой, а въ своихъ колебаніяхъ—политической конъюнктурой.

Съ извѣстнаго момента процессъ усложняется: по мѣрѣ того, какъ революція передвигаетъ свои лозунги влѣво, справа откалываются отъ нея, слой за слоемъ, имущіе классы; и въ то же время ходомъ дальнѣйшаго развитія революціи поднимаются съ общественныхъ низовъ, самыя загнанныя и затравленныя соціальныя группы, вовлекаются въ общій потокъ, расширяя этимъ его русло, и уносятся впередъ. Революція расширяется внизу и сужается наверху. Такимъ образомъ, поступательно демократизируя свои лозунги, революція вмѣстѣ въ тѣмъ демократизируется по своему соціальному составу.

Откалыванія справа обыкновенно бываютъ пріурочены къ послѣдовательнымъ уступкамъ правящей реакціи. До первыхъ заявленій о народномъ представительствѣ на сторонѣ правительства стоялъ только «Союзъ русскихъ людей», организація открыто черносотенная. Послѣ манифеста 6 августа слагается Партія правового порядка, послѣ манифеста 17 октября—Союзъ 17 октября съ правопорядцами на правомъ флангѣ.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ революціей посредствомъ уступокъ и репрессій, правительство не только теряетъ всякую поддержку, но и пріобрѣтаетъ новыхъ активныхъ враговъ въ низахъ—въ мѣщанствѣ, крестьянствѣ, арміи, даже въ уличныхъ подонкахъ; съ другой стороны, оно теряетъ «активныхъ» враговъ и даже пріобрѣтаетъ друзей въ новыхъ консервативныхъ и антиреволюціонныхъ формаціяхъ вчера еще оппозиціонной буржуазіи. Все это совершается на нашихъ глазахъ.

Развитіе стачечнаго движенія въ самодержавной Россіи толкнуло фабрикантовъ на путь конституціонализма, такъ какъ «правопорядокъ» представился капиталу единственной гарантіей «мирнаго хода промышленной жизни». Это неоднократно заявляли сами промышленники и инженеры. Но, дальнѣйшій ростъ рабочаго движенія и повышеніе его требованій оттолкнули капиталистовъ отъ «освободительнаго движенія» и превратили ихъ въ опору порядка quand-même. Поведеніе московской городской думы, недавно столь оппозиціонной, а нынѣ гучковско-дубасовской, поясняетъ это безъ дальнихъ словъ.

Крестьянское движеніе произвело такое же воздѣйствіе на помѣщичій либерализмъ. О сколько-нибудь активной оппозиціонной роли земствъ теперь говорить совершенно не приходится.

Эти политическія перемѣны соотвѣтственнымъ образомъ преломившись, сказались въ отношеніяхъ между профессурой и сту-

денчествомъ. Неутомимость и непримиримость студенческой борьбы выбила наши ученыя корпораціи изъ позиціи закоренѣлаго холопства. Профессора примкнули къ оппозиціонному движенію, какъ къ средству создать нормальныя условія учебной и научной дѣятельности. Но такъ какъ студенчество пошло дальше, расширило свои задачи и связало свои дѣйствія съ дѣйствіями рабочихъ массъ, то «порядокъ» въ университетахъ такъ и не наступилъ. И теперь снова раздается временно умолкшая проповѣдь о томъ, что университетъ созданъ для науки, а не для политики. Профессура, этотъ наиболѣе тяжеловѣсный и косный отрядъ интеллигенціи, становится снова антиреволюціонной силой.

Каждый новый этапъ революціи ставитъ на испытаніе вѣрность слѣдующей по очереди группы буржуазныхъ классовъ. Правда, такъ какъ революція—сложная комбинація движеній и контръ-движеній, то иногда слои, которые вотъ-вотъ готовы были успокоиться, снова приходятъ въ броженіе: излишнія безчинства реакціи нарушаютъ правильность политическихъ отложеній и задерживаютъ консолидированіе консервативнаго блока. Но, въ общемъ, его образованіе наверху идетъ такъ же неудержимо, какъ революціонизированіе темныхъ массъ, вплоть до вчерашнихъ черныхъ сотенъ, внизу. Во всякомъ случаѣ представители землевладѣнія и торгово-промышленнаго капитала представляютъ теперь силу совершенно и открыто антиреволюціонную.

Событія революціи послѣ 17 октября поставили на очередь вопросъ о дальнѣйшей роли демократической интеллигенціи: отколется ли она отъ революціи и, если отколется, то въ какомъ объемѣ? или же пойдетъ впередъ, и, если пойдетъ, то до какого этапа?

Интеллигенція можетъ облегчить ходъ революціи и можетъ поставить ему серьезныя затрудненія, но поведеніе интеллигенціи не можетъ, однако, имѣть рѣшающаго значенія. Это опредѣляется всѣмъ характеромъ нашей революціи.

Въ Великой Французской Революціи руководящую роль съ начала до конца играла буржуазія, въ лицѣ различныхъ своихъ фракцій. Якобинцы, это—интеллигенція, лѣвое крыло буржуазіи, адвокаты, журналисты. За ними идетъ «народъ». Фейльяны (монархисты-конституціоналисты), жирондисты, якобинцы—таковы политическія группировки буржуазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ этапы Великой Революціи. Сперва господствуетъ партія Мирабо,—и онъ презрительно кричитъ демократамъ: «молчать, тридцать!» Но революція идетъ впередъ, превращаетъ конституціоналистовъ въ консервативную силу и передаетъ власть жирондистамъ. А за-

тѣмъ, черезъ политическій трупъ Жиронды, переходятъ къ власти якобинцы. Въ буржуазіи еще столько политической энергіи, что каждая изъ ея фракцій оказывается способной, хотя на время, овладѣть кормиломъ революціи.

Въ 48 г. буржуазія ужъ не способна вести за собой народъ. Революція толкаетъ ее впередъ, но она упирается. Страхъ предъ пролетаріатомъ, революціоннымъ по инстинкту, дѣлаетъ ее консервативною послѣ первыхъ успѣховъ народа. Буржуазія отдаетъ неорганизованныя массы въ жертву старымъ усмирителямъ и тѣмъ сразу доставляетъ торжество контръ-революціи. И это не только капиталистическая буржуазія, которая и въ 1789—93 гг. не играла революціонной роли, но и «демократическая» интеллигенція. Она не осмѣливается выступить во главѣ рабочихъ массъ вопреки настроенію и волѣ имущей буржуазіи, съ которой она связана всѣми условіями своего существованія.— Только въ Вѣнѣ студенчество, наиболѣе независимая и чуткая часть интеллигенціи, проявляетъ готовность взять на себя руководство революціей. Вѣнское студенчество опирается на массы, въ особенности на предмѣстья: въ его рукахъ—большая сила. Но оно молодо, неопытно и, сверхъ того, боится все же порвать со старшимъ поколѣніемъ (профессорами, адвокатами, журналистами) и оказаться въ одиночествѣ. Подъ вліяніемъ справа студенчество послѣ побѣды вѣнскихъ возстаній проявляетъ нерѣшительность и колебанія, проповѣдуетъ рабочимъ порядокъ и спокойствіе, вмѣсто того, чтобы организовать, вооружать и вести ихъ впередъ. Вѣна становится жертвой побѣдоносной реакціи.

Въ Россіи классовыя противорѣчія внутри буржуазной націи гораздо глубже не только, чѣмъ во Франціи конца XVIII в., но и въ Пруссіи или Австріи середины XIX в. Капиталистическое развитіе зашло гораздо дальше, крупная индустрія создала громадные города. Это порождаетъ несравненно болѣе рѣзкую политическую дифференціацію. Французская буржуазія руководила революціей и олицетворяла націю. Прусская и австрійская буржуазія уже не осмѣлилась представлять націю; она представляла только свой классовый эгоизмъ. Единственной буржуазной группой, которой удалось до извѣстной степени сосредоточить на себѣ революціонныя ожиданія массъ, было, какъ мы сказали, вѣнское студенчество. Въ Россіи ни одна изъ фракцій буржуазіи не руководитъ революціей. Наиболѣе независимая и самоотверженная часть интеллигенціи, студенчество оказалось во главѣ событій лишь во время первыхъ революціонныхъ выступленій 1899—1901 гг. Но со времени ростовской стачки 1902 г., и особенно послѣ 9 января 1905 г. руководящая роль перешла и переходитъ къ рабочимъ. Если въ октябрьскомъ возстаніи въ Харь-

ковѣ центромъ дѣйствій былъ еще университетъ, то въ декабрѣ генеральной квартирой революціи является уже заводъ Гельфериха-Саде.

Старыя революціи не знали ничего подобнаго нынѣшнимъ огромнымъ промышленнымъ центрамъ съ этими пролетарскими массами, собранными на колоссальныхъ заводахъ и фабрикахъ. Желѣзная дорога и телеграфъ, придающіе такое могучее единство революціоннымъ выступленіямъ, не были извѣстны старымъ революціямъ.

Болѣе высокой соціальной природѣ россійскаго пролетаріата соотвѣтствуетъ несравненно болѣе высокій политическій уровень. Нашъ пролетаріатъ, какъ небо отъ земли, отличается не только отъ парижскихъ подмастерьевъ эпохи Марата, но и отъ рабочихъ Берлина и Вѣны 48 г. Верхній слой рабочихъ прошелъ черезъ школу серьезной соціалистической пропаганды, весь пролетаріатъ имѣетъ крѣпкіе навыки солидарныхъ дѣйствій, пріобрѣтенные въ испытаніяхъ стачечной и уличной борьбы, обладаетъ выдающейся энергіей и чувствомъ политической чести, которыя ставятъ его вровень съ его европейскими собратьями. Въ революціи недѣли идутъ за годы, и это прежде всего сказывается въ дѣлѣ политическаго воспитанія рабочихъ массъ. Октябрьская стачка, поразившая весь міръ, тѣмъ рѣшительнѣе свидѣтельствуетъ о замѣчательныхъ боевыхъ силахъ и качествахъ русскаго пролетаріата, чѣмъ несовершеннѣе была техника его организацій.

О политической гегемоніи какой-либо изъ фракцій буржуазіи надъ русскимъ пролетаріатомъ уже не можетъ быть и рѣчи. Если-бъ вся соціалдемократическая интеллигенція въ одинъ и тотъ же день перешла въ ряды конституціоналистовъ-демократовъ и стала звать туда же пролетаріатъ, ея призывъ не имѣлъ бы никакого успѣха: въ рабочихъ только обострилось бы ихъ недовѣріе къ буржуазной интеллигенціи. Въ организаціи Совѣта Рабочихъ Депутатовъ пролетаріатъ обнаружилъ удивительную классовую самодѣятельность. Съ классовой позиціи его уже не сдвинетъ никакая сила въ мірѣ. И это краеугольный фактъ, который долженъ быть положенъ въ основу всѣхъ политическихъ разсчетовъ.

Имущая буржуазія превращается на нашихъ глазахъ въ антиреволюціонную силу прежде, чѣмъ удовлетворены самыя элементарныя потребности буржуазнаго общества.

Въ крестьянствѣ—большой запасъ стихійной революціонной энергіи, но руководящей роли оно на себя взять не можетъ. Овладѣть крестьянствомъ не можетъ также никакая партія, которая не играетъ руководящей роли на главной революціонной территоріи—въ городахъ.

Интеллигенція сама по себѣ не представляетъ политической силы. Ея значеніе опредѣляется отношеніемъ къ ней революціонныхъ массъ; это показалъ ясно послѣдній годъ. «Союзъ союзовъ», который мечталъ объединить вокругъ себя революцію, сметенъ ею и не играетъ никакой роли. Конституціонно-демократическая партія представляетъ собою коалицію лѣвыхъ элементовъ земской и торгово-промышленной буржуазіи и правыхъ элементовъ интеллигенціи, бывшихъ освобожденцевъ. Эта партія не столько оттягиваетъ буржуазію отъ открыто-консервативнаго Союза 17 октября, сколько привязываетъ интеллигенцію къ консервативной буржуазіи. О гегемоніи либеральныхъ «кадетовъ» надъ революціей думать не приходится; они сами объ этомъ не думаютъ. Болѣе радикальная, но «нецартійная» интеллигенція разсѣяна тамъ и здѣсь, недовольна всѣми справа, недовольна собою, сомнѣвается въ тѣхъ, кто слѣва, особенно въ моментъ пониженія революціонной волны. Попытки организовать самостоятельную радикальную партію ни къ чему не поведутъ. Изъ кого она будетъ состоять? Изъ группы интеллигентовъ, которые и такъ знаютъ другъ друга въ лицо. Радикальная партія, это «Союзъ союзовъ» минусъ всѣ тѣ элементы, которые ушли къ к.-д., къ с.-д. и къ с.-р. Это ничтожная дробь. Студенчество неизмѣнно признаетъ надъ собой руководство «крайнихъ партій», главнымъ образомъ, соціалдемократіи.

Таково сейчасъ положеніе. Въ какую сторону идетъ дальнѣйшее развитіе?

Городская мелкота чѣмъ дальше, тѣмъ больше переходитъ на сторону революціи. Московское возстаніе показало это всѣмъ, а расправа надъ Москвою только ускорила этотъ неизбѣжный процессъ. Правительственная артиллерія разрушаетъ послѣдніе остатки охотно-рядскаго патріотизма. Черныя сотни не сплачиваются подъ вліяніемъ революціи, но размываются ею.—Что аграрная революція только еще начинается, что крестьянство очень далеко отъ того, чтобы стать силой порядка, это для правящей реакціи и для помѣщичьяго либерализма такъ же очевидно, какъ и для насъ.—Что пролетаріатъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова, въ этомъ не сомнѣвается никто. Вопреки либеральнымъ утвержденіямъ, будто «революціонная тактика исчерпала себя и истощила массы», дѣйствительность говоритъ, что объемъ революціонной массы и ея агрессивность находятся въ состояніи непрерывнаго роста.

Если о чемъ возникаетъ вопросъ, такъ это о томъ положеніи, которое займетъ теперь по отношенію къ революціи промежуточный слой интеллигенціи: съ консервативно-буржуазнымъ блокомъ или съ демократической націей, сплачивающейся вокругъ пролетаріата?

Этотъ объективный вопросъ, поставленный революціей, г. Струве положилъ въ основу своего журнала. Куда итти интеллигенціи?

Струве знаетъ, что «тѣмъ русскимъ политическимъ дѣятелямъ, у которыхъ развито чувство политической отвѣтственности, трудно получить доступъ къ умамъ и сердцамъ народныхъ массъ». Гг. Родичевы, Милюковы и Струве слишкомъ отяжелѣли, чтобы искать путей къ народу, но—«намъ необходимы голоса (!) рабочихъ массъ», какъ говоритъ г. Кауфманъ. Отсюда для конституціоналистовъ-демократовъ естественно вытекаетъ задача: оторвать идейную интеллигенцію отъ революціи и превратить ее въ аппаратъ воздѣйствія на революціонныя массы. «Революціонная интеллигенція, пишетъ Струве, должна въ настоящее время—во имя революціи!—итти въ народъ съ проповѣдью порядка» (№ 7, стр. 447, курс. автора). И «самая важная задача организованныхъ демократическихъ группъ и ихъ прессы заключается въ томъ, чтобы убѣдить всю русскую идейную интеллигенцію стать на эту точку зрѣнія и такимъ образомъ тактически дисциплинировать и организовать ее для организаціонной работы въ народныхъ массахъ» (№ 7, стр. 445, курс. наши).

Оторвать интеллигенцію отъ революціи, подчинить интеллигенцію эгоистическимъ интересамъ буржуазіи, изолировать пролетаріатъ, обезсилить борющійся народъ—вотъ политическая задача, надъ выполненіемъ которой работаютъ г. Петръ Струве и его соратники. Конституціонно-демократическая партія, и особенно ея идеалистическое крыло, представляетъ собою золотой мостъ для отступленія идейной интеллигенціи съ отвѣтственныхъ боевыхъ позицій въ лагерь такъ называемаго порядка. Это отступленіе всемѣрно облегчается. Интеллигенціи въ рядахъ партіи разрѣшается желать одной палаты; за земцами оставлено право на двѣ палаты. Для интеллигенціи имѣется рѣшеніе противъ «органической работы» въ Думѣ; для земцевъ есть истолкованіе, что это рѣшеніе ничего не означаетъ. Дѣло не въ «формулахъ»! Только бы «дисциплинировать интеллигенцію»!—а тамъ ужъ эластичная программа получитъ такое значеніе, какое ей захочетъ придать близорукій эгоизмъ буржуазіи.

Но, увы!—«надъ партіей тяготѣетъ злой рокъ», какъ справедливо сказалъ выступившій изъ партіи кн. Е. Трубецкой. Этотъ злой рокъ—не что иное, какъ революціонный характеръ эпохи. Партія теряетъ отъ успѣховъ революціи такъ же, какъ отъ ея пораженій. Когда народъ дѣйствуетъ побѣдоносно, отъ лѣваго крыла партіи открываются наиболѣе демократическіе элементы. Когда торжествуетъ реакція, начинается откалываніе на правомъ

крылѣ. Въ октябрѣ ушла изъ партіи, жалуется Струве, «живая и богатая силами петербургская группа освобожденцевъ»; въ январѣ ушелъ кн. Евг. Трубецкой.

Надъ политикой, которая хочетъ словами отдѣлаться отъ фактовъ и двусмысленными выраженіями устранить зіяющія противорѣчія, нѣтъ благословенія исторіи. И, однако же, эта политика—высшее, что даетъ намъ буржуазный либерализмъ; высшее—потому что «Полярная Звѣзда» сознаетъ и формулируетъ тѣ антиреволюціонныя задачи, которымъ остальные либеральные органы служатъ на половину безсознательно. Конечно, въ либеральной печати, которой полиція Дурново доставила теперь монополію руководства общественнымъ мнѣніемъ, есть болѣе и менѣе умѣренные элементы. Но вся она, во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ, вливаетъ въ общественное сознаніе отраву пассивности и ведетъ пропаганду политики хара-кири.

Отъ всей души мы презираемъ эту либеральную печать,—и наше презрѣніе къ ней мы черезъ всѣ преграды несемъ въ народныя массы. Въ этой работѣ у насъ есть великая поддержка: это—логика событій.

Недалекъ часъ, когда революція размететъ и развѣетъ многое, что теперь строятъ на спѣхъ, пользуясь ея непротивленіемъ,—и первымъ взмахомъ своимъ она отброситъ прочь ту партію либеральнаго маразма, служителемъ и пророкомъ которой является—господинъ Петръ Струве въ политикѣ.

С.-Петербургъ, 8 февраля 1906 г.

Итоги и перспективы.

Революція въ Россіи явилась неожиданностью для всѣхъ, кромѣ соціалдемократіи. Марксизмъ давно предсказалъ неизбѣжность русской революціи, которая должна была разразиться въ результатѣ столкновенія силъ капиталистическаго развитія съ силами коснаго абсолютизма. Марксизмъ заранѣе оцѣнилъ соціальное содержаніе грядущей революціи. Называя ее буржуазной, онъ указывалъ тѣмъ, что непосредственныя объективныя задачи революціи состоятъ въ созданіи «нормальныхъ» условій для развитія буржуазнаго общества въ его цѣломъ.

Марксизмъ оказался правъ,—и этого уже не приходится ни оспаривать, ни доказывать. Передъ марксистами стоитъ задача совершенно иного рода: путемъ анализа внутренней механики развивающейся революціи вскрыть ея «возможности». Было бы грубой ошибкой просто отождествить нашу революцію съ событіями 1789—93 или 48 годовъ. Историческія аналогіи, которыми питается и живетъ либерализмъ, не могутъ замѣнить соціальнаго анализа.

Русская революція имѣетъ совершенно своеобразный характеръ, который является итогомъ особенностей всего нашего общественно-историческаго развитія и который, въ свою очередь, раскрываетъ совершенно новыя историческія перспективы.

---

1. Особенности историческаго развитія.

Если сравнивать общественное развитіе Россіи съ развитіемъ европейскихъ странъ, взявъ у этихъ послѣднихъ за скобки то, что составляетъ ихъ наиболѣе сходныя общія черты и что отличаетъ ихъ исторію отъ исторіи Россіи, то можно сказать, что основной чертой русскаго общественнаго развитія является его сравнительная примитивность и медленность.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на естественныхъ причинахъ этой примитивности, но самый фактъ мы считаемъ несомнѣннымъ: русская общественность складывалась на болѣе первобытномъ и скудномъ экономическомъ основаніи.

Марксизмъ учитъ, что въ основѣ соціально-историческаго движенія лежитъ развитіе производительныхъ силъ. Сложеніе экономическихъ корпорацій, классовъ и сословій, возможно лишь на извѣстной высотѣ этого развитія. Для сословно-классовой дифференціаціи, которая опредѣляется развитіемъ раздѣленія труда и созданіемъ болѣе спеціализированныхъ общественныхъ функцій, необходимо, чтобы часть населенія, занятая непосредственно матеріальнымъ производствомъ, создавала добавочный продуктъ, избытокъ сверхъ собственнаго потребленія: только путемъ отчужденія этого избытка могутъ возникнуть и сложиться непроизводительные классы. Далѣе, внутри самихъ производительныхъ классовъ мыслимо раздѣленіе труда лишь на извѣстной высотѣ развитія земледѣлія, способной обезпечить продуктами земли неземледѣльческое населеніе. Эти основныя положенія соціальнаго развитія были точно формулированы еще Адамомъ Смитомъ.

Отсюда само собою вытекаетъ, что хотя новгородскій періодъ нашей исторіи совпадаетъ съ началомъ средне-вѣковой исторіи Европы, но медленный темпъ экономическаго развитія, вызывавшійся естественно-историческими условіями (менѣе благопріятная географическая среда и рѣдкость населенія), долженъ былъ задержать процессъ классового формированія и придать ему болѣе примитивный характеръ.

Трудно разсуждать, какъ сложилась бы исторія русской общественности, еслибъ она протекла изолированно, подъ вліяніемъ однѣхъ внутреннихъ тенденцій. Достаточно, что этого не было. Русская общественность, слагавшаяся на извѣстной внутренней экономической основѣ, неизмѣнно находилась подъ вліяніемъ и даже давленіемъ внѣшней соціально-исторической среды.

Въ процессѣ столкновеній этой слагавшейся общественно-государственной организаціи съ другими, сосѣдними, рѣшительную роль играла, съ одной стороны, примитивность экономическихъ отношеній, съ другой—относительная ихъ высота.

Русское государство, складывавшееся на первобытной экономической базѣ, вступало въ отношенія и приходило въ столкновенія съ государственными организаціями, сложившимися на болѣе высокомъ и устойчивомъ экономическомъ основаніи. Тутъ были двѣ возможности: либо русское государство должно было пасть въ борьбѣ съ ними, какъ пала Золотая Орда въ борьбѣ съ московскимъ государствомъ; либо русское государство должно было въ своемъ развитіи обгонять развитіе экономическихъ отношеній и поглощать гораздо больше жизненныхъ соковъ, чѣмъ это могло бы имѣть мѣсто при изолированномъ развитіи. Для перваго

исхода русское хозяйство оказалось недостаточно примитивнымъ. Государство не разбилось, а стало расти при страшномъ напряженіи народно-хозяйственныхъ силъ.

Суть такимъ образомъ не въ томъ, что Россія была окружена врагами со всѣхъ сторонъ. Одного этого недостаточно. Въ сущности это относится и ко всякому другому изъ европейскихъ государствъ, кромѣ развѣ Англіи. Но въ своей взаимной борьбѣ за существованіе эти государства опирались на приблизительно однородный экономическій базисъ и потому развитіе ихъ государственности не испытывало такихъ могучихъ внѣшнихъ давленій.

Борьба съ крымскими и ногайскими татарами вызывала большое напряженіе силъ. Но, разумѣется, не большее, чѣмъ вѣковая борьба Франціи съ Англіей. Не татары вынудили Русь ввести огнестрѣльное оружіе и создать постоянные стрѣлецкіе полки; не татары заставили впослѣдствіи создать рейтарскую конницу и солдатскую пѣхоту. Тутъ было давленіе Литвы, Польши и Швеціи.

Въ результатѣ этого давленія Западной Европы государство поглощало непропорціонально большую долю прибавочнаго продукта, т. е. жило за счетъ формировавшихся привилегированныхъ классовъ, и тѣмъ задерживало ихъ и безъ того медленное развитіе. Но мало этого. Государство набрасывалось на «необходимый продуктъ» земледѣльца, вырывало у него источники его существованія, сгоняло его этимъ съ мѣста, котораго онъ не успѣлъ обогрѣть,—и, тѣмъ задерживало ростъ населенія и тормазило развитіе производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, поскольку государство поглощало непропорціонально большую долю прибавочнаго продукта, оно задерживало и безъ того медленную сословную дифференціацію; поскольку же оно отнимало значительную долю необходимаго продукта, оно разрушало даже и тѣ примитивныя производственныя основы, на какія опиралось.

Но для того, чтобы существовать, функціонировать и, значитъ, прежде всего отчуждать необходимую часть общественнаго продукта, государство нуждалось въ сословно-іерархической организаціи. Вотъ почему, подкапываясь подъ экономическія основанія ея роста, оно стремится въ то же время форсировать ея развитіе мѣрами государственнаго порядка,—и, какъ и всякое другое государство, стремится отвести этотъ процессъ сословнаго формированія въ свою сторону. Историкъ русской культуры, г. Милюковъ, видитъ въ этомъ прямую противоположность съ исторіей Запада. Противоположности здѣсь нѣтъ.

Средневѣковая сословная монархія, развившаяся въ бюрократическій абсолютизмъ, представляла собою государственную форму, закрѣплявшую опредѣленные соціальные интересы и

отношенія. Но у этой государственной формы, самой по себѣ, разъ она возникла и существовала, были свои собственные интересы (династическіе, придворные, бюрократическіе...), которые приходили въ конфликты съ интересами сословій, не только низшихъ, но и высшихъ. Господствующія сословія, которыя составляли соціально-необходимое «средостѣніе» между народной массой и государственной организаціей, давили на эту послѣднюю и дѣлали свои интересы содержаніемъ ея государственной практики. Но въ то же время государственная власть, какъ самостоятельная сила, разсматривала даже интересы высшихъ сословій подъ своимъ угломъ зрѣнія и, развивая сопротивленіе ихъ притязаніямъ, стремилась подчинить ихъ себѣ. Дѣйствительная исторія отношеній государства и сословій шла по равнодѣйствующей, опредѣлявшейся соотношеніемъ силъ.

Однородный въ основѣ своей процессъ происходилъ и въ Руси.

Государство стремилось использовать развивающіяся экономическія группы и подчинить ихъ своимъ спеціализированнымъ финансовымъ и военнымъ интересамъ. Возникающія экономически-господствующія группы стремились использовать государство для закрѣпленія своихъ преимуществъ въ видѣ сословныхъ привилегій. Въ этой игрѣ соціальныхъ силъ равнодѣйствующая гораздо дальше отклонялась въ сторону государственной власти, чѣмъ это имѣло мѣсто въ западно-европейской исторіи. Тотъ обмѣнъ услугъ—за счетъ трудящагося народа—между государствомъ и верхними общественными группами, который выражается въ распредѣленіи правъ и обязанностей, тяготъ и привилегій, складывался у насъ къ меньшей выгодѣ дворянства и духовенства, чѣмъ въ средневѣковыхъ сословныхъ государствахъ Западной Европы. Это несомнѣнно. И, тѣмъ не менѣе, страшнымъ преувеличеніемъ, нарушеніемъ всякихъ перспективъ, будетъ сказать, что въ то время, какъ на Западѣ сословія создавали государство, у насъ государственная власть въ своихъ интересахъ создавала сословія (Милюковъ).

Сословія не могутъ быть созданы государственнымъ, юридическимъ путемъ. Прежде, чѣмъ та или другая общественная группа сможетъ при помощи государственной власти опериться въ привилегированное сословіе, она должна сложиться экономически во всѣхъ своихъ соціальныхъ преимуществахъ. Сословій нельзя фабриковать, по заранѣе созданной табели о рангахъ или по уставу Légion d'honneur. Государственная власть можетъ лишь со всѣми своими орудіями притти на помощь тому элементарному экономическому процессу, который выдвигаетъ верхнія экономическія формаціи. Русское государство, какъ мы указали, поглощало относительно очень много силъ и тѣмъ задерживало

процессъ соціальной кристаллизаціи, но оно само же нуждалось въ ней. Естественно, если оно подъ вліяніемъ и давленіемъ болѣе дифференцированной западной среды, давленіемъ, передававшимся черезъ военно-государственную организацію, стремилось, въ свою очередь, форсировать соціальную дифференціацію на примитивной экономической основѣ. Далѣе. Такъ какъ самая потребность въ форсированіи вызывалась слабостью соціально-экономическихъ образованій, то естественно, если государство, въ своихъ попечительныхъ усиліяхъ, стремилось использовать перевѣсъ своей силы, чтобы самое развитіе верхнихъ классовъ направить по своему усмотрѣнію. Но по пути къ достиженію большихъ успѣховъ въ этомъ направленіи государство наталкивалось въ первую очередь на свою собственную слабость, на примитивный характеръ своей собственной организаціи, который, какъ мы уже знаемъ, опредѣлялся примитивностью соціальной структуры.

Такимъ образомъ русское государство, создавшееся на основѣ русскаго хозяйства, толкалось впередъ дружескимъ и особенно враждебнымъ давленіемъ сосѣднихъ государственныхъ организацій, выросшихъ на болѣе высокой экономической основѣ. Государство съ извѣстнаго момента—особенно съ конца XVII в.—изо всѣхъ силъ старается ускорить естественное экономическое развитіе. Новыя отрасли ремесла, машины, фабрики, крупное производство, капиталъ представляются, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ бы искусственной прививкой къ естественному хозяйственному стволу. Капитализмъ кажется дѣтищемъ государства.

Съ этой точки зрѣнія можно, однако, сказать, что вся русская наука есть искусственный продуктъ государственныхъ усилій, искусственная прививка къ естественному стволу національнаго невѣжества [1]).

Русская мысль, какъ и русская экономика, развивались подъ непосредственнымъ давленіемъ болѣе высокой мысли и болѣе развитой экономики Запада. Такъ какъ при натурально-хозяйственномъ характерѣ экономики, значитъ, при слабомъ развитіи внѣшней торговли отношенія съ другими странами носили преимущественно государственный характеръ, то вліяніе этихъ странъ, прежде чѣмъ принять форму непосредственнаго хозяйственнаго соперничества, выражалось въ формѣ обозренной борьбы за государственное существованіе. Западная экономика вліяла на русскую черезъ посредство государства. Чтобъ существовать въ

---

[1]) Достаточно вспомнить характерныя черты первоначальныхъ отношеній государства и школы, чтобы установить, что школа была, по меньшей мѣрѣ, такимъ же «искусственнымъ» продуктомъ государства, какъ и фабрика.—Образовательныя насилія государства, иллюстрируютъ эту «искусственность». За неявку школьниковъ сажали на цѣпь. Вся школа была на цѣпи. Ученье было службой. Ученикамъ платили жалованье и пр. и пр.

средѣ враждебныхъ и лучше вооруженныхъ государствъ, Россія вынуждена была ввести фабрики, навигаціонныя школы, учебники фортификаціи и пр. Но еслибъ общее направленіе внутренняго хозяйства огромной страны не шло въ томъ же направленіи, еслибъ развитіе этого хозяйства не рождало потребности въ прикладныхъ и обобщающихъ знаніяхъ, то всѣ усилія государства погибли бы безплодно: національная экономика, естественно развивавшаяся отъ натуральнаго хозяйства къ денежно-товарному, откликалась только на тѣ мѣропріятія правительства, которыя отвѣчали этому развитію, и лишь въ той мѣрѣ, въ какой они согласовались съ нимъ. Исторія русской фабрики, исторія русской монетной системы, исторія государственнаго кредита—все это какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ въ пользу высказаннаго взгляда.

«Большинство видовъ промышленности (металлургической, сахарной, нефтяной, винокуренной, даже касающейся волокнистыхъ веществъ),—пишетъ проф. Менделѣевъ,—зачалось прямо подъ вліяніемъ правительственныхъ мѣропріятій, а иногда и большихъ правительственныхъ субсидій, но особенно потому, что правительство совершенно сознательно, кажется во всѣ времена, держалось покровительственной политики, а въ царствованіе императора Александра III выставило ее на своемъ знамени съ полной откровенностью... Высшее правительство, держась съ полнымъ сознаніемъ началъ протекціонизма въ приложеніи къ Россіи, оказывалось впереди нашихъ образованныхъ классовъ, взятыхъ въ цѣломъ» [1]. Ученый панегиристъ промышленнаго протекціонизма забываетъ прибавить, что правительственная политика диктовалась не заботой о развитіи производительныхъ силъ, но чисто фискальными и отчасти военно-техническими соображеніями. Поэтому политика протекціонизма нерѣдко противорѣчила не только основнымъ интересамъ промышленнаго развитія, но и приватнымъ интересамъ отдѣльныхъ предпринимательскихъ группъ. Такъ, хлопчатобумажные фабриканты прямо указывали на то, что «высокая пошлина на хлопокъ сохраняется нынѣ въ тарифѣ не ради поощренія хлопководства, а исключительно въ интересахъ фискальныхъ». Какъ въ «созданіи» сословій правительство прежде всего преслѣдовало задачи государственнаго тягла, такъ въ «насажденіи» индустріи оно главную заботу свою направляло на нужды государственнаго фиска. Но несомнѣнно все же, что въ дѣлѣ перенесенія на русскую почву фабрично-заводскаго производства самодержавіе сыграло не малую роль.

Къ тому времени, когда развивавшееся буржуазное общество почувствовало потребность въ политическихъ учрежденіяхъ Запада, самодержавіе оказалось вооруженнымъ всѣмъ матеріаль-

[1]) Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», С.-Пб., 1906, стр. 84.

нымъ могуществомъ европейскихъ государствъ. Оно опиралось на централизованно-бюрократическій аппаратъ, который былъ совершенно не годенъ для регулированія новыхъ отношеній, но способенъ былъ развить большую энергію въ дѣлѣ систематическихъ репрессій. Огромные размѣры государства были побѣждены телеграфомъ, который придаетъ дѣйствіямъ администраціи увѣренность и относительное единообразіе и быстроту (въ дѣлѣ репрессій), а желѣзныя дороги позволяютъ перебрасывать въ короткое время военную силу изъ конца въ конецъ страны. До-революціонные правительства Европы почти не знали ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа. Армія въ распоряженіи абсолютизма колоссальна—и если она оказалась никуда негодной въ серьезныхъ испытаніяхъ русско-японской войны, то она все же достаточна хороша для внутренняго господства. Ничего подобнаго нынѣшней русской арміи не знало не только правительство старой Франціи, но и правительство 48-го года.

Эксплуатируя при помощи своего фискально-военнаго аппарата до крайней степени страну, правительство довело свой годовой бюджетъ до колоссальной цифры въ 2 милліарда рублей. Опираясь на свою армію и на свой бюджетъ, самодержавное правительство сдѣлало европейскую биржу своимъ казначействомъ, а русскаго плательщика — безнадежнымъ данникомъ европейской биржи.

Такимъ образомъ, въ 80 и 90 гг. XIX вѣка русское правительство стояло предъ лицомъ міра, какъ колоссальная военно-бюрократическая и фискально-биржевая организація несокрушимой силы.

Финансовое и военное могущество абсолютизма подавляло и ослѣпляло не только европейскую буржуазію, но и русскій либерализмъ, отнимая у него всякую вѣру въ возможность тягаться съ абсолютизмомъ въ дѣлѣ открытаго соразмѣренія силъ. Военно-финансовое могущество абсолютизма исключало, казалось, какія бы то ни было возможности русской революціи.

На самомъ же дѣлѣ оказалось какъ разъ обратное.

Чѣмъ централизованнѣе государство и чѣмъ независимѣе отъ общества, тѣмъ скорѣе оно превращается въ самодовлѣющую организацію, стоящую надъ обществомъ. Чѣмъ выше военно-финансовыя силы такой организаціи, тѣмъ длительнѣе и успѣшнѣе можетъ быть ея борьба за существованіе. Централизованное государство съ двухмилліарднымъ бюджетомъ съ восьмимилліарднымъ долгомъ и съ милліонной арміей подъ ружьемъ, могло продержаться еще долго послѣ того, какъ перестало удовлетворять элементарнѣйшія потребности общественнаго развитія—не только потребность внутренняго управленія, но даже и потребность въ военной безопасности, на охраненіи которой оно первоначально сложилось.

Чѣмъ дальше затягивалось такое положеніе, тѣмъ больше становилось противорѣчіе между нуждами хозяйственно-культурнаго развитія и политикой правительства, развившей свою могучую «милліардную» инерцію. Послѣ того какъ эпоха великихъ заплатъ была оставлена позади, не только не устранивъ этого противорѣчія, но впервые вскрывъ его, самостоятельный поворотъ правительства на путь парламентаризма становился и объективно все труднѣе и психологически все недоступнѣе. Единственный выходъ изъ этого противорѣчія, который намѣчался для общества его положеніемъ, состоялъ въ томъ, чтобъ въ желѣзномъ котлѣ абсолютизма накопить достаточно революціонныхъ паровъ, которые могли бы разнести котелъ.

Такимъ образомъ административное, военное и финансовое могущество абсолютизма, дававшее ему возможность существовать наперекоръ общественному развитію, не только не исключало возможности революціи, какъ думалъ либерализмъ, но, наоборотъ, дѣлало революцію единственнымъ выходомъ,—притомъ за этой революціей заранѣе былъ обезпеченъ тѣмъ болѣе радикальный характеръ, чѣмъ болѣе могущество абсолютизма углубляло пропасть между нимъ и націей.

Русскій марксизмъ поистинѣ можетъ гордиться тѣмъ, что онъ одинъ уяснилъ направленіе развитія и предсказалъ его общія формы [1]) въ то время, какъ либерализмъ питался самымъ утопическимъ «практицизмомъ», а революціонное народничество жило фантасмагоріями и вѣрой въ чудеса.

Все предшествующее соціальное развитіе дѣлало революцію неизбѣжной. Каковы же были силы этой революціи?

---

2. Городъ и капиталъ.

Городская Россія это продуктъ новѣйшей исторіи, точнѣе—послѣднихъ десятилѣтій. Къ концу царствованія Петра I, въ первой четверти XVIII в., городское населеніе составляло съ небольшимъ 328 тысячъ, около 3% населенія страны. Къ концу того же столѣтія оно составляло 1.301 тысячу, около 4,1% всего населенія. Въ 1812 году городское населеніе возрасло до 1.653 тысячъ, что составляло 4,4%. Въ серединѣ XIX ст. города все еще насчитываютъ только 3.482 т.,—7,8%. Наконецъ, по послѣдней

[1]) Даже такой реакціонный бюрократъ, какъ проф. Менделѣевъ, не можетъ не признать этого. Говоря о развитіи индустріи, онъ замѣчаетъ: «Соціалисты тутъ кое-что увидали и даже отчасти поняли, но сбились, слѣдуя за латинщиной (!), рекомендуя прибѣгать къ насиліямъ, потворствуя животнымъ инстинктамъ черни и стремясь къ переворотамъ и власти». («Къ познанію Россіи», стр. 120).

переписи (1897 г.) количество городского населенія опредѣлено въ 16.289 тысячъ, что даетъ около 13% всего населенія [1]).

Если имѣть въ виду городъ, какъ соціально-экономическую формацію, а не какъ простую административную единицу, то необходимо признать, что приведенныя данныя не даютъ дѣйствительной картины развитія городовъ: русская государственная практика знаетъ массовыя пожалованія въ города, какъ и массовыя разжалованія изъ этого званія съ цѣлями очень далекими отъ научныхъ соображеній. Тѣмъ не менѣе эти цифры достаточно ясно свидѣтельствуютъ какъ о ничтожествѣ городовъ въ дореформенной Россіи, такъ и о лихорадочно быстромъ ростѣ ихъ за послѣднія десятилѣтія. По вычисленіямъ г. Михайловскаго приростъ городского населенія за время съ 1885 г. по 1897 г. составилъ 33,8%, вдвое слишкомъ выше общаго прироста жителей страны (15,25%) и почти втрое выше прироста сельскаго населенія (12,7%). Если присоединить сюда фабрично-заводскія села и мѣстечки, то быстрый ростъ городского (не земледѣльческаго) населенія скажется еще ярче.

Но современные русскіе города отличаются отъ старыхъ не только численностью своего населенія, но и своимъ соціальнымъ типомъ: они — средоточія торгово-промышленной жизни. Большинство нашихъ старыхъ городовъ не играло почти никакой хозяйственной роли: они были военно-административными пунктами или полевыми крѣпостями, населеніе ихъ было служилое, содержалось изъ государственной казны, и городъ составлялъ въ общемъ административно-военно-податной центръ.

Если не-служилое населеніе селилось въ городской чертѣ или въ слободахъ, ища прикрытія отъ враговъ, то это нисколько не мѣшало ему по-прежнему заниматься земледѣліемъ. Даже Москва, самый большой городъ старой Россіи была, по опредѣленію г. Милюкова, просто «царской усадьбой, значительная часть населенія которой такъ или иначе состояла въ связи съ дворцомъ, въ качествѣ свиты, гвардіи или дворни. Изъ 16 тысячъ слишкомъ дворовъ, насчитывавшихся въ Москвѣ по переписи 1701 г., на долю посадскихъ и ремесленниковъ не приходилось и 7 т. (44%), и тѣ состоятъ изъ населенія государственныхъ слободъ, работающихъ на дворецъ. Остальныя 9 тыс. принадлежатъ духовенству (1½ т.) и правящему сословію». Такимъ образомъ русскій городъ подобно городамъ азіатскихъ деспотій и въ отличіе отъ ремесленно-торговыхъ городовъ средневѣковья, игралъ чисто потребительную роль. Въ то время какъ со-

[1]) Эти цифры мы заимствовали изъ «Очерковъ» г. Милюкова. Городское населеніе всей Россіи, включая сюда Сибирь и Финляндію, опредѣляется по переписи 1897 г. въ 17.122 тысячи, или 13¼% (Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», Спб. 1906 г., 2 изд., таблица на стр. 90).

временный ему западный городъ болѣе или менѣе побѣдоносно отстаивалъ тотъ принципъ, что ремесленники не имѣютъ права жить въ деревняхъ, русскій городъ отнюдь не задавался такими цѣлями. Гдѣ же была обрабатывающая промышленность, ремесло? Въ деревнѣ, при земледѣліи. Низкій хозяйственный уровень при напряженномъ хищничествѣ государства не давалъ мѣста ни накопленію, ни общественному раздѣленію труда. Болѣе короткое лѣто по сравненію съ Западомъ оставляло болѣе долгій зимній досугъ. Все это повело къ тому, что обрабатывающая промышленность не отдѣлилась отъ земледѣлія, не сконцентрировалась въ городахъ, а осталась въ деревнѣ, какъ подсобное занятіе при земледѣліи. Когда, во второй половинѣ XIX вѣка, началось у насъ широкое развитіе капиталистической индустріи, оно застало не городское ремесло, а главнымъ образомъ деревенское кустарничество. «На полтора милліона, самое большее, фабричныхъ рабочихъ,—пишетъ г. Милюковъ,—въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ и въ тоже время не бросающихъ земледѣлія. Это—тотъ самый классъ, изъ котораго выросла... европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ... въ созданіи русской».

Разумѣется, дальнѣйшій ростъ населенія и его производительности создавалъ базисъ для общественнаго раздѣленія труда и значитъ для городского ремесла, но силою экономическаго давленія передовыхъ странъ этимъ базисомъ сразу завладѣла крупная капиталистическая промышленность, такъ что для расцвѣта городского ремесла не оказалось времени.

Четыре милліона кустарей, это тѣ самые элементы, которые въ Европѣ образовывали ядро городского населенія, входили въ цехи въ качествѣ мастеровъ и подмастерьевъ, а впослѣдствіи все больше оставались за предѣлами цеховъ. Именно ремесленный слой составлялъ преобладающее населеніе самыхъ революціонныхъ кварталовъ Парижа эпохи Великой Революціи. Уже одинъ этотъ фактъ—ничтожество городского ремесла—имѣетъ для нашей революціи неизмѣримыя послѣдствія [1]).

Экономическая сущность современнаго города состоитъ въ томъ, что онъ обрабатываетъ сырье, доставляемое деревней; условія транспорта имѣютъ для него поэтому рѣшающую роль. Только проведеніе желѣзныхъ дорогъ могло настолько расширить сферу питающихъ городъ областей, что создало возможность скопленія стотысячныхъ массъ; необходимость въ такихъ

[1]) Т. Парвусъ очень проницательно указалъ на это обстоятельство, какъ на причину особыхъ судебъ русской революціи въ то время, когда некритическое приравниваніе этой послѣдней къ революціи 1789 стало общимъ мѣстомъ.

скопленіяхъ была вызвана крупной фабричной промышленностью. Ядромъ населенія въ современномъ городѣ, по крайней мѣрѣ, въ городѣ, имѣющемъ хозяйственно-политическое значеніе, является рѣзко дифференцировавшійся классъ наемнаго труда. Именно этому классу, еще въ сущности неизвѣстному Великой Французской Революціи, суждено въ нашей сыграть рѣшающую роль.

Фабрично-индустріальный строй не только выдвигаетъ пролетаріатъ на переднія позиціи, но и вырываетъ почву изъ подъ ногъ буржуазной демократіи. Ея опорой въ эпоху прежнихъ революцій было городское мѣщанство: ремесленники, мелкіе лавочники и пр.

Другой причиной непропорціонально-большой политической роли русскаго пролетаріата является тотъ фактъ, что русскій капиталъ въ значительной своей долѣ — иммигрантъ. Этотъ фактъ имѣлъ, по мнѣнію Каутскаго, своимъ послѣдствіемъ то, что росту численности, силы и вліянія пролетаріата не соотвѣтствовалъ ростъ буржуазнаго либерализма.

Капитализмъ, какъ уже сказано выше, развивался у насъ не изъ ремесла,—онъ завоевывалъ Россію, имѣя за собою хозяйственную культуру всей Европы, имѣя передъ собою, въ качествѣ ближайшаго конкурента, безпомощнаго сельскаго кустаря или жалкаго городского ремесленника, а въ качествѣ резервуара рабочей силы—полунищаго крестьянина земледѣльца. Абсолютизмъ съ разныхъ сторонъ помогалъ капиталистическому закабаленію страны.

Прежде всего онъ превратилъ русскаго крестьянина въ данника міровой биржи. Отсутствіе капиталовъ внутри страны при постоянной потребности въ нихъ государства создавало почву для ростовщическихъ условій при внѣшнихъ займахъ. Амстердамскіе, лондонскіе, берлинскіе и парижскіе банкиры, начиная съ царствованія Екатерины II и кончая министерствомъ Витте—Дурново, систематически работали надъ превращеніемъ самодержавія въ колоссальную биржевую спекуляцію. Значительная часть такъ называемыхъ внутреннихъ займовъ, т.-е. реализованныхъ при посредствѣ внутреннихъ кредитныхъ учрежденій, ничѣмъ не отличалась отъ внѣшнихъ, такъ какъ находила свое дѣйствительное помѣщеніе у заграничныхъ капиталистовъ. Пролетаризуя и пауперизуя крестьянина тяжестью обложенія, абсолютизмъ превращалъ милліоны европейской биржи въ солдатъ, въ броненосцы, въ одиночныя тюрьмы, въ желѣзныя дороги. Бо́льшая часть этихъ расходовъ съ хозяйственной точки зрѣнія является совершенно непроизводительной. Огромная доля національнаго продукта уходила въ видѣ процента за границу, обогащая и усиливая финансовую аристократію Европы. Европейская финансовая буржуазія, политическое вліяніе которой въ парламентарныхъ странахъ непрерывно растетъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій,

отодвигая назадъ вліяніе торгово-промышленныхъ капиталистовъ, правда, превратила царское правительство въ своего вассала; но она не могла стать, не хотѣла стать и не стала составной частью буржуазной оппозиціи внутри Россіи. Въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ она руководствовалась тѣмъ началомъ, которое голландскіе банкиры Гоппе и К° формулировали еще въ условіяхъ павловскаго займа 1798 г.: «платежъ процентовъ долженъ быть производимъ, несмотря ни на какія политическія обстоятельства». Европейская биржа была даже прямо и непосредственно заинтересована въ сохраненіи абсолютизма: никакое другое національное правительство не могло ей обезпечить такихъ ростовщическихъ процентовъ. Но государственные займы не были единственнымъ путемъ иммиграціи европейскихъ капиталовъ въ Россіи. Тѣ же самыя деньги, впитавшія въ себя добрую долю русскаго государственнаго бюджета, возвращались на территорію Россіи, какъ торгово-промышленный капиталъ, привлекаемый ея нетронутыми естественными богатствами и, главнымъ образомъ, неорганизованной и непривыкшей къ сопротивленію рабочей силой. Послѣдній періодъ нашего промышленнаго подъема 1893—1899 гг. былъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ усиленной иммиграціи европейскаго капитала. Такимъ образомъ капиталъ, оставаясь по прежнему въ значительной своей части европейскимъ, реализуя свою политическую мощь во французскомъ или бельгійскомъ парламентѣ, мобилизовалъ на русской почвѣ національный рабочій классъ.

Покоряя экономически отсталую страну, европейскій капиталъ перебрасывалъ главныя отрасли ея производства и сообщенія черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ техническихъ и экономическихъ ступеней, которыя ему пришлось пройти у себя на родинѣ. Но чѣмъ меньше препятствій онъ встрѣчалъ на пути своего экономическаго господства, тѣмъ ничтожнѣе оказалась его политическая роль.

Европейская буржуазія развилась изъ третьяго сословія среднихъ вѣковъ. Она подняла знамя протеста противъ хищничества и насилія двухъ первыхъ сословій во имя интересовъ народа, который она хотѣла сама эксплуатировать. Средневѣковая сословная монархія на пути превращенія въ бюрократическій абсолютизмъ опиралась на населеніе городовъ въ своей борьбѣ противъ притязаній духовенства и дворянства. Буржуазія пользовалась этимъ для своего государственнаго возвышенія. Такимъ образомъ бюрократическій абсолютизмъ и капиталистическій классъ развивались одновременно, и, когда они враждебно столкнулись другъ съ другомъ въ 1789 г., то оказалось, что за буржуазіей стоитъ вся нація.

Русскій абсолютизмъ развился подъ непосредственнымъ дав-

леніемъ западныхъ государствъ. Онъ усвоилъ ихъ методы управленія и господства гораздо раньше, чѣмъ на почвѣ національнаго хозяйства успѣла возникнуть капиталистическая буржуазія. Абсолютизмъ уже располагалъ огромной постоянной арміей, централизованнымъ бюрократическимъ и фискальнымъ аппаратомъ, входилъ въ неоплатные долги европейскимъ банкирамъ въ то время, когда русскіе города играли еще совершенно ничтожную экономическую роль.

Капиталъ вторгся съ Запада при непосредственномъ содѣйствіи абсолютизма и въ теченіе короткаго времени превратилъ цѣлый рядъ старыхъ архаическихъ городовъ въ средоточія индустріи и торговли и даже создалъ въ короткое время огромные торгово-промышленные города на совершенно чистомъ мѣстѣ. Капиталъ этотъ нерѣдко сразу являлся въ лицѣ огромныхъ безличныхъ акціонерныхъ предпріятій. За десятилѣтіе промышленнаго подъема 1893—1902 основной капиталъ акціонерныхъ предпріятій возросъ на 2 милліарда, между тѣмъ какъ за періодъ 1854—1892 онъ увеличился всего на 900 милліоновъ. Пролетаріатъ сразу оказался сосредоточеннымъ въ огромныхъ массахъ, а между нимъ и абсолютизмомъ стояла немногочисленная капиталистическая буржуазія, оторванная отъ «народа», наполовину чужестранная, безъ историческихъ традицій, одухотворенная одной жаждой наживы.

---

3. 1789—1848—1905...

Исторія не повторяется. Сколько бы ни сравнивали русскую революцію съ Великой французской, первая отъ этого не превратится въ повтореніе второй. Девятнадцатое столѣтіе прошло не даромъ.

Уже 48 годъ представляетъ громадное отличіе отъ 1789. По сравненію съ Великой революціей прусская или австрійская поражаетъ своимъ ничтожнымъ размахомъ. Она пришла, съ одной стороны, слишкомъ рано, съ другой, слишкомъ поздно. То гигантское напряженіе силъ, которое нужно буржуазному обществу, чтобы радикально расквитаться съ господами прошлаго, можетъ быть достигнуто *либо* мощнымъ *единодушіемъ всей націи*, возставшей противъ феодальнаго деспотизма, *либо* могучимъ *развитіемъ классовой борьбы* внутри этой освобождающейся націи. Въ первомъ случаѣ, который имѣлъ мѣсто въ 1789—1793 гг.. національная энергія, сгущенная ужасающимъ сопротивленіемъ стараго порядка, расходуется цѣликомъ на борьбу съ реакціей. Во второмъ случаѣ, который не имѣлъ еще мѣста въ исторіи и разсматривается нами, какъ возможность, дѣйствен-

ная энергія, необходимая для побѣды надъ черными силами исторіи, вырабатывается въ буржуазной націи посредствомъ «междуусобной» классовой борьбы. Суровыя внутреннія тренія, поглощающія массу энергіи и лишающія буржуазію возможности играть главную роль, толкаютъ впередъ ея антагониста, даютъ ему въ мѣсяцъ опытъ десятилѣтій, ставятъ его на первое мѣсто и вручаютъ ему туго натянутыя бразды. Рѣшительный, не знающій сомнѣній, онъ придаетъ событіямъ могучій размахъ.

Либо нація, собравшаяся въ одно цѣлое, какъ левъ передъ прыжкомъ, либо нація, въ процессѣ борьбы окончательно раздѣлившаяся, чтобъ высвободить лучшую долю самой себя для выполненія задачи, которая не подъ силу цѣлому. Таковы два полярные типа, въ чистомъ видѣ возможные, разумѣется, лишь въ логическомъ противопоставленіи.

Среднее положеніе и здѣсь, какъ во многихъ случаяхъ, хуже всего. Это среднее положеніе и создало 48-й годъ.

Въ героическій періодъ французской исторіи мы видимъ буржуазію, просвѣщенную, дѣятельную, еще не обнаружившую предъ собой противорѣчій собственнаго положенія, на которую исторія возлагаетъ руководство борьбой за новый порядокъ вещей—не только противъ отжившихъ учрежденій Франціи, но и противъ реакціонныхъ силъ всей Европы. Буржуазія послѣдовательно, въ лицѣ всѣхъ своихъ фракцій, сознаетъ себя вождемъ націи, вовлекаетъ массы въ борьбу, даетъ имъ лозунгъ, диктуетъ имъ боевую тактику. Демократія связываетъ націю политической идеологіей. Народъ—мѣщане, крестьяне и рабочіе—посылаютъ своими депутатами буржуа, и тѣ наказы, которые даютъ имъ общины, написаны языкомъ буржуазіи, приходящей къ сознанію своей мессіанистической роли. Во время самой революціи хотя и вскрываются классовые антагонизмы, но властная инерція революціонной борьбы послѣдовательно сбрасываетъ съ политическаго пути наиболѣе косные элементы буржуазіи. Каждый слой отрывается не раньше, какъ передастъ свою энергію слѣдующимъ за нимъ слоямъ. Нація, какъ цѣлое, продолжаетъ при этомъ бороться за свои цѣли все болѣе и болѣе острыми и рѣшительными средствами. Когда отъ національнаго ядра, пришедшаго въ движеніе, отрываются верхи имущей буржуазіи и вступаютъ въ союзъ съ Людовикомъ XVI, демократическія требованія націи, направленныя уже *противъ* этой буржуазіи, приводятъ ко всеобщему избирательному праву и республикѣ, какъ логически неизбѣжнымъ формамъ демократіи.

Великая французская революція есть дѣйствительно революція національная. Болѣе того. Здѣсь въ національныхъ рамкахъ находитъ свое классическое выраженіе міровая борьба буржуазнаго строя за господство, власть, безраздѣльное торжество.

Якобинизмъ—это теперь бранное слово въ устахъ всѣхъ либеральныхъ мудрецовъ. Буржуазная ненависть къ революціи, къ массѣ, къ силѣ, къ величію той исторіи, которая дѣлается на улицахъ, воплотилась въ одинъ крикъ негодованія и страха: якобинизмъ! Мы, міровая армія коммунизма, давно ужъ свели историческіе счеты съ якобинствомъ. Все нынѣшнее международное пролетарское движеніе сложилось и окрѣпло въ борьбѣ съ преданіями якобинизма. Мы подвергли его теоретической критикѣ, вскрыли его историческую ограниченность, его общественную противорѣчивость, его утопизмъ, разоблачили его фразеологію, мы порвали съ его традиціями, которыя на протяженіи десятилѣтій казались священнымъ наслѣдіемъ революціи.

Но противъ нападокъ, клеветъ и безсмысленныхъ надругательствъ безкровнаго флегматическаго либерализма мы возьмемъ якобинизмъ подъ свою защиту. Буржуазія постыдно предала всѣ традиціи своей исторической молодости—и ея нынѣшніе наемники безчинствуютъ надъ могилами ея предковъ и кощунствуютъ надъ прахомъ ея идеаловъ. Пролетаріатъ взялъ на себя охрану чести революціоннаго прошлаго самой буржуазіи. Пролетаріатъ, такъ радикально порвавшій въ своей практикѣ съ революціонными традиціями буржуазіи, охраняетъ ихъ, какъ наслѣдіе великихъ страстей, героизма и иниціативы—и его сердце отзывчиво бьется рѣчамъ и дѣламъ якобинскаго конвента.

Что придало обаяніе либерализму, какъ не традиціи Великой французской революціи!.. Въ какой другой моментъ буржуазная демократія поднималась такъ высоко, зажигала такое великое пламя въ сердцѣ народа, какъ якобинская, санкюлотская, террористическая, робеспьеровская демократія 1793 года?

Что какъ не якобинизмъ далъ и даетъ возможность французскому буржуазному радикализму разныхъ оттѣнковъ держать подъ своимъ обояніемъ огромную часть народа, даже пролетаріата, по сей день—въ то время какъ буржуазный радикализмъ Германіи и Австріи написалъ свою короткую исторію дѣяніяи ничтожества и позора?

Что какъ не обаяніе якобинизма, его отвлеченной политической идеологіи, его культа священной республики, его торжественной декламаціи до сихъ поръ еще питаетъ французскихъ радикаловъ и радикалъ-соціалистовъ, Клемансо, Мильерана, Бріана и Буржуа—всѣхъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые умѣютъ охранять основы не хуже, чѣмъ тупые милостью божіей юнкера Вильгельма II, и которымъ такъ безнадежно завидуетъ буржуазная демократія другихъ странъ, осыпая въ тоже время клеветами первоисточникъ ихъ политическихъ преимуществъ, героическій якобинизмъ.

Уже послѣ того, какъ многія надежды были разрушены, онѣ

остались въ сознаніи народа какъ преданіе; еще долго пролетаріатъ языкомъ прошлаго говорилъ о своемъ будущемъ. Въ 40 году—почти черезъ полстолѣтія послѣ правительства Горы, за 8 лѣтъ до іюньскихъ дней 48 года—Гейне посѣтилъ нѣсколько мастерскихъ въ предмѣстьѣ Санъ-Марсо и увидѣлъ, что читали рабочіе, «самая здоровая часть низшаго класса». «Я нашелъ тамъ, сообщалъ Гейне въ нѣмецкую газету, нѣсколько новыхъ рѣчей старика Робеспьера, а также памфлетовъ Марата, изданныхъ выпусками по 2 су, «Исторію революціи» Кабе, ядовитые пасквили Карменена, сочиненіе Буанаротти «Ученіе и заговоръ Бабефа»— всѣ произведенія, пахнущія кровью... Какъ одинъ изъ плодовъ этого сѣмени, предсказываетъ поэтъ, грозитъ на почвѣ Франціи, рано или поздно, вырости республика».

Въ 1848 году буржуазія уже неспособна была сыграть подобную роль. Она не хотѣла и не смѣла брать на себя отвѣтственность за революціонную ликвидацію общественнаго строя, стоявшаго помѣхой ея господству. Мы уже знаемъ, п о ч е м у. Ея задача состояла въ томъ,—и она отдавала себѣ въ этомъ ясный отчетъ,—чтобы ввести въ старый строй необходимыя гарантіи— не своего политическаго господства, но лишь совладѣнія съ силами прошлаго. Она была скаредно мудра опытомъ французской буржуазіи, развращена ея предательствами, напугана ея неудачами. Она не только не вела массы на штурмъ стараго порядка, но она упиралась спиною въ старый порядокъ, чтобы дать отпоръ массѣ, толкавшей ее впередъ.

Французская буржуазія сумѣла сдѣлать свою революцію великой. Ея сознаніе было сознаніемъ общества, и ничто не могло воплотиться въ учрежденія, не пройдя предварительно чрезъ ея сознаніе, какъ цѣль, какъ задача политическаго творчества. Она прибѣгала нерѣдко къ театральной позѣ, чтобы скрыть отъ самой себя ограниченность своего буржуазнаго міра,— но она шла впередъ.

Нѣмецкая же буржуазія съ самаго начала не «дѣлала» революціи, но отдѣлывалась отъ нея. Ея сознаніе возставало противъ объективныхъ условій ея господства. Революція могла быть проведена не ею, но противъ нея. Демократическія учрежденія отражались въ ея головѣ не какъ цѣль ея борьбы, но какъ угроза ея благополучію.

Въ 48 году нуженъ былъ классъ, способный вести событія помимо буржуазіи и вопреки ей, готовый не только толкать ее впередъ силой своего давленія, но и сбросить въ рѣшительную минуту съ своего пути ея политическій трупъ.

Ни мѣщанство, ни крестьянство не были на это способны.

М ѣ щ а н с т в о было враждебно не только по отношенію ко вчерашнему, но и по отношенію къ завтрашнему дню. Еще

опутанное средневѣковыми отношеніями, но уже неспособное противостоять «свободной» промышленности; еще налагавшее на города свой отпечатокъ, но уже уступавшее свое вліяніе средней и крупной буржуазіи; погрязшее въ своихъ предразсудкахъ, оглушенное грохотомъ событій, эксплуатирующее и эксплуатируемое, жадное и безпомощное въ своей жадности, захолустное мѣщанство не могло руководить міровыми событіями.

Крестьянство въ еще большей мѣрѣ было лишено самостоятельной политической иниціативы. Закабаленное въ теченіе столѣтій, нищее, озлобленное, соединяющее въ себѣ всѣ нити старой и новой эксплуатаціи, крестьянство представляло въ извѣстный моментъ богатый источникъ хаотической революціонной силы. Но раздробленное, разсѣянное, отброшенное отъ городовъ, нервныхъ центровъ политики и культуры, тупое, ограниченное въ своемъ кругозорѣ околицей, равнодушное ко всему, до чего додумался городъ, крестьянство не могло имѣть руководящаго значенія. Оно успокоилось, какъ только съ его плечъ была сброшена ноша феодальныхъ повинностей, и отплатило городу, который боролся за его права, черной неблагодарностью: освобожденные крестьяне стали фанатиками «порядка».

Интеллигентная демократія, лишенная классовой силы, то плелась вослѣдъ за своей старшей сестрой, либеральной буржуазіей, въ качествѣ ея политическаго хвоста, то отдѣлялась отъ нея въ критическіе моменты, чтобы обнаружить свое безсиліе. Она путалась сама въ неназрѣвшихъ противорѣчіяхъ и эту путаницу несла съ собою всюду.

Пролетаріатъ былъ слишкомъ слабъ, лишенъ организаціи опыта и знанія. Капиталистическое развитіе пошло достаточно далеко, чтобы сдѣлать необходимымъ уничтоженіе старыхъ феодальныхъ отношеній, но недостаточно далеко, чтобы выдвинуть рабочій классъ, продуктъ новыхъ производственныхъ отношеній, какъ рѣшающую политическую силу. Антагонизмъ пролетаріата съ буржуазіей, даже въ національныхъ рамкахъ Германіи, зашелъ слишкомъ далеко, чтобы дать возможность буржуазіи безбоязненно выступить въ роли національнаго гегемона, но не достаточно далеко, чтобы позволить пролетаріату взять на себя такую роль. Внутреннія тренія революціи, правда, подготовляли пролетаріатъ къ политической самостоятельности, но сейчасъ они ослабляли энергію и сплоченность дѣйствія, расходовали безрезультатно силы и вынуждали революцію, послѣ первыхъ успѣховъ, томительно топтаться на мѣстѣ, чтобы затѣмъ, подъ ударами реакціи, двинуться заднимъ ходомъ.

Австрія дала особенно рѣзкій и трагическій образчикъ этой незаконченности и недодѣланности политическихъ отношеній въ революціонный періодъ.

Вѣнскій пролетаріатъ проявилъ въ 48 году удивительный героизмъ и неисчерпаемую энергію. Онъ снова и снова шелъ въ огонь, движимый однимъ лишь темнымъ классовымъ инстинктомъ, лишенный общаго представленія о цѣляхъ борьбы, переходящій ощупью отъ лозунга къ лозунгу. Руководство пролетаріатомъ удивительнымъ образомъ перешло къ студенчеству, единственной активной демократической группѣ, пользовавшейся, благодаря своей активности, большимъ вліяніемъ на массы, а значитъ—и на событія. Студенты способны были, безъ сомнѣнія, храбро драться на баррикадахъ и умѣли честно брататься съ рабочими, но они совершенно не могли направлять ходъ революціи, вручившей имъ «диктатуру» надъ улицей.

Пролетаріатъ, разрозненный, безъ политическаго опыта и самостоятельнаго руководства, шелъ за студентами. Во всѣ критическіе моменты рабочіе неизмѣнно предлагали «господамъ, которые работаютъ головою», помощь тѣхъ, которые «работаютъ руками». Студенты то призывали рабочихъ, то сами преграждали имъ путь изъ предмѣстій. Они подчасъ запрещали имъ силою своего политическаго авторитета, опиравшагося на оружіе академическаго легіона, выступать со своими самостоятельными требованіями. Это была классически ясная форма благожелательной революціонной диктатуры надъ пролетаріатомъ.

Въ результатѣ этихъ общественныхъ отношеній произошло вотъ что. Когда 26-го мая вся рабочая Вѣна поднялась на ноги по призыву студентовъ, чтобы бороться противъ разоруженія студенчества («академическаго легіона»), когда населеніе столицы, покрывшее весь городъ баррикадами, обнаружило удивительную мощь и завладѣло городомъ, когда за вооруженной Вѣной стояла Австрія, когда монархія, находившаяся въ бѣгахъ, лишилась значенія, когда, подъ давленіемъ народа, послѣднія войска были выведены изъ столицы, когда правительственная власть Австріи оказывалась выморочнымъ достояніемъ, не нашлось политической силы, чтобы овладѣть рулемъ.

Либеральная буржуазія сознательно не хотѣла воспользоваться властью, добытою столь разбойничьимъ путемъ. Она только и мечтала о возвращеніи императора, удалившагося въ Тироль изъ осиротѣвшей Вѣны.

Рабочіе были достаточны мужественны, чтобы разбить реакцію, но недостаточно организованы и сознательны, чтобы ей наслѣдовать. Имѣлось могущественное рабочее движеніе, но не было развитой классовой борьбы пролетаріата, ставящей себѣ опредѣленныя политическія цѣли. Неспособный овладѣть кормиломъ, пролетаріатъ не могъ подвинуть на этотъ историческій подвигъ и буржуазную демократію, которая, какъ это часто бываетъ съ нею, скрылась въ самую нужную минуту. Чтобы вы-

нудить эту абсентеистку къ выполненію ея обязанностей, пролетаріату нужно было, во всякомъ случаѣ, не меньше силы и зрѣлости, чѣмъ для того, чтобы самому организовать временное рабочее правительство.

Въ общемъ, получилось положеніе, которое одинъ современникъ совершенно правильно характеризуетъ словами: «Въ Вѣнѣ фактически установилась республика, но, къ несчастью, никто не видалъ этого»... Никѣмъ не замѣченная республика надолго удалилась со сцены, уступивъ свое мѣсто Габсбургамъ... Разъ утерянная коньюнктура не возвращается вторично.

Изъ опыта венгерской и германской революцій Лассаль сдѣлалъ выводъ, что отнынѣ революція можетъ найти опору только въ классовой борьбѣ пролетаріата.

Въ своемъ письмѣ отъ 24 октября 1849 г. Лассаль пишетъ Марксу: «Венгрія имѣетъ больше шансовъ, чѣмъ какая-либо иная страна, счастливо окончить борьбу. И это—среди другихъ причинъ—потому, что тамъ партіи еще не достигли опредѣленнаго раздѣленія, рѣзкаго антагонизма, какъ въ Западной Европѣ, потому что революція тамъ была облечена въ значительной степени въ форму національной борьбы за независимость. Тѣмъ не менѣе, Венгрія была побѣждена и именно вслѣдствіе предательства національной партіи.

«Изъ этого, продолжаетъ Лассаль, въ связи съ исторіей Германіи 1848 г. и 1849 г.—я извлекъ тотъ непоколебимый урокъ, что никакая борьба въ Европѣ не можетъ быть успѣшна, если только съ самаго начала она не будетъ провозглашена чисто соціалистической; что не можетъ больше удасться никакая борьба, въ которой соціальные вопросы входятъ лишь, какъ туманный элементъ, и стоятъ на заднемъ планѣ, и которая, съ внѣшней стороны, ведется подъ знаменемъ національнаго возрожденія или буржуазнаго республиканизма».

Не будемъ останавливаться на критикѣ этихъ рѣшительныхъ выводовъ. Въ нихъ, во всякомъ случаѣ, безусловно вѣрно то, что уже въ серединѣ девятнадцатаго столѣтія національная задача политическаго раскрѣпощенія не могла быть разрѣшена единодушнымъ и согласованнымъ напоромъ всей націи. Только независимая тактика пролетаріата, черпающаго въ своемъ классовомъ положеніи, и только въ немъ, силы для борьбы, могла бы обезпечить побѣду революціи.

Русскій рабочій классъ 1906 г. совершенно не похожъ на вѣнскій—48 г. И лучшимъ доказательствомъ этому является всероссійская практика Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ. Это не заранѣе заготовленныя заговорщическія организаціи, въ минуту возбужденія захватившія власть надъ пролетарской массой. Нѣтъ, это органы, планомѣрно созданные самой этой массой для ко-

ординированья ея революціонной борьбы. И эти выбранные массой и предъ массой отвѣтственные Совѣты, эти безусловно демократическія учрежденія, ведутъ самую рѣшительную классовую политику въ духѣ революціоннаго соціализма.

Съ особенной рѣзкостью соціальныя особенности русской революціи проявляются въ вопросѣ о вооруженіи народа.

Милиція (національная гвардія) была первымъ лозунгомъ и первымъ завоеваніемъ всѣхъ революцій—1789 г. и 1848 г.—въ Парижѣ, во всѣхъ государствахъ Италіи, въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ 48 г. національная гвардія (т. е. вооруженіе имущихъ и «образованныхъ») была лозунгомъ всей буржуазной оппозиціи, даже самой умѣренной, и имѣла задачей не только обезопасить добытыя или только подлежащія «пожалованію» свободы отъ переворотовъ сверху, но и буржуазную собственность отъ покушеній пролетаріата. Такимъ образомъ, милиція была рѣзко классовымъ требованіемъ буржуазіи. «Итальянцы хорошо понимали, говоритъ либеральный англійскій историкъ объединенія Италіи, что вооруженіе гражданской милиціи сдѣлало бы дальнѣйшее существованіе деспотизма невозможнымъ. Кромѣ того, для владѣющихъ классовъ это была гарантія противъ возможной анархіи и всѣхъ безпорядковъ, таившихся въ глубинѣ» [1]). И правящая реакція, не располагавшая достаточной военной силой въ центрахъ дѣйствія, чтобъ справиться съ «анархіей», т. е. съ революціонной массой, вооружала буржуазію. Абсолютизмъ предоставлялъ сперва бюргерамъ подавить и усмирить рабочихъ, а затѣмъ разоружалъ и усмирялъ самихъ бюргеровъ.

У насъ милиція, какъ лозунгъ, не имѣетъ никакого кредита у буржуазныхъ партій. Либералы не могутъ въ сущности не понимать важности вооруженія: абсолютизмъ далъ имъ на этотъ счетъ нѣсколько предметныхъ уроковъ. Но они понимаютъ также полную невозможность созданія у насъ милиціи помимо пролетаріата и противъ пролетаріата. Русскіе рабочіе мало похожи на рабочихъ 48 г., которые набивали карманы камнями, а въ руки брали ломъ, въ то время, какъ лавочники, студенты и адвокаты имѣли на плечѣ королевскіе мушкеты, а съ боку—сабли.

Вооружить революцію значитъ у насъ прежде всего вооружить рабочихъ. Зная это и боясь этого, либералы вовсе отказываются отъ милиціи. Они безъ боя сдаютъ абсолютизму и эту позицію,—какъ буржуазія Тьера сдала Бисмарку Парижъ и Францію, только бы не вооружать рабочихъ.

Въ сборникѣ «Конституціонное государство», въ этомъ манифестѣ либерально-демократической коалиціи, г. Живелеговъ,

---

[1]) Больтонъ Кингъ. «Исторія объединенія Италіи». Русск. пер., Москва 1901, т. I, стр. 220.

разсуждая о возможностяхъ государственнаго переворота, совершенно вѣрно говоритъ, что «само общество въ нужный моментъ должно обнаружить готовность встать на защиту своей конституціи». И такъ какъ отсюда само собою вытекаетъ требованіе народнаго вооруженія, то либеральный философъ тутъ же считаетъ «нужнымъ прибавить», что для отраженія переворотовъ «вовсе нѣтъ необходимости, чтобы всѣ держали наготовѣ оружіе» [1]). Нужно только, чтобъ само общество было готово оказать отпоръ. Какимъ путемъ—неизвѣстно. Если изъ этой увертки что-нибудь и вытекаетъ, такъ это лишь то, что въ сердцахъ нашихъ демократовъ страхъ предъ вооруженнымъ пролетаріатомъ пересиливаетъ страхъ предъ самодержавной солдатчиной.

Тѣмъ самымъ задача вооруженія революціи падаетъ всей своей тяжестью на пролетаріатъ. И гражданская милиція, классовое требованіе буржуазіи 48 г., съ самаго начала выступаетъ у насъ, какъ требованіе народнаго и, даже прежде всего, пролетарскаго вооруженія. На этомъ вопросѣ сказывается вся судьба русской революціи.

---

4. Революція и пролетаріатъ.

Революція—это открытое соразмѣреніе соціальныхъ силъ въ борьбѣ за власть.

Государство—не самоцѣль. Оно только рабочая машина въ рукахъ господствующей соціальной силы. Какъ всякая машина, государство имѣетъ свой двигательный, передаточный и исполнительный механизмы. Двигательная сила—это классовый интересъ; его механизмъ—это агитація, печать, церковная и школьная пропаганда, партія, уличное собраніе, петиція, возстаніе. Передаточный механизмъ—это законодательная организація кастоваго, династическаго, сословнаго или классового интереса подъ видомъ божественной (абсолютизмъ) или національной (парламентаризмъ) воли. Наконецъ, исполнительный механизмъ—это администрація съ полиціей, судъ съ тюрьмой, армія.

Государство—не самоцѣль. Но оно величайшее средство организаціи, дезорганизаціи и реорганизаціи соціальныхъ отношеній. Смотря по тому, въ чьихъ рукахъ оно находится, оно можетъ быть рычагомъ глубокаго переворота или орудіемъ организованнаго застоя.

Всякая политическая партія, заслуживающая этого имени, стремится овладѣть правительственной властью и, такимъ обра-

---

[1]) «Конституціонное государство», сборникъ статей, I-е изд., стр. 49.

зомъ, поставить государство на службу тому классу, интересы котораго она выражаетъ. Соціалдемократія, какъ партія пролетаріата, естественно стремится къ политическому господству рабочаго класса.

Пролетаріатъ растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ ростомъ капитализма. Въ этомъ смыслѣ развитіе капитализма есть развитіе пролетаріата въ диктатурѣ. Но день и часъ, когда власть перейдетъ въ руки рабочаго класса, зависитъ непосредственно не отъ уровня производительныхъ силъ, а отъ отношеній классовой борьбы, отъ международной ситуаціи, наконецъ, отъ ряда субъективныхъ моментовъ: традиціи, иниціативы, боевой готовности...

Въ странѣ, экономически болѣе отсталой, пролетаріатъ можетъ оказаться у власти раньше, чѣмъ въ странѣ капиталистически передовой. Въ 71 г., онъ сознательно взялъ въ свои руки управленіе общественными дѣлами въ мелкобуржуазномъ Парижѣ—правда, только на два мѣсяца,—но ни на одинъ часъ онъ не бралъ власти въ крупно-капиталистическихъ центрахъ Англіи или Соединенныхъ Штатовъ. Представленіе о какой-то автоматической зависимости пролетарской диктатуры отъ техническихъ силъ и средствъ страны представляетъ собою предразсудокъ упрощеннаго до крайности «экономическаго» матеріализма. Съ марксизмомъ такой взглядъ не имѣетъ ничего общаго.

Русская революція создаетъ, на нашъ взглядъ, такія условія, при которыхъ власть можетъ (при побѣдѣ революціи должна) перейти въ руки пролетаріата, прежде чѣмъ политики буржуазнаго либерализма получатъ возможность въ полномъ видѣ развернуть свой государственный геній.

Подводя въ американской газетѣ «Tribune» итоги революціи и контръ-революціи 48—49 гг., Марксъ писалъ: «Рабочій классъ въ Германіи по своему общественному и политическому развитію стоитъ настолько же позади рабочаго класса Англіи или Франціи, насколько германская буржуазія позади буржуазіи этихъ странъ. Каковъ хозяинъ, таковъ и работникъ. Развитіе условій существованія многочисленнаго, сильнаго, концентрированнаго и сознательнаго класса пролетаріевъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ условій существованія численнаго, богатаго, концентрированнаго и вліятельнаго средняго класса. Само движеніе рабочаго класса никогда не является самостоятельнымъ, никогда не принимаетъ исключительно пролетарскій характеръ, пока различныя части средняго класса и, въ частности, его наиболѣе прогрессивная доля,—крупные промышленники, не завоюютъ политической власти и не передѣлаютъ государства сообразно со своими потребностями. Лишь тогда неизбѣжное столкновеніе между нанимателями и наемниками дѣлается неминуемымъ и не

можетъ быть отложено долѣе...» [1]) Эта цитата, вѣроятно, извѣстна читателю, такъ какъ за послѣднее время ею часто злоупотребляли текстуальные марксисты. Ее выдвигали, какъ несокрушимый аргументъ противъ идеи рабочаго правительства въ Россіи. «Каковъ хозяинъ, таковъ работникъ». Если русская капиталистическая буржуазія недостаточно сильна, чтобы взять въ свои руки государственную власть, то тѣмъ менѣе можетъ итти рѣчь о рабочей демократіи т.-е. о политическомъ господствѣ пролетаріата.

Марксизмъ есть прежде всего методъ анализа,—не анализа текстовъ, а анализа соціальныхъ отношеній. Вѣрно ли въ примѣненіи къ Россіи, что слабость капиталистическаго либерализма непремѣнно означаетъ слабость рабочаго движенія? Вѣрно ли въ примѣненіи къ Россіи, что самостоятельное пролетарское движеніе возможно не раньше, чѣмъ буржуазія завоюетъ государственную власть? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы понять, какой безнадежный формализмъ мышленія скрывается за попыткой превратить исторически-относительное замѣчаніе Маркса въ сверхъ-историческую (supra-historique) теорему.

Развитіе фабрично-заводской промышленности въ Россіи хотя и носило въ періоды промышленнаго подъема «американскій» характеръ, но дѣйствительные размѣры нашей капиталистической индустріи кажутся дѣтскими по сравненію съ индустріей Американскихъ Штатовъ. 5 милліоновъ человѣкъ, 16,6% хозяйственно дѣятельнаго населенія, занято въ обрабатывающей промышленности Россіи; для Соединенныхъ Штатовъ соотвѣтственныя числа будутъ: 6 милліоновъ, 22,2%. Эти числа говорятъ еще сравнительно немного; они станутъ краснорѣчивѣе, если вспомнить, что населеніе Россіи почти вдвое больше населенія Штатовъ. Но для того, чтобы получить представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ индустріи этихъ двухъ странъ, нужно указать, что въ 1900 г. американскіе заводы, фабрики и крупныя ремесленныя заведенія выпустили въ продажу товаровъ на 25 милліардовъ рублей, тогда какъ Россія за тотъ же періодъ произвела на своихъ фабрикахъ и заводахъ товаровъ менѣе чѣмъ на 2½ милліарда рублей [2]).

Численность промышленнаго пролетаріата, его концентрированность, его культурность, его политическое значеніе зависятъ несомнѣнно отъ степени развитія капиталистической индустріи. Но это зависимость не непосредственная. Между производительными силами страны и политическими силами ея классовъ въ каждый данный моментъ пересѣкаются различные соціально-по-

---

[1]) Карлъ Марксъ, «Германія въ 1848—50 гг.», рус. пер., изд. Алексѣевой, 1905 г., стр. 8 и 9.

[2]) Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», 1906, стр. 99.

литическіе факторы національнаго и интернаціональнаго характера, и они отклоняютъ и даже совершенно видоизмѣняютъ политическое выраженіе экономическихъ отношеній. Несмотря на то что производительныя силы индустріи Соединенныхъ Штатовъ въ десять разъ выше, чѣмъ у насъ, политическая роль русскаго пролетаріата, его вліяніе на политику своей страны, возможность его близкаго вліянія на міровую политику несравненно выше, чѣмъ роль и значеніе американскаго пролетаріата.

Въ своей недавно написанной работѣ объ американскомъ пролетаріатѣ Каутскій указываетъ на то, что между политической силой пролетаріата и буржуазіи, съ одной, и уровнемъ капиталистическаго развитія, съ другой стороны, нѣтъ прямого и непосредственнаго соотвѣтствія. «Существуютъ два государства, говоритъ онъ, діаметрально противоположныя другъ другу: въ одномъ изъ нихъ непомѣрно, т.-е. несоотвѣтственно высотѣ капиталистическаго способа производства, развитъ одинъ изъ элементовъ послѣдняго, въ другомъ—другой; въ Америкѣ—классъ капиталистовъ, въ Россіи—пролетаріатъ. Въ Америкѣ съ большимъ чѣмъ гдѣ бы то ни было основаніемъ можно говорить о диктатурѣ капитала, а борющійся пролетаріатъ нигдѣ не пріобрѣталъ такого значенія, какъ въ Россіи, и это значеніе должно увеличиваться и несомнѣнно увеличится, ибо эта страна лишь недавно стала принимать участіе въ современной классовой борьбѣ и лишь недавно дала для этой борьбы нѣкоторый просторъ». Указавъ, что Германія можетъ въ извѣстной мѣрѣ изучать свое б у д у щ е е на Россіи, Каутскій продолжаетъ: «Въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странно, что именно русскій пролетаріатъ укажетъ намъ наше будущее, поскольку оно выражается не въ организаціи капитала, а въ протестѣ рабочаго класса: Россія—наиболѣе отсталое изъ всѣхъ большихъ государствъ капиталистическаго міра; это, какъ будто, противорѣчитъ—замѣчаетъ Каутскій—матеріалистическому пониманію исторіи, согласно которому экономическое развитіе служитъ основой политическаго; но въ сущности, продолжаетъ онъ,—это противорѣчитъ лишь такому матеріалистическому пониманію исторіи, какое изображаютъ наши противники и критики, видящіе въ немъ не м е т о д ъ и з с л ѣ д о в а н і я, а лишь готовый ш а б л о н ъ» [1]). Эти строки нужно особенно рекомендовать вниманію тѣхъ отечественныхъ марксистовъ, которые самостоятельный анализъ общественныхъ отношеній замѣняютъ дедукціей изъ текстовъ, подобранныхъ на всѣ случаи жизни. Никто такъ не компрометируетъ марксизма, какъ эти титулярные марксисты!

---

[1]) К. Каутскій. «Американскій и русскій рабочій», рус. пер., Спб. 1906 г., стр. 4 и 5.

Итакъ, по оцѣнкѣ Каутскаго, Россія въ экономической области характеризуется относительно низкимъ уровнемъ капиталистическаго развитія, въ политической сферѣ—ничтожествомъ капиталистической буржуазіи и могуществомъ революціоннаго пролетаріата. Это приводитъ къ тому, что «борьба за интересы цѣлой Россіи выпала на долю единственнаго имѣющагося, въ ней теперь сильнаго класса—промышленнаго пролетаріата. Поэтому послѣдній имѣетъ тамъ громадное политическое значеніе; поэтому же въ Россіи борьба за освобожденіе ея отъ удушающаго ее полипа абсолютизма превратилась въ единоборство послѣдняго съ промышленнымъ рабочимъ классомъ, единоборство, въ которомъ крестьянство можетъ оказать значительную поддержку, но не способно играть руководящую роль» [1].

Не даетъ ли все это намъ права сдѣлать выводъ, что русскій «работникъ» можетъ оказаться у власти раньше, чѣмъ его «хозяинъ»?

Политическій оптимизмъ можетъ быть двоякаго рода. Можно преувеличенно оцѣнивать свои силы и выгоды революціонной ситуаціи и ставить себѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ не допускается даннымъ соотношеніемъ силъ. Но можно и, наоборотъ, оптимистически ограничивать свои революціонныя задачи предѣломъ, за который насъ неизбѣжно переброситъ логика нашего положенія.

Можно ограничивать рамки всѣхъ вопросовъ революціи утвержденіемъ, что наша революція—буржуазная по своимъ объективнымъ цѣлямъ и, значитъ, по своимъ неизбѣжнымъ результатамъ, и можно при этомъ закрывать глаза на тотъ фактъ, что главнымъ дѣятелемъ этой буржуазной революціи является пролетаріатъ, который всѣмъ ходомъ революціи толкается къ власти.

Можно успокаивать себя тѣмъ, что въ рамкахъ буржуазной революціи политическое господство пролетаріата будетъ лишь преходящимъ эпизодомъ,—и можно при этомъ забывать о томъ, что пролетаріатъ, разъ получивъ въ свои руки власть, не отдастъ ее безъ самаго отчаяннаго сопротивленія, не выпуститъ ея, доколѣ она не будетъ у него вырвана вооруженной рукою.

Можно успокаивать себя тѣмъ, что соціальныя условія Россіи еще не созрѣли для соціалистическаго хозяйства,—и можно при этомъ не задумываться надъ тѣмъ, что, ставъ у власти, пролетаріатъ неизбѣжно, всей логикой своего положенія, будетъ толкаться къ веденію хозяйства за государственный счетъ.

---

[1]) Д. Менделѣевъ. «Къ познанію Россіи», 1906, стр. 10.

Общее соціологическое опредѣленіе—буржуазная революція—вовсе не разрѣшаетъ тѣхъ политико-тактическихъ задачъ, противорѣчій и затрудненій, которыя выдвигаются механикой данной буржуазной революціи.

Въ рамкахъ буржуазной революціи конца XVIII вѣка, имѣвшей своей объективной задачей господство капитала, оказалась возможной диктатура санкюлотовъ. Эта диктатура не была простымъ мимолетнымъ эпизодомъ, она наложила печать на все послѣдующее столѣтіе,—и это несмотря на то, что она очень скоро сокрушилась объ ограниченныя рамки буржуазной революціи.

Въ революціи начала XX вѣка, которая также является буржуазной по своимъ непосредственнымъ объективнымъ задачамъ, вырисовывается въ ближайшей перспективѣ неизбѣжность или хотя бы только, вѣроятность политическаго господства пролетаріата. Чтобъ это господство не оказалось простымъ мимолетнымъ «эпизодомъ», какъ надѣются нѣкоторые реалистическіе филистеры, объ этомъ позаботится самъ пролетаріатъ. Но уже сейчасъ можно поставить передъ собой вопросъ: должна ли неизбѣжно диктатура пролетаріата разбиться о рамки буржуазной революціи или же, на данныхъ міровыхъ историческихъ основаніяхъ, она можетъ открыть предъ собой перспективу побѣды, разбивъ эти ограниченныя рамки? И отсюда вытекаютъ для насъ тактическіе вопросы: должны ли мы сознательно итти навстрѣчу рабочему правительству, по мѣрѣ того, какъ революціонное развитіе приближаетъ насъ къ этому этапу,—или же мы должны смотрѣть въ данное время на политическую власть, какъ на несчастье, которое буржуазная революція готовится обрушить на головы рабочихъ и отъ котораго имъ лучше всего уклониться.

Не приходится ли намъ примѣнить къ себѣ тѣ слова, которыя «реалистическій» политикъ Фольмаръ сказалъ когда то о коммунарахъ 71 г.: вмѣсто того, чтобъ брать въ свои руки власть, они сдѣлали бы лучше, еслибъ пошли спать?

---

5. Пролетаріатъ у власти и крестьянство.

Въ случаѣ рѣшительной побѣды революціи, власть переходитъ въ руки класса, игравшаго въ борьбѣ руководящую роль,—другими словами, въ руки пролетаріата. Разумѣется, скажемъ тутъ же, это вовсе не исключаетъ вхожденія въ правительство революціонныхъ представителей непролетарскихъ общественныхъ группъ.

Они могутъ быть и должны быть,—здравая политика заставитъ пролетаріатъ пріобщить къ власти вліятельныхъ вождей мѣщанства, интеллигенціи или крестьянства. Весь вопросъ въ томъ, кто дастъ содержаніе правительственной политикѣ, кто сплотитъ въ ней однородное большинство? Одно дѣло, когда въ рабочемъ, по составу своего большинства, правительствѣ участвуютъ представители демократическихъ слоевъ народа,—другое дѣло, когда въ опредѣленномъ буржуазно-демократическомъ правительствѣ участвуютъ, въ качествѣ болѣе или менѣе почетныхъ заложниковъ, представители пролетаріата.

Политика либеральной капиталистической буржуазіи во всѣхъ своихъ колебаніяхъ, отступленіяхъ и измѣнахъ очень опредѣленна. Политика пролетаріата еще того болѣе опредѣленна и закончена. Но политика интеллигенціи—въ силу ея соціальной промежуточности и политической гибкости,—политика крестьянства—въ силу его соціальной разнородности, промежуточности, примитивности—политика мѣщанства—опять-таки въ силу его безличности, промежуточности и полнаго отсутствія политическихъ традицій—политика этихъ трехъ общественныхъ группъ совершенно неопредѣленна, неоформлена, полна возможностей и, значитъ, неожиданностей.

Достаточно попытаться представить себѣ революціонное демократическое правительство безъ представителей пролетаріата, чтобъ полная нелѣпость такого представленія ударила въ глаза! Отказъ с.-д. отъ участія въ революціонномъ правительствѣ означалъ бы полную невозможность самого революціоннаго правительства и былъ бы, такимъ образомъ, измѣной дѣлу революціи. Но участіе пролетаріата въ правительствѣ и объективно наиболѣе вѣроятно и принципіально допустимо лишь какъ доминирующее и руководящее участіе. Можно, конечно, назвать это правительство диктатурой пролетаріата и крестьянства, диктатурой пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи или, наконецъ, коалиціоннымъ правительствомъ рабочаго класса и мелкой буржуазіи. Но все же останется вопросъ: кому принадлежитъ гегемонія въ самомъ правительствѣ и черезъ него въ странѣ? И когда мы говоримъ о рабочемъ правительствѣ, то этимъ мы отвѣчаемъ, что гегемонія будетъ принадлежать рабочему классу.

Конвентъ, какъ органъ якобинской диктатуры, вовсе не состоялъ изъ однихъ якобинцевъ; болѣе того, якобинцы были въ немъ даже въ меньшинствѣ. Но вліяніе санкюлотовъ за стѣнами конвента и необходимость рѣшительной политики для спасенія страны—передали власть въ руки якобинцевъ. Такимъ образомъ конвентъ, будучи формально національнымъ представительствомъ, составлявшимся якобинцами, жирондистами и огромнымъ болотомъ, былъ по существу диктатурой якобинцевъ.

Когда мы говоримъ о рабочемъ правительствѣ, мы имѣемъ въ виду господствующее и руководящее положеніе въ немъ рабочихъ представителей.

Пролетаріатъ не сможетъ упрочить свою власть, не расширивъ базы революціи.

Многіе слои трудящейся массы, особенно въ деревнѣ, будутъ впервые вовлечены въ революцію и получатъ политическую организацію лишь послѣ того, какъ авангардъ революціи, городской пролетаріатъ, станетъ у государственнаго кормила. Революціонная агитація и организація будутъ проводиться при помощи государственныхъ средствъ. Наконецъ, сама законодательная власть станетъ могучимъ орудіемъ революціонизированья народныхъ массъ.

При этомъ характеръ нашихъ соціально-историческихъ отношеній, который всю тяжесть буржуазной революціи взваливаетъ на плечи пролетаріата, создастъ для рабочаго правительства не только громадныя трудности, но, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ его существованія, дастъ ему также и неоцѣнимыя преимущества. Это скажется въ отношеніяхъ пролетаріата и крестьянства.

Въ революціяхъ 89—93 гг. и 48 г. власть сперва переходила отъ абсолютизма къ умѣреннымъ элементамъ буржуазіи; эта послѣдняя освобождала крестьянство (к а к ъ—это другой вопросъ) прежде, чѣмъ революціонная демократія получала или собиралась получить власть въ свои руки. Раскрѣпощенное крестьянство теряло всякій интересъ къ политическимъ затѣямъ «горожанъ», т. е. къ дальнѣйшему ходу революціи, и, ложась неподвижнымъ пластомъ въ основу «порядка», выдавало революцію головой цезаристской или исконно-абсолютистской реакціи.

Русская революція не даетъ и еще долго не дастъ установиться какому-нибудь буржуазно-конституціонному порядку, который могъ бы разрѣшить самыя примитивныя задачи демократіи. Что же касается реформаторовъ-бюрократовъ въ стилѣ Витте или Столыпина, то всѣ ихъ «просвѣщенныя» усилія разрушаются ихъ же собственной борьбой за существованіе. Вслѣдствіе этого судьба самыхъ элементарныхъ революціонныхъ интересовъ крестьянства—даже в с е г о крестьянства, какъ с о с л о в і я—связывается съ судьбой всей революціи, т. е. съ судьбой пролетаріата.

П р о л е т а р і а т ъ у в л а с т и п р е д с т а н е т ъ п р е д ъ к р е с т ь я н с т в о м ъ, к а к ъ к л а с с ъ-о с в о б о д и т е л ь.

Господство пролетаріата не только будетъ означать демократическое равенство, свободное самоуправленіе, перенесеніе всей тяжести налоговаго бремени на имущіе классы, раствореніе постоянной арміи въ вооруженномъ народѣ, уничтоженіе обязательныхъ

поборовъ церкви, но и признаніе всѣхъ произведенныхъ крестьянами революціонныхъ перетасовокъ (захватовъ) въ земельныхъ отношеніяхъ. Эти перетасовки пролетаріатъ сдѣлаетъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ государственныхъ мѣропріятій въ области сельскаго хозяйства. При такихъ условіяхъ русское крестьянство будетъ во всякомъ случаѣ не меньше заинтересовано въ теченіе перваго наиболѣе труднаго періода—въ поддержаніи пролетарскаго режима («рабочей демократіи»), чѣмъ французское крестьянство было заинтересовано въ поддержаніе военнаго режима Наполеона Бонапарта, гарантировавшаго новымъ собственникамъ силою штыковъ неприкосновенность ихъ земельныхъ участковъ. А это значитъ, что народное представительство, созванное подъ руководствомъ пролетаріата, заручившагося поддержкой крестьянства, явится ничѣмъ инымъ, какъ демократическимъ оформленіемъ господства пролетаріата.

Но можетъ быть само крестьянство оттѣснитъ пролетаріатъ и займетъ его мѣсто?

Это невозможно. Весь историческій опытъ протестуетъ противъ этого предположенія. Онъ показываетъ, что крестьянство совершенно неспособно къ самостоятельной политической роли [1]).

Исторія капитализма—это исторія подчиненія деревни городу. Индустріальное развитіе европейскихъ городовъ сдѣлало въ свое время невозможнымъ дальнѣйшее существованіе феодальныхъ

---

[1]) Не опровергаетъ ли фактъ возникновенія и развитія сперва «Крестьянскаго Союза», затѣмъ—Трудовой Группы въ Думѣ, этихъ и дальнѣйшихъ соображеній? Нисколько. Что представляетъ собою «Крестьянскій Союзъ»? Объединеніе нѣкоторыхъ элементовъ радикальной демократіи, ищущей массы, съ наиболѣе сознательными элементами крестьянства—повидимому, не низшихъ его слоевъ—во имя демократическаго переворота и аграрной реформы.

Что касается аграрной программы «Крестьянскаго Союза» («уравнительное землепользованіе»), составляющей смыслъ его существованія, то нужно сказать слѣдующее. Чѣмъ шире и глубже разовьется аграрное движеніе, чѣмъ скорѣе оно дойдетъ до конфискацій и раздѣловъ, тѣмъ быстрѣе разложится «Крестьянскій Союзъ» въ силу тысячи противорѣчій классовыхъ, мѣстныхъ, бытовыхъ, техническихъ. Члены его будутъ оказывать свою долю вліянія въ крестьянскихъ комитетахъ, органахъ аграрной революціи на мѣстахъ,—но ужъ, конечно, крестьянскимъ комитетамъ, хозяйственно-административнымъ учрежденіямъ, не уничтожить той политической зависимости деревни отъ города, которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ современнаго общества.

Трудовая Группа въ своемъ радикализмѣ и въ своей безформенности выражала противорѣчивость революціонныхъ стремленій крестьянства. Въ періодъ конституціонныхъ иллюзій она безпомощно шла за кадетами. Въ моментъ ликвидаціи Думы Трудовая Группа естественно оказалась подчиненной руководству соціалдемократической фракціи. Несамостоятельность крестьянскаго представительства съ особенной очевидностью проявится въ тѣ дни, когда необходима будетъ самая рѣшительная инициатива,—въ дни перехода власти въ руки революціи.

отношеній въ области земледѣльческаго производства. Но сама деревня не выдвинула такого класса, который могъ бы справиться съ революціонной задачей уничтоженія феодализма. Тотъ же городъ, который подчинилъ сельское хозяйство капиталу, выдвинулъ революціонныя силы, которыя взяли въ свои руки политическую гегемонію надъ деревней и распространили на нее революцію въ государственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи деревня окончательно попадаетъ въ экономическую кабалу къ капиталу, а крестьянство—въ политическую кабалу къ капиталистическимъ партіямъ. Онѣ возрождаютъ феодализмъ въ парламентарной политикѣ, превращая крестьянство въ свой политическій доменъ, въ мѣсто своей избирательной охоты. Современное буржуазное государство посредствомъ фиска и милитаризма толкаетъ крестьянъ въ пасть ростовщическому капиталу, а посредствомъ государственныхъ поповъ, государственной школы и казарменнаго развращенія дѣлаетъ его жертвой ростовщической политики.

Русская буржуазія сдаетъ пролетаріату всѣ революціонныя позиціи. Ей придется сдать и революціонную гегемонію надъ крестьянствомъ. При той ситуаціи, которая создастся переходомъ власти къ пролетаріату, крестьянству останется лишь присоединиться къ режиму рабочей демократіи. Пусть даже оно сдѣлаетъ это не съ большей сознательностью, чѣмъ оно обычно присоединяется къ буржуазному режиму! Но въ то время, какъ каждая буржуазная партія, овладѣвъ голосами крестьянства, спѣшитъ воспользоваться властью, чтобъ обобрать крестьянство и обмануть его во всѣхъ ожиданіяхъ и обѣщаніяхъ, а затѣмъ, въ худшемъ для себя случаѣ, уступить мѣсто другой капиталистической партіи, пролетаріатъ, опираясь на крестьянство, приведетъ въ движеніе всѣ силы для повышенія культурнаго уровня въ деревнѣ и развитія въ крестьянствѣ политическаго сознанія.

Изъ сказаннаго ясно, какъ мы смотримъ на идею «диктатуры пролетаріата и крестьянства». Суть не въ томъ, считаемъ ли мы ее принципіально-допустимой, «хотимъ» ли мы или «не хотимъ» такой формы политической кооперації. Но мы считаемъ ее неосуществимой—по крайней мѣрѣ, въ прямомъ и непосредственномъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Такого рода коалиція предполагаетъ, что либо одна изъ существующихъ буржуазныхъ партій овладѣваетъ крестьянствомъ, либо что крестьянство создаетъ самостоятельную могучую партію. Ни то ни другое, какъ мы старались показать, невозможно.

6. Пролетарскій режимъ.

Достигнуть власти пролетаріатъ можетъ только опираясь на національный подъемъ, на общенародное воодушевленіе. Пролетаріатъ вступитъ въ правительство, какъ революціонный представитель націи, какъ признанный народный вождь въ борьбѣ съ абсолютизмомъ и крѣпостнымъ варварствомъ. Но ставъ у власти, пролетаріатъ откроетъ новую эпоху—эпоху революціоннаго законодательства, положительной политики,—и здѣсь сохраненіе за нимъ роли признаннаго выразителя націи вовсе не обезпечено. Первыя мѣропріятія пролетаріата—очистка авгіевыхъ конюшенъ стараго режима и изгнаніе ихъ обитателей—встрѣтятъ дѣятельную поддержку всей націи, что бы ни говорили либеральные кастраты о прочности нѣкоторыхъ предразсудковъ народныхъ массъ.

Политическая расчистка будетъ дополняться демократической реорганизаціей всѣхъ общественныхъ и государственныхъ отношеній. Рабочему правительству придется подъ вліяніемъ непосредственныхъ толчковъ и запросовъ вмѣшиваться рѣшительно во всѣ отношенія и явленія...

Первымъ дѣломъ оно должно будетъ вышвырнуть вонъ всѣхъ запятнавшихъ себя народною кровью изъ арміи и администраціи, распустить или раскассировать наиболѣе запятнавшіе себя преступленіемъ противъ народа полки;—эту работу необходимо будетъ выполнить въ первые же дни, т. е. задолго до того, какъ возможно будетъ провести систему выборного и отвѣтственнаго чиновничества и приступить къ организаціи народной милиціи. Но вѣдь на этомъ дѣло не остановится. Предъ рабочей демократіей немедленно предстанутъ: вопросъ о нормѣ рабочаго времени, аграрный вопросъ и проблема безработицы...

Несомнѣнно одно. Каждый новый день будетъ углублять политику пролетаріата у власти и все болѣе и болѣе опредѣлять ея классовый характеръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ нарушаться революціонная связь между пролетаріатомъ и націей, классовое расчленіе крестьянства выступитъ въ политической формѣ, антогонизмъ между составными частями будетъ рости въ той мѣрѣ, въ какой политика рабочаго правительства будетъ самоопредѣляться и изъ общедемократической — становиться классовой.

Если отсутствіе сложившихся буржуазно-индивидуалистическихъ традицій и антипролетарскихъ предразсудковъ у крестьянства и интеллигенціи и поможетъ пролетаріату стать у власти, то, съ другой стороны, нужно принять во вниманіе, что это отсутствіе предразсудковъ опирается не на политическое сознаніе, а на политическое варварство, на соціальную неоформленность,

примитивность, безхарактерность. А все это такія свойства и черты, которыя никоимъ образомъ не могутъ создать надежнаго базиса для послѣдовательной активной политики пролетаріата.

Уничтоженіе сословнаго крѣпостничества встрѣтитъ поддержку всего крестьянства, какъ тяглаго сословія. Подоходно-прогрессивный налогъ встрѣтитъ поддержку огромнаго большинства крестьянства; но законодательныя мѣры въ защиту земледѣльческаго пролетаріата не только не встрѣтятъ такого активнаго сочувствія большинства, но и натолкнутся на активное сопротивленіе меньшинства.

Пролетаріатъ окажется вынужденнымъ вносить классовую борьбу въ деревню и, такимъ образомъ, нарушать ту общность интересовъ, которая несомнѣнно имѣется у всего крестьянства, но въ сравнительно узкихъ предѣлахъ. Пролетаріату придется въ ближайшіе же моменты своего господства искать опоры въ противопоставленіи деревенской бѣдноты деревенскимъ богачамъ, сельскохозяйственнаго пролетаріата—земледѣльческой буржуазіи. Но если неоднородность крестьянства представитъ затрудненія и сузитъ базисъ пролетарской политики, то недостаточная классовая дифференціація крестьянства будетъ создавать препятствія внесенію въ крестьянство развитой классовой борьбы, на которую могъ бы опереться городской пролетаріатъ. Примитивность крестьянства повернется къ пролетаріату своей враждебной стороной.

Но охлажденіе крестьянства, его политическая пассивность, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе его верхнихъ слоевъ не смогутъ остаться безъ вліянія на часть интеллигенціи и на городское мѣщанство.

Такимъ образомъ, чѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе будетъ становиться политика пролетаріата у власти, тѣмъ уже будетъ подъ нимъ базисъ, тѣмъ зыбче будетъ почва подъ его ногами. Все это крайне вѣроятно, даже неизбѣжно...

Двѣ главныя черты пролетарской политики встрѣтятъ противодѣйствіе со стороны его союзниковъ: это коллективизмъ и интернаціонализмъ.

Мелкобуржуазный характеръ и политическая примитивность крестьянства, деревенская ограниченность кругозора, оторванность отъ міровыхъ политическихъ связей и зависимостей представятъ страшное затрудненіе для упроченія революціонной политики пролетаріата у власти.

Представлять себѣ дѣло такъ, что соціалдемократія входитъ во временное правительство, руководитъ имъ въ періодъ революціонно-демократическихъ реформъ, отстаивая ихъ наиболѣе радикальный характеръ и опираясь при этомъ на организованный пролетаріатъ,—и затѣмъ, когда демократическая программа выполнена, с.-д. выходитъ изъ выстроеннаго ею зданія, уступая

мѣсто буржуазнымъ партіямъ, а сама переходитъ въ оппозицію и, такимъ образомъ, открываетъ эпоху парламентарной политики—представлять себѣ дѣло такъ значило бы компрометировать самую идею рабочаго правительства. И не потому, что это «принципіально» недопустимо—такая абстрактная постановка вопроса лишена содержанія,—а потому что это совершенно не реально, это—утопизмъ худшаго сорта, это какой-то революціонно-филистерскій утопизмъ.

И вотъ почему.

Раздѣленіе нашей программы на минимальную и максимальную имѣетъ громадное и глубоко-принципіальное значеніе при томъ условіи, что власть находится въ рукахъ буржуазіи. Именно этотъ фактъ—принадлежность власти буржуазіи—изгоняетъ изъ нашей минимальной программы всѣ требованія, которыя не примиримы съ частной собственностью на средства производства. Эти послѣднія требованія составляютъ содержаніе соціалистической революціи и ихъ предпосылкой является диктатура пролетаріата.

Но разъ власть находится въ рукахъ революціоннаго правительства съ соціалистическимъ большинствомъ, какъ тотчасъ же различіе между минимальной и максимальной программой теряетъ и принципіальное и непосредственно-практическое значеніе. Удержаться въ рамкахъ этого разграниченія пролетарское правительство никоимъ образомъ не сможетъ. Возьмемъ требованіе восьми часового рабочаго дня. Оно, какъ извѣстно, отнюдь не противорѣчитъ капиталистическимъ отношеніямъ и потому входитъ въ минимальную программу соціалдемократіи. Но представимъ себѣ картину его реальнаго проведенія въ революціонный періодъ при напряженіи всѣхъ соціальныхъ страстей. Несомнѣнно, новый законъ наткнулся бы на организованное и упорное сопротивленіе капиталистовъ—скажемъ въ формѣ локаута и закрытія фабрикъ и заводовъ. Сотни тысячъ рабочихъ оказались бы выброшенными на улицы. Что бы сдѣлало правительство? Буржуазное правительство, какъ бы радикально оно ни было, никогда не дало бы дѣлу зайти такъ далеко, ибо передъ закрытыми фабриками и заводами оно оказалось бы безсильнымъ. Оно бы вынуждено было пойти на уступки, восьми часовый рабочій день не былъ бы введенъ, возмущенія пролетаріата были бы подавлены...

При политическомъ господствѣ пролетаріата проведеніе 8-часового рабочаго дня должно привести къ совершенно другимъ послѣдствіямъ. Закрытіе фабрикъ и заводовъ капиталистами не можетъ быть, разумѣется, основаніемъ къ удлиненію рабочаго дня, для правительства, которое хочетъ опираться на пролетаріатъ, а не на капиталъ, какъ либерализмъ, и не играть роли «безпристрастнаго» посредника буржуазная демократія. Для рабочаго правительства выходъ будетъ только одинъ: экспропріація

закрытыхъ фабрикъ и заводовъ и организація на нихъ работъ за общественный счетъ.

Конечно, можно разсуждать такъ. Допустимъ, что рабочее правительство, вѣрное своей программѣ, декретируетъ 8-часовой рабочій день; если капиталъ оказываетъ противодѣйствіе, непреодолимое средствами демократической программы, предполагающей сохраненіе частной собственности,—с.-д. уходитъ въ отставку, апеллируя къ пролетаріату. Такое рѣшеніе было бы рѣшеніемъ только съ точки зрѣнія той группы, которая составляла персоналъ правительства,—но это не рѣшеніе съ точки зрѣнія пролетаріата или съ точки зрѣнія развитія самой революціи. Потому что послѣ выхода въ отставку с.-д., положеніе окажется такое же, какое было прежде и какое заставило ее взять эту власть. Бѣгство въ виду организованнаго противодѣйствія капитала будетъ еще большей измѣной революціи, чѣмъ отказъ взять въ свои руки власть: ибо, поистинѣ, лучше не входить, чѣмъ войти только для того, чтобы обнаружить свое безсиліе и уйти.

Еще примѣръ. Пролетаріатъ у власти не сможетъ не принять самыхъ энергичныхъ мѣръ для рѣшенія вопроса о безработицѣ, ибо само собою, разумѣется, что представители рабочихъ, входящіе въ составъ правительства, не смогутъ на требованія безработныхъ отвѣчать ссылкой на буржуазный характеръ революціи.

Но если только государство возьметъ на себя обезпеченіе существованія безработныхъ—для насъ сейчасъ безразлично, въ какой формѣ,—этимъ будетъ сразу совершено огромное перемѣщеніе экономической силы въ сторону пролетаріата. Капиталисты, давленіе которыхъ на пролетаріатъ всегда опиралось на фактъ существованія резервной арміи, почувствуютъ себя экономически-безсильными, а революціонное правительство обречетъ ихъ въ то же время на политическое безсиліе.

Взявъ на себя поддержку безработныхъ, государство тѣмъ самымъ беретъ на себя задачу обезпеченіе существованія стачечниковъ. Если оно этого не сдѣлаетъ, оно сразу и непоправимо подкопаетъ подъ собой устои своего существованія.

Фабрикантамъ не останется ничего другого, какъ прибѣгнуть къ локауту, т. е. къ закрытію фабрикъ. Совершенно ясно, что фабриканты дольше выдержатъ пріостановку производства, чѣмъ рабочіе,—и рабочему правительству на массовый локаутъ останется только одинъ отвѣтъ: экспропріація фабрикъ и введеніе въ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ крупнѣйшихъ, государственнаго или коммунальнаго производства.

Въ области сельскаго хозяйства аналогичныя проблемы создадутся уже самимъ фактомъ экспропріаціи земли. Никоимъ образомъ нельзя предположить, что пролетарское правительство, экспропріировавъ частновладѣльческія имѣнія съ крупнымъ произ-

водствомъ, разобьетъ ихъ на участки и продастъ для эксплуатаціи мелкимъ производителямъ; единственный путь для него— это организація кооперативнаго производства подъ коммунальнымъ контролемъ или прямо за государственный счетъ. Но это—путь соціализма.

Все это совершенно ясно показываетъ, что соціалдемократія не можетъ вступить въ революціонное правительство, давъ предварительно пролетаріату обязательство ничего не уступать изъ минимальной программы и обѣщавъ буржуазіи не переступать за предѣлы минимальной программы. Такое двустороннее обязательство было бы совершенно невыполнимымъ. Вступая въ правительство не какъ безсильные заложники, а какъ руководящая сила, представители пролетаріата тѣмъ самымъ разрушаютъ грань между минимальной и максимальной программой, т. е. ставятъ коллективизмъ въ порядокъ дня. На какомъ пунктѣ пролетаріатъ будетъ остановленъ въ этомъ направленіи, это зависитъ отъ соотношенія силъ, но никакъ не отъ первоначальныхъ намѣреній партіи пролетаріата.

Вотъ почему не можетъ быть и рѣчи о какой-то особенной формѣ пролетарской диктатуры въ буржуазной революціи, именно о демократической диктатурѣ пролетаріата (или пролетаріата и крестьянства). Рабочій классъ не сможетъ обезпечить демократическій характеръ своей диктатуры, не переступая за границы своей демократической программы. Всякія иллюзіи на этотъ счетъ были бы совершенно пагубны. Онѣ скомпрометировали бы соціалдемократію съ самаго начала.

Разъ партія пролетаріата возьметъ власть, она будетъ бороться за нее до конца. Если однимъ средствомъ этой борьбы за сохраненіе и упроченіе власти будетъ агитація и организація, особенно въ деревнѣ, то другимъ средствомъ будетъ коллективистская политика. Коллективизмъ станетъ не только неизбѣжнымъ выводомъ изъ положенія партіи у власти, но и средствомъ сохранить это положеніе, опираясь на пролетаріатъ.

Когда въ соціалистической прессѣ была формулирована идея непрерывной революціи, связывающей ликвидацію абсолютизма и гражданскаго крѣпостничества съ соціалистическимъ переворотомъ рядомъ наростающихъ соціальныхъ столкновеній, возстаній новыхъ слоевъ массы, непрекращающихся атакъ пролетаріата на политическія и экономическія привилегіи господствующихъ классовъ, наша «прогрессивная» печать подняла единодушный негодующій вой. О, она многое терпѣла, но этого не можетъ допустить. Революція, кричала она, не есть путь, который

можно «узаконять»! Примѣненіе исключительныхъ средствъ позволительно лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Цѣль освободительнаго движенія не увѣковѣчить революцію, но по возможности скорѣе ввести ее въ русло права. И т. д., и пр.

Болѣе радикальные представители той же демократіи не рискуютъ выступать противъ революціи съ точки зрѣнія уже сдѣланныхъ конституціонныхъ «завоеваній»: даже для нихъ этотъ парламентарный кретинизмъ, упредившій самое возникновеніе парламентаризма, не представляется сильнымъ орудіемъ въ борьбѣ съ революціей пролетаріата. Они избираютъ другой путь; они становятся не на почву права, а на почву того, что имъ кажется фактами,—на почву историческихъ «возможностей», — на почву политическаго «реализма»,—наконецъ... наконецъ, даже на почву «марксизма». Почему бы нѣтъ? Еще Антоніо, благочестивый буржуа Венеціи, очень мѣтко сказалъ:

«Замѣть себѣ: ссылаться можетъ чортъ
На доводы священнаго писанья»...

Они не только считаютъ фантастической самую идею рабочаго правительства въ Россіи, но и отвергаютъ возможность соціалистической революціи въ Европѣ въ ближайшую историческую эпоху. Еще нѣтъ на лицо необходимыхъ «предпосылокъ». Вѣрно ли это? Дѣло, конечно, не въ томъ, чтобъ назначить срокъ соціалистической революціи, а въ томъ, чтобы установить ее въ реальныя историческія перспективы.

---

7. Предпосылки соціализма.

Марксизмъ сдѣлалъ изъ соціализма науку. Это не мѣшаетъ инымъ «марксистамъ» дѣлать изъ марксизма утопію.

Рожковъ, выступая противъ программы соціализаціи и кооперацiи, слѣдующимъ образомъ изображаетъ «тѣ необходимыя предпосылки будущаго строя, которыя незыблемо утверждены Марксомъ». «Развѣ теперь,—говоритъ Рожковъ,—имѣется уже на лицо матеріальная объективная его предпосылка, заключающаяся въ такомъ развитіи техники, которое довело бы мотивъ личной выгоды и наличность (?) личной энергіи, предпріимчивости и риска до минимума и тѣмъ выдвинуло бы на первый планъ общественное производство; такая техника тѣснѣйшимъ образомъ связана съ почти полнымъ (!) господствомъ крупнаго производства во всѣхъ (!) отрасляхъ хозяйства, а развѣ этотъ результатъ достигнутъ? — Отсутствуетъ и психологическая, субъективная предпосылка—ростъ классового сознанія пролетаріата, доходя-

щій до духовнаго объединенія подавляющаго большинства народныхъ массъ.—Мы знаемъ,—говоритъ Рожковъ—далѣе, и теперь примѣры производительныхъ ассоціацій: таковъ, напр., извѣстный французскій стеклянный заводъ въ Альби и нѣкоторыя земледѣльческія ассоціаціи въ той же Франціи... И вотъ указанные французскіе опыты какъ нельзя лучше показываютъ, что даже хозяйственныя условія такой передовой страны, какъ Франція, недостаточно развиты, чтобы создать возможность господства кооперацій: предпріятія эти—среднихъ размѣровъ, техническій уровень ихъ—не выше обыкновенныхъ капиталистическихъ предпріятій, они не идутъ во главѣ промышленнаго развитія, не руководятъ имъ, а подходятъ къ скромному среднему уровню. Только тогда, когда отдѣльные опыты производительныхъ ассоціацій укажутъ на ихъ руководящую роль въ хозяйственной жизни,—только тогда мы близки къ новому строю, только тогда мы можемъ быть увѣрены, что сложились необходимыя предпосылки для его осуществленія» [1]).

Уважая добрыя намѣренія т. Рожкова, мы съ огорченіемъ должны, однако, признать, что даже въ буржуазной литературѣ намъ рѣдко приходилось встрѣчать бо́льшую путаницу по части такъ называемыхъ предпосылокъ соціализма. На этой путаницѣ стоитъ остановиться,—если не ради Рожкова, то ради вопроса.

Рожковъ заявляетъ, что теперь еще нѣтъ «такого развитія техники, которое довело бы мотивъ личной выгоды и наличности (?) личной энергіи, предпріимчивости и риска до минимума и тѣмъ выдвинуло бы на первый планъ общественное производство». Смыслъ этой фразы открыть не легко. Повидимому, все же, т. Рожковъ хочетъ сказать, что, во-первыхъ, современная техника еще недостаточно вытѣснила изъ промышленности живой человѣческій трудъ; что, во-вторыхъ, такое вытѣсненіе предполагаетъ «почти» полное господство крупныхъ предпріятій во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, и, значитъ, «почти» полную пролетаризацію всего населенія страны.

Таковы двѣ предпосылки, якобы «незыблемо установленныя Марксомъ».

Попытаемся представить себѣ ту картину капиталистическихъ отношеній, которую застанетъ соціализмъ по методу Рожкова. «Почти полное господство крупныхъ предпріятій во всѣхъ отрасляхъ промышленности» при капитализмѣ означаетъ, какъ уже сказано, пролетаризацію всѣхъ мелкихъ и среднихъ производителей въ области земледѣлія и индустріи, т.-е. превращеніе всего населенія въ пролетарское. Но полное господство машинной техники на этихъ крупныхъ предпріятіяхъ доводитъ до минимума

[1]) Н. Рожковъ. «Къ аграрному вопросу», стр. 21 и 22.

потребленіе живого труда, и, такимъ образомъ, огромное большинство населенія страны, надо думать процентовъ 90, превращается въ резервную армію, которая живетъ на государственный счетъ въ работныхъ домахъ. Мы взяли процентовъ 90, но ничто не мѣшаетъ намъ быть логичными и представить себѣ такое состояніе, при которомъ все производство представляетъ собой единый автоматическій механизмъ, принадлежащій единому синдикату и требующій въ качествѣ живого труда только одного дрессированнаго орангъ-утанга. Это какъ извѣстно и есть ослѣпительно-послѣдовательная теорія Туганъ-Барановскаго. При такихъ условіяхъ «общественное производство» не только выдвигается «на первый планъ», но овладѣваетъ всѣмъ полемъ; мало того, наряду съ нимъ и притомъ совершенно естественно организуется и общественное потребленіе, такъ какъ, очевидно, что вся нація, кромѣ 10% треста, будетъ жить на общественный счетъ въ работныхъ домахъ. Такимъ образомъ изъ-за спины т. Рожкова намъ улыбается хорошо знакомое намъ лицо г. Туганъ-Барановскаго.—Дальше наступаетъ соціализмъ: населеніе выходитъ изъ работныхъ домовъ и экспропріируетъ группу экспропріаторовъ. Ни революціи, ни диктатуры пролетаріата при этомъ, разумѣется, не понадобится.

Второй, экономическій признакъ зрѣлости страны для соціализма, по Рожкову, это возможность господства въ ней кооперативнаго производства. Даже во Франціи кооперативный заводъ въ Альби не выше другихъ капиталистическихъ предпріятій. Соціалистическое производство станетъ возможнымъ лишь тогда, когда кооперативы окажутся во главѣ промышленнаго развитія, какъ руководящія предпріятія.

Все разсужденіе съ начала до конца вывернуто на изнанку. Кооперативы не могутъ стать во главѣ промышленнаго развитія не потому, что хозяйственное развитіе еще недостаточно подвинулось впередъ, а потому что оно слишкомъ далеко подвинулось впередъ. Несомнѣнно, экономическое развитіе создаетъ почву для кооперацiи,—но для какой? Для капиталистической кооперацiи, основанной на наемномъ трудѣ,—каждая фабрика представляетъ картину такой капиталистической кооперацiи. Съ развитіемъ техники растетъ и значеніе этихъ кооперацій.—Но какимъ образомъ развитіе капитализма можетъ дать мѣсто «во главѣ промышленности» товарищескимъ предпріятіямъ. На чемъ основываетъ т. Рожковъ свои надежды на то, что кооперацiи оттѣснятъ синдикаты и тресты и займутъ ихъ руководящее мѣсто во главѣ промышленнаго развитія? Очевидно, что еслибъ это случилось, то кооперацiи должны были бы далѣе чисто автоматически экспропріировать всѣ капиталистическія предпріятія, послѣ чего имъ оставалось бы соотвѣтственно понизить ра-

бочій день, чтобы дать работу всѣмъ гражданамъ, и установить соотвѣтствіе размѣровъ производства въ разныхъ отрасляхъ, чтобы избѣжать кризисовъ. Этимъ путемъ соціализмъ оказался бы установленнымъ въ своихъ основныхъ чертахъ. Опять-таки ясно, что ни въ революціи, ни въ диктатурѣ рабочаго класса совершенно не представилось бы никакой нужды.

Третья предпосылка—психологическая: необходимъ «ростъ классового сознанія пролетаріата, доходящій до духовнаго объединенія подавляющаго большинства народныхъ массъ». Такъ какъ подъ духовнымъ объединеніемъ, очевидно, нужно въ данномъ случаѣ понимать сознательную соціалистическую солидарность, значитъ т. Рожковъ считаетъ, что психологической предпосылкой соціализма является объединеніе въ рядахъ соціалдемократіи «подавляющаго большинства народныхъ массъ». Такимъ образомъ, Рожковъ, очевидно, полагаетъ, что капитализмъ, ввергающій мелкихъ производителей въ ряды пролетаріата, а массы пролетаріевъ—въ ряды резервной арміи, дастъ соціалдемократіи возможность духовно объединить и просвѣтить подавляющее большинство (процентовъ 90?) народныхъ массъ.

Это такъ же мало осуществимо въ мірѣ капиталистическаго варварства, какъ и господство кооперації въ царствѣ капиталистической конкуренціи. Но еслибъ это было осуществимо, то, естественно, что сознательно и духовно объединенное «подавляющее большинство» націи безъ всякихъ затрудненій сняло бы немногихъ магнатовъ капитала и организовало бы соціалистическое хозяйство безъ всякой революцій и диктатуръ.

Передъ нами невольно встаетъ слѣдующій вопросъ. Рожковъ считаетъ себя ученикомъ Маркса. А между тѣмъ Марксъ, излагавшій въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» «незыблемыя предпосылки соціализма», смотрѣлъ на революцію 48 г., какъ на непосредственный прологъ соціалистической революціи. Конечно, теперь, черезъ 60 лѣтъ, не нужно много проницательности, чтобъ увидѣть, что Марксъ ошибся, ибо капиталистическій міръ, какъ мы знаемъ, существуетъ. Но какъ могъ Марксъ такъ ошибиться? Развѣ онъ не видѣлъ, что крупныя предпріятія еще не господствуютъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности? Что производительныя товарищества еще не стоятъ во главѣ крупныхъ предпріятій? Что подавляющее большинство народа еще не объединено на почвѣ идей «Коммунистическаго Манифеста»? Если мы видимъ, что всего этого нѣтъ и теперь, то какъ же Марксъ не видѣлъ, что ничего подобнаго не было въ 48 году?—По истинѣ Марксъ 48-го года—это утопическій младенецъ предъ лицомъ многихъ нынѣшнихъ безошибочныхъ автоматовъ марксизма!..

Мы видимъ, такимъ образомъ, что т. Рожковъ, отнюдь не принадлежащій къ критикамъ Маркса, тѣмъ не менѣе совершенно

уничтожаетъ пролетарскую революцію, какъ необходимую предпосылку соціализма. Такъ какъ Рожковъ только черезчуръ послѣдовательно выразилъ воззрѣнія раздѣляемыя немалымъ числомъ марксистовъ въ обоихъ теченіяхъ нашей партіи, то слѣдуетъ остановиться на принципіальныхъ, методологическихъ основахъ его заблужденій.

Нужно, впрочемъ, оговориться, что соображенія Рожкова о судьбѣ кооперацій представляютъ его индивидуальную собственность. Мы лично нигдѣ и никогда не встрѣчали соціалистовъ, которые, съ одной стороны, вѣрили бы въ такой простой неотразимый ходъ концентраціи производства и пролетаризаціи народныхъ массъ, и въ тоже время питали бы вѣру въ руководящую роль производительныхъ товариществъ до пролетарской революціи. Соединеніе этихъ двухъ предпосылокъ въ экономической эволюціи гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ соединеніе въ одной головѣ; хотя и это послѣднее намъ всегда казалось невозможнымъ.

Но мы остановимся на двухъ другихъ «предпосылкахъ», формулирующихъ болѣе типическіе предразсудки.

Несомнѣнно, что предпосылками соціализма являются и развитіе техники и концентрація производства и ростъ сознанія массъ. Но всѣ эти процессы совершаются одновременно и не только подталкиваютъ и подгоняютъ другъ друга, но и задерживаютъ и о г р а н и ч и в а ю т ъ другъ друга. Каждый изъ этихъ процессовъ высшаго порядка требуетъ извѣстнаго развитія другого процесса низшаго порядка,—но полное развитіе каждаго изъ нихъ непримиримо съ полнымъ развитіемъ другихъ.

Развитіе техники имѣетъ, безспорно, своимъ идеальнымъ предѣломъ единый автоматическій механизмъ, который захватываетъ сырые матеріалы изъ нѣдръ природы и выбрасываетъ къ ногамъ человѣка готовые предметы потребленія. Еслибъ существованіе капитализма не было ограничено классовыми отношеніями и вытекающей изъ нихъ революціонной борьбой, то мы имѣли бы право предположить, что техника, приблизившись къ идеалу единаго автоматическаго механизма въ рамкахъ капиталистическаго хозяйства, тѣмъ самымъ автоматически упразднитъ капитализмъ.

Концентрація производства, вытекающая изъ законовъ конкурренціи, имѣетъ своей внутренней тенденціей пролетаризацію всего населенія. И, изолировавъ эту тенденцію, мы имѣли бы право предположить, что капитализмъ доведетъ свое дѣло до конца, еслибъ процессъ пролетаризаціи не былъ прерванъ революціоннымъ переворотомъ, неизбѣжнымъ при извѣстномъ соотношеніи классовыхъ силъ—задолго до того, какъ онъ превратитъ большинство населенія въ резервную армію, населяющую тюремныя общежитія.

Далѣе. Ростъ сознанія, благодаря опыту повседневной борьбы и

сознательнымъ усиліямъ соціалистическихъ партій, несомнѣнно идетъ поступательно впередъ,—и, изолировавъ этотъ процессъ, мы можемъ мысленно довести его до того момента, когда подавляющее большинство народа будетъ охвачено профессіональными и политическими организаціями, объединено чувствомъ солидарности, и единствомъ цѣли. И еслибъ этотъ процессъ дѣйствительно могъ наростать количественно, не измѣняясь качественно, то соціализмъ могъ бы быть осуществленъ мирно, путемъ единодушнаго сознательнаго акта гражданъ XXI или XXII столѣтій.

Но вся суть въ томъ, что эти процессы, исторически предпосылаемые соціализму, не развиваются изолированно, но ограничиваютъ друга друга и достигши извѣстнаго момента, опредѣляемаго многими обстоятельствами, но во всякомъ случаѣ очень далекаго отъ ихъ математическаго предѣла, качественно перерождаются и въ своей сложной комбинаціи создаютъ то, что мы понимаемъ подъ именемъ соціальной революціи.

Начнемъ съ послѣдняго процесса, роста сознанія. Онъ совершается, какъ извѣстно, не въ академіяхъ, въ которыхъ пролетаріатъ можно искусственно задержать въ теченіе 50, 100, 500 лѣтъ, но въ живущемъ полной жизнью капиталистическомъ обществѣ, на основѣ непрерывной классовой борьбы. Ростъ сознанія пролетаріата преобразуетъ эту классовую борьбу, придаетъ ей болѣе глубокій, принципіальный характеръ и вызываетъ соотвѣтственную реакцію господствующихъ классовъ. Борьба пролетаріата съ буржуазіей имѣетъ свою логику, которая, все болѣе и болѣе обостряясь, доведетъ дѣло до развязки гораздо раньше, чѣмъ крупныя предпріятія, начнутъ всецѣло господствовать во всѣхъ отрасляхъ хозяйства.

Далѣе, само собою разумѣется, что ростъ политическаго сознанія опирается на ростъ численности пролетаріата,—причемъ пролетарская диктатура, предполагаетъ, что пролетаріатъ достигъ такой численности, что можетъ преодолѣть сопротивленіе буржуазной контръ-революціи. Это вовсе не значитъ, однако, что «подавляющее большинство» населенія должно состоять изъ пролетаріевъ, а «подавляющее большинство» пролетаріата изъ сознательныхъ соціалистовъ. Во всякомъ случаѣ ясно, что сознательно-революціонная армія пролетаріата должна быть сильнѣе контръ-революціонной арміи капитала; тогда какъ промежуточные сомнительные или индифферентные слои населенія должны находиться въ такомъ положеніи, чтобъ режимъ пролетарской диктатуры привлекалъ ихъ на сторону революціи, а не толкалъ въ ряды ея враговъ. Разумѣется, политика пролетаріата должна сознательно сообразоваться съ этимъ.

Все это предполагаетъ, въ свою очередь, гегемонію индустріи надъ земледѣліемъ и преобладаніе города надъ деревней.

Попробуемъ разсмотрѣть предпосылки соціализма въ порядкѣ убывающей общности и возрастающей сложности.

1. Соціализмъ не есть только вопросъ равномѣрнаго распредѣленія, но и вопросъ планомѣрнаго производства. Соціалистическое, т.-е. кооперативное производство въ большихъ размѣрахъ возможно лишь при условіи такого развитія производительныхъ силъ, которое дѣлаетъ крупное предпріятіе болѣе производительнымъ, чѣмъ мелкое. Чѣмъ выше перевѣсъ крупнаго предпріятія надъ мелкимъ, т.-е. чѣмъ развитѣе техника, тѣмъ больше должны быть хозяйственныя выгоды отъ соціализаціи производства, тѣмъ выше, слѣдовательно, долженъ быть культурный уровень всего населенія при равномѣрномъ распредѣленіи, основанномъ на планомѣрномъ производствѣ.

Эта первая объективная предпосылка соціализма имѣется на лицо уже давно. Съ тѣхъ поръ, какъ общественное раздѣленіе труда привело къ раздѣленію труда въ мануфактурѣ; еще въ большей мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ мануфактура стала смѣняться фабрикой, примѣняющей систему машинъ,—крупное предпріятіе становилось все болѣе и болѣе выгоднымъ, а значитъ и соціализація крупнаго предпріятія должна была дѣлать общество все болѣе и болѣе богатымъ. Ясно, что переходъ всѣхъ ремесленныхъ мастерскихъ въ общую собственность всѣхъ ремесленниковъ нисколько не обогатилъ бы ихъ; тогда какъ переходъ мануфактуры въ общую собственность ея частичныхъ рабочихъ, или переходъ фабрики въ руки наемныхъ производителей, или лучше сказать, переходъ всѣхъ средствъ крупнаго фабричнаго производства въ руки всего населенія несомнѣнно поднялъ бы его матеріальный уровень,—и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ высшей ступени достигло крупное производство.

Въ соціалистической литературѣ цитировалось предложеніе члена англійской палаты общинъ Беллерса, который за сто лѣтъ до заговора Бабефа, именно въ 1696 г., внесъ въ парламентъ проектъ объ организаціи кооперативныхъ товариществъ, самостоятельно удовлетворяющихъ всѣмъ своимъ потребностямъ. По вычисленіямъ англичанина такой производительный коллективъ долженъ былъ состоять изъ 200—300 человѣкъ. Мы не можемъ здѣсь заняться провѣркой его выводовъ—да это для насъ и не существенно—важно лишь то, что коллективистское хозяйство, хотя бы только въ размѣрѣ 100, 200, 300 или 500 человѣкъ, представляло уже въ концѣ XVII вѣка производственныя выгоды.

Въ началѣ XIX в. Фурье проектировалъ производственно-потребительныя ассоціаціи, фаланстеры, въ 2.000—3.000 человѣкъ каждая. Разсчеты Фурье никоимъ образомъ не отличались точностью; но во всякомъ случаѣ развитіе мануфактурной системы къ его времени подсказывало ему уже несравненно болѣе обшир-

ные размѣры для хозяйственныхъ коллективовъ, чѣмъ въ приведенномъ выше примѣрѣ. Ясно, однако, что какъ ассоціаціи Джона Беллерса, такъ и фаланстеры Фурье гораздо ближе по своему характеру къ свободнымъ хозяйственнымъ общинамъ, о которыхъ мечтаютъ анархисты и утопичность которыхъ состоитъ не въ томъ, что онѣ вообще «невозможны» или «противоестественны» (коммунистистическія общины Америки доказали, что онѣ возможны), а въ томъ, что онѣ отстали отъ хода экономическаго развитія на 100—200 лѣтъ.

Развитіе общественнаго раздѣленія труда, съ одной стороны, машиннаго производства, съ другой, привело къ тому, что въ настоящее время единственный кооперативъ, который можетъ использовать въ широкихъ размѣрахъ выгоды коллективистскаго хозяйства—это государство. Да и въ замкнутыхъ границахъ отдѣльныхъ государствъ соціалистическое производство уже не могло бы вмѣститься—какъ по экономическимъ, такъ и по политическимъ причинамъ.

Атлантикусъ, нѣмецкій соціалистъ, не стоящій на точкѣ зрѣнія Маркса, вычислилъ въ концѣ прошлаго столѣтія экономическія выгоды соціалистическаго хозяйства въ примѣненіи къ такой единицѣ, какъ Германія. Антлантикусъ меньше всего отличается полетомъ фантазіи; его мысль вообще движется въ коллеѣ хозяйственной рутины капитализма, онъ опирается на авторитетныхъ писателей нынѣшней агрономіи и технологіи,—и въ этомъ не только его слабая, но его и сильная сторона, такъ какъ она во всякомъ случаѣ обезпечиваетъ его отъ неумѣреннаго оптимизма. Такъ или иначе, Антлантикусъ приходитъ къ выводу, что при цѣлесообразной организаціи соціалистическаго хозяйства, подъ условіемъ использованія техническихъ средствъ середины 90-хъ годовъ XIX вѣка, доходъ рабочаго можетъ быть увеличенъ вдвое или втрое, а рабочее время уменьшено до половины нынѣшняго размѣра.

Не нужно, разумѣется, думать, что Атлантикусъ впервые доказалъ выгодность соціализма: высшая производительность труда въ крупныхъ хозяйствахъ, съ одной стороны, необходимость планомѣрности производства, доказываемая кризисами, съ другой стороны, свидѣтельствовали о хозяйственныхъ преимуществахъ соціализма гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ соціалистическая бухгалтерія Атлантикуса. Его заслуга состоитъ лишь въ томъ, что онъ выразилъ это преимущество въ приблизительныхъ цифровыхъ отношеніяхъ.

Изъ всего сказаннаго мы имѣемъ право сдѣлать тотъ выводъ, что если дальнѣйшее возрастаніе техническаго могущества человѣка дѣлаетъ соціализмъ все болѣе и болѣе выгоднымъ, то достаточныя техническія предпосылки для коллективистскаго про-

изводства—въ тѣхъ или иныхъ размѣрахъ — имѣются уже въ теченіе одного-двухъ столѣтій, а въ настоящее время соціализмъ технически выгоденъ не только въ государственныхъ, но въ огромной мѣрѣ и въ міровыхъ размѣрахъ.

Однихъ техническихъ преимуществъ соціализма, однако, совершенно недостаточно для его осуществленія. Въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ крупное производство проявляло свои преимущества—не въ соціалистической, а въ капиталистической формѣ. Ни проектъ Беллерса, ни проектъ Фурье не были осуществлены. Почему? Потому, что не нашлось въ то время соціальной силы, готовой и способной ихъ осуществить.

2. Тутъ мы отъ производственно-технической предпосылки переходимъ къ соціально-экономической,—менѣе общей, но болѣе сложной. Еслибъ мы имѣли дѣло не съ антагонистическимъ классовымъ обществомъ, а съ однороднымъ товариществомъ, которое сознательно выбираетъ для себя систему хозяйства, тогда, несомнѣнно, однихъ вычисленій Атлантикуса было бы совершенно достаточно, чтобы приступить къ соціалистическому строительству. Самъ Атлантикусъ, соціалистъ очень вульгарнаго типа, такъ именно и смотритъ на свой трудъ.

Такая точка зрѣнія при настоящихъ условіяхъ могла бы быть примѣнима лишь въ предѣлахъ частнаго хозяйства, единоличнаго или акціонернаго. Всегда можно предполагать, что любой проектъ хозяйственныхъ реформъ (введеніе новыхъ машинъ, новыхъ сырыхъ матеріаловъ, иного распорядка работъ, иной системы вознагражденія) будетъ принятъ владѣльцемъ, если только проектъ этотъ съ несомнѣнностью обнаруживаетъ коммерческую выгодность реформы. Но поскольку мы имѣемъ дѣло съ общественнымъ хозяйствомъ, этого одного уже недостаточно. Тутъ борются враждебные интересы. Что выгодно одному, то невыгодно другому. Классовый эгоизмъ выступаетъ не только противъ классоваго эгоизма, но и противъ выгодъ цѣлаго. Слѣдовательно, для осуществленія соціализма необходимо, чтобы въ средѣ антагонистическихъ классовъ капиталистическаго общества имѣлась на лицо соціальная сила, по своему объективному положенію заинтересованная въ осуществленіи соціализма, и, по своему могуществу, способная осуществить его, преодолѣвъ враждебныя интересы и противодѣйствія.

Одна изъ основныхъ заслугъ научнаго соціализма состоитъ именно въ томъ, что онъ теоретически открылъ такую соціальную силу въ лицѣ пролетаріата и показалъ, что этотъ классъ, неизбѣжно растущій вмѣстѣ съ капитализмомъ, можетъ найти свое спасеніе только въ соціализмѣ; что всѣмъ своимъ положеніемъ онъ толкается къ соціализму, и что доктрина соціализма

въ капиталистическомъ обществѣ не можетъ не стать въ концѣ концовъ идеологіей пролетаріата.

Легко понять, поэтому, какой колоссальный шагъ назадъ отъ марксизма дѣлаетъ Атлантикусъ, когда увѣряетъ, что разъ доказано, что «при переходѣ средствъ производства въ руки государства не только можетъ быть достигнуто всеобщее благосостояніе, но еще сократится рабочее время, то совершенно безразлично оправдывается ли теорія концентраціи капиталовъ, исчезновенія промежуточныхъ слоевъ населенія или нѣтъ»...

Разъ доказана выгодность соціализма, «тогда незачѣмъ, по мнѣнію Атлантикуса, возлагать всѣ свои надежды на фетишъ хозяйственнаго развитія, а слѣдуетъ предпринять обширныя изслѣдованія и приступить (!) къ всесторонней и тщательной подготовкѣ перехода отъ частнаго къ государственному или «общественному» производству» [1]).

Возражая противъ чисто опозиціонной тактики с.-д. и предлагая немедленно «приступить» къ подготовкѣ соціалистическаго преобразованія, Атлантикусъ забываетъ, что с.-д. еще не имѣетъ для этого необходимой власти, а Вильгельмъ II, Бюловъ и большинство германскаго рейхстага, хотя и имѣютъ въ рукахъ власть, но отнюдь не намѣрены приступать къ проведенію соціализма. Соціалистическій проектъ Атлантикуса такъ же мало убѣдителенъ для Гогенцоллерновъ, какъ проектъ Фурье для реставрированныхъ Бурбоновъ,—хотя послѣдній опирался въ своемъ политическомъ утопизмѣ на пламенную фантазію въ области хозяйственнаго творчества, а Атлантикусъ—въ своемъ отнюдь не меньшемъ политическомъ утопизмѣ опирается на убѣдительную филистерски-трезвую бухгалтерію.

Каковъ же долженъ быть уровень соціальной дифференціаціи для того, чтобы вторая предпосылка имѣлась на лицо? Иначе сказать, какова должна быть относительная численность пролетаріата? Долженъ ли онъ составлять половину населенія, двѣ трети, или девять десятыхъ?

Совершенно безнадежнымъ предпріятіемъ было бы стремленіе намѣтить голыя ариѳметическія рамки этой второй предпосылки соціализма. Прежде всего при такомъ схематизмѣ выступилъ бы вопросъ, кого отнести къ пролетаріату: причислять ли къ нему обширный слой полупролетаріевъ-полукрестьянъ? Причислять ли резервныя массы городскихъ пролетаріевъ, которые, съ одной стороны, переходятъ въ паразитическій пролетаріатъ нищихъ и воровъ, а, съ другой, наполняютъ собою городскія улицы въ роли мелкихъ торговцевъ, играющихъ паразитическую роль по отношенію къ хозяйственному цѣлому? Этотъ вопросъ далеко не такъ простъ.

[1]) Антлантикусъ: «Государство будущаго», изд. книгоиз. «Дѣло», С.-Пб., 1906 г., стр. 22 и 23.

Значеніе пролетаріата опирается всецѣло на его роль въ крупномъ производствѣ. Буржуазія въ своей борьбѣ за политическое господство опирается на свое экономическое могущество. Прежде чѣмъ она успѣваетъ взять въ свои руки государственную власть, она сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ средства производства страны; это и опредѣляетъ ея удѣльный вѣсъ. Пролетаріатъ же, вопреки кооперативистскимъ фантасмагоріямъ, вплоть до соціалистической революціи будетъ лишенъ средствъ производствъ. Его соціальное могущество вытекаетъ изъ того, что средства производства, находящіяся въ рукахъ буржуазіи, могутъ быть приведены въ движеніе только имъ пролетаріатомъ. Съ точки зрѣнія буржуазіи пролетаріатъ является также однимъ изъ средствъ производства, составляющимъ въ соединеніи съ другими единый цѣльный механизмъ; но пролетаріатъ есть единственная не-автоматическая часть этого механизма, и несмотря на всѣ усилія, ее нельзя довести до состоянія автоматизма. Такое положеніе даетъ возможность пролетаріату пріостановить по своей волѣ правильное функціонированіе общественнаго хозяйства—въ части или въ цѣломъ (частныя или общія стачки).

Отсюда ясно, что значеніе пролетаріата—при одинаковой численности — тѣмъ выше, чѣмъ бо́льшую массу производительныхъ силъ онъ приводитъ въ движеніе: пролетарій крупной фабрики представляетъ—при прочихъ равныхъ условіяхъ—бо́льшую соціальную величину, чѣмъ ремесленный рабочій, пролетарій города—бо́льшую величину, чѣмъ пролетарій деревни. Другими словами, политическая роль пролетаріата тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе крупное производство господствуетъ надъ мелкимъ, индустрія—надъ земледѣліемъ, городъ—надъ деревней.

Если мы возьмемъ ту эпоху исторіи Германіи или Англіи, когда ея пролетаріатъ составлялъ такую же долю націи, какую теперь составляетъ пролетаріатъ Россіи, то мы увидимъ, что онъ не только не игралъ, но по своему объективному значенію и не могъ играть той роли, какую теперь играетъ нашъ рабочій классъ.

Это же самое, какъ мы видѣли, можно сказать относительно роли города. Когда городское населеніе составляло въ Германіи лишь 15%, какъ у насъ, тогда и рѣчи не могло быть о такой роли германскихъ городовъ въ общей экономической и политической жизни страны, какую играютъ наши города. Сосредоточеніе крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ учрежденій въ городахъ и соединеніе городовъ съ провинціей системой желѣзныхъ дорогъ дали городамъ значеніе, далеко превосходящее простой объемъ ихъ населенія, причемъ ростъ ихъ значенія далеко обгонялъ ростъ численности ихъ населенія, въ то время, какъ ростъ ихъ жителей, въ свою очередь, обгонялъ естественный приростъ всего населенія... Если въ Италіи, въ 48 году, число ремесленни-

ковъ—не только пролетаріевъ, но и самостоятельныхъ хозяевъ—составляло около 15% всего населенія, т.-е. не меньше чѣмъ ремесленниковъ и пролетаріевъ въ нынѣшней Россіи, то роль ихъ была несравненно ниже роли русскаго промышленнаго пролетаріата.

Изъ всего сказаннаго ясно, что предопредѣлять, какую часть всего населенія долженъ составитъ пролетаріатъ къ моменту завладѣнія государственной властью значитъ заниматься безплодной работой. Вмѣсто этого мы приведемъ нѣсколько примѣрныхъ данныхъ, чтобъ показать, какую часть населенія составляетъ пролетаріатъ въ настоящее время въ передовыхъ странахъ.

Въ 1895 г. въ Германіи изъ общаго числа $20^1/_2$ милліоновъ промысловаго населенія (не считая арміи, государственныхъ чиновниковъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій) на долю пролетаріата приходилось $12^1/_2$ милліоновъ (считая наемныхъ рабочихъ земледѣлія, индустріи, торговли, а также домашнюю прислугу); собственно земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ насчитывалось $10^3/_4$ мил. Что касается остальныхъ 8 милліоновъ душъ, то изъ нихъ очень многіе по существу являются пролетаріями (домашняя индустрія, работающіе члены семей и пр.). Число наемныхъ рабочихъ только въ земледѣліи охватывало $5^3/_4$ милліона. Все сельское населеніе составляло около 36% населенія страны. Эти цифры, повторяемъ, относятся къ 1895 году. За протекшія 11 лѣтъ произошли, безспорно, огромныя измѣненія—и въ общемъ въ одномъ направленіи: отношеніе городского населенія къ сельскому увеличилось (въ 1882 г. сельское населеніе составляло 42%), увеличилось отношеніе всего пролетаріата ко всему населенію индустріальнаго пролетаріата—къ сельскохозяйственному, наконецъ на каждаго индустріальнаго пролетарія приходится больше производительнаго капитала, чѣмъ въ 1895 г. Но и данныя 95 года показываютъ, что германскій пролетаріатъ давно уже составляетъ господствующую производительную силу страны.

Бельгія съ ея семимилліоннымъ населеніемъ представляетъ собою чисто индустріальную страну. На 100 лицъ, занятыхъ какой-либо профессіональной дѣятельностью, 41 приходится на долю промышленности въ тѣсномъ смыслѣ и лишь 21 на долю земледѣлія. На три слишкомъ милліона душъ самодѣятельнаго населенія приходится около 1.800.000 душъ пролетаріата; т. е. около 60%. Эти числа стали бы еще краснорѣчивѣе, еслибы къ рѣзко дифференцированному пролетаріату присоединить родственные ему соціальные элементы: производителей, «самостоятельныхъ» по формѣ, но въ дѣйствительности закабаленныхъ капиталу, мелкихъ чиновниковъ, солдатъ и т. п.

Но первое мѣсто въ смыслѣ индустріализаціи хозяйства и

пролетаризаціи населенія принадлежитъ безспорно Англіи. Въ 1901 г. число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ и въ рыболовствѣ составляло 2,3 милліона, тогда какъ индустрія, торговля и транспортъ охватывали 12,5 милліоновъ душъ.

Такимъ образомъ, въ главныхъ европейскихъ странахъ городское населеніе главенствуетъ надъ сельскимъ по своей численности. Но главенство его неизмѣримо выше не только по массѣ представляемыхъ имъ производительныхъ силъ, но и по его личному качественному составу. Городъ отвлекаетъ къ себѣ наиболѣе энергичные, способные и интеллигентные элементы деревни. Показать это статистически трудно. Хотя косвенное подтвержденіе этому даетъ возрастный составъ городского и сельскаго населенія, имѣющій притомъ и самостоятельное значеніе. Такъ, въ 1895 г. въ Германіи считалось 8 мил. человѣкъ, занятыхъ въ сельскохозяйственномъ производствѣ, и 8 мил., занятыхъ въ индустріи. Но если разбить населеніе по возрастнымъ группамъ, то окажется, что сельское хозяйство уступаетъ индустріи на милліонъ наиболѣе работоспособныхъ силъ въ возрастѣ 14—40 лѣтъ. Это показываетъ, что въ деревнѣ остается преимущественно «старый да малый».

Въ результатѣ всѣхъ приведенныхъ выше соображеній мы можемъ притти къ тому выводу, что экономическая эволюція— ростъ индустріи, ростъ крупныхъ предпріятій, ростъ городовъ, ростъ пролетаріата вообще и индустріальнаго въ особенности— уже подготовила арену не только для борьбы пролетаріата за государственную власть, но и для завоеванія этой власти.

3. Тутъ мы переходимъ къ третьей предпосылкѣ соціализма, къ диктатурѣ пролетаріата.

Политика это та плоскость, гдѣ объективныя предпосылки пересѣкаются съ субъективными. На почвѣ опредѣленныхъ техническихъ и соціально-экономическихъ условій классъ ставитъ себѣ сознательно опредѣленную задачу, завоеваніе власти, объединяетъ свои силы, взвѣшиваетъ силы противника, оцѣниваетъ обстоятельства.

Однако, и въ этой третьей области пролетаріатъ не абсолютно свободенъ; кромѣ субъективныхъ моментовъ: сознательности, готовности, иниціативы, которые тоже имѣютъ логику своего развитія, пролетаріатъ сталкивается въ своей политикѣ съ цѣлымъ рядомъ объективныхъ моментовъ, каковы: политика господствующихъ классовъ, существующія государственныя учрежденія (армія, классовая школа, государственная церковь), международныя отношенія и пр.

Остановимся прежде всего на субъективномъ моментѣ—подготовленности пролетаріата къ соціалистическому перевороту.

Безспорно: недостаточно того, чтобы уровень техники дѣлалъ соціалистическое хозяйство выгоднымъ съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда. Недостаточно и того, чтобы развившаяся на основѣ этой техники соціальная дифференціація создала пролетаріатъ, какъ главный по численности и хозяйственной роли классъ, объективно заинтересованный въ соціализмѣ. Нужно еще, чтобы этотъ классъ созналъ свой объективный интересъ. Нужно, чтобъ онъ понялъ, что для него нѣтъ выхода внѣ соціализма, нужно, чтобъ онъ сплотился въ армію, достаточно могущественную для завоеванія государственной власти въ открытой борьбѣ.

Было бы въ настоящее время нелѣпостью отрицать необходимость такой подготовки пролетаріата; только старые бланкисты могли надѣяться на спасительную иниціативу заговорщической организаціи, сложившейся независимо отъ массъ, или ихъ антиподы—анархисты могутъ надѣяться на самопроизвольный стихійный взрывъ массъ, который неизвѣстно чѣмъ разрѣшится; соціалдемократія говоритъ о завоеваніи власти, какъ о сознательномъ дѣйствіи революціоннаго класса.

Но многіе соціалисты-идеологи (идеологи въ дурномъ смыслѣ этого слова—изъ тѣхъ, что все опрокидываютъ на голову) говорятъ о подготовкѣ пролетаріата къ соціализму въ смыслѣ его моральнаго перерожденія. Пролетаріатъ и даже вообще «человѣчество» должно предварительно совлечь съ себя свою старую эгоистическую природу, въ общественной жизни должны получить преобладаніе побужденія альтруизма и пр. Такъ какъ въ настоящее время мы еще очень далеки отъ такого состоянія, и такъ какъ «человѣческая природа» измѣняется крайне медленно, то наступленіе соціализма отодвигается на рядъ столѣтій. Такой взглядъ кажется очень реалистическимъ, эволюціоннымъ и пр. Но на самомъ дѣлѣ онъ весь созданъ изъ плоскихъ моралистическихъ соображеній.

Предполагается, что соціалистическая психологія должна быть усвоена прежде, чѣмъ наступитъ соціализмъ; другими словами, предполагается, что на основѣ капиталистическихъ отношеній возможно привить массамъ соціалистическую психологію. Не нужно при этомъ смѣшивать сознательнаго стремленія къ соціализму съ соціалистической психологіей. Послѣдняя предполагаетъ отсутствіе эгоистическихъ побужденій въ сферѣ экономической жизни; стремленіе же къ соціализму и борьба за него вытекаютъ изъ классовой психологіи пролетаріата. Какъ ни много точекъ соприкосновенія между классовой психологіей пролетаріата и безклассовой соціалистической психологіей, но между ними еще цѣлая пропасть.

Совмѣстная борьба противъ эксплуатаціи порождаетъ въ

душѣ рабочаго прекрасные ростки идеализма, товарищеской солидарности, личнаго самоотреченія,—но въ то же время индивидуальная борьба за существованіе, вѣчно отверстая пасть нищеты, дифференціація въ рядахъ самихъ рабочихъ, давленіе темныхъ массъ снизу, развращающая дѣятельность буржуазныхъ партій—не позволяютъ этимъ прекраснымъ росткамъ развиться до конца.

Но суть въ томъ, что даже оставаясь мѣщански-эгоистичнымъ, не превышая своей «человѣческой» цѣнностью среднихъ представителей буржуазныхъ классовъ, средній рабочій на опытѣ жизни убѣждается, что его примитивнѣйшія желанія и естественнѣйшія потребности могутъ получить удовлетвореніе только на развалинахъ капиталистическаго строя.

Идеалисты представляютъ себѣ то отдаленное будущее поколѣніе, которое сподобится соціализма, совершенно такъ же, какъ христіане представляютъ себѣ членовъ первыхъ христіанскихъ общинъ.

Какова бы ни была психологія первыхъ прозелитовъ христіанства—изъ Дѣяній апостольскихъ мы знаемъ, что бывали случаи утайки своего имущества отъ общины,—но во всякомъ случаѣ христіанство при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи не только не переродило души всего народа, но само переродилось, матеріализировалось и бюрократизировалось, отъ братскаго наставничества перешло къ папизму, отъ странническаго нищенства—къ монастырскому паразитизму, словомъ, не только не подчинило себѣ соціальныхъ условій той среды, въ которой распространялось, но само подчинилось имъ. И это произошло не вслѣдствіе неловкости или корысти отцовъ и учителей христіанства, а вслѣдствіе неотразимыхъ законовъ зависимости человѣческой психологіи отъ условій общественнаго труда и существованія. И эту зависимость показали на самихъ себѣ отцы и учителя христіанства.

Еслибъ соціализмъ думалъ создать новую человѣческую природу въ рамкахъ стараго общества, онъ былъ бы только новымъ изданіемъ моралистическихъ утопій... Соціализмъ ставитъ своей задачей не созданіе соціалистической психологіи, какъ предпосылки соціализма, а созданіе соціалистическихъ условій жизни, какъ предпосылки соціалистической психологіи.

---

8. Рабочее правительство въ Россіи и соціализмъ.

Выше мы показали, что объективныя предпосылки соціалистической революціи уже созданы экономическимъ развитіемъ передовыхъ капиталистическихъ странъ. Но что можно въ этомъ

отношеніи сказать относительно Россіи? Можно ли ожидать, что переходъ власти въ руки русскаго пролетаріата будетъ началомъ преобразованія нашего національнаго хозяйства на соціалистическихъ началахъ?

Годъ тому назадъ мы слѣдующимъ образомъ отвѣчали на эти вопросы въ статьѣ, подвергшейся жестокому обстрѣлу со стороны органовъ обѣихъ фракцій нашей партіи.

«Парижскіе рабочіе, говоритъ Марксъ, не требовали отъ Коммуны чудесъ. Нельзя ждать мгновенныхъ чудесъ отъ диктатуры пролетаріата и теперь. Государственная власть не всемогуща. Нелѣпо было бы думать, что стоитъ пролетаріату получить власть— и онъ путемъ нѣсколькихъ декретовъ замѣнитъ капитализмъ соціализмомъ. Экономическій строй не есть продуктъ дѣятельности государства. Пролетаріатъ сможетъ лишь со всей энергіей примѣнять государственную власть для того, чтобы облегчить и сократить путь хозяйственной эволюціи въ сторону коллективизма.

«Пролетаріатъ начнетъ съ тѣхъ реформъ, которыя входятъ въ такъ называемую, программу-minimum,—и непосредственно отъ нихъ, самой логикой своего положенія, вынужденъ будетъ переходить къ коллективистской практикѣ.

«Ввести 8-часовой рабочій день и подоходный налогъ съ быстро возрастающей прогрессіей будетъ сравнительно простымъ дѣломъ, хотя и здѣсь центръ тяжести лежитъ не въ изданіи «акта», а въ организаціи его практическаго проведенія. Но главная трудность—и вотъ переходъ къ коллективизму!—будетъ состоять въ организаціи производства за государственный счетъ въ тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, которые будутъ закрыты владѣльцами въ отвѣтъ на изданіе этихъ актовъ.

«Издать законъ объ уничтоженіи права наслѣдства и провести этотъ законъ на практикѣ будетъ опять-таки сравнительно простымъ дѣломъ; наслѣдства въ формѣ денежнаго капитала тоже не затруднятъ пролетаріата и не обременятъ его хозяйства. Но выступить наслѣдникомъ земельнаго и промышленнаго капитала значитъ для рабочаго государства взять на себя организацію хозяйства за общественный счетъ.

«То же самое, но въ болѣе широкомъ объемѣ, слѣдуетъ сказать объ экспропріаціи—съ выкупомъ или безъ выкупа. Экспропріація съ выкупомъ представляетъ политическія выгоды, но финансовыя затрудненія: экспропріація безъ выкупа представляетъ финансовыя выгоды, но политическія затрудненія. Но выше тѣхъ и другихъ затрудненій будутъ трудности хозяйственныя, организаторскія.

«Повторяемъ: правительство пролетаріата не означаетъ правительства чудесъ.

«Обобществленіе производства начинается съ тѣхъ отраслей,

которыя представятъ наименьше затрудненій. Въ первый періодъ обобществленное производство будетъ представлять собой оазисы, связанные съ частными хозяйственными предпріятіями законами товарнаго обращенія. Чѣмъ шире будетъ поле, уже захваченное обобществленнымъ хозяйствомъ, тѣмъ очевиднѣе будутъ его выгоды, тѣмъ прочнѣе будетъ себя чувствовать новый политическій режимъ, тѣмъ смѣлѣе будутъ дальнѣйшія хозяйственныя мѣропріятія пролетаріата. Въ этихъ мѣропріятіяхъ онъ сможетъ и будетъ опираться не только на національныя производительныя силы, но и на интернаціональную технику, подобно тому, какъ въ своей революціонной политикѣ онъ опирается не только на опытъ національныхъ классовыхъ отношеній, но и на весь историческій опытъ международнаго пролетаріата».

Политическое господство пролетаріата несовмѣстимо съ его экономическимъ рабствомъ. Подъ какимъ бы политическимъ знаменемъ пролетаріатъ ни оказался у власти, онъ вынужденъ будетъ стать на путь соціалистической политики. Величайшей утопіей нужно признать мысль, будто пролетаріатъ поднятый на высоту государственнаго господства внутренней механикой буржуазной революціи, сможетъ, если даже захочетъ, ограничить свою миссію созданіемъ республиканско-демократической обстановки для соціальнаго господства буржуазіи. Политическое господство пролетаріата, хотя бы и временное, крайне ослабитъ сопротивленіе капитала, всегда нуждающагося въ поддержкѣ государственной власти, и придастъ грандіозные размѣры экономической борьбѣ пролетаріата. Рабочіе не смогутъ не требовать отъ революціонной власти поддержки стачечниковъ, и правительство, опирающееся на пролетаріатъ, не сможетъ въ такой поддержкѣ отказать. Но это значитъ парализовать вліяніе резервной арміи труда, сдѣлать рабочихъ господами не только въ политической, но и въ экономической области, превратить частную собственность на средства производства въ фикцію. Эти неизбѣжныя соціально-экономическія послѣдствія диктатуры пролетаріата проявятся немедленно — гораздо раньше, чѣмъ будетъ закончена демократизація политическаго строя. Грань между «минимальной» и «максимальной» программой стирается, какъ только у власти становится пролетаріатъ.

Пролетарскій режимъ на первыхъ же порахъ долженъ будетъ приняться за разрѣшеніе аграрнаго вопроса, съ которымъ связанъ вопросъ о судьбѣ огромныхъ массъ населенія Россіи. Въ рѣшеніи этого вопроса, какъ и всѣхъ другихъ, пролетаріатъ будетъ исходить изъ основного стремленія своей экономической политики: овладѣть какъ можно большимъ полемъ для организаціи соціалистическаго хозяйства,—причемъ формы и темпъ этой политики въ аграрномъ вопросѣ должны опредѣляться какъ тѣми мате-

ріальными рессурсами, которыми сможетъ овладѣть пролетаріатъ, такъ и необходимостью располагать свои дѣйствія такъ, чтобъ не отталкивать въ ряды контръ-революціонеровъ возможныхъ союзниковъ

Само собою, разумѣется, что аграрный вопросъ, т.-е. вопросъ о судьбѣ земледѣльческаго хозяйства и его общественныхъ отношеній, вовсе не покрывается земельнымъ вопросомъ, т.-е. вопросомъ о формахъ земельной собственности. Но несомнѣнно, что рѣшеніе земельнаго вопроса, если и не предрѣшитъ аграрной эволюціи, то предрѣшитъ аграрную политику пролетаріата; другими словами, то назначеніе, которое пролетарскій режимъ дастъ землѣ, должно быть связано съ его общимъ отношеніемъ къ ходу и потребностямъ сельско-хозяйственнаго развитія. Поэтому земельный вопросъ станетъ въ первую очередь.

Одно изъ рѣшеній, которому соціалисты-революціонеры придали далеко не безупречную популярность, это соціализація всей земли; будучи освобождена отъ европейскаго грима, она означаетъ не что иное, какъ «уравнительное землепользованіе», или Черный Передѣлъ. Программа уравнительнаго передѣла предполагаетъ, такимъ образомъ, экспропріацію всѣхъ земель—не только частновладѣльческихъ вообще, не только частновладѣльческихъ-крестьянскихъ, но и общинныхъ. Если принять во вниманіе, что эта экспропріація должна быть проведена съ первыхъ шаговъ новаго режима, при полномъ еще господствѣ товарно-капиталистическихъ отношеній, то окажется, что первыми «жертвами» экспропріаціи окажутся или, вѣрнѣе, почувствуютъ себя крестьяне. Если принять во вниманіе, что крестьяне въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій выплачивали выкупные платежи, которые должны были превратить надѣльную землю въ ихъ собственность; если принять во вниманіе, что отдѣльные болѣе зажиточные крестьяне, несомнѣнно, при помощи большихъ жертвъ, принесенныхъ еще живущимъ поколѣніемъ, пріобрѣли въ собственность огромную площадь земли,—то легко себѣ представить, какое сопротивленіе вызоветъ отчужденіе общинныхъ и мелкихъ частновладѣльческихъ участковъ въ государственную собственность! Идя такимъ путемъ, новый режимъ началъ бы съ того, что возстановилъ бы противъ себя огромныя массы крестьянства.

Во имя чего общиные и мелкіе собственническіе участки будутъ превращены въ государственную собственность? Чтобъ тѣмъ или другимъ путемъ предоставить ее для «уравнительной» хозяйственной эксплуатаціи всѣмъ земледѣльцамъ, въ томъ числѣ и нынѣшнимъ безземельнымъ крестьянамъ и батракамъ. Такимъ образомъ, въ хозяйственномъ отношеніи новый режимъ ничего не выиграетъ отъ экспропріаціи мелкихъ и общинныхъ участковъ, такъ какъ и послѣ передѣла государственная или обще-

ственная земля поступитъ въ частно-хозяйственную обработку. Въ политическомъ же отношеніи новый режимъ сдѣлаетъ величайшій промахъ, такъ какъ сразу враждебно противопоставитъ крестьянскую массу городскому пролетаріату, какъ руководителю революціонной политики.

Далѣе. Уравнительное распредѣленіе предполагаетъ законодательное воспрещеніе примѣненія наемнаго труда. Уничтоженіе наемнаго труда можетъ и должно быть слѣдствіемъ хозяйственныхъ реформъ, но не можетъ быть предрѣшено юридическими запретами. Недостаточно запретить земледѣльцу-капиталисту нанимать рабочихъ, нужно предварительно создать для безземельныхъ батраковъ возможность существованія—притомъ существованія раціональнаго съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія. Между тѣмъ, при программѣ уравнительнаго землепользованія воспретить примѣненіе наемнаго труда значитъ, съ одной стороны, обязать безземельныхъ батраковъ сѣсть на клочекъ земли, значитъ, съ другой стороны, для государства обязаться снабдить этого батрака необходимымъ инвентаремъ для его общественно-нераціональнаго производства.

Разумѣется, вмѣшательство пролетаріата въ организацію сельскаго хозяйства начнется не съ прикрѣпленія разрозненныхъ работниковъ къ разрозненнымъ клочкамъ земли, а съ эксплуатаціи крупныхъ имѣній за государственный или коммунальный счетъ.

Только въ томъ случаѣ, если такое обобществленное производство станетъ прочно на ноги, процессъ дальнѣйшей соціализаціи сможетъ быть двинутъ впередъ воспрещеніемъ примѣненія наемнаго труда. Этимъ путемъ сдѣлается невозможнымъ мелкое капиталистическое земледѣліе, но останется еще поле для продовольственныхъ и полу-продовольственныхъ хозяйствъ, насильственная экспропріація которыхъ никоимъ образомъ не входитъ въ планы соціалистическаго пролетаріата.

Во всякомъ случаѣ пролетаріатъ никоимъ образомъ не сможетъ принять къ руководству программу «уравнительнаго распредѣленія», которая, съ одной стороны, предполагаетъ безцѣльную, чисто формальную экспропріацію мелкихъ собственниковъ, съ другой стороны, требуетъ вполнѣ реальнаго раздробленія крупныхъ имѣній на мелкія части. Такая политика, будучи непосредственно хозяйственно-расточительной, имѣла бы въ своей основѣ реакціонно-утопическую заднюю мысль и сверхъ всего политически ослабила бы революціонную партію.

Но какъ далеко можетъ зайти соціалистическая политика рабочаго класса въ хозяйственныхъ условіяхъ Россіи? Можно одно

сказать съ увѣренностью: она натолкнется на политическія препятствія гораздо раньше, чѣмъ упрется въ техническую отсталость страны. Безъ прямой государственной поддержки европейскаго пролетаріата рабочій классъ Россіи, не сможетъ удержаться у власти и превратить свое временное господство въ длительную соціалистическую диктатуру. Въ этомъ нельзя сомнѣваться ни одной минуты. Но съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ томъ, что соціалистическая революція на Западѣ позволитъ намъ непосредственно и прямо превратить временное господство рабочаго класса въ соціалистическую диктатуру.

Въ 1904 г., разсуждая о перспективахъ соціальнаго развитія и считаясь съ близкой возможностью революціи въ Россіи, Каутскій писалъ: «Революція въ Россіи не могла бы немедленно установить соціалистическій режимъ. Для этого экономическія условія страны еще далеко не зрѣлы». Но русская революція должна будетъ дать сильный толчокъ пролетарскому движенію остальной Европы и въ результатѣ разгорѣвшейся борьбы пролетаріатъ можетъ занять господствующее положеніе въ Германіи. «Такой исходъ, продолжаетъ Каутскій, долженъ будетъ оказать вліяніе на всю Европу, долженъ будетъ повлечь за собой политическое господство пролетаріата въ Западной Европѣ и создать восточноевропейскому пролетаріату возможность сократить стадіи своего развитія и, подражая нѣмецкому примѣру, искусственно создать соціалистическія учрежденія. Общество въ цѣломъ не можетъ искусственно перескочить черезъ отдѣльныя стадіи развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ составныхъ частей, которыя могутъ ускорить свое отсталое развитіе подражаніемъ передовымъ странамъ и, благодаря этому, даже стать во главѣ развитія, потому что онѣ не обременены балластомъ традицій, который тащатъ съ собой старыя націи... Это можетъ случиться, пишетъ далѣе Каутскій. Но, какъ уже сказано, мы здѣсь уже оставили область поддающейся изученію необходимости; здѣсь мы находимся уже въ области возможнаго. Поэтому все можетъ произойти и иначе». [1])

Эти строки теоретикъ нѣмецкой соціалдемократіи писалъ въ то время, когда для него стояло еще подъ вопросомъ, возникнетъ ли революція раньше въ Россіи или на Западѣ.

Послѣ того русскій пролетаріатъ проявилъ такую колоссальную силу, какой не ожидали отъ него наиболѣе оптимистически настроенные русскіе соціалдемократы. Ходъ россійской революціи опредѣлился въ своихъ основныхъ чертахъ. То что два—три

[1]) К. Каутскій. «Революціонныя перспективы», Кіевъ, 1906.

года тому назадъ было или казалось возможностью стало близкой вѣроятностью; и все говоритъ за то, что эта вѣроятность готова стать необходимостью.

---

9. Европа и революція.

Въ іюнѣ 1905 года мы писали:

«Послѣ 48-го года прошло больше полустолѣтія. Полвѣка непрестанныхъ завоеваній капитализма во всемъ мірѣ. Полвѣка «органическаго» взаимоприспособленія силъ буржуазной реакціи и силъ реакціи феодальной. Полвѣка, въ теченіи котораго буржуазія обнажила свою бѣшеную жажду господства и свою готовность бѣшено бороться за него!

«Какъ фантастъ-механикъ въ погонѣ за regretuum mobile натыкается на все новыя и новыя препятствія и нагромождаетъ механизмъ на механизмъ для ихъ преодолѣнія, такъ буржуазія измѣняла и перестраивала аппаратъ своего господства, избѣгая «внѣправовыхъ» столкновеній съ враждебною ей силой. Но какъ самоучка-механикъ въ концѣ-концовъ наталкивается на послѣднее непреодолимое препятствіе: законъ сохраненія энергіи, такъ буржуазія должна натолкнуться на послѣднюю неумолимую преграду: классовый антагонизмъ, неизбѣжно разрѣшающійся столкновеніемъ.

«Навязывая всѣмъ странамъ способъ своего хозяйства и своихъ сношеній, капитализмъ превратилъ весь міръ въ одинъ экономическій и политическій организмъ. Подобно тому, какъ современный кредитъ, связывающій тысячи предпріятій невидимой связью и придающій изумительную подвижность капиталу, устраняетъ многіе мелкіе частные крахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ небывалый размахъ общимъ хозяйственнымъ кризисамъ, такъ и вся экономическая и политическая работа капитализма, съ его міровой торговлей, системой чудовищныхъ государственныхъ долговъ и политическими группировками странъ, вовлекшая всѣ реакціонныя силы въ одно всемірное товарищество на паяхъ, не только противодѣйствовала всѣмъ частнымъ политическимъ кризисамъ, но и подготовила базу для соціальнаго кризиса неслыханныхъ размѣровъ. Вгоняя внутрь всѣ болѣзненные процессы, обходя всѣ трудности, отодвигая всѣ глубокіе вопросы внутренней и международной политики, затушевывая всѣ противорѣчія, буржуазія отдаляла развязку, подготовляя тѣмъ самымъ радикальную міровую ликвидацію своего господства. Она жадно цѣплялась за всякую реакціонную силу, не справляясь объ ея происхожденіи. Папа и султанъ были не послѣдними изъ ея друзей.

Она не связывала себя узами «дружбы» съ китайскимъ богдыханомъ только потому, что онъ не представляетъ собой силы: буржуазіи было выгоднѣе расхищать его владѣнія, чѣмъ содержать его на должности всемірнаго жандарма, оплачивая его расходы изъ своихъ сундуковъ. Такимъ образомъ, міровая буржуазія поставила устойчивость своей государственной системы въ глубокую зависимость отъ устойчивости до-буржуазныхъ оплотовъ реакціи.

«Это съ самаго начала придаетъ развертывающимся событіямъ интернаціональный характеръ и открываетъ величайшую перспективу: политическое раскрѣпощеніе, руководимое рабочимъ классомъ Россіи, поднимаетъ руководителя на небывалую въ исторіи высоту, передаетъ въ его руки колоссальныя силы и средства и дѣлаетъ его иниціаторомъ міровой ликвидаціи капитализма, для которой исторія создала всѣ объективныя предпосылки» [1]).

Если россійскій пролетаріатъ, временно получивши въ свои руки власть, не перенесетъ по собственной иниціативѣ революцію на почву Европы, его в ы н у д и т ъ къ этому европейская феодально-буржуазная реакція.

Разумѣется, было бы праздным дѣломъ предопредѣлять теперь тѣ пути, какими русская революція перебросится въ старую капиталистическую Европу: эти пути могутъ оказаться совершенно неожиданными. Скорѣе для иллюстраціи мысли, чѣмъ въ видѣ предсказанія мы остановимся на Польшѣ, какъ на соединительномъ звенѣ между революціоннымъ востокомъ и революціоннымъ западомъ.

Торжество революціи въ Россіи означаетъ неизбѣжно побѣду революціи въ Польшѣ. Не трудно себѣ представить, что революціонный режимъ въ десяти польскихъ губерніяхъ русскаго захвата, неизбѣжно поставитъ на ноги Галицію и Познань. Правительства Гогенцоллерна и Габсбурга отвѣтятъ на это тѣмъ, что стянутъ военныя силы къ польской границѣ, чтобы затѣмъ перешагнуть черезъ нее и раздавить врага въ его центрѣ—Варшавѣ. Ясно, что русская революція не сможетъ оставить въ рукахъ прусско-австрійской солдатчины свой западный авангардъ. Война съ правительствами Вильгельма II и Франца-Іосифа станетъ при такихъ условіяхъ закономъ самосохраненія для революціоннаго правительства Россіи. Какое положеніе займетъ при этомъ германскій и австрійскій пролетаріатъ? Ясно, что онъ не сможетъ оставаться спокойнымъ наблюдателемъ контръ-революціоннаго крестоваго похода своихъ національныхъ армій. Война феодально-буржуазной Германіи противъ революціонной Россіи означаетъ

---

[1]) «См. мое предисловіе» къ «Рѣчи передъ судомъ присяжныхъ» Ф. Лассаля, изд. «Молотъ».

неизбѣжно пролетарскую революцію въ Германіи. Кому такое утвержденіе покажется слишкомъ категорическимъ, тому мы предложимъ представить себѣ другое историческое событіе, которое болѣе было бы способно толкнуть германскихъ рабочихъ и германскую реакцію на путь открытаго соразмѣренія силъ.

Когда наше октябрьское министерство неожиданно объявило Польшу на военномъ положеніи, распространились весьма правдоподобные слухи, что это сдѣлано по прямому приказанію изъ Берлина. Наканунѣ разгона Думы правительственная газета, въ формѣ угрозы, сообщила о переговорахъ берлинскаго и вѣнскаго правительствъ на счетъ вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи съ цѣлью подавленія смуты. Никакія министерскія опроверженія не могли затѣмъ изгладить потрясающаго впечатлѣнія этого сообщенія. Было ясно, что во дворцахъ трехъ сосѣднихъ странъ подготовляется кровавая контръ-революціонная расправа. Да и могло ли быть иначе? Могутъ ли сосѣднія полуфеодальныя монархіи пассивно смотрѣть, какъ пламя революціи лижетъ границы ихъ владѣній.

Еще далекая отъ побѣды русская революція черезъ Польшу уже успѣла отразиться въ Галиціи. «Кто годъ тому назадъ могъ предвидѣть то, что сейчасъ происходитъ въ Галиціи,—воскликнулъ Дашинскій въ маѣ этого года на львовскомъ съѣздѣ польской соціалдемократіи, — это величественное крестьянское движеніе, приведшее въ изумленіе всю Австрію! Зборацъ избираетъ соціалдемократа вице-маршаломъ окружного совѣта. Крестьяне редактируютъ для крестьянъ соціалистически-революціонную газету и называютъ ее «Красное Знамя», собираются тридцатитысячные крестьянскіе митинги, шествія съ красными знаменами и революціонными пѣснями тянутся по галиційскимъ деревнямъ, до сихъ поръ такимъ спокойнымъ, такимъ апатичнымъ... Что будетъ, когда до этихъ нищихъ крестьянъ дойдетъ изъ Россіи кличъ націонализаціи земли!»

Больше двухъ лѣтъ тому назадъ, въ своей полемикѣ съ польскимъ соціалистомъ Люсней, Каутскій доказывалъ, что теперь нельзя уже видѣть въ Россіи ядро на ногахъ Польши, а эту послѣднюю разсматривать, какъ восточный отрядъ революціонной Европы, врѣзавшійся въ степи московскаго варварства. Въ случаѣ развитія и побѣды русской революціи «польскій вопросъ, по словамъ Каутскаго, снова обострится, но не въ томъ смыслѣ, какъ думаетъ Люсня; его шипы будутъ направлены не противъ Россіи, а противъ Австріи и Германіи и, поскольку Польша будетъ служить дѣлу революціи, ей придется защищать революцію не отъ Россіи, а изъ Россіи нести ее въ Австрію и Германію». Это предсказаніе оказывается теперь гораздо ближе къ осуществленію, чѣмъ могъ думать самъ Каутскій.

Но революціонная Польша вовсе не единственный возможный исходный пунктъ европейской революціи. Выше мы уже сказали, что буржуазія систематически уклонялась въ теченіе ряда десятилѣтій отъ разрѣшенія сколько-нибудь сложныхъ и острыхъ вопросовъ не только внутренней, но и внѣшней политики. Ставя подъ ружье колоссальныя массы людей, буржуазныя правительства не имѣютъ, однако, рѣшимости разрубать запутанные вопросы международной политики мечемъ. Посылать сотни тысячъ людей въ огонь можетъ либо правительство, чувствующее за собой поддержку націи, затронутой въ своихъ жизненныхъ интересахъ, либо правительство, потерявшее всякую почву подъ ногами и охваченное мужествомъ отчаянія. Только глубокая увѣренность и только безумный азартъ могутъ въ современныхъ условіяхъ политической культуры и военной техники, всеобщаго избирательнаго права и всеобщей воинской повинности, толкнуть двѣ націи другъ на друга. Въ прусско-французской войнѣ 1870 г. мы видимъ на одной сторонѣ Бисмарка, который борется за пруссифицированіе, т.-е. все же за національное объединеніе Германіи,—элементарная потребность, которую чувствовалъ каждый нѣмецъ; на другой сторонѣ—правительство Наполеона III, наглое, безсильное, презираемое народомъ, готовое на всякую авантюру, которая могла бы обѣщать въ результатѣ еще двѣнадцать мѣсяцевъ жизни. Такимъ же образомъ распредѣлились роли и въ русско-японской войнѣ: съ одной стороны, правительство Микадо, которое борется за власть японскаго капитала надъ Восточной Азіей и которому не противостоитъ еще сильный революціонный пролетаріатъ; съ другой стороны, прежившее себя самодержавное правительство, которое стремилось внѣшними побѣдами искупить свои внутреннія пораженія.

Въ старыхъ капиталистическихъ странахъ нѣтъ такихъ «національныхъ» потребностей, т.-е. потребностей всего буржуазнаго общества въ цѣломъ, носительницей которыхъ являлась бы правящая буржуазія. Правительства Англіи, Франціи, Германіи или Австріи неспособны уже вести національныя войны. Жизненныя нужды народныхъ массъ, интересы угнетенныхъ національностей или варварская внутренняя политика сосѣдней страны не способны толкнуть ни одно изъ буржуазныхъ правительствъ на путь войны, которая въ этомъ случаѣ имѣла бы освободительный и потому національный характеръ. Съ другой стороны, интересы капиталистическаго хищничества, которые такъ часто заставляютъ то одно, то другое правительство на глазахъ всего міра примѣривать шпоры и точить мечъ, совершенно не способны вызвать сочувственный откликъ въ народныхъ массахъ. Такимъ образомъ, буржуазія либо не можетъ, либо не хочетъ вызвать и провести національную войну. Къ чему приводятъ въ

современныхъ условіяхъ антинаціональныя войны, это въ послѣднее время показали два опыта: одинъ—на югѣ Африки, другой—на востокѣ Азіи. Жестокій разгромъ имперіалистскаго консерватизма въ Англіи не въ послѣдней мѣрѣ обязанъ уроку англо-бурской войны; другимъ гораздо болѣе важнымъ и угрожающимъ англійской буржуазіи послѣдствіемъ имперіалистической политики является политическое самоопредѣленіе англійскаго пролетаріата, которое, разъ начавшись, пойдетъ впередъ семимильными шагами. О послѣдствіяхъ русско-японской войны для петербургскаго правительства напоминать не приходится. Но и безъ этихъ двухъ послѣднихъ опытовъ европейскія правительства съ тѣхъ поръ, какъ пролетаріатъ сталъ на ноги, все болѣе и болѣе страшатся ставить его предъ дилеммой: война или революція. Именно страхъ предъ возстаніемъ пролетаріата заставляетъ буржуазныя партіи, вотирующія чудовищныя суммы на военные расходы, торжественно манифестировать въ пользу мира, мечтать о международныхъ примирительныхъ камерахъ, даже объ организаціи Соединенныхъ Штатовъ Европы—жалкая декламація, которая не можетъ, разумѣется, устранить ни антагонизма государствъ, ни вооруженныхъ столкновеній.

Вооруженный миръ, установившійся въ Европѣ послѣ франко-прусской войны, опирался на систему европейскаго равновѣсія, которая предполагала не только неприкосновенность Турціи, расчлененіе Польши, сохраненіе Австріи, этой этнографической мантіи арлекина, но и существованіе русскаго деспотизма въ роли вооруженнаго до зубовъ жандарма европейской реакціи. Русско-японская война нанесла жестокій ударъ искусственно сохранявшейся системѣ, въ которой самодержавіе занимало первенствующее положеніе. Россія оказалась на неопредѣленное время вычеркнутою изъ такъ называемаго концерта державъ. Равновѣсіе нарушилось. Съ другой стороны, успѣхи Японіи разожгли завоевательные инстинкты капиталистической буржуазіи, особенно биржи, играющей въ современной политикѣ колоссальную роль. Возможность войны на европейской территоріи выросла въ огромной степени. Конфликты назрѣваютъ здѣсь и тамъ, и если до сегодняшняго дня они улаживались дипломатическими средствами, то ничто не обезпечиваетъ завтрашняго дня. Но европейская война неизбѣжно означаетъ европейскую революцію.

Уже во время русско-японской войны соціалистическая партія Франціи заявила, что въ случаѣ вмѣшательства французскаго правительства въ пользу самодержавія, она призоветъ пролетаріатъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ—вплоть до возстанія. Въ мартѣ 1906 г., когда назрѣвалъ франко-германскій конфликтъ по поводу Марокко, интернаціональное соціалистическое бюро постановило въ случаѣ опасности войны «установить для всей

интернаціональной соціалистической партіи и всего организованнаго рабочаго класса методъ дѣйствія, наиболѣе пригодный для предупрежденія и пресѣченія войны». Разумѣется, это только резолюція. Чтобы провѣрить ея дѣйствительное значеніе, нужна война. У буржуазіи есть всѣ основанія избѣгать этого опыта Но къ несчастью для нея логика международныхъ отношеній сильнѣе логики дипломатовъ.

Государственное банкротство Россіи, будетъ ли оно вызвано затянувшимся хозяйничаньемъ бюрократіи, будетъ ли оно объявлено революціоннымъ правительствомъ, которое не захочетъ отвѣчать за грѣхи стараго режима,—государственное банкротство Россіи страшнымъ сотрясеніемъ отразится во Франціи. Радикалы, въ рукахъ которыхъ теперь политическія судьбы Франціи, вмѣстѣ съ властью взяли на себя всѣ охранительныя функціи, въ томъ числѣ и заботу объ интересахъ капитала. Есть поэтому серьезныя основанія предполагать, что финансовый крахъ, вызванный банкротствомъ Россіи, непосредственно превратится во Франціи въ острый политическій кризисъ, который закончится лишь съ переходомъ власти въ руки пролетаріата. Такъ или иначе—черезъ посредство революціонной Польши, вслѣдствіе европейской войны или какъ результатъ государственнаго банкротства Россіи—революція перебросится на территорію старой капиталистической Европы.

Но и безъ внѣшняго давленія такихъ событій, какъ война или банкротство, революція можетъ въ ближайшемъ будущемъ возникнуть въ одной изъ европейскихъ странъ въ результатѣ крайняго обостренія классовой борьбы. Мы не станемъ здѣсь строить предположеній о томъ, какая изъ европейскихъ странъ выступитъ на путь революціи въ первую очередь; но несомнѣнно, что классовыя противорѣчія во всѣхъ странахъ достигли за послѣдніе годы высокой степени напряженія.

Въ Германіи колоссальный ростъ соціалдемократіи въ рамкахъ полуабсолютистской конституціи съ желѣзной необходимостью ведетъ пролетаріатъ къ открытому столкновенію съ феодально-буржуазной монархіей. Вопросъ объ отпорѣ государственному перевороту посредствомъ всеобщей стачки сталъ за послѣдній годъ центральнымъ вопросомъ политической жизни германскаго пролетаріата. Во Франціи переходъ власти къ радикаламъ рѣшительно развязываетъ руки пролетаріату, связанныя въ теченіе долгаго времени сотрудничествомъ съ буржуазными партіями въ дѣлѣ борьбы съ націонализмомъ и клерикализмомъ; соціалистическій пролетаріатъ, богатый неумирающими традиціями четырехъ революцій, и консервативная буржуазія подъ партійной маской радикализма стоятъ лицомъ къ лицу. Въ Англіи, гдѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія двѣ буржуазныя партіи правильно рас-

качивались на качели парламентаризма, начался въ самое послѣднее время подъ вліяніемъ цѣлаго ряда причинъ процессъ политическаго обособленія пролетаріата. Если въ Германіи этотъ процессъ потребовалъ четырехъ десятилѣтій, то англійскій рабочій классъ, обладающій могучими профессіональными союзами и богатымъ опытомъ экономической борьбы, можетъ въ нѣсколько скачковъ догнать армію континентальнаго соціализма.

Вліяніе русской революціи на европейскій пролетаріатъ огромно. Помимо того, что она разрушаетъ петербургскій абсолютизмъ, главную силу европейской реакціи, она создаетъ, кромѣ того, необходимыя революціонныя предпосылки въ сознаніи и настроеніи европейскаго рабочаго класса.

Задача соціалистической партіи состояла и состоитъ въ томъ, чтобъ революціонизировать сознаніе рабочаго класса, какъ развитіе капитализма революціонизировало соціальныя отношенія. Но агитаціонная и организаціонная работа въ рядахъ пролетаріата имѣетъ свою внутреннюю косность. Европейскія соціалистическія партіи—и въ первую голову наиболѣе могучая изъ нихъ, германская—выработали свой консерватизмъ, который тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія массы захватываетъ соціализмъ и чѣмъ выше организованность и дисциплина этихъ массъ. Въ силу этого соціалдемократія, какъ организація, воплощающая политическій опытъ пролетаріата, можетъ стать въ извѣстный моментъ непосредственнымъ препятствіемъ на пути открытаго столкновенія рабочихъ съ буржуазной реакціей. Другими словами, пропагандистско-соціалистическій консерватизмъ пролетарской партіи можетъ въ извѣстный моментъ задерживать прямую борьбу пролетаріата за власть. Огромное вліяніе русской революціи сказывается въ томъ, что она убиваетъ партійную рутину, разрушаетъ консерватизмъ и ставитъ на очередь дня вопросы открытаго соразмѣренія силъ пролетаріата и капиталистической реакціи. Борьба за всеобщее избирательное право въ Австріи, Саксоніи и Пруссіи обострилась подъ прямымъ вліяніемъ октябрьской стачки въ Россіи. Восточная революція заражаетъ западный пролетаріатъ революціоннымъ идеализмомъ и рождаетъ въ немъ желаніе заговорить съ врагами «по-русски».

Россійскій пролетаріатъ, оказавшись у власти, хотя бы лишь вслѣдствіи временной конъюнктуры нашей буржуазной революціи, встрѣтитъ организованную вражду со стороны міровой реакціи и готовность къ организованной поддержкѣ со стороны мірового пролетаріата. Предоставленный своимъ собственнымъ силамъ рабочій классъ Россіи будетъ неизбѣжно раздавленъ контръ-революціей въ тотъ моментъ, когда крестьянство отвернется отъ него. Ему ничего другого не останется, какъ связать судьбу своего политическаго господства и, слѣдовательно, судьбу всей россійской

революціи съ судьбой соціалистической революціи въ Европѣ. Ту колоссальную государственно-политическую силу, которую дастъ ему временная конъюнктура россійской буржуазной революціи, онъ обрушитъ на чашу вѣсовъ классовой борьбы всего капиталистическаго міра. Съ государственной властью въ рукахъ, съ контръ-революціей за спиной, съ европейской реакціей предъ собою, онъ броситъ своимъ собратьямъ во всемъ мірѣ старый призывный кличъ, который будетъ на этотъ разъ кличемъ послѣдней атаки: Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

2015188312